

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Выпуск 1 (40)

**Санкт-Петербург
Академический проект
1999**

Федеральная программа книгоиздания России

Р е д к о л л е г и я

академик Д. С. Лихачев, В. Э. Вацуро, С. А. Фомичев

Рецензент *А. А. Карпов*

Редактор *Д. М. Климова*

ISBN 5-7331-0129-6

© Коллектив авторов, 1999.

© Гуманитарное агентство «Академический проект»,
1999.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новое серийное издание Пушкинской комиссии Российской Академии наук продолжает традиции двух повременных академических изданий — «Пушкин и его современники» (1903—1930) и «Временник Пушкинской комиссии» (1963—1996). Первое из них, ставшее «повременным изданием комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук», насчитывало 39 выпусков, подготовленных под фактической редакцией члена-корреспондента АН СССР Б. Л. Модзалевского. Второе стало серийным изданием Пушкинской комиссии АН СССР, возобновившей работу в 1958 году под руководством академика М. П. Алексеева. По замыслу редактора, оно было призвано в первую очередь «всесторонне периодически отражать развитие пушкиноведения в Советском Союзе и за рубежом»¹. Непременными разделами «Временника» стали годичные библиографические обзоры исследовательской литературы о Пушкине и регистрация наиболее значительных текущих событий культуры, связанных с именем Пушкина, — работа пушкинских музеев, конференции и пушкинские праздники, сведения о новых памятниках поэту и т. п. (раздел «Хроника»). Постепенно, однако, «Временник» стал сборником научных пушкиноведческих работ. Материальные трудности в последнее время привели фактически к срыву этого ежегодного, по первоначальному замыслу, издания, библиографические и хроникальные сведения в котором стали носить неоправданно ретроспективный характер.

Между тем ощущается настоятельная необходимость в серийном издании Пушкинской комиссии РАН. Основным назначением ко-

¹ Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 7.

миссии по-прежнему остается координация научных сил для решения фундаментальных проблем науки о Пушкине. Главной из этих задач является подготовка нового академического Полного собрания сочинений, материалы для издания которого (текстологические и комментаторские) займут преобладающее место в новом серийном издании. Необходимо также собирать и накапливать новые материалы для «Летописи жизни и творчества Пушкина», особенно — связанные с обширным кругом знакомцев поэта. По-прежнему существенным останется библиографический раздел издания, основанный на коллекции пушкиноведческих работ, поступающих в Пушкинский кабинет Пушкинского Дома². Редколлегия серийного издания будет особенно заинтересованно относиться к поступающим статьям, посвященным иностранным рецепциям творчества Пушкина. Читатель найдет в издании материалы по истории отечественного пушкиноведения.

Все цитаты из прозведений Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, даются по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI; дополнительный, «справочный», том, вышедший в 1959 году, обозначается как том XVII), с указанием тома и страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 244, оп. 1) даются сокращенно: ПД с указанием номера единицы хранения и, в случае необходимости, соответствующего листа рукописи. Авторские ссылки приводятся под строкой, редакторские комментарии — за текстом статей.

Порядковая нумерация начинается с первого номера, в скобках указывается суммарный номер с учетом предыдущей серии «Пушкин и его современники».

² В последние годы, к сожалению, существенно нарушилось поступление научной литературы в Пушкинский Дом. Пользуясь случаем, редколлегия обращается к авторам и редакторам пушкиноведческих исследований, по возможности, направлять свои труды в Пушкинский кабинет, который является уникальным собранием пушкиноведческой литературы.

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

«ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ» В. И. ДАЛЯ

АВТОРИЗОВАННАЯ ПИСАРСКАЯ КОПИЯ

*Вступительная заметка,
публикация и комментарии Ю. П. Фесенко*

В перечне приобретений Публичной библиотеки за 1896 год читаем: «Воспоминания о Пушкине. В. И. Даля. В 4-ю д. л., 10 листов. Рукопись, переписанная писцом и содержащая несколько поправок, сделанных рукою Даля. Воспоминания эти напечатаны Л. Н. Майковым (см. его книгу: Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки, СПб., 1899. С. 416—421)»¹. Уточним: рукою Даля сделаны не только исправления, но и написано заглавие; сами же «Воспоминания о Пушкине» были опубликованы Л. Н. Майковым еще в 1890 году благодаря любезности родственников известного пушкиниста П. В. Анненкова, которому первоначально принадлежал список². Предложенный Л. Н. Майковым вариант текста стал каноническим и без каких-либо существенных видоизменений воспроизводится в печати вплоть до наших дней. Однако сличение с оригиналом, хранящимся в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки³, обнаруживает ряд несоответствий и пропусков, что, впрочем, было присуще редакторской практике Л. Н. Майкова при всей важности его научного вклада в литературоведение⁴.

Два слова о реальной основе воспоминаний. В 1833 году, приступив к работе над «Историей Пугачева», Пушкин почувствовал необходимость ознакомиться с казачьим бытом и фольклором. Позднее поэт писал: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою»⁵. Принято считать, что в Оренбург Пушкин приехал 18 сентября, 20 сентября отбыл в Уральск, а 23 сентября отправился оттуда в Болдино⁶. Решение о поездке в

Оренбург у Пушкина созрело окончательно после назначения сюда военным губернатором В. А. Перовского, с которым он был коротко знаком. Тем более что чиновником особых поручений при Перовском служил выдающийся этнограф и фольклорист В. И. Даль.

Как явствует из воспоминаний Даля, он активно помогал Пушкину собирать материалы о Пугачеве. К сожалению, при публикации текста Л. Н. Майков выпустил те указания и фрагменты, которые проливают дополнительный свет на характер взаимоотношений Даля и Пушкина, а также на специфику интересовавших Пушкина материалов. Из печатного варианта исчезает, например, свидетельство Даля о том, что он «перевез» Пушкина от Перовского «к себе». Исследователи не так давно писали уже об этом⁷. А еще ранее Н. А. Заозерский напечатал «привез»⁸. Возможно, Л. Н. Майков хотел избежать резкого расхождения с отличающимся утверждением Перовского. В ответ на полученную через месяц после отъезда Пушкина официальную бумагу об установлении за ним негласного полицейского надзора Перовский, желая, видимо, прекратить всякие кривотолки на этот счет, заявил, что Пушкин останавливался у него в доме⁹. Между тем Перовский и не мог поселить у себя Пушкина, так как еще не окончательно определился с местом жительства к тому времени¹⁰. Безусловно, проживание Пушкина в доме Даля подтверждает их достаточно доверительные, дружеские отношения.

С легкой руки первого публикатора текста из «Воспоминаний о Пушкине» исчезает фрагмент (перед словами: «Мы поехали в Берды»), а на его месте утверждается многоточие¹¹. Л. Н. Майков выпустил отрывок, вероятно, по цензурным соображениям — ведь в нем было заключено народное предание о Пугачеве. Именно такие острые рассказы и интересовали поэта прежде всего. Изъятие фрагмента нарушало цельность воспоминаний. В оригинале фрагмент на л. 2 отчеркнут карандашом, а на л. 4 — чернилами. Проставленная при этом звездочка (у нас — две звездочки) позволяет вынести фрагмент в сноску.

На левом поле последней страницы имеется запись: «Десять (10) листов. Библ. И. Бычков»; в нижнем правом углу тем же почерком обозначено: 1896/№ 13. В настоящее время листы вложены один в другой, но когда-то тетрадь была сшитой, о чем свидетельствуют следы на сгибах листов. Тетрадь была и пообъемистой: на нынешней первой странице в левом верхнем углу сохранилась цифра «3», а перечеркнутая полистная нумерация внизу начинается с цифры «4» и заканчивается цифрой «13».

Даль правил писарскую копию дважды: сначала чернилами, а затем карандашом. Карандашная правка наносится иногда поверх чернильной. В ее позднем происхождении убеждает и привносимая через нее итоговость, например, фраза о пушкинском сюртуке: «Я подарил его М. П. Погодину» (л. 8 об.). В письме Даля к М. П. Погодину от 10 июня 1848 года сказано: «Спешу уведомить вас, что отправил к вам тюк, в котором найдете сюртук А. С. Пушкина простреленный, стихотворения его...»; вскоре М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву: «Утро было преумилительное: я получил от Даля окровавленный сюртук Пушкина и тетрадь его рукописных стихотворений...»¹². Следовательно, карандашная правка произведена не ранее июня 1848 года¹³. Непонятно, почему Л. Н. Майков вынес в сноску это вставленное в текст уточнение, хотя и сопроводил его справедливым указанием: «Позднейшее примечание Даля»¹⁴. В современных изданиях сноска сохранена, а примечание первого публикатора опущено.

«Воспоминания о Пушкине» создавались в конце 1840 — начале 1841 года. Даль пишет о своей поездке с Пушкиным в Берды в 1833 году. «...этому прошло уже семь лет» (л. 7 об.). Правда, слово «семь» перечеркнуто карандашом и над ним написано «много». Думается, справедливо в публикациях текста это позднейшее исправление не учтено.

Необходимо восстановить и зачеркнутый чернилами на л. 6—6 об. рукописи фрагмент (после слов: «не дается в руки, нет!»). Полагаем, Даль счел нескромным приводить прямую речь поэта, имеющую непосредственное отношение к его собственным словарным изысканиям. У нас этот восстановленный фрагмент заключен в квадратные скобки.

Дважды Даль намеренно указывает неточные даты. Обозначая, например, год пребывания Пушкина в Оренбурге, он изменяет чернилами последнюю цифру в дате 1833 на «4» (л. 1). Это исправление тесно связано с другой заведомо неверной датой: говоря о суеверии Пушкина, помешавшем ему приехать из ссылки в Петербург накануне восстания декабристов, Даль указывает 1826 год (л. 9). Вероятно, он хотел дезориентировать предполагаемого недоброжелательного читателя рукописных «Воспоминаний». Повышенная осторожность является, скажем прямо, одной из примет бумаг Даля. Ведь в 1823 году из-за отсутствия простой осмотрительности он был арестован и судим в результате незаконного обыска, коварно произведенного в его доме в его отсутствие и приведшего к обнаружению обличитель-

ных эпиграмм на главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала А. С. Грейга¹⁵. О пристальном интересе Третьего отделения к Далу свидетельствовал запрет выпущенных им сказок и вызванный этим его повторный арест в 1832 году¹⁶.

1826 год отводил даже тень подозрения в какой-либо связи расейного, беззаботного мемуариста с декабризмом¹⁷. 1834 год как бы снимал вопрос об особой поддержке поднадзорного Пушкина (большей, чем обычное гостеприимство) со стороны Перовского и Даля¹⁸. В обоих случаях вслед за Л. Н. Майковым мы воспроизводим действительную хронологию, соответственно, 1825 и 1833 годы. Однако трудно согласиться с Л. Н. Майковым, когда он произвольно расчленяет далевские предложения либо изменяет порядок слов. Публикуя ниже «Воспоминания о Пушкине» вновь, мы стремились максимально передать особенности оригинала с учетом современной орфографии и пунктуации. Выделенные курсивом слова подчеркнуты в рукописи.

Даль не только одним из первых призвал к собиранию материалов о Пушкине, но и подал пример в этом другим современникам. Кроме приводимых ниже воспоминаний он создает «Записки о Пушкине» и важнейший документ — «Смерть А. С. Пушкина»¹⁹. Даль неотлучно провел у постели умирающего поэта последние часы его жизни в качестве врача, доверенного лица и друга. Свидетельство Даля о смерти Пушкина приобрело широчайшее распространение. В частности, известный поэт и философ Н. В. Станкевич в письме к своей невесте Л. А. Бакуниной от 22 февраля 1837 года из Москвы писал: «Вы хотели: чтоб я Вам сообщил подробности смерти Пушкина: я сам их мало знаю, но скажу Вам несколько из того, что сообщил мне Неверов. Он читал журнал, веденный доктором Далем, *другом Пушкина* (это — Казак Луганский), который присутствовал при его кончине. В продолжение двух суток ужасных мучений он не стонал, чтобы не беспокоить жены своей и в последние часы жизни стать выше физических страданий»²⁰ (курсив мой. — Ю. Ф.).

В восприятии современников Даль неизменно существует как *друг Пушкина*, а это, в свою очередь, придавало особую достоверность его воспоминаниям. Скажем, в «Словаре достопамятных людей Русской земли» (СПб., 1847. Ч. 2) историк Д. Н. Бантыш-Каменский, лично знавший поэта, отметил, что тот «был дружен» с Далем, и его слова счел возможным воспроизвести П. В. Анненков в «Материалах для биографии А. С. Пушкина»²¹.

Л. Н. Майков полагал, будто П. В. Анненкову «не пришлось воспользоваться» рукописью далевских воспоминаний, хотя он и получил ее еще в процессе работы над «Материалами»²² (т. е. в конце 1840-х — начале 1850-х годов²³). «По всей видимости, — соглашается К. В. Шилов, — Майков прав». И тут же делает противоположное по смыслу наблюдение: «Но вот, рассказывая о впервые им просматриваемых черновиках Пушкина, Анненков замечает: “Много этих блесток, этих поэтических искр рассеяно по всем его тетрадям...”». “Много алмазных искр Пушкина рассыпалось тут и там в потемках, иные уже угасли и едва ли не навсегда...” — сокрушался Даль. И нам становится понятно, что дело здесь не в случайном созвучии: слова Анненкова звучат утешением, они словно вторят ответным эхом той запомнившейся горькой фразе заключительной части далевских записок»²⁴. А. Л. Осповат и Н. Г. Охотин, с одной стороны, подчеркивают осведомленность Анненкова о далевских воспоминаниях при освещении пребывания Пушкина в Оренбурге, а с другой — сомневаются в этом²⁵.

На наш взгляд, Анненков все же использовал далевские воспоминания, хотя, по цензурным соображениям, и не в полном объеме. Неоспоримым подтверждением здесь представляется его сообщение о наличии у Даля пушкинского перстня, «испещренного какими-то кабаллистическими знаками»²⁶. Как известно, описанный Анненковым перстень с древнееврейской надписью принято называть «талисманом», но принадлежал он В. А. Жуковскому²⁷. Единственно возможным источником анненковского утверждения были только далевские воспоминания, где прямо говорится о «талисмани» со ссылкой на самого Пушкина. В действительности же Даль владел другим перстнем поэта²⁸.

Вероятно, Пушкин в каком-либо отношении считал и второй свой перстень «талисманом». Во всяком случае, в сознании Даля пушкинский перстень становится символом высокого служения искусству. В письме к В. Ф. Одоевскому от 5 апреля 1837 года он признавался: «...Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман <... >. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное»²⁹. Тут же Даль говорит о задуманном им уральском романе. И этот его замысел является откликом на обращенный к нему и отраженный в его воспоминаниях призыв Пушкина написать роман.

Возвращаясь к «Материалам» Анненкова, отметим, что полнос-

тью соответствуют далевским воспоминаниям рассуждения о трудном становлении поэта и о его непрекращающемся творческом совершенствовании, о присущем ему суеверии, о его стремлении к передаче фольклорного начала в сказках, о встреченных им сложностях при работе над образом Петра I³⁰. Да и как могло быть иначе, ведь, по счастливому выражению Л. Н. Майкова, Пушкин проявлялся в беседах с Далем «самыми существенными чертами своей личности». В отличие от других мемуаристов, зачастую ограничивающихся передачей чисто внешних, хотя нередко и весьма ценных впечатлений, Даль впервые предпринял попытку проникнуть в творческую лабораторию поэта, воссоздать его целостный психологический облик.

Таким образом, Анненков не просто отчасти учел далевские воспоминания, но и, надо полагать, сверял по ним центральные положения «Материалов...», надолго предопределивших развитие пушкиноведения как науки. Далевский этюд о Пушкине и сегодня читается с неослабевающим интересом и вполне созвучен нынешним представлениям об уникальности пушкинского творчества.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ

Крылов был в Оренбурге младенцем; Скобелев чуть ли не ставил в нем на часах; у Карамзиных есть в Оренбургской губернии родовое поместье; Пушкин пробыл в Оренбурге несколько дней, в 1833 году, когда писал Пугача, а Жуковский — в 1837-м, провожая государя цесаревича. Пушкин прибыл неожиданный и нечаянный и остановился в загородном доме у в<оенно>го губ<ернато>ра В. Ал. Перовского, а на другой день перевез я его оттуда к себе, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал, местность и обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым, указывал на Георгиевскую колокольню, в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город³¹, на остатки земляных работ, между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву; на зауральскую рошу, откуда вор пытался вырваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улице собирать пятики, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи; о так называемом секре-

таре Пугачева, Сычугове³², в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще золотые палаты Пугача, т. е. обитую медною латунию избу. Пушкин слушал все это — извините, если не умею иначе выразиться, — с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь; народ расступался в страхе, кланялся, падал ниц — приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «как я давно не сидел на престоле!»* — в мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище**.

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугача, который сидел там, как мы сейчас видели, на престоле, — я взял с собою ружье, и с нами было еще человека два охотников; пора была рабочая, казаков ни души не было дома, но мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил нескольких верных долгу своему сынов отечества, указали на гребени³⁴, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это простая могила, — старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же пред-

* Пушкин назвал его за это свиньей, и много хохотал.

** Недавно умерла в Оренбурге старуха, которая рассказывала о Пугачеве вот что: «В одном селе близ Царицына трое бурлаков повздорили в кабаке и один другого ударил. “Да знаешь ли ты, кого бьешь, — спросил тот, — или забыл, что я твой государь, Петр III?” Целовальник донес об этом, бурлаков взяли, отвезли в Царицын, посадили в караульную, и самозванец стайвал часто переважно на плацу, облокотившись о сошку и сложив руки, а народ ходил смотреть его, клал ему деньги в ноги, но тот не просил подаяния и даже не благодарил никогда, а забирал деньги, когда уже все расходились, как подать. Розыск кончился тем, что бурлаки сознались во всем: они выбирали на время атамана для волжских разбоев своих и называли его царем, распуская темные слухи, что с ними царь Петр Федорович. Их всех высекли на базаре в Царицыне и некоторых сослали; Пугачев находился в числе шайки, но в то время еще не посягал, как видно, на самозванство, а умолял только, как лицо мало прикосновенное к делу, царицынского коменданта Цыплатева³³, о помиловании; сулил деньги, просил неотступно не наказывать его, а отпустить. Цыплатев исполнил однако же приговор во всей строгости, и Пугач поклялся ему в глаза, при всем народе, что я-де с тебя с живого шкуру сыму, будет такое

мету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец; мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в том краю столько страшных воспоминаний; но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным; чтобы-де какого греха да напасти, — и казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой не велик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под *Пугачевщину* и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти» *. Пушкин много этому смеялся.

До приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только раза два или три; это было именно в 1832 году, когда я по окончании турецкого и польского походов приехал в столицу и напечатал первые опыты свои. Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается. «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как бы это сделать — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... да нет, трудно, нельзя еще. А что за роскошь — что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей... что за золото... а не дается в руки, нет! [И отчего это? или нам надо в литера-

время. Разбойники бежали с дороги при пересылке их через Казань в Сибирь, кинули снова жребий, кому быть царем, — досталось Пугачеву. Бесчинствуя впоследствии в соседних губерниях, он усильно порывался на Царицын, из одной только злобы на Цыплятева, из жажды мести. Он стоял под городом долго и упорно, не мог его взять, был разбит Голицыным, и, вероятно, упорное желание взять Царицын погубило Пугача». В это время муж старухи, о которой я говорил, был каноником в Царицыне; она носила ему есть на вал, людей не спускали от пушек ни днем, ни ночью. Тут она слышала часто разговор солдат, что самозванец-де вот кто, и вот почему порывается в город и хочет снять шкуру с коменданта: Пугач даже подсылал несколько раз с требованием выдать одного только коменданта, с обещанием пощадить город; но самое требование это избобличало обманщика, которого здесь все знали, и он не мог найти приверженцев. Все это, впрочем, слышал я уже после отъезда Пушкина; и потому это в сторону, поговорим об нем.

* Пушкин носил ногти необыкновенной длины; это была причуда его.

туре другого Петра Великого, или нам еще долго, долго дожидаться, покуда она у нас дойдет и созреет сама; все это есть в России, все Петр подвинул одним махом вперед на 3 века, а слово отстало; слово — живая тварь, создание, плодится и рождается от семени и зачатка, его наготове из-за моря не вывезешь... а надо, надо, стыдно это, надо же нам жить своим добром, не все чужим поживляться — этим не разживешься, богат не будешь]».

По пути в Берды Пушкин рассказывал мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и — я передаю его слова, в его память, забывая в это время, к кому они относятся, — и повторял: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три — начну прекрасно, а там не достанет терпенья, не слажу». Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным, творческим долготерпением художника; эти два редкие качества соединялись в Пушкине как две крайности, два полюса, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и наяву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь — металл мгновенно стынет на воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился, в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деписания об нем, создаст и художественное в память его произведение. «Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина — он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, надо отодвинуться на два века — но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться, надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься, время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь — о, вы увидите — я еще сделаю много — ведь даром что товарищи мои все поседели да оплели — а я только что *перebesился*; вы не знали меня в молодости, каков я был, я не так жил, как жить бы должно... бурный небосклон позади меня, как оглянусь я...».

Последние слова свежо отдаются в памяти моей, почти в ушах, хотя этому прошло уже семь лет. Слышав много о Пушкине, я никогда и нигде не слышал, как он думает о себе и о молодости своей, оправдывает ли себя во всем, доволен ли собою или нет; а теперь услышал я это от него самого, видел перед собою не только поэта, но

и человека. Перелом в жизни нашей, когда мы, проспав несколько лет детьми в личинке, сбрасываем с себя кожуру и выходим на свет вновь родившимся, полным творением, делаемся из детей людьми, — перелом этот не всегда обходится без насилий и не всякому становится дешево. В человеке будничном перемена не велика; чем более необыкновенного готовится в юноше, чем он более из ряда вон, тем сильнее порывы закованной в железные пути души.

Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом; досталась от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сертук, с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха. Над этим можно призадуматься. Сертук этот должно бы сберечь и для потомства — не знаю еще, как это сделать; в частных руках он легко может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение. (Я подарил его М. П. Погодину.)

Пушкин, я думаю, был иногда и в некоторых отношениях суеве-рен: он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать. Всем близким к нему известно странное происшествие, которое спасло его от неминуемой большой беды: Пушкин жил в 1825 году в псковской деревне, и ему запрещено было из нее выезжать. Вдруг доходят до него темные и несвязные слухи о кончине императора; потом об отречении от престола цесаревича; подобные события проникают молнием сердца каждого, и мудрено ли, что в смятении и полнении чувств участие и любопытство деревенского жителя неподалеку от столицы возросло до неодолимой степени? Пушкин хотел узнать положительно, сколько правды в носящихся разнородных слухах, что делается у нас и что будет; он вдруг решился выехать тайно из деревни, рассчитав время так, чтобы прибыть в Петербург поздно вечером и потом через сутки же воротиться. Поехали; на самых выездах была уже не помню какая-то дурная примета, замеченная дядькою, который исполнял приказание барина своего на этот раз очень неохотно. Отъехав немного от села, Пушкин стал уже раскаиваться в предприятии этом, но ему совестно было от него отказаться,

казалось малодушным. Вдруг дядька указывает с отчаянным возгласом на зайца, который перебежал впереди коляски дорогу; Пушкин с большим удовольствием уступил убедительным просьбам дядьки, сказав, что кроме того позабыл что-то нужное дома, и воротился. На другой день никто уже не говорил о поездке в Питер, и все осталось по-старому. А если бы Пушкин не послушался на этот раз зайца, то приехал бы в столицу поздно вечером 13 декабря и остановился бы у одного из товарищей своих по лицу, который кончил жалкое и бедственное поприще свое на другой же день... прошу сообразить все обстоятельства эти и найти средства и доводы, которые бы могли оправдать Пушкина впоследствии по крайней мере от слишком естественного обвинения, что он приехал не без цели и знал о преступных замыслах своего товарища!

Пусть бы всякий сносил в складчину все, что знает не только о Пушкине, но и о других замечательных мужах наших, у нас все родное теряется в молве и памяти, и внуки наши должны будут искать назидания в жизнеописаниях людей не русских, к своим же поневоле охладеют, потому что ознакомиться с ними не могут; свои будут для них чужими, а чужие сделаются близкими. Хорошо ли это?

Много алмазных искр Пушкина рассыпалось тут и там в потемках, иные уже угасли и едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известны на разных концах России — их надо бы снести в одно место. А. П. Брюллов сказал мне однажды, говоря о Пушкине: «Читая Пушкина, кажется, видишь, как он жжет молнией выжигу из обносков: в один удар тряпье в золу, и блестит чистый слиток золота».

¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1896 год. СПб., 1900. С. 200.

² См.: Майков Л. Пушкин и Даль // Рус. вестник. 1890. № 10. С. 5—10.

³ РНБ. Ф. 234. Ед. хр. 2.

⁴ См. об этом: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 505.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 274—275.

⁶ См. об этом: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 273.

⁷ См., например: Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Изд. 2-е. Чкалов, 1956. С. 43; Изд. 3-е. Челябинск, 1970. С. 55; Изд. 4-е. Челябинск, 1977. С. 39.

⁸ Заозерский Н. А. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников и письмах. М., 1910. С. 59.

⁹ См.: Дело об учреждении тайного полицейского надзора за прибывшим

временно в Оренбург поэтом титулярным советником Пушкиным / Сообщил А. Львов // Рус. старина. 1883. № 1. С. 77—78.

¹⁰ См.: Письма из Оренбурга 1833 года // Рус. архив. 1902. № 8. С. 645.

¹¹ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 223; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 261.

¹² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1896. Кн. 10. С. 118. Не вполне согласуется с этим требующее дополнительного изучения свидетельство И. И. Пушина о том, что в июне 1858 года он видел пушкинский сюртук у Даля, проживавшего тогда в Нижнем Новгороде (см.: Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 74).

¹³ П. И. Мельников (Андрей Печерский) свидетельствовал: «Я слышал от М. П. Погодина предположение его: когда будет воздвигнут в Москве памятник Пушкину, внизу его, в приличном вместилище, положить этот сюртук, как реликвию великого поэта, на память грядущим поколениям русских людей» (Даль В. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб.; М., 1897. Т. I. С. XXXVIII). Несомненно, это было условием передачи сюртука Погодину Далем. К сожалению, пушкинский сюртук «был украден из квартиры М. П. Погодина в день его похорон» (Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. Л., 1970. С. 52).

¹⁴ Майков Л. Пушкин и Даль // Рус. вестник. 1890. № 10. С. 9.

¹⁵ Сохранилось воспоминание современника об обмене, примененном полицейстером П. И. Федоровым, при обыске в доме Далея: «С целою ватагою чиновников, с различными инструментами, явился он к дому, где жили Даль и его матушка; компания расставила свои приборы, принялась измерять тротуар веревкою и проделывать разные странные махинации. Самого Даля дома не было (нечего и говорить, что время его отсутствия из дому было выбрано нарочно), а была только его мать. Увидев Федорова с его спутниками, любопытная женщина отворила окно и стала внимательно смотреть на происходящее. Чиновники делали свое "дело" как ни в чем не бывало, с самым серьезным видом. Вдруг Федоров озабоченно принялся шарить у себя по карманам, будто чего-то ища, и, наконец, словно не найдя, обратился к матери Далея с просьбой дать ему лист бумаги: доскать, забыл дома, а тут дело важное и спешное. Г <оспо> жа Даль не только предложила ему бумаги, но попросила без стеснений войти в кабинет сына и там написать что нужно. Федорову этого только и хотелось. Попад в кабинет Даля, он быстро и ловко нашел в его бумагах черновик сатирического стихотворения. Подозрение подтвердилось, виновность Даля была, таким образом, доказана, и он понес заслуженное возмездие» (Лернер Н. Удаление В. И. Далея из Николаева // Рус. старина. 1901. № 7. С. 170). Вероятно, благодаря означенным своим «достоинствам» позднее Федоров — «новороссийский и бессарабский генерал-губернатор» (Там же. С. 169).

¹⁶ Ср.: Даль В. И. Автобиографическая записка. 1841 // Рус. старина. 1878. № 5. С. 183; Письма А. Н. Мордвинова к шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу. 1832—1837 // Рус. архив. 1886. № 11. С. 412.

¹⁷ Даль, служивший лейтенантом на Балтийском флоте в 1825 году, подает в отставку 1 января 1826 года и уже 20 января поступает учиться в Дерптский университет (см.: «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1898. Т. 3. Отдел III. С. 37). И хотя причастность Даля к событиям 14 декабря 1825 года не установлена, подобное обвинение, как пишет он сам по сходному поводу о Пушкине в публикуемых нами воспоминаниях, было

бы «слишком естественным».

¹⁸ Имеются веские основания полагать, что Перовский оказал значительную материальную поддержку поэту, а Даль специально собирал к приезду Пушкина необходимые «пугачевские» материалы (см. об этом мою статью: Сентябрь 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль // *Временник Пушкинской комиссии*: Вып. 24. Л., 1991. С. 112—113, 115 и др.).

¹⁹ См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 264—271, 486.

²⁰ *Станкевич Н. В.* Избранное. М., 1982. С. 161; Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914. С. 514. Неверов Януарий Михайлович (1810—1893) — участник литературно-философского кружка Н. В. Станкевича и его друг; входил в окружение А. С. Пушкина (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2. Л., 1988. С. 288).

²¹ *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855 / Факсимильное изд. М., 1985. С. 461.

²² *Майков Л.* 1) Пушкин и Даль // *Рус. вестник*, 1890. № 10. С. 5; 2) Пушкин. СПб., 1899. С. 416.

²³ См.: Комментарий к «Материалам для биографии А. С. Пушкина». М., 1985. С. 15—18.

²⁴ Там же. С. 41.

²⁵ Там же. С. 148, 162.

²⁶ *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 179.

²⁷ См. об этом: *Февчук Л. П.* Личные вещи А. С. Пушкина. С. 76—78.

²⁸ Там же. С. 39—40.

²⁹ *Лит. наследство*. М., 1952. Т. 58. С. 145.

³⁰ Ср.: *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 119, 319—320, 372, 403—406, 430 и др.

³¹ Этот факт из рассказа Даля включен Пушкиным в «Историю Пугачева» (см.: *Овчинников Р. В.* Встреча в Оренбурге // *Рифей*. Челябинск, 1981. С. 15).

³² Сычугов Степан Васильевич (род. в 1755 г.) — в апреле 1773 года вступил на казачью службу писарем; при осаде Оренбурга пугачевцами захвачен в плен 18 октября 1773 года и вновь определен ими по письменной части; в апреле 1774 года возвращается на службу, где в 1804 году получает чин полкового есаула; «с 1819 по 1827 год был винным приставом по Оренбургскому уезду, после чего вышел в отставку» (см.: *Овчинников Р. В.* Встреча в Оренбурге. С. 18—22).

³³ Цыплатев — по-видимому, народная переделка фамилии царцынского коменданта, полковника Цыплетева Ивана Еремеевича, одного из последних представителей старинного дворянского рода Цыплетевых (см.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1903. Т. 38. С. 311).

³⁴ Сотрудничая в «Лексиконе» А. А. Плюшара, Даль писал: «ГРЕБЕНИ, небольшой отрог Ирдынка (см. Губерлинские горы), оканчивающийся верстах в 18 от Оренбурга, на левом берегу реки Сакмары, возвышенною, остроконечною грядою отлично хорошего известняка, который употребляется на лучшие постройки. Известняк этот лежит на твердом, охристом песчанике» (*Энциклопедический лексикон*. СПб., 1838. Т. 15. С. 92).

В. А. КОШЕЛЕВ

ПОЭЗИЯ ВЛАДИМИРА ЛЕНСКОГО И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА 1820 ГОДА

Как свидетельствуют пушкинские календарные пометы в «первой масонской» тетради (ПД 834), вторая глава «Евгения Онегина» была написана чрезвычайно быстро — в полтора месяца. Окончание первой главы Пушкин пометил 22 октября 1823 года (л. 22 об.); помета возле XVII строфы второй главы — 3 ноября (л. 30 об.); окончание же ее автор обозначил датой: «8 декабря 1823 nuit» (л. 41 об.).

Однако напечатана вторая глава была лишь три года спустя — в Москве, в октябре 1826 года. Первое издание ее имело дополнительный шмуцтитул с авторским обозначением: «Глава вторая. *Писано в 1823 году*». Но зачем понадобилось это обозначение? Тем более что в «болдинском» плане романа в стихах (составленном 26 сентября 1830 года) стоит иная «календарная» помета: «Одесса 1824» (VI, 532). Чем объяснить эту неожиданную aberrацию памяти Пушкина?

Трудно поддается объяснению и странное отношение Пушкина к печатанию этой, второй, главы. Как известно, в конце 1824 года Пушкин очень активно и усердно (через посредство брата и П. А. Плетнева) продвигал в печать первую главу «Онегина»: улаживал (с помощью В. А. Жуковского) возможные цензурные осложнения, «проектировал» виньетку и т. д.¹ Первая глава вышла из печати 18 февраля 1825 года (автор к этому времени уже завершил четвертую главу и работал над пятой) — и Плетнев, взявший на себя обязанности комиссионера по изданию пушкинских сочинений, ждал продолжения. Книга была напечатана большим тиражом (2400 экз.), стоила дорого (5 руб.) — и расходилась туго. В первые две недели было продано 700 экз. (XIII, 147), но затем ажиотажный спрос кончился (за март продано 235 экз., за последующие 4 месяца —

161). Для возобновления интереса требовалось немедленное продолжение начатого романа в стихах, чрезвычайно заинтересовавшего публику.

Пушкин как будто понимает это и весной 1825 года в Михайловском переписывает набело вторую главу (XIII, 159, 160). В конце апреля он отсылает ее (с А. А. Дельвигом, гостившим в Михайловском) — но не Плетневу (для печати), а П. А. Вяземскому, для замечаний (ср. указание в сопроводительном письме: «...тебе единственно и только для тебя переписанного...» — XIII, 165). Вяземский, до которого глава дошла лишь через два месяца, отозвался о ней кисло-сладко («...в этой главе менее блеска, чем в первой, и потому не желал бы видеть ее напечатанною особняком...» — XIII, 180), потом передал ее для отзыва Жуковскому, «мнением» которого Пушкин весьма интересовался (XIII, 182), а от Жуковского рукопись пошла, вероятно, к другим литературным друзьям. Возникает парадоксальная ситуация: рукопись второй главы перебелена и известна в Петербурге, но уже к августу 1825 года среди книгопродавцев (по свидетельству Плетнева) проносится слух, «что эта книга остановлена» (XIII, 217), и первую главу «Онегина» вообще перестают покупать. Плетнев рисует перспективы быстрого обогащения Пушкина «после издания 2 и 3 песен Онегина» (см. его письмо от 29 августа 1825 — XIII, 216—218), но автор не дает разрешения на издание...

В начале 1826 года Плетнев уже умоляет: «Умоляю тебя, напечатай одну или две вдруг главы Онегина. Отбоя нет: все жадничают его. Хуже будет, как простынет жар. Уж я и то боюсь: страдают меня, что в городе есть списки второй главы» (XIII, 255); «Сделай милость, выпусти Онегина. Ужели не допрошусь я?» (XIII, 261); «Только сделай милость, не медли. Остается не более двух месяцев, в которые еще можно что-нибудь сделать» (XIII, 264). А Пушкин отговаривается: то болезнью, то опасением возможных репрессий (идет следствие по делу декабристов), то невозможностью нанять «писцов Опоческих» (XIII, 265). В последнем случае он хитрит: белая рукопись уже переписана, речь идет о том, чтобы «разрешить» ее издать... В конце концов опасения Плетнева подтвердились: в марте 1826 года списки второй главы пошли по рукам; один из таких списков «достал и прочел» П. А. Катенин, приславший Пушкину свой отзыв (XIII, 260—270). Плетнев, раздосадованный таким оборотом дела, писал Пушкину 14 апреля 1826 года: «Не можешь ли ты решиться напечатать второй главы Онегина? Это необходимо нужно. Теперь она ходит в самой неисправной рукописи

по городу, и от этого скоро к ней потеряют вкус. Сделай милость, напечатай: тогда скорее разойдется и первая. Ты от этого тьму получишь денег» (XIII, 272). Денег Пушкину не хватает, но «решиться» на издание он никак не хочет, хотя тогда же ему с удивлением пишут об этом и Вяземский (XIII, 276), и Дельвиг (XIII, 285)...

В чем тут дело? Чем объяснить эту «нерешительность», авторские сомнения в отношении второй главы, необходимость апелляции к советам литературных приятелей? Кажется, что-то в этой, второй, главе Пушкина не устраивало, что-то требовало перемен...

В «болдинском» плане 1830 года вторая глава получила название «Поэт» (VI, 532) — название неожиданное. В главе «действие еще не началось», что отметил Катенин (XIII, 269), но зато представлены все основные герои романа и среди них — Татьяна, которая «много обещает» (XIII, 269). Первые критики романа, специально отозвавшиеся о второй главе, — Веневитинов и Булгарин² — менее всего обратили внимание на выведенного в ней «поэта»: Ленский был воспринят как фигура проходная, «необязательная», выполняющая часто сюжетную роль: через него тянутся нити от героя (Онегина) к героине (Татьяне) — и только. Собственно «поэтический» ореол Ленского оставался не проясненным. Кто «в осьмнадцать лет» не пишет стихов — но нет ни одного указания на то, что Ленский их публиковал или хотя бы читал вслух кому-то из окружающих!

Между тем именование «поэт» становится своеобразным перифразом представления Ленского: о том, что он поэт, знают все, позже это будет отражено в надписи на его могиле: «Покойся, юноша-поэт» (VI, 142). Онегин тоже называет своего приятеля «поэтом», но в его речах это именование приобретает явно иронический оттенок:

Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт...
(VI, 53);

...пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно
(VI, 121).

Как бы для закрепления этой иронической направленности в романе является еще один «догадливый поэт» (VI, 109), «поэт же скромный, хоть великий» (VI, 112) — мосье Трике, смело переписав-

ший чужой «куплет»... Кажется, что Пушкин не очень сочувствует «поэту».

С другой стороны, осознание «поэтической» личности Ленского имело для Пушкина какой-то особый смысл: для первой, казовой, публикации из «Онегина» (в «Северных цветах на 1825 год») он почему-то выбрал строфы VII—X из второй главы, в которых характеризуется личность Ленского и его поэзия: большой отрывок, начинающийся стихом «От холодного разврата света...» и кончающийся стихом «Лились его живые слезы...» Заключительное двустишие X строфы:

Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет
(VI, 35).

В первоначальной редакции оно было иным:

Он пел дубравы, где встречал
Свой вечный малый идеал
(VI, 560).

В первой публикации этот текст отсутствовал³.

Выбор стихов, предназначенных для «представительской» публикации из романа, кажется странным: перед нами какой-то мало понятный манифест, наполненный «условными» романтическими формулами: «хладный разврат», «душа согрета», «мира новый блеск и шум», «сладкая мечта», «заманчивая загадка», «душа родная», «людей священные друзья», «ко благу чистая любовь» и т. д. и т. п. Единственное конкретное указание на то, что эти «формулы» были почерпнуты «под небом Шиллера и Гете», позволяет представить их носителя «мучеником» вертеровского типа. Подобные же штампы наполняют и характеристику поэзии Ленского, представленной во второй части отрывка: «славы сладкое мученье», «с лирой странствовал на свете», «поэтический огонь», «душа воспламенилась», «муз возвышенных искусства», «возвышенные чувства», «девственная мечта», «безмятежная пустыня» и т. д. и т. п.

Ю. М. Лотман подметил, что этим формулам, нагнетенным на протяжении четырех строф, «не дано стилистической антитезы, они воспринимаются как свойство авторской точки зрения», а необходимый иронический пуант возникает лишь в конце X строфы («Он пел поблеклый жизни цвет...»), и лишь в результате его появления «поток романтических выражений становится в X строфе не авторской

точкой зрения, а объектом авторского наблюдения и изображения. Такое “скольжение” позиции повествователя позволяет Пушкину создать “объемный” текст»⁴.

Но что характерно: в первой публикации этой переакцентирующей, авторской формулы — не было. Более того: к этому времени Пушкин еще не нашел этой формулы; в беловом автографе, посланном Вяземскому, ее нет. Поэтому весь манифест «вертеровской» личности и романтической поэзии в первой публикации неизбежно должен был восприниматься как идущий от лица автора!

Г. А. Гуковский увидел в этом манифесте «глубокое определение смысла и характера мироощущения Жуковского и его школы», отражение их «поэтической практики»: «Все это слова неконкретные, оторванные от точного предметно-объективного смысла, слова “психологизированные”. В самом деле, “лоно тишины” и “живые слезы” — это как раз то, что приводило в ужас и отчаяние архаиков в поэзии романтизма, чему отдал в свое время дань и сам Пушкин»⁵. В этом манифесте, по мнению исследователя, «черты «метафизического» романтизма сочетаются <... > с чертами романтизма гражданского, вольнолюбивого...», что доказывается «пятью строчками точек» после стиха «Что есть избранные судьбами...», которые появились в первом печатном издании второй главы⁶. Ю. М. Лотман также указал, что этот пропуск «явно имел не композиционный, а цензурный характер»⁷. Но цензура здесь, кажется, ни при чем: в публикации «Северных цветов» все пять строчек благополучно присутствовали!

Создается впечатление, что перед нами начало какой-то пушкинской полемики. Но — с чем и с кем?

Облик Ленского, во всех вариантах его толкования, оказывается обликом «поэта *неведомого*, но милого» (Лермонтов). Именно «неведомого»: в разное время поиски жизненного прототипа его выводили на таких разных фигур, как Веневитинов⁸ и Кюхельбекер⁹. Но сколь бы привлекательны ни были сопоставления Ленского и Кюхельбекера¹⁰, — они не имеют прямого отношения к характеристике поэзии «юноши-поэта», которую реальный Кюхельбекер («критик строгий» — VI, 86) достаточно резко порицал¹¹.

Поэтический манифест Ленского оказывался «размытым» — и требовал хоть какой-то конкретизации.

В составе того белового автографа, который Пушкин в апреле 1825 года послал Вяземскому, но потом не разрешил использовать для печати (для этой цели был создан второй беловик — VI, 557),

находились еще три строфы, обозначенные как X, XI и XII. Эти строфы располагались между IX и X строфами окончательной редакции — теми самыми, в которых дается характеристика поэзии Ленского (поэтому в соответствующих черновых рукописях они получили редакторское обозначение IXа, IXб и IXв). Показательно, что, убрав из печатной редакции эти три строфы, Пушкин не оставил знака «пропущенных стрóf» — указания на некую смысловую «паузу», останавливающую внимание читателя. Строфы были исключены, что называется, «бесследно» и были сочтены абсолютно лишними.

Между тем та характеристика поэзии Ленского, которая была детально представлена в них, оказывается — в соотнесенности с романтическими «штампами» IX—X стрóf окончательной редакции — весьма неожиданной:

X

Не пел порочной он забавы
Не пел презрительных Цирцей
Он оскорблять гнушался нравы
Избранной <было: Стыдливой> лирою своей;
Поклонник истинного счастья
Не ставил сетей сладострастья
Постыдной негою дыша,
Как тот, чья жадная душа
Добыча вредных заблуждений
Добыча жалкая страстей
Преследует в тоске своей
Картины прежних наслаждений
И свету в песнях роковых
Безумно обнажает их.

XI

Певцы слепого наслажденья,
Напрасно дней своих блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегиях живых
Напрасно девушка украдкой
Внимая звукам лиры сладкой
К вам устремляет нежный взор
Начать не смея разговор.

Напрасно ветряная младость
За полной чашею, в венках
Вспоминает на пирах <было: Утрата чувства на пирах>
Стихов изнеженную сладость
Иль на ухо стыдливых дев
Их шепчет робость одолев;

XII

Несчастные, решите сами <было: Певцы любви, решите сами>
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками словами
Вы сеете разврата зло.
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца, вам нет награды
Но вам дороже, знаю сам,
Слеза с улыбкой пополам.
Вы рождены для славы женской
Для вас ничтожен суд Молвы —
И жаль мне вас... и милы вы
Не вам чета был гордый Ленской
Его стихи конечно мать
Велела б дочери читать

(VI, 558—559).

Комментируя эти отвергнутые строфы, А. Е. Тархов указал, что ими Пушкин намеревался подчеркнуть «отличительное свойство Ленского и его поэзии» — изначальную «чистоту» слов и помыслов¹². Ю. М. Лотман интерпретировал их так: «Стихи эти написаны с позиции полного неприятия “нечистой” эротической поэзии. Однако для более глубокого осмысления их следует иметь в виду, что их пишет автор “Гавриилиады”, отношение к которой, равно как и к пушкинской эротической лирике, со стороны друзей-декабристов было осудительным <... >, с одной стороны, резкость осуждения эротической поэзии возрастает, приобретая пародийный характер, с другой — Пушкин намекает на то, что аскетизм декабристской поэзии сродни чопорности их литературных и политических антиподов — старших карамзинистов»¹³. Но в этом, последнем, случае оказывается неясным, к какой из поэтических «групп» («друзей-декабристов» или «старших карамзинистов») должен быть отнесен поэт Владимир Ленский.

Нам представляется, что эти «вычеркнутые» строфы «Онегина» в сознании Пушкина были напрямую связаны с нашумевшей критической полемикой вокруг его первой поэмы «Руслан и Людмила».

Заключительный пуант приведенных выше рассуждений о поэтической «чистоте» и «нечистоте» в черновой рукописи звучал так:

Не вам чета был строгий Ленской
Его [труды] конечно мать
Велела б дочери читать.

(VI, 272).

Это прямая цитата из двустихий И. И. Дмитриева «К портрету М. Н. Муравьева» (1803):

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать.

Михаил Никитич Муравьев (1757—1807) был уже упомянут в первой главе «Онегина»: там обыгрывалась цитата из его стихотворения «Богине Невы»:

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит.

(VI, 25).

В примечаниях Пушкин полностью привел соответствующую цитату, данную с явно ироническим подтекстом: сама двусмысленная поза («...проводит ночь бессонну, / Опершись на гранит» — VI, 192; ср. ироническую авторскую реминисценцию в одной из подписей в картинке в «Невском альманахе»: «Опершись жопой о гранит...» — III, 165) не очень сочеталась с архаизмом «пиит», явно противопоставленном «поэту». Между тем «восторженный пиит» Муравьев был кумиром и непререкаемым авторитетом для поэтических «учителей» Пушкина — Жуковского и Батюшкова. Автор «Онегина» в данном случае демонстрирует свою независимость и то, что сам он не собирается следовать устойчивым традициям «пиита»...

В приведенной выше надписи-мадригале Ивана Ивановича Дмитриева (1760—1837), современника и друга Муравьева, выделяется одна особенно ценящая черта его поэзии: чистота нравов и отсутствие «неприличия». Второй стих надписи — это перевод крылатого французского выражения из комедии А. Пирона «Метрома-

ния» (1760): «La mère en prescira la lekture à sa fille» («Мать предписует читать ее своей дочери»).

В 1820 году Дмитриев, известный московский остро слов, активно высмеивал только что появившуюся поэму Пушкина «Руслан и Людмила». Прямого участия в критической полемике вокруг поэмы он не принял, но, как это обыкновенно бывает, остроу Дмитриева получили широкое распространение в литературных кругах. 18 октября 1820 года Дмитриев писал Вяземскому: «Что скажете вы о нашем “Руслане”, о котором так много кричали? Мне кажется, что это недоносок пригожего отца и пригожей матери (музы). Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе: но жаль, что часто впадает в бюрлеск, и еще больше жаль, что не поставил в эпиграф известный стих с легкою переменою: La mère en defenda la lecture à sa fille <Мать запретит читать ее своей дочери. — В. К. >. Без этой предосторожности поэма его с четвертой страницы выпадет из рук добрая матери»¹⁴.

Дмитриев предлагал изменить «предпишет» на «запретит», — и этот «запрет» на литературную эротику был вполне в духе тогдашних литературных нравов. Проблема литературной «нравственности» и границ «чувственности» стала одной из ключевых в полемике вокруг первой поэмы Пушкина.

«За поэму Пушкина “Руслан и Людмила”, — писал А. А. Бестужев сестре 27 октября 1820 года. — восстала здесь ужасная чернильная война — глупость на глупости...»¹⁵ Разные аспекты этой «чернильной войны» достаточно изучены¹⁶ — мы остановимся лишь на обвинениях в «безнравственности», предъявленных Пушкину в ходе этой полемики.

Первые отклики на поэму, принадлежавшие перу «Бутырского критика» (А. Г. Глаголева), NN (Д. П. Зыкова), «К. Григория б-ва» (А. А. Перовского) и пр.,¹⁷ подобных обвинений не содержали — они были спровоцированы самими «старшими арзамасцами». В четырех номерах «Сына Отечества» (№№ 34—37) печатается огромный «Разбор поэмы “Руслан и Людмила”, сочинение Александра Пушкина», написанный А. Ф. Воейковым. Воейков, в течение шести лет до того, занимал должность ординарного профессора русской словесности в Дерптском университете — и в свой разбор пушкинской поэмы привлек немалый опыт «школьных» пиитик. Этот «разбор методический» (как поименовал его сам автор) был весьма нудным по содержанию и совершенно невыносимым по своей тоналности. Воейков был на двадцать лет старше Пушкина и причис-

лял себя к «первым лицам» российской словесности; создатель «Руслана...» представлял в его разборе всего лишь «начинающим» автором, которого «мэтр» снисходительно хвалил за «успехи», учительно пенял на «недостатки» и наставительно советовал заменять «дурные» эпизоды «чем-нибудь другим, не столько низким и грубым». При этом сам «мэтр» частенько демонстрировал собственную эстетическую и поэтическую глухоту. Все это вызвало недовольство большинства его приятелей-арзамасцев, и, оскорбленный этим обстоятельством, Воейков, на финальных страницах «Разбора...» высказал в адрес поэмы Пушкина ряд обвинений — и прежде всего, обвинение в оскорблении «нравственного чувства»:

«Окончив литературные наши замечания, с сожалением скажем о злоупотреблении столь отличного дарования, и это не в осуждение, а в предосторожность молодому автору на будущее время. Понятно, что я намерен говорить о *нравственной цели*, главном достоинстве всякого сочинения. Вообще в *целой поэме* есть *цель нравственная*, и она достигнута: злодейство наказано, добродетель торжествует; но, говоря о подробностях, наш молодой поэт имеет право называть стихи свои *грешными*. Он любил *приговариваться, изъясняться двусмысленно, намекать*, если сказать ему не позволено, и кстати и некстати употребляет эпитеты: *нагие, полунагие, в одной сорочке*; у него даже и *холмы нагие, и сабли нагие*. Он беспрестанно *томится какими-то желаниями, сладострастными мечтами, во сне и наяву ласкает младые прелести дев; вкушает восторги* и проч. Какое несправедливое понятие составят себе наши потомки, если по нескольким грубым картинам, между прелестными картинами расставленным, вздумают судить об испорченности вкуса нашего в XIX столетии!»¹⁸

Эти обвинения Воейкова были высказаны в номере журнала, вышедшем в свет 11 сентября 1820 года. Десять дней спустя, 21 сентября, в другом журнале — «Невский зритель» — печатаются анонимные «Замечания на поэму “Руслан и Людмила” в шести песнях, соч. А. Пушкина». Позиция анонимного критика в отношении к поэме определялась уже первой фразой: «Чрезвычайная легкость и плавность стихов — отменная версификация составили бы существенное достоинство сего произведения, если бы пиитические красоты, в нем заключающиеся, не были перемешаны с низкими сравнениями, безобразным волшебством, сладострастными красотами и такими выражениями, которые оскорбляют хороший вкус». Ссылаясь на «Разбор...» Воейкова, анонимный автор шел гораздо

дальше, подвергая сомнению, вправе ли «Руслан и Людмила» называться поэмой, так как настоящая поэма должна описывать «героические подвиги касательно Религии, Нравственности или таких происшествий, коими решалась судьба Царств». Он негодовал на то, что среди «фантастических» персонажей поэмы находится «историческое лицо великого князя Владимира — просветителя России» — присутствие его критик считает едва ли не оскорблением религиозного чувства, тем более что далее приводит целый реестр «таких картин, при которых невозможно не краснеть и не потуплять взоров» (эпизоды поэмы, в которых Людмила предстает в костюме «как наша прабабушка Ева», неудачная попытка Черномора овладеть спящей Людмилой, выражения типа: «А та под юбкою гусар...» и пр.). Обвинения в «сладострастии» в конце концов получают политическое звучание и становятся похожими на прямой донос, намекающий на Великую Французскую революцию: «Тогда как во Франции в конце минувшего столетия стали в великом множестве появляться подобные сему произведения, произошел не только упадок Словесности, но и самой нравственности»¹⁹.

В защиту Пушкина выступил молодой литератор А. А. Перовский. Его «Замечания на разбор поэмы “Руслан и Людмила”...» были оценены «арзамасцами» как «довольно справедливые»²⁰. Выступив против той схоластической схемы, в которую Воейков облекал пушкинское создание, опровергнув пункт за пунктом «мнимые ошибки Пушкина», отмеченные Воейковым, Перовский подверг сомнению и обвинения в «непристойности»: «...робкое целомудрие г. В<оейкова> вооружается против некоторых шуточных эпизодов Пушкина. Эпизоды сии, конечно, напоминают нам, что пламенный гений юного Поэта не освободился еще от пылких страстей, впрочем, весьма извинительных в его лета, но <...> самая строгая нравственность не исключает учтивости...»²¹. Тема эта, имевшая касательство до «цензуры нравов», была слишком опасной, чтобы касаться ее подробно.

М. С. Кайсаров, выступивший в защиту Воейкова, не замедлил с новыми обвинениями того же рода. Его «Скромный ответ на нескромное замечание...» содержал уже прямые обвинения к автору «Руслана...» в неумеренном «сладострастии» и в прямом нарушении общественной нравственности. При этом негативная оценка «чувственного» начала поэмы была представлена как приговор, вынесенный компетентными литературными «судьями», — и здесь Кайсаров применил «запретный» прием, приведя в печатной статье

один из устных каламбуров того же И. И. Дмитриева, предназначенный для узкого литературного круга: «Увенчанный, первоклассный отечественный писатель, прочитав “Руслана и Людмилу”, сказал: “Я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность”»²². Этот приговор по адресу пушкинской поэмы рецензент тут же перевел в «бытовое» обвинение: «Неужели решились бы вы прочесть сию поэму вслух *целомудренной* своей матушке, *целомудренным* сестрицам, *целомудренным* дочерям, если вы их имеете?»²³

На этих «высоких нотах» обвинений полемика заглохла сама собою. В 1821 году Пушкина попробовал робко защитить литератор старшего поколения В. Н. Олин в запоздалом отклике на поэму: «Тинторет и Альбани не могут назваться нескромными живописцами потому, что они изображали прелестною кистью наготу тела»²⁴. А член Союза Благоденствия Н. И. Кутузов в статье «Аполлон с семейством» фактически согласился с «приговором» Дмитриева (вновь процитировав приведенную Воейковым остроту) и выразил Пушкину пожелание, «дабы перестроил лиру свою для его славы и славы земли родной»²⁵.

Упреки в «безнравственности» и «чувственности» более всего огорчили и обидели Пушкина. 4 декабря 1820 года он писал издателю «Руслана и Людмилы» Н. И. Гнедичу: «Кто такой этот В<оейков>, который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней, несчастный?* (что между прочим очень неучтиво)...» (XIII, 21) «Красней, несчастный» — автоцитата из третьей песни «Руслана...», связанная как раз с темой возможной «нескромности»:

Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девой, и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зои, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,

Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучного Гимена...

(IV, 37)

Двусмысленные шутки подобного рода как раз и отмечал Воейков.

«Разбор...» Воейкова Пушкин помнил долго. Он упоминал его в письме к брату от января 1823 года (XIII, 54), а в письме к Вяземскому от 6 февраля 1823 года сравнил его с «литературными толками приятельниц Варюшки и Буянова» (XIII, 57) — девок из «веселого дома» в поэме В. Л. Пушкина «Опасный сосед». Пушкин долго не мог забыть и каламбуров Дмитриева. В письме к Гнедичу от 27 июня 1822 года, говоря об усиливающемся влиянии английской словесности, он добавил: «Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев — с своими *чувствами и мыслями*, взятыми из Флориана и Легуве» (XIII, 40). Подобный отзыв повторен и в письме к Вяземскому от 8 марта 1824 года (XIII, 89). Позднее, в предисловии ко второму изданию «Руслана...» (1828), Пушкин иронически пересказал обе дмитриевские остроты, снабдив их воейковскими перифразами:

«Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из *увенчанных, первоклассных отечественных писателей*, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть, и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом: *Мать дочери велит на эту сказку плюнуть*» (IV, 284).

Между тем над вторым изданием «Руслана...» Пушкин всерьез задумался именно осенью 1823 года, в то самое время, когда заканчивал первую и начинал вторую главу «Онегина». В это время он получил предложение о переиздании от Гнедича (XIII, 66), но, по соображениям материальным, решил перепоручить это издание Вяземскому. В письме к Вяземскому от 14 октября 1823 года он наметил те небольшие изменения в тексте «Руслана...», которые надо сделать при переиздании (XIII, 68—69), и несомненно, задумался над тем ослаблением «эротической» стихии юношеской поэмы, которое он проделал для второго издания в 1828 году. Эти раздумья должны были вывести его на обидевшую его полемику 1820 года — и, соответственно, должны были наложиться на те строфы о Ленском-поэте, которые он именно в это время (конец октября —

начало ноября) писал в рабочей тетради.

В трех строфах (впоследствии зачеркнутых) Пушкин противопоставил две возможности поэтического изображения любви: «строгий Ленской» активно противостоял «певцам слепого упоенья» точно так же, как Дмитриев или Воейков противостояли Пушкину. Характеристика «певцов слепого наслаждения» шла явно от лица носителей «стыдливой» и «избранной» лиры: «Пустыми звуками, словами / Вы сеете разврата зло...», «Прилично ль гордому поэту...», «Для вас ничтожен глас Молвы...» и т. д. (VI, 271—272). Кажется, что «мать» вполне правомерно запрещает «дочери» читать творения этих «несчастливых»!

Но и сама «девушка» — не промах: ее волнуют именно «картины прежних наслаждений», и к «звукам лиры сладкой» она, хотя и «украдкой», но все же обращается. Минуя «предписания» «матери», они становятся чем-то вроде «запретного плода»: «Иль на ухо стыдливых дев / Их шепчет, робость одолев».

Между тем сам Пушкин вовсе не предполагал «запретного» бытования, например, своей первой поэмы, предназначенной как раз тем «целомудренным сестрицам», которым Воейков запрещал ее читать: «Для вас, души моей царицы, / Красавицы, для вас одних...» (IV, 3), — этими словами начинается «Посвящение» к поэме. Вольно или невольно «Руслан и Людмила», на фоне пуританских литературных нравов, сформированных «карамзинистами», оказывалась как раз вне круга чтения «красавиц»: ее надлежало «запретить» именно для них. В этом смысле Пушкин, отстаивавший право поэзии на чувственность, действительно должен был ощутить некую преграду. Декларированная и принятая «строгость» литературных нравов «старших карамзинистов» могла рождать лишь их эпигонов — и именно таковым оказывался поэт Владимир Ленский.

В черновых вариантах Пушкин попробовал заострить проблему: после приведенной реминисценции из Дмитриева («Его стихи, конечно, мать / Велела б дочери читать») он воспроизвел французский стих Пирона и тут же, в черновой рукописи (редчайший случай для черновигов «Онегина»), набросал соответствующее примечание: «Стих сей вошел в пословицу. Заметить, что Пирон (кроме своей Метром<ании>) хорош только в таких стихах, о которых невозможно и намекнуть, не оскорбляя благопристойности» (VI, 272). Примечание это открывало существенную деталь: французский поэт и драматург Алексис Пирон (1689—1773) прославился не своими традиционными произведениями, а скандально знаменитой «Одой Приапу»,

грубо-эротическим произведением, положившим начало обценной поэзии (в частности, сочинениям И. С. Баркова). Тот автор, чей стих был представлен Дмитриевым как символ художественной нравственности, сам остался в памяти потомков лишь благодаря своим «срамным» произведениям.

Но это уточнение только «заостряло» проблему, а не решало ее: уж что-что, а Пиронова «Ода Приапу» — абсолютно не для «красавиц»! И Пушкин отнюдь не жаждал для себя славы, подобной славе Баркова, «что сотворил обиды / Венере девственной» (Батюшков). Но при этом где граница между «строгим» и «фривольным» — между тем, что надлежит «предписывать» для чтения «красавицам», и тем, что необходимо «запрещать»? Именно этот вопрос возникал из пушкинской характеристики поэзии «стыдливого» Ленского.

Поэтическая позиция и поэтическая принадлежность Ленского оказывались весьма противоречивыми: с одной стороны, он был не чужд порывов «новейшего» романтизма, вывезенного «из Германии туманной», с другой — оказывался, в лучших традициях «Флориана и Легуве», певцом «чувства», а не «чувственности»; его искомая «чистота» приобретала даже нарочитый характер.

Как известно, Пушкин в своем романе активно использовал элегию Вяземского «Первый снег»²⁶. Отголоски этого использования находим и в облике Ленского. Так, с одной из «находок» этой элегии Пушкин считал изображенные в ней «прогулки тайные в санях». Отражение этих «прогулок» — в картинах «прогулок» Ленского и Ольги (гл. 4, строфы XXV, XXVI). Соответствующее место у Вяземского весьма откровенно:

Кто в тесноте саней с красавицей младой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленьи,
И в сердце девственном впервой любви смятенья
И думу первую, и первый вздох зажег,
В победе сей — других побед прияв залог.
Кто может выразить счастливецв упоенье?

С этим отрывком была связана нашумевшая цензурная история. Сначала он был запрещен полностью, и только после «хитрости», примененной А. И. Тургеневым, был пропущен, но с характерными искажениями: было убрано сочетание «нога с ногой» (стало: «Ревнивых не боясь, сидел рука с рукой») и исключены намеки на любовные «победы» (стало: «В победе чистыя любви приняв за-

лог»)²⁷. Отголоски этой, известной Пушкину, истории отразились в ситуативных деталях любовных «прогулок» Ленского:

Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое...

В черновой рукописи было: «Они сидят *глаз на глаз* двое...» (VI, 361)

Они над шахматной доской,
на стол облокотясь, порой...

Было: «Облокотясь *нога с ногой*...» (VI, 362)

Они в саду *рука с рукой*
Гуляют утренней порой...
(VI, 83—84)

Пушкин сознательно отражает антураж прогулок того литературного героя, который «и жить торопится, и чувствовать спешит». Ленский — из тех, кто не «спешит» и думает не о любовных «победах», а разве что — в соответствии с цензурными установками — о победе «чистых любви»:

Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть...

В черновике было: «Развитый локон *целовать*... » (VI, 362), — но для Ленского это недопустимая вольность: вот уж с кем «целомудренная мать» может оставлять свою дочь, не опасаясь за последствия! Более того: Ленский охотно и «стыдливо» берет на себя роль цензора:

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает боле
Природу, чем Шатобриан...

Было: «Где скромный Автор [думал боле] / О нравах [чем Шатобриан]...»)

А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)...

Было: «Тревожн<ые> для юных дев...», «Ненужные для юных дев...»

Он пропускает, покраснев.

Было: «Нарочно пропускает он...», «Стыдливо пропускает он...», «Поспешно пропускает он...» (VI, 362).

Те картинки, которые Ленский рисует в альбом Ольги, отражают условно-целомудренный антураж «чистых любви» XVIII столетия:

То в нем рисует он цветочек,
Два сердца, арфу, ручеечек,
Надгробный камень, голубка...

(VI, 363).

Эти детали сентиментальной культуры, отражающие внутренний мир Ленского-поэта, вполне соответствуют основному литературному жанру, в пределах которого он работает, — элегии. Причем элегии «карамзинской» школы: Ленский-поэт по своему внутреннему миру оказывается лишь эпигоном того литературного направления, которое зародилось 10—15 лет назад; по меркам пушкинского времени, баснословно давно...

Это никак не вяжется с возрастом Ленского. Автор дважды точно указывает на этот возраст: «Без малого восемнадцать лет» (VI, 35); «... в осмнадцать лет...» (VI, 121). Этот возраст невозможен в той бытовой ситуации, в которой Ленский показан²⁸, — он важен Пушкину как литературная деталь. Дело в том, что он прямо соотносен с литературной ситуацией поэтического «взросления» самого Пушкина.

Уже во второй строфе первой главы автор «Онегина» апеллировал к «друзьям Людмилы и Руслана», то есть к тем читателям, которые приняли его поэму, не смутившись возможными ее «недостатками» и ее «чувственным» элементом. Предисловие ко второму изданию поэмы Пушкин начал как раз указанием на возраст и на связанные с ним реалии жизненного (и, соответственно, поэтического) поведения: «Автору было *двадцать лет от роду*, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки» (IV, 280, курсив наш).

Подобная же апелляция к возрасту автора была в полемике 1820 года основным аргументом в защиту его от упреков в «без-

нравственности». Поэма была начата как раз «в возрасте Ленского» — и явилась отражением этого «возраста», отнюдь не склонного к излишней «моралистичности». Отсюда — и нескромные намеки, и эротические излишества описаний, которые «повзрослевший» Пушкин призывает «извинить»... А Ленского не в чем извинять: молодой возлюбленный ведет себя с невестой так, как будто наслушался благих советов Воейкова или безымянного критика «Невского зрителя», разумно, «стыдливо» и не «спеша», как строгий «папенька», мудро охраняющий свое «целомудренное» дитя от всевозможных «опасностей»...

«Благоразумный», «стыдливый», «строгий» Ленский оказывается неким искусственным плодом русской поэзии, созданным в соответствии с теми «советами», которые предлагались автору «Руслана...» старшими карамзинистами. Его предсмертные «стихи на случай», приведенные Пушкиным в главе шестой (строфы XXI—XXII), — великолепный образец этой поэтической «искусственности». Помимо того, что элегия Ленского «имеет насквозь цитатный характер, распадаясь на знакомые читателю штампы и обороты», частые в русской и европейской поэзии рубежа XVIII—XIX веков²⁹, она дает некий общий кодекс «старческой» мудрости, повелевающей чтить «судьбы закон» и смиренно принимать все житейские перипетии:

Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Все благо...;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!
(VI, 125—126).

Вторая половина элегии представляет собой гимн «чистой любви», который в глазах автора выступает «любовной чепухой» (VI, 125)...

И даже в «посмертных» рассуждениях о возможном «уделе» Ленского как великого поэта Пушкин не обходится без иронического флера:

Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,

Быть может, на ступенях света

Ждала высокая ступень...

(VI, 133).

Последующее упование на «гимн времен, благословение племен» тоже показательно, ибо, как мы помним, Воейков, упрекая Пушкина за «грубые картины», тоже апеллировал к «потомкам», которые могут составить «несправедливое понятие» о вкусах XIX столетия. К потомству апеллировал и критик «Невского зрителя», поучая Пушкина относительно «цели поэзии»: «Предмет Поэзии — изящное. Изображая только оное, талант заслуживает дань справедливой похвалы и удивления потомков»³⁰. О том же «благословении племен» писал и декабристский критик Н. Кутузов; его статья, упрекавшая Пушкина за излишнюю «чувственность», заканчивалась призывом: «...одни произведения ума, переживая веки, передают потомству дела величия народов, возвышенность чувств и понятий наших»³¹. Подобные упования на «потомков», жаждущих лишь «изящного» и «возвышенного», тоже казались Пушкину смешны — и он их переадресовал Ленскому...

Тем самым облик Ленского оказался, что называется, «до конца» связан с нашумевшей полемикой 1820 года: облик «искусственного поэта», созданного «по рецептам», предписанным самому Пушкину.

При этом Пушкин, после долгих размышлений, исключил из текста второй главы те три строфы, которые содержали прямые намеки на эту полемику. Общего вопроса — о границах дозволенности литературной «эротики» — они не проясняли и могли лишь послужить поводом к новому возврату к «ужасной чернильной войне», которая в данной ситуации была явно неуместной, — тем более что и отношение к «Евгению Онегину» формировалось не без таких же упреков. 19 февраля 1832 года В. К. Кюхельбекер писал из Динабургской крепости своим племянницам: «Я вчера было хотел с вами говорить об Онегине; но теперь вспомнил, что вы, вероятно, его не читали, да и не скоро прочтете, потому что этот роман в стихах не из тех книг, которые

Мать дочери велит читать»³².

- ¹ См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина... М., 1962. С. 95—112.
- ² См.: Моск. вестник. 1828. Ч. 7. С. 468—469; Сев. пчела. 1826. № 132. С. 1—2.
- ³ См.: Сев. цветы на 1825 год. СПб., 1825. С. 293—295.
- ⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 185.
- ⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 226.
- ⁶ Там же. С. 233—235.
- ⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 184.
- ⁸ См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т. 4. С. 357.
- ⁹ См.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 3. С. 384.
- ¹⁰ См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. Л., 1969. С. 273—288.
- ¹¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 454.
- ¹² Тархов А. Е. Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1978. С. 219.
- ¹³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 185—186.
- ¹⁴ Старина и новизна. 1898. Кн. 22. С. 141.
- ¹⁵ Цит. по: Измайлов Н. В. Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. С. 20.
- ¹⁶ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. М., Л., 1956. С. 340—356; Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М., Л., 1959. С. 157—165.
- ¹⁷ См.: Вестник Европы. 1820. № 11. С. 213—220; № 16. С. 283—296; Сын Отечества. 1820. № 31. С. 228—242; № 38. С. 229—231; № 41. С. 39—44.
- ¹⁸ Сын Отечества. 1820. № 37. С. 154—155.
- ¹⁹ Невский зритель. 1820. № 7. С. 67—80.
- ²⁰ Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 20 сентября 1820 года // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 72.
- ²¹ Сын Отечества. 1820. № 42. С. 78—79.
- ²² Сын Отечества. 1820. № 43. С. 114—115. Г. П. Макогоненко пытался оспорить авторство Дмитриева (см.: Рус. литература. 1996. № 4. С. 84).
- ²³ Там же. С. 120. Авторство М. С. Кайсарова установлено В. Э. Вацуро. (см.: Пушкин в прижизненной критике. Ч. 1. 1820—1827. СПб., 1996. С. 360).
- ²⁴ Рецензент. 1821. № 5, 2 февраля.
- ²⁵ Сын Отечества. 1821. № 5. С. 194—210.
- ²⁶ См.: Розанов И. Н. Князь Вяземский и Пушкин: К вопросу о литературных влияниях // Беседы: Сб. Общества истории и литературы. М., 1915. Т. 1. С. 57—76; Бицилли П. М. Пушкин и Вяземский // Годичник на Софийския университет. София. 1939. Вып. 35; Соколова К. И. Элегия П. А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А. С. Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Л., 1975. С. 67—86; Кошелев В. А. Элегия П. А. Вяземского «Первый снег»:

Проблемы творческой истории // Проблемы романтизма. Тверь, 1990. С. 99—108.

²⁷ Остафьевский архив... Т. 2. С. 230—231, 289 (см. первую публикацию: *Новости литературы*. 1822. № 24. С. 173—178).

²⁸ См.: *Кошелев В. А.* Евангельский календарь пушкинского «Онегина»: (К проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // *Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: Сб. научных трудов*. Петрозаводск, 1994. С. 137.

²⁹ *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 296—302.

³⁰ *Невский зритель*. 1820. № 7. С. 79—80.

³¹ *Сын Отечества*. 1821. № 5. С. 210.

³² Цит. по: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 288.

В. С. ЛИСТОВ

**БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ
В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ»**

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», напечатанное в первом номере пушкинского «Современника», сравнительно хорошо изучено¹. Исследованию подвергались история создания этого произведения, текстологическая ситуация, жанровые и стилистические особенности; не были оставлены без внимания место записок в кругу других сочинений Пушкина, биографическая подоснова фабулы, отклики современников поэта и т. д.

Однако возможности осмысления «Путешествия в Арзрум» еще далеко не исчерпаны.

В предлагаемой работе сделана попытка объяснить некоторые особенности пушкинских записок ориентацией автора на первоосновы мировой и европейской культуры, главным образом, на страницы Книг Библии.

I

Причины, по которым Пушкин посетил Кавказ в 1829 году, столь многочисленны и разнообразны, что вряд ли поддаются простому и непротиворечивому описанию. Сам поэт объяснял цели своего путешествия по-разному, в зависимости от того, кому и при каких обстоятельствах были адресованы его соображения. Но так или иначе, на первый план выступали мотивы личные.

Одна из версий — романтическая: любовь к будущей невесте и жене. «Я полюбил ее, — писал потом Пушкин к ее матери, Н. И. Гончаровой, — голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь

вам, не знаю, но какая-то произвольная тоска гнала меня из Москвы» (XIVб, 75; перевод с франц. — 404). Конечно, в действительности отъезд не объяснялся так просто. «Произвольная тоска», гнавшая Пушкина на юг, не могла быть результатом одного только гончаровского полукотказа².

Объясняя свою самовольную отлучку на Кавказ жандармскому генералу А. Х. Бенкендорфу, Пушкин, разумеется, выдвинет совершенно другое обоснование, но тоже личное, семейное: «...я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служил в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет» (XIV, 51; перевод с франц. — 397).

В вариантах предисловия к «Путешествию в Арзрум» возникает и третья версия: «В 1829-м году отправился я на Кавказ лечиться на водах» (VIII, 1021). Здесь же, явно лукавя, поэт сообщает, будто, лечившись водами, он понял, что находится поблизости от Тифлиса, — и как бы не выдержал, неожиданно для себя самого поехал на свидание «с братом и некоторыми из моих приятелей» (VIII, 1024). Но армия уже ушла; вот и пришлось догонять ее по пути из Тифлиса в Арзрум. И, следовательно, участвовать в боевых действиях русско-турецкой войны летом 1829 года.

Каждое из приведенных объяснений по-своему неудовлетворительно. Сам образ Пушкина как-то необычно двоится и троеится. Несчастный влюбленный, потерявший голову? — Вряд ли это относится к зрелому тридцатилетнему Пушкину. Нежный родственник, скучающий в разлуке с братом? — Конечно, нет. Больной на водах, подобно тульскому заседателю из «Путешествия Онегина»? — Даже обсуждению не подлежит.

Роль стихотворца, следующего за войском, чтобы воспеть подвиги, Пушкин отводит от себя сам — твердо и решительно. Его выпады против «Вестника Европы», «Северной пчелы» и других изданий, ждущих одических откликов на военные победы, хорошо известны и много раз комментировались³. Вместе с тем, в уже упомянутой редакции предисловия к «Путешествию в Арзрум» есть мотив, если не объясняющий цель поездки, то хотя бы направляющий мысль по определенному руслу. Отвечая на домыслы В. Фонтанье, французского автора книги «Путешествие на Восток...», близкие двусмысленным намекам русских журналистов, Пушкин замечает: «Искать вдохновений всегда казалось мне смешной и нелепой причудой. Вдохновения не сыщешь, оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем именно, чтобы воспевать будущие подвиги, было бы и

слишком самолюбиво для стихотворца, и довольно неприлично для русского дворянина» (VIII, 1026).

В этом замечании, при жизни Пушкина не опубликованном, можно различить след его самосознания или, точнее, самоощущения. На войну, таким образом, ехал прежде всего русский дворянин, а уж потом более или менее самолюбивый писатель. В болдинском «Отрывке» («Несмотря на великие преимущества...») и в «Египетских ночах» ясно прочитывается тот же мотив: герой старается держаться в обществе не как стихотворец, а как дворянин и светский человек (VIII, 263—264; 409—410). Звание писателя в обыкновенном светском обиходе невысоко поставлено. Мундир и имя уважаются здесь больше, чем заслуги в областях словесности, изящных искусств и наук⁴. Например, П. А. Вяземский принят в обществе прежде как князь и камергер, а уж потом как человек с причудой, сочинитель.

В помянутом уже письме к Бенкендорфу от 10 ноября 1829 года Пушкин обращается — в свое оправдание перед властями — к общепонятным мотивам дворянской чести. Вот его замечание о прибытии в военный лагерь: «Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу, и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать: вот почему я проделал кампанию, в качестве не то солдата, не то путешественника» (XIV, 50; перевод с франц. — 379).

Не то солдат, не то путешественник. Запомним эту пушкинскую формулу. Она кое-что объяснит нам в дальнейшем.

Говоря прямее и проще — поездка в действующую армию нужна была Пушкину не для того, чтобы «воспевать подвиги», а для того, чтобы их совершать. Дух риска, испытания своей храбрости имел для Пушкина смысл самостоятельный, не обязательно связанный с поэтическим даром. Может быть, в классической формуле певца Вальсингама из «Пира во время Чумы» —

Есть упоение в бою,

И бездны мрачной на краю

(VII, 180) —

слышны и арзрумские отголоски. Именно война, «бой», и опасности горных дорог («мрачные бездны») все время преследуют путешественника⁵.

Приблизительно так можно было бы очертить круг житейских обстоятельств, влекущих Пушкина на войну. Но путь на Кавказ, по нашему мнению, пролегал для него далеко не только в бытовой, обы-

денной сфере. В пушкинском мире едва ли не каждый серьезный жизненный шаг, поступок, вызывал высокие параллели, сравнивался с общеизвестными примерами из мировой истории и культуры, из древности или современности. Аналогии между «горними» устремлениями и повседневным бытом присутствовали в сознании Пушкина постоянно; они, органично сосуществуя, дополняют и объясняют друг друга.

Поездка на Кавказ не составляет в этом смысле исключения.

Нам уже приходилось это доказывать в связи с грибоедовским эпизодом из «Путешествия в Арзрум». Речь шла о том, как смерть Грибоедова под пером Пушкина обретала некоторые черты, удаленные от исторических фактов, но зато близкие к житийной литературе, к описанию гибели православного константинопольского патриарха Григория V, растерзанного фанатичной мусульманской толпой в Стамбуле. Имя христианского мученика у Пушкина не упоминалось, но читатель, знакомый с историей смерти патриарха, мог делать свои выводы и воспринимать кончину Грибоедова далеко не только как военно-дипломатический эпизод⁶. Точно так же путешествие самого Пушкина не сводилось к простой житейской очевидности.

Свой «побег» на Кавказ поэт несомненно рассматривал как паомничество, как аналогию самым высоким историческим примерам. Подтверждений тому много. Вот косвенное свидетельство, хорошо известное, но, кажется, не оцененное по достоинству. Еще за год до путешествия в Арзрум, весной 1828 года, с Пушкиным беседовал литератор и жандармский офицер А. А. Ивановский. Обсуждались возможности поездки поэта на театр только что открывшихся военных действий — в европейскую Турцию или на кавказский фронт.

«Не знаете ли, что я сделал бы на вашем месте? — спрашивал Ивановский. — Я предпочел бы поездку в армию графа Эриванского — в колыбель человеческого рода, в землю Св. Ноя, в отчизну Зороастров, Киров и Дариев, где еще звучит эхо библейских мифологических и древне-исторических преданий... Один переезд через кавказские поднебесные выси — эти живые развалины природы, сколько раскрыл бы пред вами радужных красок, неуловимых теней и высоких идей!.. Ведь и брат ваш там? <... >

“Превосходная мысль! об этом надо подумать”, — воскликнул Пушкин...»⁷

Недостоверность и грубая тенденциозность воспоминаний Ивановского не подлежат сомнению⁸. Монолог жандарма, обращенный к Пушкину, записан 18 лет спустя, в 1846 году. И этим обстоятель-

ством объясняется многое. Для нас гораздо весомее тот факт, что рассуждение о библейских и мифологических преданиях на Кавказе принадлежит Ивановскому, уже знакомому с «Путешествием в Арзрум», опубликованным в 1836 году. После смерти Пушкина мемуарист пользуется здесь сомнительной возможностью преувеличить свою роль — он как бы заранее предлагает автору содержание будущей книги. А потом под пером Пушкина все как бы сбывается по слову Ивановского. Если наше предположение верно, то — при всей неэтичности воспоминаний офицера — его свидетельство для нас важно. Так или иначе, но образованный современник Пушкина *услышал* в «Путешествии в Арзрум» прежде всего «эхо библейских, мифологических и древне-исторических преданий».

Кавказ в сознании Пушкина не был понятием только географическим.

Глубокая традиция европейской культуры отводила Кавказу роль райского сада и вместе с тем колыбели народов, средоточия важнейших мотивов священной и гражданской истории. Мысль Пушкина должна была здесь свободно парить от древнегреческого мифа об аргонавтах до Ноева ковчега, от великого переселения народов до персидского похода Петра Великого. Поэтому путешествие в Арзрум становилось для поэта приобщением к высотам духа, к культурному наследию веков и тысячелетий.

Напомним первую географическую подробность Библии: «Насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке <... >. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки» (Быт. 2, 8—10). В ветхозаветном рассказе эти реки названы — Фисон, Гихон, Хиддекель и Евфрат (Быт. 2, 11—14). Не задаваясь вопросом о современных названиях первых трех рек, отметим, что один из двух истоков Евфрата (Карасу) находится близ горы Арарат, севернее турецкого города Эрзурума⁹, т. е. Арзрума.

Прекрасно зная первые стихи Книги Бытия, Пушкин, несомненно, понимал, что крайняя точка его путешествия — Арзрум — есть место, по библейской традиции, наиболее приближенное к Эдему.

Для нашей темы важно будет знакомство Пушкина и с немецкой средневековой легендой о Кавказе как о рае или преддверии рая — во всяком случае, как о месте, откуда рай можно увидеть. Легенда восходит к «Хронике» немецкого гуманиста Гартмана Шеделя, изданной в Нюрнберге в 1493 году по-латыни и в немецком переводе. По мнению хрониста, Кавказ есть одновременно и остров, и гора, откуда берут начало основные реки Востока. Соответ-

ствующий раздел «Хроники» так и назван — «О рае и четырех реках его»¹⁰.

Знакомство Пушкина с Шеделевою «Хроникой» возможно, но ничем не подтверждено. Однако Пушкин мог знать легенду в позднейшем переложении по источнику, не менее знаменитому, — «Народной книге» о Фаусте, составленной Х. Шписом в конце XVI века во Франкфурте-на-Майне. Экземпляр этой книги в сокращенном переводе на французский сохранился в библиотеке Пушкина. Книга прочитана, о чем свидетельствуют закладки, сделанные поэтом¹¹.

«Народная книга» в общих чертах повторяет Шеделево сказание о Кавказе-рае и четырех реках, но представляет его как эпизод странствия Фауста и Мефостофиля¹². В главе «Третье путешествие доктора Фауста в некоторые государства и княжества, а также в знаменитые города и земли» доктор и злой дух посещают легендарный Кавказ, одновременно и гору, и остров. Вот как говорится об этом у Х. Шписа:

«Кавказ, что между Индией и Скифией, — это самый высокий остров, с его горами и вершинами. Оттуда доктор Фауст обозревал многие земли и дали морские <... >.

И чтобы мне прийти к цели рассказа, сообщу, что причиной, почему доктор Фауст взбирался на такие вершины, была не только возможность обозреть оттуда часть моря, и прилежащие земли, и государства, и т. п., но он был убежден, что некоторые высокие острова с их вершинами настолько высоки, что оттуда сумеет наконец увидеть рай, ибо об этом он не спрашивал своего духа и не должен был спрашивать. Особенно же на острове Кавказе, который превосходит своими вершинами и высотой все прочие острова, надеялся он непременно увидеть рай. Находясь на той вершине острова Кавказа, увидел он землю Индию и Скифию, а с восточной стороны до полуночи издали в вышине дальний свет, словно от ярко светящегося солнца, огненный поток, поднимающийся подобно пламени от земли до неба, опоясывая пространство величиною с маленький остров. И еще увидел он, что из той долины бегут по земле четыре больших реки, одна в Индию, другая в Египет, третья в Армению и четвертая туда же. И захотелось ему тогда узнать причину того, что он увидел, и потому решился он, хотя и со страхом сердечным, спросить своего духа, что это такое.

Дух же дал ему добрый ответ и сказал: «Это рай, расположенный на восходе солнца, сад, который взрастил и украсил Господь всячес-

ким веселием, а те огненные потоки — стены, которые воздвиг Господь, чтобы охранить и оградить сад. Там же (сказал он далее) ты видишь ослепительный свет: то огненный меч, которым ангел охраняет сад, и этот меч так велик, что достанет тебя, где бы ты ни был <...>. Та вода, что разделяется на четыре части, течет из райского источника, и образует она реки, которые зовутся Ганг, или Физон, Гигон, или Нил, Тигр и Евфрат. Теперь ты видишь, что лежит она под созвездиями Весов и Овна, доходит до самого неба, а у этих огненных стен стоит херувим с огненным мечом, приставленный все это охранять. Но ни ты, ни я, ни один из людей не может туда проникнуть»¹³.

Мы не станем настаивать на том, что Пушкин будто бы ищет на Кавказе райские врата. Все-таки русского поэта XIX столетия нельзя прямо и просто отождествлять с героем немецкой средневековой легенды, но фаустовский мотив, кажется, кое-что здесь объясняет.

Год 1828-й, предшествующий поездке на Кавказ, Пушкин проживает весьма бурно и, скажем так, нецеломудренно. Это крайняя точка его разгула, пьяных оргий и увлечений женщинами самого разного достоинства. Анна Ахматова в заметке «Пушкин в 1828 году», несомненно, права, когда напоминает, что поэт «как никогда расширил свой донжуанский список», трагически колебался между «ангельскими» и «дьявольскими» женскими образами, терялся в «мгновенных страстях» и стоял на грани безумия или самоубийства¹⁴. Видения рая и ада, сменяя друг друга, преследовали его постоянно. Конкретные примеры общеизвестны, они есть у Ахматовой, приводить их излишне. Вот только одна, зато очень показательная реплика более раннего письма к даме: «Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая» (XIII, 208; перевод с франц. — 544). Сквозь иронию тут пробивается и серьезный смысл.

Фауст «Народной книги» подвержен тем же страстям. Ему мало земных наслаждений. Пресытившись ими, он ищет впечатлений за пределами здешнего мира. Еще до путешествия на Кавказ с его райскими вратами доктор Фауст посещает ад, где с помощью злых духов знакомится со всеми ужасами преисподней¹⁵. Герой немецкой легенды на протяжении всей книги мучительно размышляет над вопросом: не просчитался ли он, отдав предпочтение плотским радостям и грядущему аду перед блаженством Божьего рая?

Век просвещения, весь опыт новой и новейшей европейской культуры, конечно, не позволяют Пушкину ставить этот вопрос так буквально и прямолинейно. И все-таки некоторые аналогии напраши-

ваются. Вслед за поэтом от земных утех устает и его герой — Онегин. Он тоже далеко не тождествен Фаусту; однако же в центральном эпизоде романа, в сне Татьяны, Евгений помещен в ситуацию, где совершенно по-фаустовски распоряжается нечистыми силами. В этом контексте путешествие Онегина на Кавказ после дуэли может быть понято как альтернатива адским видениям, как фаустовский поиск рая.

Двойственная природа героя определяется в том же 1828 году в строках VII главы «Онегина»:

Чудак печальный и опасный,

Созданье ада иль небес...

(VI, 149)

Персонаж немецких средневековых легенд, кажется, в данном случае понятнее и проще. Он посещает загробный мир заранее, чтобы со всею протестантской рациональностью оценить свою сделку. Если преисподняя не так страшна, а рай не так уж прекрасен, то, значит, все в порядке. Онегин — грешник несколько иной религиозной традиции, традиции православного христианства. Здесь сильно акцентировано равенство праведника и грешника перед Богом; обретение благодати возможно для всякого, даже для того, кто не соблюдал закон, «убив на поединке друга». Онегин не заключает законных сделок ни с небесами, ни с адом. Он не создан для блаженства, как и для адских мук. Поэтому его занимают не столько свойства потустороннего мира, сколько поиски смысла земной жизни. В этих-то поисках, свободных от расчета, важно понять соотношение здешнего и нездешнего миров — т. е. тайны гроба роковые.

Тоска... Он едет на Кавказ...

(VI, 481).

Что-то похожее происходит и с самим Пушкиным. Его метания между дьявольским и ангельским наполнением жизни достигают апогея в 1828 году, но начинаются, понятно, гораздо раньше. Недаром же этой двойственностью авторского сознания современные исследователи пытаются даже объяснить происхождение романа «Евгений Онегин»¹⁶. А. Е. Тархов и В. Джунь, комментируя известную фразу Пушкина о Крыме — «Там колыбель моего Онегина» (XVI, 395), — убедительно реконструируют острое противоречие крымских воспоминаний Пушкина. С одной стороны — «прекрасны вы, брега Тав-

риды», «золотой предел», «счастливый край», с другой — преддверие преисподней.

Исследователи обращают внимание на рисунок Пушкина около строф первой онегинской главы: «Гора со сквозным ходом»¹⁷. Это Золотые ворота Карадага. Но местная татарская легенда, известная русским поэтам от Пушкина до М. Волошина, называет это место «Шайтан Капу» — «Чертовы ворота», или «вход в Аид». Тем самым Крым как бы обретает оба полюса потустороннего существования — райский (сравнение полуострова с раем потом будет затаскано до пошлости) и адский, обозначенный «Чертовыми воротами» как входом в преисподнюю. Именно в Крыму, в соседстве с inferнальным «Шайтан Капу», автор и расстается со своим Онегиным¹⁸.

Кавказские впечатления Пушкина столь же двойственны. Он не наивен, поэтому не ищет на Кавказе одних лишь садов Эдема. Это тем более немыслимо, что русские переживают здесь войну с турками, схватки с незамирными горцами, чумную эпидемию. Но все же сквозь текущие житейские обстоятельства Пушкин постоянно различает на Кавказе ощутимую близость какого-то потустороннего блаженства: то от красот Дарьяла, то от звуков грузинской песни «*Душа, недавно рожденная в раю!..*» (VIII, 458)¹⁹, то от недоступных восточных «гурий» в банях или гареме (VIII, 456, 480—481).

Сказочный образ кавказского райского сада, возвращенного Богом и охраняемого огненным мечом херувима, созданный Мефостофилом для Фауста, конечно, не находит прямых аналогий в творчестве Пушкина. Однако понимание рая как острова, стоящего на четырех реках, Пушкину близко. Уже в «Гавриилиаде» упомянуты «берега <...> светлых рек» Эдема (IV, 128). В стихотворении «Дон», написанном прямо по мотивам арзрумского путешествия, образ четырех кавказских рек выражен с совершенной ясностью:

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.
Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю

(III, 176).

Четыре реки — Дон, Арпачай, Аракс и Евфрат — как бы утверждают кавказские края в их эдемском достоинстве. Особенно суще-

ственно упоминание Евфрата, т. е. Большого Евфрата, до которого Пушкин в действительности не доехал. Поклон «от Евфрата» имеет здесь чисто символический смысл и отчасти связывает реальность путешествия с кавказской мифологией. Точно так же и немецкая народная легенда о Фаусте не следует фактам географии: Инд, а особенно Нил далеки от Кавказа.

Библейский миф о реках Эдема рождался в жарких, засушливых землях Ближнего Востока, где вода спасала и продлевала жизнь, была, в сущности, первой и главной принадлежностью рая. В поучениях сирийского христианского проповедника Ефрема Сирина, основанных на упоминании четырех райских рек, говорится о водах рая, которые таинственно подмешиваются к остальным водам земли и услаждают их²⁰. Пушкин, хорошо знавший религиозную поэзию Ефрема Сирина²¹, так и понимал высокий, не бытовой смысл течения рек, упоминаемых в «Путешествии в Арзрум», в стихотворении «Дон» и других произведениях.

Кавказские пейзажи в пушкинских стихах и прозе более чем знамениты.

Хрестоматийные картины снежных вершин, горных рек, цветущих пастбищ и аулов, рассыпанных по склонам, тревожили и будут тревожить воображение многих поколений читателей. Необходимо только помнить, что у Пушкина почти не бывает пейзажей «вообще», пейзажей как таковых, не ориентированных на культурную, мифологическую традицию. Академик Д. С. Лихачев в своей монографии ясно показал, какой мощный пласт духовной жизни лежит под бесхитростными, казалось бы, описаниями садов, парков и роцц²².

Сошлемся и на опыт собственного исследования. Когда в черновых рукописях «Путешествия Онегина» в строфе «И берег Сороти отлогий» (VI, 506) возникает великолепный сельский пейзаж Псковщины, завершаемый строчками «Там ветру в дар на темну ель / Повесил звонкую свирель», то выясняется, что здесь далеко не только описание природы. Картина, нарисованная Пушкиным, ориентирована на библейский текст (псалом 136 — «При реках Вавилонских...»). Там поэты-невольники, прозябающие в вавилонском пленении, вешают арфы свои на вербы. Значит, весь пейзаж Михайловского и Тригорского, несмотря на его очарование, Пушкин видит как место неволи, ссылки — что и соответствовало реальной биографии поэта²³.

Нечто подобное происходит, по нашему мнению, и при внимательном рассмотрении кавказских пейзажей. Картины дикой при-

роды оказываются откликом Пушкина на традиционные мотивы, восходящие к первоосновам европейской культуры.

Речь пойдет о символике облака, опустившегося на землю.

Приведем два примера, не связанных, кажется, с «Путешествием в Арзрум», равноудаленных от второй кавказской поездки Пушкина, как бы обрамляющих ее во времени: «Кавказский пленник» напечатан за семь лет до арзрумского побега поэта, а «Капитанская дочка» — спустя семь лет после него.

В первой части «Кавказского пленника» герой видит место своего заточения:

Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков. <... >
Когда с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымились тучи...

(IV, 98).

Не останавливаясь пока на том, в русле какой традиции написаны эти строки, отметим важный для нас острый контраст между высокой красотой картины и ужасом ее смысла для героя: так выглядит, по сути дела, тюрьма, место пленения. Существенной подробностью будет и то обстоятельство, что никаких облаков Пленник на самом деле не видит — вершины гор неподвижны и только *кажутся* ему облачной цепью. Настоящие тучи дымятся у ног героя только тогда, когда надвигается буря. Тонкая игра мнимых, неподвижных облаков и подлинных подвижных туч перед грозой как бы предшествует драме, как бы предваряет дальнейшее развитие сюжета.

Сходный образный мотив и в «Капитанской дочке», в главе «Вожатый». Напомним хрестоматийный диалог героя, Петра Гринева, с ямщиком:

«Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?»

«Время ненадежно: ветер слегка поднимается; — вишь, как он сметает порошу».

— Что ж за беда?»

«А видишь, там что?» (Ямщик указал кнутом на восток).

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

“А вон — вон: это облачко”.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран» (VIII, 287).

Пленнику горы кажутся облаками. Гриневу, наоборот, облачко кажется холмиком. Но в обоих случаях мнимость становится реальностью и предопределяет грозную судьбу героев. Облачко-холмик разрастается в буран, который круто поворачивает ход событий; провидение здесь выступает как стихия. В ее натиске человек — по первому, поверхностному впечатлению — теряет дорогу, заблуждается. На самом же деле облачко-холмик неисповедимо указывало верный путь к спасению, к обетованным пределам. Приказав ехать навстречу метели, Гринева не только подвергается смертельной опасности, но и как бы предопределяет счастливую развязку всей истории.

Здесь любопытно, кроме того, противостояние Гринева простолюдинам — ямщику и Савельичу. Судьба открывает им только ближайшую выгоду: вернуться, отсидеться, избежать испытаний сейчас. А там видно будет. Эта слепота лучше всего проявляется в ворчливой реплике Савельича: «И куда спешим? Добро бы на свадьбу!» (VIII, 287). И только потом, по ходу романного действия, оказывается, что герои действительно спешили на свадьбу — холмик-облачко причудливым, но единственно возможным путем вело Гринева к счастливой женитьбе на Маше Мироновой, к обретению покоя и воли.

Мы условились, что в русле символики облака, опустившегося на землю, «Кавказский пленник» и «Капитанская дочка» как бы хронологически обрамляют собой записки арзрумского путешественника, надежно подтверждают стойкость помянутых образов в творчестве Пушкина. Облако на земле — настоящее или мнимое — лик судьбы; принимающий ее вызов исполняет свое высшее предназначение.

А теперь обратимся к тексту «Путешествия в Арзрум».

Рассказав о своем визите к калмычке, этой степной Цирцее, Пушкин приступает к новой странице своего повествования: степи кончились, начинаются горы Кавказа. Отмечая это обстоятельство, Пушкин оставляет в рукописи небольшой пробел и далее записывает:

«В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры, ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи» (VIII, 447).

Родственность картины с пейзажем «Кавказского пленника» не вызывает сомнений. Автор сам о том напоминает, когда говорит, что уже видел эти «на краю неба облака» девять лет назад, т. е. во время первой кавказской поездки. Думается, тут нечто большее, чем просто замечание опытного путешественника — мол, бывает уже, не впервой, знаю.

Путь на Кавказ в 1820 году был для Пушкина резкой переменой всей жизни; он отмечал собой ссылку, неволю, последовавшие за ссорой с правительством. Тогда, подъезжая к мнимым облакам на краю неба, поэт принимал вызов судьбы; как бы спрашивал себя — куда влечет провидение? как бы задумывался — где обетованный конец странствия?²⁴

Тот же мотив слышен и девять лет спустя, в 1829 году: что ждет там, за первой горной грядой, похожей на облака? Существенная подробность: строки о горах-облаках при въезде на Кавказ вошли в «Путешествие в Арзрум», т. е. в текст, заверченный в середине 30-х годов. Но написаны они были раньше, в 1829-м, во время самого путешествия. В своей работе «Кавказский дневник Пушкина» Я. Л. Левкович попыталась разделить текст «Путешествия в Арзрум» и те подневные записи, которые поэт набрасывал на бумагу в самые дни поездки. Пейзаж с мнимыми облаками на границе степей — в редакции, близкой к приведенной, — исследовательница уверенно помещает в ранний дневник-протограф²⁵.

Значит, описывая свою вторую встречу с горами-облаками, Пушкин *еще не знает*, куда приведут его новые кавказские странствия. Подобно своим героям — бывшему и будущему Пленнику и Грине-ву, — он отдается на произвол судьбы, как бы заранее соглашаясь на все ее решения. Такую преемственность подчеркивает и пушкинское упоминание «Кавказского пленника», перечитанного автором по пути, случайно: «многое угадано и выражено верно» (VIII, 451). По традиции, опирающейся на «Кавказский дневник», принято считать, что Пушкин «угадал» здесь нравы и природу, с которыми девять лет назад познакомился лишь издали. Такой намек у поэта действительно есть²⁶. Но Пушкин, думается, не зря исключил его из «Путешествия в Арзрум». Оценка ранней поэмы стала от этого более обобщенной, более обязывающей. Может быть, поэт «угадал» и нечто посущественнее, чем «нравы и природу» — например, поворот судьбы, выведший из неволи не только героя, но и автора? Или возможный перелом их разочарований, их байронических характеров? Как знать...

Теперь от первых кавказских впечатлений Пушкина перейдем к последним. «Путешествие в Арзрум», как известно, завершается фразой: «Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» (VIII, 483). Ей предшествует очень длинный, растянувшийся на 43 журнальных строки²⁷, абзац, в котором автор быстро, почти не задерживаясь, рассказывает о своем обратном пути от Арзрума до Владикавказа. В этом абзаце вновь встречается знакомый нам символ: облако, опустившееся на земную твердь:

«Переезд мой через горы замечателен был для меня тем, что близ Коби ночью застала меня буря. Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось плавал в воздухе, несомый облаками» (VIII, 482).

Запись эта давно и надежно соотнесена со стихотворением «Монастырь на Казбеке» (1829). И прозаические строки дневника, и поэтический образ храма, парящего над облаками, навеяны одним и тем же впечатлением от вида старинной церкви Цминда Самеба²⁸. Вот эта стихотворная параллель эпизоду из «Путешествия в Арзрум»:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

(III, 200)

Стихотворение — одно из самых сильных в пушкинской философской лирике — дает, по нашему мнению, надежные аргументы для объяснения символики облака, опустившегося на землю. Ключевое выражение здесь — «соседство Бога»²⁹. Согласно ветхозаветной традиции, человеку не дано видеть Бога; появляются зримые образы, только косвенно, условно намекающие на Его присутствие. Таковы, например, три мужа у дубравы мамврийской (Быт. 18, 1—2), некто, борющийся ночью с Иаковом (Быт. 32, 24—26), горящий терновый куст (Исх. 3, 2—4) и др.

Облако, спустившееся с небес и коснувшееся тверди земной, находится в ряду таких образов. Библейский рассказ об исходе избранного народа из фараонова Египта не оставляет в этом сомнений. Когда скитальцы впервые ступают в пустыню, то никто — в том числе и пророк Моисей — не знает дороги к земле обетованной. Поэтому сам Бог указывает путь Своему народу. Здесь-то и возникает земное облако как знак, как символ Божественного Провидения, за которым должно следовать во всех превратностях исхода:

«Господь же шел перед ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем, и ночью.

Не отлучался столп облачный днем и столп огненный ночью от лица народа» (Исх. 13, 21—22).

Явление столпа облачного несколько раз упоминается на страницах второй книги Моисеевой. И всегда в одном и том же контексте: указание пути, свидетельство участия Бога в судьбе идущих по пустыне. Пушкин, как и все его религиозно образованные современники, понимает исход не только (и даже не столько) как реальное движение в пространстве, но как медленное, трудное приобщение к Единому Богу и Его заповедям. Фигура Моисея, несомненно, сильно занимала воображение поэта. Он хорошо знал все перипетии драмы вокруг скрижалей, отступничества и возвращения сынов Израилевых на путь истины.

Мы не ставим своей задачей напоминать о массе библейских эпизодов, связанных с божественным облаком. Для нашей темы, однако, необходимо обратиться к финалу Книги Исход, к ее последним стихам. В результате скитаний в пустыне избранный народ обретает не только основы религиозного сознания, но получает и первые понятия о богослужебных ритуалах, постигает начальные контуры грядущей церкви. По Божьему внушению Моисей создает скинию — походный храм с ковчегом и жертвенником, в котором кочевое племя будет совершать религиозные обряды³⁰.

Но как обнаруживается присутствие Бога в скинии? Заключительные стихи Книги Исход свидетельствуют о событии, последовавшем сразу за созданием храма:

«И покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию.

И не мог Моисей войти в скинию собрания, потому что осеняло ее облако, и слава Господня наполняла скинию.

Когда поднималось облако от скинии, тогда отправлялись в путь

сыны Израилевы во все путешествие свое.

Если же не поднималось облако Господне, то и они не отправлялись в путь, доколе оно не поднималось» (Исх. 40, 34—37)³¹.

Таким образом, облако Господне имеет в Книге Исход отчетливое композиционное значение. С него начинаются скитания народа по пустыне; им же они и завершаются. Между этими двумя явлениями славы Божьей заключены все превратности движения от «тмы египетской» к земле обетованной³². В религиозно оформленном сознании перипетии исхода понимаются как высокая аналогия жизненному пути человека и человечества. В этой традиции все «изгнание земное» и есть поиск пути, указанного свыше, следование за облаком Господним.

Кавказские записки Пушкина ориентированы — хотя, может быть, и не полностью — на эти священные страницы. Как и в Книге Исход, в «Путешествии в Арзрум» вступление в искушающее пространство и выход из него (т. е. начало и конец) обозначены образно — облаками, опустившимися на землю.

Но аналогия не только в общем для обеих книг композиционном обрамлении странствия. Знакомство Пушкина с библейской традицией проглядывает и в конкретных особенностях текстов.

Например, стоит задуматься над тем описанием монастыря на Казбеке, которое, как мы помним, приведено в конце «Путешествия в Арзрум»: «Уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками». В кавказском дневнике 1829 года этот пейзаж отсутствует. Более того, Пушкин совершенно иначе описывает знаменитую гору, которую проезжал он на возвратном пути.

«Я ехал мимо Казбека столь же равнодушно, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую груду...»³³

Это никак не вяжется с пейзажем «Путешествия в Арзрум», где монастырь предстает «озаренный лучами солнца». Нетрудно понять, что правдиво ситуация фиксирована именно в дневниковой записи 1829 года; а солнечный вид монастыря в облаках — либо плод поэтического воображения, либо встречен Пушкиным в иных обстоятельствах, не связанных с обратным путем поэта из Арзрума в Россию. Второе предположение кажется более вероятным, так как в наброске из арзрумской тетради, где Пушкин кратко обозначил основные вехи своего движения к Арзруму, есть строчка:

«Дариал, Казбек, осетинцы, похороны»³⁴.

Скорее всего, за этим глухим упоминанием Казбека, увиденного по пути «туда», на юг, как раз и скрывается картина монастыря, парящего над облаками. Если предположение верно, то возникает вопрос: зачем Пушкин пренебрег здесь хронологией? Для чего ему понадобилось более ранние впечатления приберечь для финала?

Допустим, Пушкин придерживался бы житейской правды. Тогда вид заоблачного монастыря на Казбеке должен бы следовать сразу за «горами-облаками» на границе со степью. Повествование стало бы фактически верным, но, разумеется, исчезли бы как «опоясывающая» композиция, так и параллель с сюжетом библейского исхода; оба основных символа «опустились» бы до простых, случайных наблюдений праздного путешественника.

Книгу Исход и пушкинское «Путешествие в Арзрум» связывает не только композиция, но и конкретное наполнение ключевых образов. Библейское облако является в начале пути, в пустыне: у кочевников позади языческий Египет, да и сами они еще недалеко ушли от язычников — нет ни заповедей, ни устойчивого культа, ни государственных институтов, ни своей земли. Облако только обещает все это впереди. Нечто похожее ощущает и Пушкин. Горы-облака зовут его в мир, где государственность слаба, а культ грубой силы куда влиятельнее религиозных запретов и разрешений.

Мы помним, что в финале библейской Книги Исход божественное облако осеняет уже не просто пустыню, а скинию, т. е. прообраз храма. Таков итог скитаний. Теперь, после всех превратностей исхода, народ вознагражден: он обрел не только заповеди, но и постоянную, передаваемую из рода в род святыню. Подобный же ход просматривается и в «Путешествии в Арзрум». В его начале божественные облака предстают в образе дикой, некультуренной природы; а в конце — облако облекает храм, т. е. ту же скинию. И тем увенчиваются усилия Пушкина-путешественника.

В стихотворении «Монастырь на Казбеке» поэт не только развивает эту же мысль, но и обнаруживает понимание тонкостей библейского текста. Когда «слава Божья» в виде облака наполняла скинию, ни Моисей, ни тем более его спутники не могли в нее войти (Исх. 40, 35). Пушкин ловит мгновение, в которое горный монастырь *виден* «за облаками». Это значит, что в тот миг «слава Божия» не наполняет скинию и в нее можно войти, «скрыться». А раз облако все-таки рядом, то человек, скрывшийся в «заоблачной келье», именно и оказывается «в соседстве Бога» (III, 200). Не ближе, но и не дальше!

Мотив божественного облака, указующего путь и истину, продолжается и в Новом Завете. Евангелист Лука, например, пользуется им в известном эпизоде Преображения: облако является на горе, и Бог из среды облачной объявляет Христа Своим Сыном Возлюбленным (Лк. 9, 34—35). Здесь же путь Христа в Иерусалим, где божественный агнец должен принять крестные муки, называется *исходом*, (Лк. 9, 31) — наряду с образом облака это поддерживает ветхозаветную традицию.

Религиозно-ориентированное сознание Пушкина постоянно питается подобными легендарными мотивами. Если бы это не уводило от нашей основной, кавказской темы, можно было бы напомнить о поведении апостола Петра в эпизоде Преображения. Петр не понимает, зачем Христу мученический крестный путь, и предлагает — вместо опасного следования за облаком — просто основать райские кущи здесь, на земле. (Лк. 9, 33). Примерно так же бессмысленный народ не понимает, зачем Моисей подвергает его мучениям в пустыне. И точно так же — добавим от себя — ямщик и Савельич в «Капитанской дочке» советуют держаться подальше от облачка: гораздо ведь лучше воротиться на постоянный двор, накушаться чаю и почитать до утра (VIII, 287).

Тому, кто уклонится от вызова судьбы, суждено всегда пребывать во тьме египетской.

В следующем веке, на переломе культур и традиций, смысл облачной «славы Божьей» и драмы исхода отойдет на второй план, забудется многими. Многими, но, к счастью, не всеми. Совсем недавно, в 1962 году, Анна Ахматова в своей «Веренице четверостиший» сказала так:

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.³⁵

После всего сказанного эти стихи объяснить нетрудно. В исходе, в земном скитании современного поэта, путь снова указывает «облако». Но теперь над поэтической скинией стоит не только «слава Божья», но и слава великого пушкинского романа³⁶.

Только это, повторим, уже другая, не кавказская тема³⁷.

IV

Мы уже говорили о том, что среди других «земных» мотивов, влекших Пушкина на Кавказ, было желание участвовать в русско-турецкой кампании. Еще в 1828 году поэт в известном стихотворении «Друзьям» утверждал, что кавказскими войнами царь «оживил» Россию (III, 89). Стремление Пушкина побывать в действующей армии этим во многом объясняется. Во многом, но все-таки не целиком.

Сочетание достоинств воина и поэта в одной судьбе Пушкин хорошо знал: Денис Давыдов. Мотив зависти к «певцу-герою» проходит через все стихотворные и прозаические послания к нему Пушкина. Под обаянием музыки и личности Давыдова был и безвестный лицеист, и — двадцать лет спустя — первый писатель России. Может быть, направляясь на русско-турецкий фронт, Пушкин бессознательно подражал партизану 1812 года, писавшему стихи и не связанному строгой армейской дисциплиной. Во всяком случае, штаб-ротмистр М. В. Юзефович, встречавшийся с поэтом на Кавказе, вспоминал потом, что имя Дениса Давыдова было на устах у Пушкина в разгар военных действий³⁸.

Напомним и о том, что в описании Казбека в пушкинском «Кавказском дневнике» есть сравнение знаменитой горы со снеговой грудой, *подпирающей небосклон*.³⁹ Это скрытая цитата из стихотворения Дениса Давыдова «Полусолдат»:

С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека гряда снеговая.

Когда Пушкин рекомендует начальству «не то солдатом, не то путешественником» (о чем уже шла речь в первом разделе работы), то и здесь можно различить ориентацию на «полусолдатские» стихи и биографию поэта-партизана.

В духовном обиходе пушкинского времени, ориентированном на «священные страницы», сочетание достоинств поэта и воина было очевидным: псалмопевец Давид, поразивший Голиафа (1 Цар. 17, 49). Ассоциацию с ветхозаветным поэтом-ратоборцем вызывала даже фамилия — Давыдов. В самом ее звучании слышались прямые напоминания библейской истории; биография партизана Давыдова, пишущего стихи, по случайному совпадению точно соответствовала деяниям древнего патриарха⁴⁰.

Свое родство с псалмопевцем Давидом прекрасно понимали едва

ли не все отечественные поэты XVII—XIX веков. Среди тех, кто в своих произведениях ориентировался на легенды о царе-поэте или перелагал русскими стихами его псалмы, были Симеон Полоцкий, А. П. Сумароков, В. И. Майков, П. А. Катенин, А. С. Грибоедов, Ф. И. Глинка, В. К. Кюхельбекер и др.⁴¹ В этом же ряду и Пушкин, в творчестве которого немало обращений к псалмам и к страницам Первой и Второй Книг Царств.

Известны и случаи прямых самоотождествлений Пушкина с царем-псалмопевцем. Одно из них — в эпиграмме «Певец-Давид был ростом мал, / Но повалил же Голиафа...» (II, 318)⁴². Другое — в письме к Александру Анфимовичу Орлову от 24 ноября 1831 года. Напоминая адресату о своей полемике против общего литературного противника, Пушкин пишет: «Мал бех в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб голиафу Фиглярину, то слава Создателю!» (XV, 2).

В письме к Орлову Пушкин ориентируется не только на основной библейский рассказ о поединке Давида с Голиафом, но и на неканонический псалом 151, завершающий Книгу Псалтырь. Он начинается стихом «Мал бех в братии моей и юнший в дому отца моего: пасох овцы отца моего...». Далее Давид поет о том, что, несмотря на малость свою перед братьями, именно он, Давид, удостоился помазания Господня, а потому и победил иноплеменника и снял поношение с народа своего.

Менее очевидны, но не менее достоверны и другие уподобления. Например, известное место из письма Пушкина к П. А. Вяземскому (ноябрь 1825 года) — по случаю завершения трагедии «Борис Годунов». Представив основных персонажей своего нового произведения, Пушкин пишет: «Жуковский говорит, что Царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (XIII, 240). Комментаторы давно и верно объясняют это место письма как пушкинское признание антицарских реплик Юродивого резонерскими, принадлежащими самому автору. Это надежно согласуется с русской народной традицией — видеть в юродивом пророка, обличителя всякого злодейства, хотя бы и царского.

Но, думается, отечественными преданиями здесь дело не исчерпывается. Ведь крамольные реплики, как признает автор, принадлежат ему самому, Пушкину. Значит, поэт, не будучи юродивым, таковым притворяется. Аналогия здесь очевидна. Единственный певец Библии, который притворно юродствует, — Давид. По ветхозавет-

ному рассказу, Давид, преследуемый царем Саулом, бежит в землю Гефскую, к единоплеменникам убитого им Голиафа. В земле Гефской он пребывает в страхе: местный царь Анхус и его люди могут жестоко отомстить беглецу за смерть Голиафа и других пораженных им, Давидом, филистимлян. И тогда Давид прикидывается юродивым. Вот как повествует об этом Писание:

«И изменил лицо свое пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, и пускал слюну по бороде своей.

И сказал Анхус рабам своим: видите, он человек сумасшедший; для чего вы привели его ко мне?»

Разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он юродствовал предо мною? Неужели он войдет в дом мой?» (1 Цар. 21, 13—15).

Юродствуя, библейский поэт спасается от рук царя; то же самое, по существу, делает и Пушкин, скрывая свой настоящий облик («уши») под дурацким колпаком.

Конечно, Пушкин, отмечая свое родство с юродивым Николкой, вовсе не старается подражать ветхозаветному патриарху. Форму своего «игривого» поведения Пушкин не заимствует из Библии; да и обстоятельства, в которых действуют псалмопевец и опальный поэт, разделены тысячелетиями и далеко не сходны. Однако, хорошо помня текст Писания, Пушкин должен был осознавать явную аналогию между библейским эпизодом «юродства» Давида и своим собственным положением опального пророка, вынужденного скрываться за образом безумного.

Нечто подобное происходит, по нашему мнению, и на страницах «Путешествия в Арзрум», и в сфере биографических подробностей второй кавказской поездки Пушкина. Поэт не стремится реально строить свой жизненный путь по библейским образцам, но неизбежно должен осознавать фабульные и характерные совпадения житейского и священного.

Они иногда просто поразительны.

Молодость певца Давида приходится на последние годы царствования Саула; Дух Господень уже отступил от царя, и он все время возмущаем злым духом. Тогда слуги Сауловы предлагают для успокоения правителя найти человека, искусного в игре на гуслях. На эту роль и приглашается ко двору сын Иессея Вифлеемлянина — Давид. Играя перед Саулом, Давид отгоняет от царя злого духа. И даже удостоивается звания оруженосца. Но идиллия царя и поэта — непродолжительна. Саул удаляет Давида из столицы, и

певец возвращается в Вифлеем — пасти овец отца своего (1 Цар. 16, 14—23; 17, 15).

Опала Давида никак не мотивирована, но можно понять, что это решение в ряду других несправедливых дел Саула — ведь Бог его покинул. Дальше события развиваются следующим образом. Пока Давид пасет отцовские стада, начинается война с филистимлянами, и оба войска — израильское и филистимское — противостоят друг другу в Иудее. И сорок дней со стороны язычников выступает великан-единоборец Голиаф, который выкликает кого-нибудь из израильтян на поединок; его условие — побежденный на этом поединке и все его соплеменники без общей битвы становятся рабами соплеменников победителя (1 Цар. 17, 1—16).

Священная история со всей очевидностью утверждает, что именно Божественное Провидение привело Давида в войско, чтобы сразиться и победить Голиафа. Но для нашей темы гораздо важнее тот конкретный земной повод, по которому Давид покидает свой дом и направляется в воинский стан. Дело в том, что с самого начала кампании в войске находятся сыновья Иессея, братья Давида — Елиав, Аминодав и Самма (1 Цар. 17, 13). Вот как звучит библейский рассказ о простых житейских обстоятельствах, определивших присутствие поэта в войске:

«И сказал Иессей Давиду, сыну своему: возьми для братьев своих ефу сушеных зерен и десять этих хлебов, и отнеси поскорее в стан к твоим братьям;

<... > и навейся о здоровье братьев, и узнай о нуждах их;

<... > И встал Давид рано утром, и поручил овец сторожу, и, взяв ношу, пошел, как приказал ему Иессей, и пришел к обозу, когда войско выведено было в строй и с криком готовилось к сражению» (1 Цар. 17, 17—20).

Значит, приход поэта на поле сражения первоначально мотивирован простыми житейскими поводами: надо навесить братьев, «наведаться» об их здоровье и нуждах. Можно только удивляться, сколь точно все это совпадает с одной из мотивировок арзумского путешествия, выдвинутых Пушкиным: «Мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел. Армия выступила в поход» (VIII, 1024).

Подобно Давиду, Пушкин сначала попадает в тылы, в обоз, и только потом в действующую армию.

Истолкование формулы — «для свидания с братом и некоторы-

ми из моих приятелей» — тоже сближает рассказ о путешествии в Арзрум со страницами Священной Книги. Брат Пушкина, Лев Сергеевич, воевал на Кавказе юнкером-драгуном⁴³. А под «некоторыми приятелями» Пушкин разумел прежде всего своих друзей-декабристов, разжалованных и сосланных на Кавказ, — В. Д. Вольховского, Н. Н. Раевского-младшего, М. И. Пущина⁴⁴ и других людей, близких по духу и судьбе, Пушкин много раз называл братьями. Вспомним хотя бы знаменитое место из письма к Вяземскому, помеченное августом 1826 года: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (XIII, 291).

Тем самым, вслед за Давидом-псалмопевцем, Пушкин мог бы сказать, что отправился «в стан к своим братьям».

Но прямые параллели на том далеко еще не кончаются. В нашу задачу сейчас не входит определять меру и характер участия Пушкина в боях. Однако хорошо известно: поэт все время рвался участвовать в сражениях, что не вызывало особого восторга у его «братьев». Напомним известный эпизод из воспоминаний М. И. Пущина:

«Пушкин бросился меня целовать, и первый вопрос его был: “Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках” <... > — “Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться” <... >

Пушкин радовался как ребенок тому ощущению, которое его ожидает. Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики»⁴⁵.

В разгар боев Раевский и Пущин, конечно, меньше всего задумываются о соответствии своих действий библейским рассказам — оба офицера просто хотят спасти друга и поэта от смертельной опасности. Но тем не менее они поступают совершенно так же, как братья псалмопевца. Когда старший брат Елиав узнает, что пришедший из дома Давид примеривается к тому, чтобы выйти на поединок с Голиафом, он выговаривает младшему за высокомерие и излишнее любопытство. Мотивы Елиава очевидны: он хочет уберечь младшего от гибели (1 Цар. 17, 28).

Еще раз оговоримся: отождествляя себя с библейским поэтом-героем, Пушкин ни перед собой, ни перед другими не берет на себя каких-либо обязательств; он, конечно, не должен буквально подра-

жать древнему патриарху. Но очевидные переключки между кавказской одиссеей Пушкина и легендарными подробностями жизни Давида должны были как-то отражаться в сознании поэта, занимать его воображение.

Весьма показателен, например, мотив поединка, единоборства богатырей перед строем двух враждебных армий, несомненно восходящий к битве Давида с Голнафом. В третьей главе «Путешествия в Арзрум» есть запись, безусловно верно отражающая факт: «Вскоре показались дели-баши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками» (VIII, 469). Но в известном стихотворении «Делибаш» Пушкин существенно переосмысливает эту ситуацию. Сражаются уже не делибашы с казаками, а один делибаш с одним казакком:

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме перед казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! Не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! Не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблюю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы

(III, 199).

Нетрудно заметить, что рыцарское единоборство перед строем войск есть сюжет, проходящий через все творчество Пушкина. Уже в «Кавказском пленнике» помянут «Мстислава древний поединок» (IV, 113). В прозаическом примечании Пушкин со ссылкой на Карамзина объясняет, что Мстислав «воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю» (IV, 117). Позже на роль, сходную с ролью Давида, будет претендовать и герой «Капитанской дочки» Петр Гринев. Во время

оренбургской осады он постоянно выезжает из крепости «перестреливаться с пугачевскими наездниками» (VIII, 341).

С этой точки зрения идейное пространство «Путешествия в Арзрум» выглядит незамкнутым. Предшествующие и последующие произведения Пушкина подтверждают верность автора культурной традиции, восходящей к страницам Священных Книг.

Тот факт, что творчество Пушкина ориентировано на высшие проявления человеческого духа, — далеко не новость. Русские философы «серебряного века» давно это установили. Известный богослов А. В. Карташев в своей работе «Лик Пушкина» еще в 30-е годы заметил:

«В календарях культуры всех народов есть такие избранные излюбленные лики, которыми любитесь и утешается народная душа, своего рода светские святые. Как есть подобного рода исключительно ценимые и произведения национальной литературы. <... > Тут “благодать любви”. Ее нельзя изъяснить, мотивировать до конца; можно лишь отчасти и приблизительно. Это — “священные писания” народов и герои национальных “священных историй”. Разве в силах кто-нибудь развенчать потрясающую трогательность истории Авраама, Иосифа, Руфи, Давида, Илии? <... > Их не вырвать из памяти наций. Это образы из светлой библии народов. Их биографии, большей частью окутанные мифами, воспринимаются национальными сердцами как “жития”, умиляющие и возвышающие дух. Так же “житийно” влечет нас и приковывает к себе и ослепительный образ Пушкина»⁴⁷.

Имя русского поэта, поставленное здесь в один ряд с библейскими патриархами, лишь на первый, поверхностный взгляд кажется неуместным. Духовное родство Пушкина с самыми высокими образами «светлой библии народов» проявляется едва ли не во всех образах его многогранного творчества.

И «Путешествие в Арзрум» занимает среди них далеко не последнее место.

¹ См., например: Тынянов Ю. Н. «Путешествие в Арзрум» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 2. М.; Л., 1936. С. 57—73; Эйдельман Н. Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» М., 1990. С. 173—198; Белкин Д. И. Встреча Пушкина с персидским стихотворцем Фазыл-ханом // Литературные связи и традиции. Вып. 4. Горький, 1974; Левкович Я. Л. 1) Кавказ-

ский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л., 1983. С. 5—26. 2) К цензурной истории «Путешествия в Арзрум» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. М.; Л., 1967. С. 34—37; *Листов В. С.* К истории создания «грибоедовского» эпизода из «Путешествия в Арзрум» // Болдинские чтения. Горький, 1986. С. 129—139.

² Достаточно напомнить, что подорожную до Тифлиса Пушкин берет еще 5 марта 1829 года, т. е. почти за два месяца до сватовства.

³ См., например: *Гиллельсон М. И., Мильчина В. А.* Комментарий // Современник: Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию (Т. V). М., 1987. С. 46—47.

⁴ О дворянском культе чинов и о преимуществах военной службы перед всеми другими см.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 18—45.

⁵ Преследует его также чума в Ахалцихе, Эривани и Арзруме, но это другая тема.

⁶ *Листов В. С.* К истории создания «грибоедовского» эпизода из «Путешествия в Арзрум». С. 129—139.

⁷ *Ивановский А. А.* А. С. Пушкин // Рус. старина. 1874. № 2. С. 398—399.

⁸ Это заметили, например, С. Гессен и Л. Модзалевский — см.: Разговоры Пушкина. М., 1929. С. 111 (примечание).

⁹ См.: Большая Советская Энциклопедия. Т. 15. М., 1952. С. 432. Это, кстати, и дает Пушкину возможность пометить одно из кавказских стихотворений топонимом — «Лагерь при Евфрате» (III, 163).

¹⁰ В кругу Пушкина Кавказ и понимался как библейский рай. Например, генерал А. П. Ермолов в иронической реплике против Паскевича и его участия в кавказской войне 1828—1829 гг. писал: «...в самом раю давал он баталии. Кто другой со времен христианства дрался у источников Тигра и Евфрата» (Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...» С. 183).

¹¹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники. Вып. IX—X. СПб., 1910. №№ 166—172; *Алексеев М. П.* Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 488—501.

¹² Именно так пишется имя злого духа в «Народной книге».

¹³ Легенда о докторе Фаусте / Издание подготовил В. М. Жирмунский. Изд. 2-е. М., 1978. С. 71—72 (Сер. «Литературные памятники»).

¹⁴ *Ахматова А.* О Пушкине: Статьи и заметки. Изд. 3-е. М., 1989. С. 218—233.

¹⁵ Легенда о докторе Фаусте. С. 60—62.

¹⁶ См.: *Осват Л. С.* «Влюбленный бес»: Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821—1831 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XII. Л., 1986. С. 175—199; *Тархов А. Е., Джуль В.* «Там колыбель моего Онегина» // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 13—22.

¹⁷ См.: *Эфрос А.* Рисунки поэта. М., 1930. С. 61.

¹⁸ См.: *Тархов А. Е., Джуль В.* «Там колыбель моего Кавказа». С. 20—22.

¹⁹ Романс Д. Туманишвили.

²⁰ См.: *Аверинцев С. С.* Рай // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 364.

²¹ По мотивам молитвы Ефрема Сирина написано стихотворение Пушкина: «Отцы пустынники и жены непорочны...» (III, 421).

²² См.: Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л., 1982.

²³ Листов В. С. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л., 1987. С. 122—125.

²⁴ Первое впечатление и первая его запись очень близки по времени — из письма к Л. С. Пушкину от 24 сентября 1820 г.: «Жалею, мой друг, что ты <... > со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми» (XIII, 17).

²⁵ «В Ставрополе увидел я на краю неба белую неподвижную массу облаков, поразившую мне взоры тому ровно 9 лет. — Они все те же, все на том же месте. — Это были смежные вершины Кавказа» (Цит. по: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 20).

²⁶ См.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 24.

²⁷ Современник. 1836. № 1. С. 83—84.

²⁸ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Л., 1977. С. 450.

²⁹ Понятно, что к ветхозаветной символике тяготеет здесь и образ «в небе реющего ковчега», особенно уместный на Кавказе, в окрестностях горы Арарат. Но это другая тема, которая здесь не затрагивается.

³⁰ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 2. СПб., [б. г.] С. 2071.

³¹ Аналогичным образом облако наполняет и храм Соломона в момент его освящения. «И не могли священники стоять на служении по причине облака; ибо слава Господня наполнила храм Господень» (3 Цар. 8, 10—11).

³² Перед тем как оглядеть землю обетованную, куда войти ему не дано, Моисей вновь, уже в последний раз, увидит «столп облачный» и будет беседовать с Господом» (Втор. 31, 15—16).

³³ См. об этом: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 25.

³⁴ Там же. С. 23.

³⁵ Ахматова А. После всего. М., 1989. С. 168.

³⁶ Попутно заметим, что образ «воздушной громады» тоже связан у Ахматовой с Пушкиным. Ахматова, как известно, была переводчиком английских текстов в известном сборнике «Рукою Пушкина» и, следовательно, хорошо знала его содержание. В этом сборнике было помещено переписанное Пушкиным стихотворение Адама Мицкевича «Олешкевич. День накануне петербургского наводнения 1824». В переводе этого стихотворения есть строки: «Воздушная громада, как город великанов / Исчезнув в небе... » (См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 12, 535—536, 544).

³⁷ По-видимому, тот же смысл, смысл библейского образа, имеют «завтрашние облака» в онегинской строфе, завершающей роман В. В. Набокова «Дар» (указано С. А. Фомичевым).

³⁸ См.: Юзефович М. В. Памяти Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 109.

³⁹ См.: Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. С. 25.

⁴⁰ Насколько прочно псалмопевец Давид осознавался как предтеча последующей поэзии, можно судить, например, по тому, что в XIX столетии в России на

могильных камнях поэтов и музыкантов нередко изображали шестиугольную «звезду Давида».

⁴¹ Подробнее об этом см.: *Фомичев С. А.* Из комментариев к лирике Пушкина. Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. СПб., 1995. С. 78—86.

⁴² О новой датировке и новом прочтении этой эпиграммы см.: Там же. С. 83.

⁴³ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 350.

⁴⁴ Там же. С. 77, 355—356, 362.

⁴⁵ *Пушин М. И.* Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 90—91. Тем не менее поэт 14 июня 1829 г. ввязался в перестрелку с турками в долине Инжа-Су и был насильно выведен из передовой цепи казаков офицером Н. Н. Семичевым, посланным Н. Н. Раевским (см.: *Ушаков Н. И.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. Ч. 2. Варшава, 1843. С. 303).

⁴⁶ *Карташов А.* Лик Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 307.

ПИСЬМА М. П. АЛЕКСЕЕВА В. А. МАНУЙЛОВУ

Вступительная заметка С. А. Фомичева

Публикуемые ниже письма воскрешают память о двух ученых, без благотворного влияния которых нельзя себе представить уникальный филологический феномен, каким стал Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Дело даже не в тех должностях (весьма ответственных), которые в разные годы занимали академик М. П. Алексеев (1896—1981) и доктор филологических наук В. А. Мануйлов (1903—1987). Прежде всего с благодарностью хотелось бы отметить их нравственное воздействие в качестве благородных рыцарей филологии, исследователей-подвижников, увлекающих в сферу своих разнообразных научных интересов многих людей, щедро одаривающих их научной информацией и идеями. Письма Михаила Павловича к Виктору Андрониковичу относятся к 1925 году. Очевидно, в биографиях обоих это был далеко не лучший год. Старший из них был тогда в Одессе отлучен от преподавательской работы в высшей школе, младший, заканчивая историко-филологический факультет Азербайджанского университета в Баку, только нащупывал свой путь в науке. В биографическом очерке о первом отмечается: «В Одессе начинается и научно-организационная деятельность М. П. Алексева. Он становится секретарем Одесской Пушкинской комиссии, редактирует три выпуска сборника “Пушкин. Статьи и материалы”, объединившего труды одесских пушкинистов». Как увидим ниже, не только одесских... Студенческие работы бакинца Виктора Мануйлова также его заинтересовали, и с какой пронизательностью он угадал их незаурядность, с какой серьезностью он обсуждает их! Из писем М. П. Алексева, копии которых любезно предоставила редакции Л. Н. Назарова, мы отобрали только те, которые воистину не утратили и поныне научной актуаль-

ности. Но главное все же не в этом. Они доносят до нас живой голос Михаила Павловича и рисуют облик юного Виктора Андрониковича, общением с которыми щедро одарила нас жизнь, и это не менее значительно, нежели их научные труды, давно ставшие классикой русской филологии.¹

Одесса 9/VII 1925

Многоуважаемый Виктор Андроникович,

Я искренне рад нашему заочному знакомству с Вами и сожалею только о том, что оно не началось месяцем раньше. К несчастью, наш сборник уже отпечатан; финальная типографская точка поставлена недели три тому назад, а в настоящее время он уже брошюруется. Таким образом, при всем своем желании помочь Вам в публикации Вашей статьи, я этого сделать не могу. Но еще не все потеряно: нельзя ли будет воспользоваться ею для *второго* нашего сборника, который мы предполагаем начать печатанием в половине августа? Но тут позвольте мне сделать маленькое отступление и посвятить Вас в некоторые редакционные тайны. Дело в том, что в Одессе существует «Дом Ученых»: при нем 8-го марта 1925 г. основана Постоянная Пушкинская комиссия, которая поставила своей задачей планомерное и организованное изучение трудов и дней Пушкина преимущественно одесской поры его жизни. Создать такую комиссию было чрезвычайно трудно, еще труднее было приступить к изданию намеченного ею сборника. Людей у нас в Одессе, преданных русской культуре, нет, филология подверглась разгрому и совершенно изгнана из т<ак> наз<ываемой> Высшей школы, все быстро «украинизируется». И тем не менее слово стало делом; от имени «Дома Ученых» была объявлена подписка на сборник, были устроены некоторые платные вечера: в итоге получилась сумма в 250 рублей, с которой печатание сборника в 5¹/₂ печ<атных> листов началось и закончилось. Теперь остается последнее трудное дело: распространить 1000 экз<емпляров> сборника (по рублю за книгу), чтобы осталась прибыль в 250—300 рублей. Если это совершится с помощью доброжелателей сборника, мы тотчас же приступим ко *второму*. Это мое твердое намерение, и оно будет осуществлено, если мне суждено еще год прожить в Одессе. (Не скрою от Вас, что меня очень тянет на север.) Сложность подготовки сборника, выходящего в свет, сильно отразилась на его содержании; разумеется,

гонорара у нас не было. Существенную поддержку оказали все же Б. Л. Модзалевский, приславший из Пушк<инского> Дома со своей заметкой неопубликованный автограф XVIII и XIX строф первой главы «Евг<ения> Онегина», Н. О. Лернер прислал неизвестный рисунок Пушкина 1824 г., Оксман — неизвестные цензурные материалы «Кавказск<ого> пленника» и т. д. Все остальное пришлось собирать в Одессе, и, нужно сказать прямо, не все материалы достаточно занимательны, хотя, может быть, и нужны. Кое-что мне пришлось силой вытащить у моих молодых друзей и учеников. Тем досаднее мне, что статья Ваша не прибыла ко мне раньше: ее, конечно, можно было напечатать. Но, повторяю, если распространение сборника будет идти удовлетворительно, ко второму сборн<ику> мы приступим через месяц, и тогда эта или другая Ваша работа увидит у нас свет. Но с этой целью мы с Вами не должны терять друг друга из виду и продолжать переписку. Чтобы статья у меня не залеживалась напрасно, посылаю ее Вам обратно: у Вас будет время ее несколько распространить. Для меня не совсем ясно, почему Вы отказываетесь от действительно интересных сопоставлений работ М. Гершензона и Т. А. Харозова? Ведь последняя работа *напечатана*: требуется ли в этом случае разрешение автора для изложения ее основных выводов? Основной вывод Вашей статьи, конечно, неоспорим. Таким образом, если бы Вы познакомили читателя с тем, в чем именно сходятся выводу Г<ершензона> и Х<арозова>, это было бы интересным введением к Вашим собственным наблюдениям. Работа Харозова мне неизвестна, и ее, конечно, знают очень немногие: тем нужнее такое вступление. Должен Вам сказать, однако, что для *Одесского сборника* еще интереснее были бы Ваши работы, непосредственно близкие к жизни и творчеству Пушкина одесской поры, след<овательно>, 1823—24 гг., и с этой точки зрения, внимание мое особенно привлекла Ваша тема: «Плутон — Воронцов». Если она не превышает печ<атного> листа (16 страниц), ее напечатать было бы совсем хорошо. У меня сильное желание превратить одесские «Пушк<инские> сборники» в периодическое издание типа «Пушк<ин> и его современники», в котором объединялись бы пушкинисты *всего юга*. В таком издании Вы были бы желанным нашим сотрудником. Будем надеяться, что так и будет. Ваше «уравненьице» занимательно, но боюсь высказаться Вам по существу. Мне тоже приходилось последние годы много заниматься темой о Пушкине и Воронцовой, но мое твердое решение было искать только факты, факты и факты, совершенно отказываясь пока от каких-либо построений. Все, что написано о Воронцовой и

Пушкине, не исключая и статьи Гершензона, основано не на всех данных, известных в печати. По моему убеждению, основателем легенды был не Вигель, а П. И. Бартенев, черпавший сведения из того же источника, что и Вигель, — из одесских светских сплетен, после же Гершензона все дело испортил Д. Соколов в своей нелепой статье в «Пушк<ин> и его современн<ики>» — «По поводу стих<отворения> «Пускай увенчанный любовью красоты»: знаете ли Вы эту статью, в которой нет ни слова правды и ни одного дельного указания? Я начал с того, что написал биографию Е. К. Воронцовой с *точной хронологией* 1823—24 гг. по архивн<ым> данным, и если бы Вы знали, какая получилась удивительная картина из простого сопоставления цифр, дат! С другой стороны — я чувствую необходимость совершенно разграничить биографии от интерпретации текста и вполне в этом случае примыкаю к Б. Томашевскому: знакома ли Вам его статья «Литература и биография» — в «Книге и революции» 1923 № 4 или новая его книга о проблемах изучения Пушкина (Лгр. 1925)? Но все эти темы для долгих с Вами бесед — надеюсь, они не прекратятся. Рад буду служить Вам предоставлением к<a>к<их>-н<и>б<удь> сведений по интересующим нас с Вами вопросам.

Моя единственная *по Пушкину* статья о «Гавриилиаде» — напечатана в Киеве в 1919 г. и, к сожалению, совершенно разошлась. Продолжение тех же изысканий (средневековые параллели к «Гавриилиаде», гностическое происхождение пародий на благовещение и т. д.) напечатаны в Одесском сборнике. По слухам, уже напечатана, но я еще не видел ст<атью> «Pushkine and W. Irving» (на англ. яз.), посланная мною в «Slavonic Review» в Лондоне еще в 1923 году. Остальные мои работы рассеяны по Московск<им>, Киевским, Харьковским, Петерб<ургским> изданиям и посвящены Достоевскому, Тургеневу, Островскому, Марлинскому. Кое-что у меня еще есть. Если Вас эти работы могут интересовать, я с удовольствием Вам их пришлю. Жду от Вас ответа.

Уважающий Вас М. Алексеев.

21/VIII 25

Милый Витя, вчера я получил третий цикл Ваших вопросов, а сегодня урвал несколько минут на ответ; боюсь только, что ответить сразу на все Ваши вопросы не смогу. Начну с «пещеры», т. к. этот вопрос, кажется, сильно интересует Вас. Вопрос этот в Пушкинской

лит<ерату>ре не нов; специально интересовался им (кроме Щеголева) Д. Соколов в статье «Пускай увенчанный любовью красоты» — «Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII; статья эта написана *против* статьи Гершензона и увеличивает «Воронцовский цикл» больше чем на треть; к сожалению, увеличения эти совершенно недоказательны. Среди почти *бесспорных* стих<отворен>ий, вызванных Воронцовой или ей посвященных, следует выделить «Талисман» — не по внутренним основаниям, а по исключительно важному свидетельству об этом Вяземского. Последний в своей записной книжке под 19 окт<ября> 1838 г. отметил посещение свое в Англии семьи лорда Пемброка, женатого на сестре гр. М. С. Воронцова — Екатерине Семеновне. Вечером у Пемброков собралось небольшое общество; музицировали; сын лорда Пемброка — Herbert, м<жду> проч<им>, увеселял гостей музыкой и пением и среди других романсов спел «Талисман», переложенный на англ<ийском> языке лэди Гейтсбюри. Вяземский замечает по этому поводу: «Он и не знал, что поет про волшебницу тетку, которую на днях ожидают с мужем и графиней Choiseul» (IX, 186). Вяземский, от жены своей знавший всю одесскую жизнь Пушкина, не мог ошибаться. Но оставим в стороне легенду о перстне, которая несколько не разъясняется этим свидетельством; если, однако, «Талисман» действительно посвящен Воронцовой, то не ей ли посвящены и т<ак> наз<ы>ваемые «черновики талисмана»? Среди последних особое внимание обращает на себя отрывок Рум<янцевского> Муз<ея> № 2370 л. 68 об., в академич<еском> изд<ании> читается:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья
Влетев принес мне талисман и т. д.

Примечание указывает, что Анненков называет этот отрывок *первым наброском* «Талисмана». Но если Вы перечтете заново Анненкова («Любопытная тяжка» — Вестн<ик> Евр<опы> 1881, 1, 29—30) Вы увидите, что здесь простое недоразумение. Анненков ничего не утверждает; стараясь провести набросок через цензуру, он, говоря его же словами, пользуется «старым испытанным методом оппортунистической аргументации, подбирающей для начальства доводы, единственно ему памятные и приемлемые». Не хочет ли он и здесь только обмануть цензуру указанием на то, что *известное* стих<отворение> П<ушки>на «Талисман», близкое по колориту к данному, давно уже напечатано без всяких затруднений, а *первый*

очерк его эти затруднения встречает? Соколов обо всем этом не подумал и связывает этот отрывок с другим: «Приют любви и т. д.» и после ряда бестактнейших сопоставлений приходит к выводу: «Не может быть сомнения в том, что “тайная пещера у берега вод” и “уединенная пещера у моря, обитель неги, приют любви” — одно и то же место, где ночью конца мая или самого начала июня 1824 г. поэт получил тайный подарок, перстень талисман» (Соколов, стр. 27). Для меня, однако, сомнения, и очень большие, остаются. Стоит взглянуть в черновик отрывка: «В пещере тайной»; там есть такие варианты: в ст. 4: «Перед лампадой в (день) ночь гоненья» «И горный дух (зачеркн<уто>) ангел утешения»; наконец «слова святая (пророка зач<еркнуто>, Корана зач<еркнуто>) начертила на нем безвестная рука». Спрашивается, какая лампада могла светить читающему Коран, если под пещерой подразумевается «приют любви», уединенный тайный грот, который был местом свиданий*. Соколов цитирует слова Лернера, который обратил внимание на слова «ангел утешения» — «что вполне сходилось с возвышенным представлением Пушкина о Воронцовой»; ошибка его заключалась в том, что он принял во внимание лишь *окончательный* вид наброска; но в черновом тексте были потом зачеркнутые строки «и горный дух», что уже никаким образом не могло сходиться у Пушкина с представлением о Воронцовой. Далее, откуда в тексте это «Внезапно», если свидание предполагает уговор. Наконец, и заключительные стихи отрывка далеко не согласуются с представлением о перстне. Если Соколов и сам признает (стр. 24), что Воронцова, а за ней и Пушкин могли знать смысл *еврейской* надписи на нем, то почему у Пушкина на талисмане отрывка «безвестная рука» начертила слова Корана? Можно ли выражение «день гоненья» истолковывать как указание на положение Пушкина перед высылкой из Одессы? Конечно нет. В предисловии к «Кавк<азскому> пленнику»:

Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем.

Если даже принять это «день гоненья» в качестве биографического указания, то сравнение его с указанным местом «Кавк<азского> пленн<ика>» показывает, что «днем гоненья» Пушкин мог считать вовсе не насильственную высылку из Одессы, *но и свое пребывание на юге*. Впрочем, выражение «зоркое гоненье» в 1-м под-

* Естественно, что «лампада» исчезла, коль скоро «ночь гоненья» была изменена сначала в «день», а потом и в «дни гоненья».

раж<ании> Корану, заимствованное из 9-ой суры Корана, может подсказать, что мы имеем дело с формулой священных книг (ср. у Иеремии: «Помяни нищету и гоненье мое»). Сумцов в специальной статье «Стихи о Лампаде» указал на то, что «перед мысленными очами поэта часто проходил своеобразный образ старика, читающего или пишущего перед лампадой». Образ этот встречается у Пушкина 11 раз, первый раз в «Руслане и Людмиле»:

В пещере старец, брада седая
Лампада перед ним горит,
За древней книгой он сидит
Ее внимательно читая.

12-й раз образ этот, по моему мнению, встречается именно в отрывке «В пещере тайной», и весь отрывок представляет из себя один из вариантов «Подражаний Корану», которым Пушкин воспользовался полнее в подражании XIII-м. Отнесение его к Воронцовой — сплошное недоразумение: уединенная пещера, освещенная лампадой, это не «приют любви», но уединенная келья, где гонимый ищет божественной истины. Сравните теперь с этим отрывком две другие (Рум<янцевский> Муз<ей> № 2370 на л. 6 и 3): «Пещера дикая видна. / Приют любви и т. д.» и «(Есть у моря под скалой) Пещера дикая таится»: ясно, что здесь говорится о скалистом гроте на берегу моря (в ней плещут волны); т. е. дается совершенно другая картина; подобных пещер есть сколько угодно на одесском берегу, но из этого еще не следует, что подобная пещера могла быть приютом для тайных свиданий. Вообще говоря, подобные свидания практикуются и сейчас, но относительно Пушкина и Воронцовой это невероятно по многим другим основаниям характера документального и биографического. Относительно же «пейзажа» утаенной любви ведомы ли Вам статьи Губера («Пушкин и гр. Н. В. Кочубей» — «Русск<ое> прошлое» П. 1923 кн. 2, 104—126; то же в его книге «Донжуанский список Пушкина»), дилетантские, но замечательно остроумные? Он, между прочим, относит слова: «Там, там, где лист чудесный» не к Крыму и не к Одессе, а к Павловскому или Царскосельскому парку, где «вечные струи» — струи фонтанов, а не волны Черного моря и не «слезы» Бахчисарайского фонтана.

Идем дальше. Если Соколов, без всякого разбора, валит все почти одесские стихи к Воронцовой, то существует и другая, обратная попытка — доказать, что к ней не относится ни одно стих<отво-

рен>ие П<ушки>на. Попытка эта, тоже довольно бездарная, принадлежит Ч. Филиппову (сборн<ик> «Неумирающие темы» Одесса, 1913) и посвящена М. О. Гершензону. Филиппов все, вплоть, кажется, до «Талисмана», относит к Ризнич. Но дело в том, что подобных теорий можно сочинить сколько угодно, а дело не подвинется ни на шаг. С одной стороны, сочинители теорий забывают о процессе творчества (по этому поводу непременно прочтите, если еще не читали, важную в методологическом отношении статью В. Вересаева. К психологии пушкинского творчества. В связи с вопросом о датировке элегии на смерть Ризнич — «Красная Новь» 1923 № 5 (15), стр. 323—339). С другой стороны: прежде чем строить, надо иметь материал для постройки. Я совершенно отказался от мысли сказать что-либо по поводу вопроса: «Пушкин и Воронцова», пока не исчерпаю все данные документального характера. Уверяю Вас, что можно найти немало ценных фактов, которые помогут когда-нибудь распутать этот вопрос. Так, например, из самых распространенных и популярных источников, каковы 5 томов «Остафьевского Архива» (1866—1917), можно получить следующие данные о Воронцовой: в Одессу Воронцов прибыл 21 июля 1823, а Е. К. Воронцова только 6-го сентября; она покойно жила на даче (Рено) и никого не принимала по причине своей беременности. 23 октября у нее здесь родился сын Семен. Зима прошла в балах, праздниках, увеселениях. Весь апрель 1824 г. Воронцова провела под Белой Церковью, у матери. Вспомните, скольких трудов стоило пушкинистам приблизительно определить дату отъезда ее в Крым! Самый трудолюбивый и самый замечательный исследователь Бертье-Делагард (Пушкин и его современники). XVII—XVIII. 82—83) посвятил вопросу несколько страниц. Кажется, что его вычисления безупречны, однако вышло наоборот; основываясь на всех доступных ему показаниях, он относит поездку ко второй половине июня; однако письмо Вяземской в Остафьевском Архиве дает точную дату 14-го июня. Далее, помните догадки Гершензона относительно Воронцовой — Татьяны? Хронология здесь просто необходима, и Гершензон очень убедительно доказывает, что «Воронцов (а значит, и его семья) действительно были в Крыму и 29 июля и еще 12 августа». Но Воронцов пробыл в Крыму до половины октября, «значит» ли это, что и семья его была там же. Однако ему нужно доказать, что Воронцова к 21 августа была уже в деревне у матери, и он охотно допускает это, не считаясь со своим же убеждением, что Воронцов и его жена

не расставались. Однако и здесь помогает только документ: из письма Вяземской — мужу от 27-го июля 1824 г. видно, что Воронцов оставался в Крыму, а Е. К. Воронцова вернулась в Одессу одна, 25 июля 1824 г.; след<овательно>, тогда, когда Пушкин еще был в Одессе, и *только после его отъезда*, в первых числах августа, уехала в деревню к матери. Кстати — *Браницкая никогда не жила в Одессе*. Сопоставьте эту хронологию с пушкинской (по «трудам и дням») и Вы увидите, что знакомство и сближение Пушкина с Воронцовой могло произойти *не раньше чем в ноябре-декабре*; затем *март и апрель* исключаются по причине отъездов Пушкина в Кишинев, а Воронцовой — в Белую Церковь и Мошны; остаются *май и начало июня, да конец июля*. Любопытно, что легенда о гроте, которую развивает Соколов, им же самим поддерживается стихотворениями и черновиками, относящимися к ноябрю, декабрю, январю; он, вероятно, думает, что в Одессе круглый год стоит тропическая жара! однако в эти месяцы здесь стоит дьявольский холод и метет совсем московская метелица! Хронология самого Воронцова сложнее; сам Воронцов в своей краткой автобиографии (Арх<ив> кн<язя> Воронцова т. XXXVII) говорит, что у него почти весь 1824 г. прошел в разъездах. Однако даты его отлучек из Одессы, которые дают официальные публикации «Journal d'Odessa» 1824, не совсем сходятся с другими данными; где ошибка, мне пока установить не удалось. *Приблизительно* я намечаю даты так: Воронцова *не было* в Одессе между 25 янв<аря> и 9 февралем; он дважды отлучался в середине и конце марта; апрель провел с женой в Мошнах. Остальное Вы уже знаете.

Однако пора кончать. Письмо мое и без того уже затянулось, Все равно не пересказать Вам всего. Хорошо бы нам повидаться с Вами, на словах удобнее и скорее обсудить все эти вопросы! Если Мих<аил> Мих<айлович> Казмичев еще у Вас, приветствуйте его от меня и поблагодарите за обещание содействовать распространению сборника; с радостью ухватываюсь за это предложение. Впрочем, обо всем подробнее я пишу ему самому, по его ростовскому адресу, мне указанному. Прочие вопросы Ваши отложу до другого раза, на все сразу не ответишь! Напишите мне, насколько удовлетворили Вас мои разъяснения о «пещерах»

Ваш М. Алексеев

Милый Витя,

Вчера вернулся из Москвы — как видите, поездка моя несколько затянулась — и нашел у себя на столе ряд Ваших посланий. Прежде всего — спасибо за рецензию на Пушкинский сборник; она меня очень удовлетворила своею обстоятельностью и тоном; в современных газетах так редко пишут, или, вернее, так редко печатают. Продажа всего «завода» сборника состоялась в Москве, через неделю получу, вероятно, векселя, расплачусь ими с типографией и тотчас же приступлю к организации второго. Содержание его несколько изменится: он откроется статьей *Л. П. Гроссмана*: «Пушкин в 1823 г.», рукопись которой я привез с собой, затем во втором отделе будут маленькие статьи: *Н. Л. Бродского*: «Неизданное письмо о Пушкине» (*П. П. Каменского*), *В. П. Семенникова* — «Еще о Пушкине и Радищеве» (со снимками надписей Пушкина на рукописях Радищева, хранившихся в одесской библиотечке Воронцовых), наконец, *М. А. Цявловского* «Пушкин в одесском доме Воронцовых» (по поводу одной редкой литографии). Все эти статьи я получил в Москве. Кстати, о *М. А. Цявловском*. Непременно достаньте его новую книгу «Рассказы о Пушкине, по записям *П. И. Бартенева*» М. 1925. На днях выходит ценнейшая библиография его же: «Письма Пушкина» — здесь перечислены письма Пушкина и к нему, опубликованные после академического издания, установлены новые даты и т. д. Издает книгу Академия наук: я видел последнюю корректуру.

Вы, вероятно, слышали уже о находке в тайниках Юсуповского дворца 36 неопубликованных писем Пушкина к *Е. Хитрову*. Только одно из них, коротенькое и малозначительное, уже опубликовано *Лернером* в Ленинградской «Красной газете» — вся же пачка, говорят, будет опубликована не скоро, потому что вокруг нее разгорелись исследовательские и публикаторские страсти... История досадная и некрасивая!

Поручения Ваши начну выполнять на днях, как только несколько приведу в порядок свои запущенные дела: перепишем и *Фишера*, и *Лернера*: дайте только срок!

Очень досадно, что Вы оставили мысль о брошюре «Пушкин и декабристы»; даже в популярном издании можно было дать много свежего; в частности, стоило бы специально осветить историю дружбы Пушкина с *Бестужевым*, при самом поверхностном ознакомле-

нии с материалом раскрывается удивительно новая и интересная картина. Что это за издание, где есть отдел рецензий на тему «Пушкин и формальный метод»; если это указатель литературы по формалистике, виденный мною в Москве у проф<ессора> Гудзия, пришлите мне его поскорей: он мне очень пригодится для одной статейки, над которой я засяду с завтрашнего дня.

Поездка моя была, в общем, очень интересна, но в основном неудачна; большая моя книга о Марлинском (диссертация) так пока и осталась в рукописи, и на опубликование ее я потерял последнюю надежду. Но так как в ней добрая сотня страниц посвящена Кавказу и Закавказью, надо будет теперь попытаться воздействовать на чье-нибудь национальное чувство, и я серьезно подумываю над тем, не предложить ли ее какому-нибудь кавказскому издательству!

Между прочим, «Послание в Сибирь» относится именно к марту 1827 г., а не к 1826 г., как Вы предполагаете, и увезла его не Волконская, а А. Муравьева, о чем написано уже очень много. Об этом говорится даже в моей книжечке 1921 г. — «Поэты-декабристы», не знаю, посылал ли я ее Вам. Жаль, жаль, что Вы оставили мысль о Пушкине и декабристах; если можно было ее напечатать, необходимо было использовать этот случай. Пока до свидания. Скоро начну выполнять Ваши поручения, со строгим соблюдением очереди. Помните, что мы живем в советском государстве.

Ваш М. Алексеев

19/XII 1925
(1. I. 1926)

Милый Витя,

Что-то от Вас давно нет писем... Хотя наши библиотеки еще закрыты (до 5. I) и я не успел еще выяснить вопрос с «Прозерпидой», но у меня появилось маленькое предположение, относительно которого хочется с Вами поскорее поделиться. Дело идет, однако, не о «Прозерпиде», а о «Для берегов отчизны дальней».

Читали ли Вы когда-нибудь статью Д. И. Выгодского — «Из эвфонических наблюдений. Бахчисарайский фонтан» в «Пушкинском сборнике памяти проф. С. А. Венгерова» П. 1923, стр. 50—58. Если нет, то прочтите ее поскорей и сообщите мне о ней свое мнение. Автор выдвигает здесь любопытный тезис, *звукообраза*, под которым понимает «определенный комплекс звуков, который заполняет в данный момент сознание поэта и заставляет подбирать в произведе-

дении звуки, тождественные или аналогичные имеющимся в основном комплексе», и таким образом в «Арионе» наиболее часто встречаются звуки *р* и *н*, в «Демоне» — *д* и *н* и т. д. Заканчивается статья предположением, что «эвфоника может оказаться способом раскрытия некоторых посвящений Пушкина». Тезис во всяком случае любопытный. Мне бросилось в глаза, что в элегии «Для берегов отчизны дальней» в первой же строке ясно слышится имя *Ризнич*

Для берегов отчизны...

А ведь комментаторы вовсе не склонны относить стихотворение к ней! См. *Щеголева*. Пушкин, СПб, 1912, стр. 136—225. По-моему, весьма любопытно было бы произвести эвфонический анализ всего цикла стих<отворен>ий, вызванных Ризнич, или хотя бы одного этого (м<ожет> б<быть>, еще «Заклинания», где *то же имя*). Если правда, то не возьметесь ли Вы за такую работу, предназначая ее, разумеется, к нам в сборник? Сделать это нетрудно и во всех отношениях интересно. Для Вас же она будет нетрудной и потому, что не потребует большого количества книг. На всякий случай сообщу Вам, что фонетический разбор того же стихотворения есть у *А. Артюшкова*. Звук и стих. П. 1923, стр. 21 и 57. Для этой же цели крайне было бы желательно воспользоваться еще одной статьей, которую я, к сожалению, достать не мог: *В. Жирмунский*. Для берегов отчизны дальней. — «Жизнь искусства» 1920 № 691. О чем говорится здесь, сам не знаю, но думаю, что здесь что-нибудь да есть... Присоединить бы к такой статье цитаты из *В. Вересаева*. К психологии пушкинского творчества — «Красная Новь» 1923 № 5(15), стр. 323—339 — и получится интереснейшая статья, крайне необходимая для нашего сборника!

Пожалуйста, подумайте над моим предложением, и если оно Вам улыбнется, примитесь за работу. О своем решении напишите мне возможно скорее...

Ваш М. Алексеев.

Р. С. На днях буду писать А. Линину и М. Сироткину — ей-Богу времени не было!

26/XII 25

Милый Витя,

Очень рад был получить от Вас письмо, и очень печально было узнать историю Ваших университетских неудач; но думаю все же, что Вам печалиться еще слишком рано; времени у Вас еще много

вперед, и, наконец, не вечно же Вам сидеть в Баку! Должен, однако, Вам сказать, что Вы живете и работаете еще в сравнительно благоприятных условиях: у Вас есть университет, филологический факультет, у нас же, например, и того нет. В украинских ИНО литература почти отсутствует, и изучение ограничивается Бабелем и Демьяном Бедным. Все это создает условия, совершенно невыносимые для работы. Моя университетская карьера кончилась в 1923 году после одной весьма печальной истории, которую я Вам когда-нибудь расскажу, и моя тесная связь с молодежью, интереснейшие задачи бывшего под моим руководством семинария, порвалась совершенно. Вот уже два года, как я не принадлежу к почтенной корпорации красных профессоров и занимаюсь преподавательской деятельностью в средней школе, что служит неизменным источником моего мрачного настроения. Но работать все-таки нужно, и мне кажется сейчас, что мое, напр<имер>, положение дает мне внутреннюю свободу и сознание личной ответственности за все то, что делаешь, что так работать — выгоднее и лучше. Нас, филологов, мало, и они, по-видимому, вымирают в России; тем сильнее и искреннее мои интересы и любовь ко всякому молодому и свежему начинанию в этой области, и тем сильнее, скажу Вам прямо, мое желание не терять связи с Вами, чье искреннее и горячее увлечение мне так хорошо известно.

Вот почему забудьте о своих университетских ссорах и неприятностях и давайте делать настоящее дело. Скажу Вам прямо, в Пушкинском сборнике Вы *обязаны* участвовать. Спешно сообщите мне, какие материалы нужны Вам для обработки статьи о Плутоне — Воронцове, и я с помощью кого-нибудь из своих друзей пришлю Вам все необходимые выписки. Вопрос о Парни разрешу на днях, в первый же день после открытия библиотек, в настоящее время запертых по случаю Рождественского перерыва. Относительно Воронцова я более или менее в курсе дела и надеюсь доставить Вам все то, что Вам будет нужно. Остальные свои работы не бросайте тоже ни в каком случае; статью о «Снах Пушкина» найдем возможность как-нибудь пристроить, только, может быть, в *сжатом* виде. Продолжайте заниматься и Дмитриевым. Между прочим, Н. Полевой в «Очерках русской литературы» СПб 1839, ч. II, стр. 469 называет «Модную жену» — «полу-переводом». Не имеет ли он в виду какого-нибудь конкретного французского источника? Об этом следовало бы справиться в большой работе о Дмитриеве Чулицкого, в Ж<урнале> М<инистерства> н<ародного> п<росвещения> — Вы, вероятно, знаете ее?

Что касается «Поэтики П<ушки>на в 1823—24» то мне, по правде говоря, тема эта представляется не вполне удачной. Едва ли удобно в таком вопросе ограничивать себя произвольно выбранными хронологическими датами. Жаль, что мы не можем побеседовать с Вами лично — нашлось бы много хороших тем для разработки, в которых *нуждается* сборник. И представьте себе: в Одессе нет пушкинистов и вообще любителей литературы, которые согласились бы взять на себя такие работы и которым я бы дал весь нужный материал. Люди стали совсем «ленивы и нелюбопытны»: почти весь сборник мне приходится писать одному, а помощников в этом деле не найдешь днем с огнем! Итак, пишите мне почаще. Постараюсь быть исправным корреспондентом. Не обращайтесь внимания ни на что и ни на кого; смело и бодро идите вперед, осуществляйте намеренное; не беда, если в это придется внести поправки, не беда, если мало книг; где их достаточно? Где гарантии, что Вы прочли все, что нужно? Что Вы можете и должны работать, в этом я твердо убежден, и если я смогу помочь Вам в этом, я буду считать себя вполне удовлетворенным.

Ваш М. Алексеев

¹ Библиографический комментарий к упоминаемым в письмах работам см.: Михаил Павлович Алексеев / Вступительная статья Ю. Д. Левина. Библиография составлена Г. Н. Финашиной. М., 1972. С. 14. О В. А. Мануйлове см.: Лихачев Д. С. Виктор Андроникович Мануйлов (к 80-летию со дня рождения) // Рус. литература. 1983. № 4. С. 230—233; Виктор Андроникович Мануйлов. К 80-летию со дня рождения. Указатель литературы / Составили О. В. Миллер, В. А. Захаров. Темрюк, 1984.

II. ОБЗОРЫ

Л. А. ТИМОФЕЕВА
PUSCHKINIANA 1990 ГОДА

- Абрамович Л. Е.* Чувства добрые я лирой пробуждал: (Итоговый урок по лирике А. С. Пушкина в 10 кл.) // Рус. яз. и лит. в узбек. шк. 1990. № 3. С. 13—15.
- Аветисян В. А.* Гете и Пушкин: (Об одном дискуссионном аспекте проблемы) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. № 4. С. 353—360.
«Сцена из Фауста».
- Агамалян Л. Г.* Приютино, или Двадцать лет спустя // Искусство Ленинграда. 1990. № 10. С. 85—89, ил. с. 84.
Музей после реставрации 1990 г.
- Агеева Л. И., Лавров В. А.* Хранитель: Документальное повествование о жизни, делах и днях директора Пушкинского заповедника С. С. Гейченко. Л.: Сов. писатель, 1990, 335 с.: ил.
- Агранович С. Э., Рассовская Л. П.* Истоки жанровой структуры «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // Содержательность форм в художественной литературе: Проблемы жанра: Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1990. С. 31—45.
- Адамович Г. В.* Пушкин / Предисл. М. Д. Филина (с. 51) // Слово. 1990. № 6. С. 56—58.
- Адилъгазинов Е. Э.* Проблема однородности стиля при переводе: («Повести Белкина» А. С. Пушкина в переводе на казахский язык) // Жанр. Стиль. Метод: Сб. науч. тр. / Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата 1990. С. 80—83.
Переводы К. Сагындыкова и О. Оспанова.
- Айвазян К. В.* «Я стал спускаться... к свежим равнинам Армении». Ереван: Айастан, 1990. 360 с., [12] л. ил.
О путешествии Пушкина в Арзрум.
- Аксенова И. Н., Крюкова А. И.* «Сгорая пламенем любви»: (Лит.-муз. композиция, посвященная любовной лирике А. С. Пушкина) //

Дет. лит. 1990. № 6. С. 45—51: ил.

Акулова О. Радость встречи с Пушкиным // Дошк. воспитание. 1990. № 12 С. 16—18.

Алексеев Д. А., Пискарев Б. А. Тайны гибели Пушкина и Лермонтова. М., 1990. 64 с.

Из содерж.: с. 5—15: Тайная уловка Константина Данзаса. (Новая версия дуэли Пушкина). С. 16—28: За Черной речкой, возле Комendantской дачи... (Как было найдено точное место дуэли Пушкина).

Алиева Э. И. Восприятие прозы А. С. Пушкина в Азербайджане: Автореф. дис... канд. филол. наук: (10.01.01; 10.01.08) / Тбил. ун-т им. И. Джавахишвили. Тбилиси, 1990. 23 с. Библиогр.: с. 23 (5 назв.). Анализ литературного произведения в школе: Метод. рекомендации / Сост. В. А. Латышева. Сыктывкар, 1990. 128 с.

Из содерж.: с. 16—20: Урок литературы в 4 классе. А. С. Пушкин. «Унылая пора. Очей очарованье!..» С. 39—41: Анализ языка лирического произведения. Стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро».

Андроников И. Л. Все живо...: Рассказы. Портреты. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1990. 493 с.

Из содерж.: с. 51—55: «Кудлатая бокра». [Семинар Л. В. Щербы «Лингвистическое толкование стихотворений Пушкина». «Медный всадник»]. С. 188—192: Замечательный пушкинист. [С. М. Бонди].

Антоний, митрополит. И дух терпения, смирения, любви...: Слово пред панихидой о Пушкине, сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г. / Послесл. А. Святозарского // Слово. 1990. № 6. (с. 45—50)

Аркус Л. Ю. Работа на каждый день: О кинофильмах Игоря Масленникова. М.: Киноцентр, 1990. 119, [8] с.: ил.

Из содерж.: с. 83—94: Тройка, семерка, Пиковая дама. [О телефильме 1982 г.].

Архангельский А. Н. Стихотворная повесть А. С. Пушкина «Медный всадник»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1990. 95 с.

Приложение: «Медный всадник» в интерпретации В. Г. Белинского, П. В. Анненкова, Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, В. Ф. Ходасевича, Б. М. Энгельгардта, А. Белого, Л. В. Пумпянского.

Асеев Н. Н. Мысли о Пушкине // Асеев Н. Н. Родословная поэзии: Ст. Воспоминания. Письма. М.: Сов. писатель, 1990. С. 146—148. Написано в 1962 г.

Асюян А. А. «Почтите высочайшего поэта...»: Судьба «Божественной

- комедии» Данте в России. М.: Книга, 1990. 214 с.: ил. (Судьбы книг).
- Из содерж.: с. 47—73: Гл. III. «Il gran padre A. P.». (Данте и Пушкин).
- Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2 / Сост., примеч. и подгот. текста М. М. Кралина. М.: Правда, 1990. 432 с. (Б-ка «Огонек»).
- Из содерж.: с. 109—110: Слово о Пушкине. С. 110—111: Пушкин и дети. С. 111—126: «Каменный гость» Пушкина. С. 126—133: <Дополнения к статье «Каменный гость» Пушкина (1958—1959 гг.)>.
- Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2: Проза и переводы / Вступ. ст. и коммент. Э. Г. Герштейн. М.: Панорама, 1990. 494 с.
- Из содерж.: с. 16—189: О Пушкине. [Ст. разных лет]. С. 248: Выступление на радиомитинге в г. Пушкине 11 июня 1944 г. С. 248—249: Пушкин и дети. С. 249—250: Над чем я работаю.
- Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2: Проза. Переводы / Сост., подгот. текста, коммент. Э. Г. Герштейн. 2-е изд., испр. и доп. М.: Худож. лит., 1990. 494 с., 1 л. портр.
- См. аннотацию к предыдущей записи.
- Ахмеджанова Г.* Урок-семинар по роману «Евгений Онегин» // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1990. № 6. С. 20—22.
- Бабаев Э. Г.* Апеллес и сапожник: Эпиграмматическая притча А. С. Пушкина // Рус. речь. 1990. № 3. С. 13—17.
- «Сапожник».
- Бабинский М. Б.* Изучение маленькой трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» в IX классе // Лит. в шк. 1990. № 3. С. 78—86.
- Бавеский В. С.* Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А. С. Пушкина. М.: Прометей, 1990. 160 с.
- Содерж.: Предисловие. Мир романа. Традиция «легкой поэзии». Слова и вещи. Тематическая композиция. Образ пространства. Образ времени. Послесловие.
- Рец.: Кормилов С. // Лит. обозрение. 1991. № 10. С. 71—72; Соловей Н. Я. В каком году родился Онегин? // Рус. яз. и лит. в киргиз. шк. 1992. № 1. С. 44—48.
- Баринов М. М.* Да здравствует вечный двигатель! М.: Мол. гвардия, 1990. 347 с.: ил. (Компас).
- Из содерж.: с. 156—175: Мы в Михайловском. [Восстановительные работы школьников в пушкинском заповеднике. С. С. Гейченко].
- Бартенев П.* Петр Иванович Бартенев: Некролог // Рус. архив. 1990. № 1. С. 5—10.
- Бархатов А. А.* Постскрипtum: Повесть о А. С. Пушкине // Бархатов А. А. Чужая весна: Повести и рассказы. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 9—77.

- Батырова Ш.* Воссоздание поэтики романтизма в художественном переводе [на узб. яз.] / Джизак. гос. пед. ин-т. Ташкент: Укитувчи, 1990. 122 с.
Из содерж.: с. 5—31: Воссоздание поэтики романтического мира природы и личности. [«Кавказский пленник» в переводе Х. Алимджана]. С. 32—52: Поэтика светлой грусти. [«Русалка» в переводе Х. Алимджана]. С. 53—74: Вокруг и внутри «Бахчисарайского фонтана». [Сравнительный анализ переводов У. Насыра и Х. Гуляма].
- Беленкова И. Я.* Принципы диалога в «Борисе Годунове» Мусоргского и их развитие в советской опере // М. П. Мусоргский и музыка XX века / ВНИИ искусствознания. М.: Музыка, 1990. С. 110—136.
- Белов С. В.* Федор Михайлович Достоевский: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 208 с.
Из содерж.: с. 186—194: Гл. 12. Завещание. [Речь на открытии памятника Пушкину].
- Белый А.* Из Моцарта нам что-нибудь! // Лит. учеба. 1990. № 4. С. 151—157.
- Бенуа А. Н.* Мои воспоминания: В 5 кн.: [В 2 т.]. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1990. Т. 1. 711 с., 19 л. ил. ; Т. 2. 743 с., 19 л. ил. (Лит. памятники). Указ. имен: Т. 2, с. 707—740.
Т. 1: Кн. 1—3. Из содерж.: с. 647—656: Русская опера. «Князь Игорь». «Пиковая дама» [П. И. Чайковского].
Т. 2: Кн. 4, 5. Из содерж.: с. 390—395: Иллюстрации к «Медному всаднику» (1903 г.). С. 479—487: [Париж. «Борис Годунов», опера в постановке М. Дягилева].
- Бердалина Т.* «Вы в каждой школе смотрите с портрета» // Рус. яз. в казах. шк. 1990. № 8. С. 23—26.
- Берестов В. Д.* С холста, как с облаков: [Гл. из кн. о детстве А. С. Пушкина] // Дет. лит. 1990. № 1. С. 28—31, 41.
- Берков П. Н.* Судьба Жоржа-Шарля Дантеса и его семейства // Слово. 1990. № 6. С. 68—70.
Впервые // Берков П. Н. О людях и книгах. Из записок книголюба. М., 1965. С. 51—68.
- Берковский Н. Я.* Письма к Д. Д. Обломиевскому от 29.01.49; 30.08.57 / Публ. М. А. Кузьменко // Рус. лит. 1990. № 3. С. 196—197.
О Пушкине и Б. В. Томашевском.
- Бимендина К. М.* Завершающий урок о поэте // Рус. яз. в казах. шк. 1990. № 8. С. 20—23.
- Богаевская К. П.* Возвращение: О Юлиане Григорьевиче Оксмане / Вступ. заметка и примеч. И. Д. Прохоровой // Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 100—112.

Воспоминания К. П. Богаевской и письма к ней Ю. Г. Оксмана 1947—1955 гг.

Богач Г. Ф. К истории создания романа «Арап Петра Великого» // Кодры. 1990. № 12. С. 184—189.

С. 188—189: публикация фрагмента рукописи И. П. Липранди «Свойства и характер некоторых бояр Молдавии» (РГИА) о Георгии и Николае Георгиевиче Рознован-Росетти. Последний, предположительно, — прототип Ибрагима Ганнибала.

Болдино. Осень 1830: Фотолит. композиция / Сценарий, макет, оформление, фотоил. Е. П. Кассина; Ил. к рассказам Э. Х. Насибулина; Науч. консульт. А. И. Минина; Ред. П. Волков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Планета, 1990. 591 с.: ил.

Болдинские чтения: [1988] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. 197 с.

Содерж.: с. 4—11: *Краснов Г. В.* Исповедь героя «Маленьких трагедий». С. 12—21: *Слинина Э. В.* О языке лирики Пушкина: (Поэтизмы как форма выразительности). С. 22—32: *Смирнов А. А.* Тенденции романтического универсализма в лирике А. С. Пушкина второй половины 20-х гг. С. 33—49: *Грехнев В. А.* Прозаическое в лирике Пушкина. С. 50—61: *Сурков Е. А.* Синтез жанров-стилевых традиций в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина. С. 62—80: *Москвичева Г. В.* К проблеме художественной целостности поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». С. 81—90: *Тимофеев Л. М.* К анализу семантики лексемы «народ» в творчестве А. Н. Радищева и А. С. Пушкина. С. 91—100: *Фортунов Н. М.* Одна из загадок поэзии Пушкина и прозы Чехова: (Эффект репризы в композиции литературных произведений). С. 101—111: *Панфилов А. К.* Анализ эпитафии А. С. Пушкина на Ник. Волконского. С. 112—115: *Драгомирецкая Н. В.* О вступлении к «Евгению Онегину»: (К проблеме классического стиля). С. 116—128: *Листов В. С.* Легенда о черном предке в творческом сознании Пушкина. С. 129—130: *Букалов А. М.* Пушкинский набросок «Часто думал я...». С. 134—142: *Чернов А. В.* Нравственно-философский смысл категории «опыта» в «Станционном смотрителе». С. 143—151: *Эпштейн С. Н.* Искусство и действительность в «Пире во время чумы». С. 152—163: *Белкин Д. И.* Подвиг нижегородца Минина в оценках Пушкина. С. 164—171: *Евсенева Ж. Е.* К характеристике главного героя в поэме «Анджело». С. 174—183: *Попова Н. И.* К истории пушкинских музейных экспозиций. С. 184—196: *Рогачевский А. Б.* Содержание выпусков сборника «Болдинские чтения» в 1976—1988 гг.

- Боранбаева Э.* Анализ лирического стихотворения «Памятник» А. С. Пушкина // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1990. № 8. С. 12—20.
- Бочаров С. Г.* О реальном и возможном сюжете: («Евгений Онегин») // Динамическая поэтика: От замысла к воплощению: Сб. ст. / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1990. С. 14—38.
- Бочкарева Н. Р., Губка Е. А.* К вопросу о восприятии А. С. Пушкина русской эмиграцией 1920-х — начала 1930-х гг. // Проблемы развития русской литературы XI—XX вв.: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов 18—19 апр. 1990 г. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1990. С. 22—23.
- Бочков В. Н.* «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. 318 с.
Из содерж.: с. 3—27: «Скажи, которая Татьяна?» [О. Н. Д. Фонвизиной]. С. 28—47: «Преступный и привлекательный человек». [Ф. И. Толстой-Американец]. С. 48—107: Хлестаков и его прототип. [П. П. Свиньин].
- Бржечко Ю. Р.* Слово о Пушкине: Читая стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1990. № 9. С. 72—73.
- Бройтман С. Н.* Венецейские строфы Мандельштама, Блока и Пушкина: (К вопросу о классическом и неклассическом типе художественной целостности в поэзии) // Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1990. С. 81—96.
- Будыко М. И.* Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма. Л.: Лениздат, 1990. С. 461—506. С. 503—505: «О Пушкине». Впервые // Звезда. 1989. № 6. С. 85—86.
- Букалов А. М.* Роман о царском арапе: Очерки истории одного пушкинского шедевра / Предисл. В. И. Порудоминского (с. 5—10). М.: Прометей, 1990. 320 с. Указ. имен с.: 312—320.
Содерж.: Ч. I. Тень африканского предка. Ч. II. «Знакомцы давние, плоды мечты моей». Ч. III. «Рукописи не горят».
- Букалов А. М.* Стволы Лепажя / Рис. М. Шемякина // Новое время. 1990. № 24. С. 46—47: ил.
О кн. А. Д. Синявского «Прогулки с Пушкиным».
- Булгаков М. А.* Александр Пушкин / Коммент. И. Е. Ерыкаловой // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3: Пьесы. С. 463—511.
- Булгаков М. А.* Александр Пушкин // Булгаков М. А. Избр. произведения / Сост., подгот., коммент., предисл. В. Лосева. Киев: Дніпро, 1990. С. 275—327.

Публ. по 2-й авторской редакции (РГБ).

Булгаков М. А., Державин К. Н. Переписка [о постановке пьесы «Последние дни» в Ленинградском Академ. театре драмы им. А. С. Пушкина, 1935 г.] / Публ. Е. Биневича // Искусство Ленинграда. 1990. № 7. С. 73—74.

Публ. по автографам ПД.

Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Ст. М.: Сов. писатель, 1990. 414 с.

Из содерж.: с. 372—379: Думая о Пушкине <1926>. [Впервые // Возрождение. Париж, 1926. № 373. 10 июня]. С. 381: <Речь о Пушкине>. [21 июня 1949 г. Впервые // Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962. С. 220].

Бунин П. Л. О Пушкине // Семья и школа. 1990. № 6. С. 44—46: ил.

Вагапова Д. Х. Заочная экскурсия в Михайловское // Дет. лит. 1990. № 4. С. 31—36: ил.

Ваксберг А. И. Не продается вдохновенье. М.: Книга, 1990. 285 с.: ил. Из содерж.: с. 11—26: «...но можно рукопись продать». [Издание сочинений Пушкина в 1820—1887 гг.].

Васильева Л. Н. Жизнь, смерть и Пушкин // Васильева Л. Н. Избр. произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990 (допечатка тиража за 1989). Т. 2. С. 394—414.

Вацуро В. Э. Из записок филолога. «Князь, наперсник Муз» в пушкинском «Городке»: [П. А. Вяземский] // Рус. речь. 1990. № 3. С. 8—12.

Венедиктов А. Е. России сердце не забудет: Родные и друзья А. С. Пушкина. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 225 с. Предки и современники Пушкина на Орловщине. Ржевские в русской истории.

Версаев В. В. Соч.: В 4 т. / Под ред. Ю. Фохт-Бабушкина. М.: Правда, 1990. (Б-ка «Огонек»).

Т. 2: Пушкин в жизни. 560 с., 4 л. ил.

Т. 3. 560 с., 4 л. ил. Из содерж.: с. 5—314: Пушкин в жизни. [Окончание]. С. 549—559: отрывки из кн. «Александр Сергеевич Пушкин» (М.; Л., 1945).

Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории / Архив АН СССР; Отв. ред. С. М. Каштанов. [2-е изд., уточн., доп.]. М.: Наука, 1990. 335 с.: 13 л. ил. Указ. имен: с. 305—325. Геогр. указ.: с. 326—332.

Из содерж.: с. 3—8: Предисловие / К. А. Аверьянов. — С. 200—202: Прилож. 1: Схематическая роспись фамилий рода Радши. С. 203—227: Прилож. 2: Поколенная роспись прямых и ближайших боковых предков А. С. Пушкина. С. 227—272: Род Ратши /

С. Б. Веселовский. [Публ. впервые по автографу Архива АН СССР. Написано в 1931 г.]. — С. 296—304: От составителя / К. А. Аверьянов.

Видова О. И. Формирование романтического идеала в художественном сознании А. С. Пушкина / Усть-Каменогор. пед. ин-т. Усть-Каменогорск, 1990. 43 с. Рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР № 41428 от 28.03.90.

Видова О. И. Эволюция эстетического идеала в творческом сознании А. С. Пушкина / Усть-Каменогор. пед. ин-т. Усть-Каменогорск, 1990. 48 с. Рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР № 41429 от 28.03.90.

Видова О. И. Эстетический идеал в творчестве А. С. Пушкина / Усть-Каменогор. пед. ин-т. Усть-Каменогорск, 1990. 33 с. Рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР № 41427 от 28.03.90.

Вильк Е. А. Черновой набросок Пушкина «Когда порой воспоминанье»: литературные источники и общий замысел // Проблемы развития русской литературы XI—XX вв.: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов 18—19 апр. 1990 г. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1990. С. 21—22.

Виноградов В. В. Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы / Публ. Н. М. Малышевой-Виноградовой // Рус. речь. 1990. № 3. С. 69—78; № 4. С. 79—88; № 5. С. 71—80; № 6. С. 40—47.

Полностью публ. впервые. Частично // Рус. яз. в шк. М., 1971. №1. С. 76—82.

Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика: [Сб. тр.] / АН СССР. Отд-ние лит. и яз.; Вступ. ст. и коммент. М. И. Шапира. М.: Наука, 1990. 452 с., 1 л. ил. Библиогр.: с. 405—418 Вспом. указ.: с. 420—448.

Из содерж.: с. 44—55: Вольные ямбы Пушкина. [Впервые // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38—39. С. 23—36]. С. 146—195: Слово и стих в «Евгении Онегине». [Впервые // Пушкин: Сб. ст. М., 1941. С. 155—213].

Вишневецкий Л. М. и др. Формула приоритета: Возникновение и развитие авторского и патентного права. Л.: Наука, 1990. 205 с. Из содерж.: с. 44—51: А. С. Пушкин — профессиональный литератор.

Вишневецкий А. А. Предисловие // А. С. Пушкин об искусстве: В 2 т. / Сост. и коммент. А. А. Вишневецкого. М.: Искусство, 1990. Т. 1. С. 7—25.

Вишняков В. На полпути от Пушкина, или Такой неудобный сюжет: [О

- телефильме «Дубровский»] // Телевидение и радиовещание. 1990. № 5. С. 45—47.
- Сценаристы Е. Григорьев, О. Никич, режиссер В. Никифоров.
- Волков Г. Н. И был Пушкин глубокий эконоом // Соц. соревнование. 1990. № 5. С. 67—70.
- Содерж.: Не нужно золота ему. [Лекции А. П. Куницына]. Лицейские уроки. Он понимал в кредите больше толку. [Кн. М. Ф. Орлова «О государственном кредите»].
- Волконский С. М. Пятьдесят лет «Евгения Онегина [П. И. Чайковского] / Публ. и предисл. И. Хабарова // Муз. жизнь. 1990. № 9. С. 25.
- Впервые // Последние новости. Париж, 1934. 25 ноября.
- Волохонская Т. П. Парадоксы неуправляемой личности // Сов. педагогика. 1990. № 6. С. 124—129.
- Характер Пушкина. Лицей.
- Вольперт Л. И. К проблеме становления пушкинского психологизма // Рус. яз. и лит. в киргиз. шк. 1990. № 4. С. 54—57.
- «Портрет Иконникова».
- Вольперт Л. И. Хронотоп шуточных поэм Пушкина и А. де Мюссе: («Граф Нулин», «Мардош», «Домик в Коломне», «Намуна») // Пространство и время в литературе и искусстве: Метод, материалы по теории лит. / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1990. С. 35—36.
- Традиции «Беппо» Д. Байрона.
- Вольперт Л. И. Хронотоп шуточных поэм Байрона, Пушкина и А. де Мюссе // Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1990. Вып. 897: Литературный процесс: Внутренние законы и внешние воздействия. С. 25—36. (Тр. по рус. и славян. филологии. Литературоведение).
- Вольпин Н. За призраком свободы // Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1990. Сб. 13. С. 349—360.
- «Кто из богов мне возвратил...». Вольный перевод оды Горация.
- Воробьев В. Г. «В старину едали деды...»: Очерки и рецепты народной кухни / Предисл. С. С. Гейченко. Новгород, 1990. 39 с. На обл. и тит. л. авт. не указ.
- Из содерж.: с. 3: С. С. Гейченко. Хлеб-соль — взаимное дело. С. 4—6: За самоваром в Тригорском. [С. 5—6: перепечатка рец. В. Воробьева на кн. «Рецепты из поваренных книг семейства Пушкиных-Ганнибалов / Авт. С. Гейченко, Ж. Журибеда. Псков, 1989» под загл. «В старину едали деды...» // Правда. 1989. 24 окт.].
- Вышеславцев Б. П. Вольность Пушкина: (Индивидуальная свобода) // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 398—402.

Впервые // Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955. С. 39—44.

- Гамзатов Г. Г. Дагестан: Историко-литературный процесс: Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 309 с. Из содерж.: с. 247—255: А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые наблюдения и суждения.
- Гармаш Т. «Смысла я в тебе ищу...» // Соврем. драматургия. 1990. № 1. С. 156—163.
«Маленькие трагедии» в постановке Московского театра драмы и комедии на Таганке. Реж. Ю. П. Любимов.
- Гаспаров Б. М. Апокалиптическая тема в пушкинском «Графе Нулине» // Даугава. 1990. № 1. С. 102—107.
- Гдалин А. Д., Робинсон Д. В. А. С. Пушкин в произведениях медальерного искусства // Сов. коллекционер: Сб. ст. М.: Радио и связь, 1990. Вып. 27. С. 119—132: ил. На обл. год: 1989.
- Гейченко С. С. XXIV Праздник поэзии в Пушкиногорье // Изв. культуры России. 1990. № 8. С. 5—7.
- Гейченко С. С. Поклонись земле святой: Юному паломнику: [О Михайловском] / Худ. Э. Х. Насибулин. Псков, 1990. 32 с.: ил.
- Герцен А. Л. Три злодейства: Урок по повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»: (8 кл.) // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1990. № 9. С. 61—62.
- Герчук Ю. Я. Отстранение «Онегина» // Творчество. 1990. № 2. С. 12—14: ил.
Иллюстрации А. Костина к роману «Евгений Онегин» (1987).
- Гладков А. К. Мейерхольд: [В 2 т.]. Т. 2: Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком. М.: Союз театр. деятелей, 1990. 473 с.: ил. Из содерж.: с. 164—180: «Борис Годунов». [О репетициях 1936 г.]. С. 313—318: «Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский».
- Глушкова Т. М. Пушкинский словарь // Москва. 1990. № 6. С. 180—196.
Понятия: «толпа», «чернь», «народ», «раб». Poleмика с Б. Сарновым.
- Гончарова А. В., Забелин Н. А. Из истории культуры тверского края: К проблеме фольклорно-литературных взаимодействий: Учеб. пособие / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. 80 с.
Из содерж.: с. 9—22: Гл. II. Фольклор пушкинских мест Верхневолжья. С. 22—30; Гл. III. Персонажи пушкинских произведений в тверском крае. [«История Петра I»].
- Горшман А. М., Рыбин В. А. В чужом мундире? // Военно-ист. журнал. 1990. № 5. С. 72—78: ил., ил. на 2-й с. обл.
Атрибуция военного портрета по форме. С. 76: о мнимом портрете

- П. А. Катенина в коллекции ВМП и неверно определенном как его портрет рисунке Пушкина в черновике «Руслана и Людмилы». С. 77—78: о портрете неизвестного офицера, принимаемого за В. Ф. Раевского. (Рисунок Пушкина // Декабристы: Фотовыставка / Сост. А. М. Гордин. М., 1988. С. 5).
- Грехнев В. А. Пушкин и философия человека // Буревестник: Публицист. сб. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. С. 204—209.
- Григорьевич М. П. Функционирование народной лексики в литературных сказках А. С. Пушкина / Минск. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. Минск, 1990. 12 с. Ручкой. деп. в ИНИОН АН СССР № 42276 от 02.07.90.
- Григорьев А. А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. Ст. 1: Пушкин — Грибоедов — Гоголь — Лермонтов // Григорьев А. А. Соч.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Ст. Письма. С. 48—90.
- Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака; Пушкин в театральных креслах / Вступ. ст. В. Шацкова; Сост. М. Френкель; Ил. Н. Кузьмина. М.: Худож. лит., 1990. 462 с.: ил. (Забывтая книга). На обл. загл.: Л. Гроссман. Забывтая книга.
Содерж.: Записки д'Аршиака. Пушкин в театральных креслах. Карьера д'Антеса. В день дуэли.
- Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина: Гл. из биографии с 9 портр. [Репринт. изд.]. М.: Изд-во стандартов, 1990. 287 с.: ил. Вых. дан. ориг.: Пб.: «Петроград», 1923.
То же: М.: СП «Бук че́мбэр интернэшнал», 1990. 287 с.: ил.
То же: М.: НПКФ «После всего / After all», 1990. 279 с., 4 л. ил.
То же: М.: СП «Эврика», 1990. 279 с.: ил.
То же: Б. м.: СП «Интербук», 1990. 279 с., 4 л. ил.
- Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина: Гл. из биографии. [Переизд.] М.: Прометей. Кооператив «Авис», 1990. 224 с.
- Гулыга А. В. Воспитание Пушкиным // Гулыга А. В. Уроки классики и современность. М.: Худож. лит., 1990. С. 149—163.
- Гурьев Н. Дневник Россет // Слово. 1990. № 6. С. 81.
Рец. на кн.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. (Лит. памятники).
- Данилова А. М. Посвященные музам: [Путеводитель]. М.: Новости, 1990. 159, [6] с., ил. (Музеи СССР). На рус. и кит. яз. На обл. авт. не указ.
Из содерж.: с. 124—140: России первая любовь.
- Девяцкий И. И. Интерес Томаса Манна к Пушкину в 1920-е годы // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 1. С. 108—113.
- Денисова Э. И. Пушкинские цитаты и реминисценции в «Обыкновенной

- истории» И. А. Гончарова // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 2. С. 26—36.
- Джусупов У. Урок-экскурсия в пушкинском зале // Рус. яз. в казах. шк. 1990. № 6. С. 17—20.
В школе № 6 им. А. С. Пушкина в г. Кентау.
- Добин Е. С. История девяти сюжетов: Рассказы литературоведа / Рис. Т. Шишмаревой. Л.: Дет. лит., 1990. 175 с.: ил.
Из содерж.: с. 36—47: Туз и дама. (А. Пушкин. «Пиковая дама»). С. 110—139: История и роман. (А. Пушкин. «Капитанская дочка»).
- Довгий О. Л. Об одном источнике «Маленьких трагедий»: (Драматическая сцена «Хуан» Бари Корнуолла) // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1990. № 6. С. 41—51.
Документы семьи А. С. Пушкина в ЦГА Чувашской АССР / Публ., предисл. и коммент. Г. Ю. Раймовой, Р. М. Максимовой, И. Л. Андреева // Сов. архивы. 1990. № 4. С. 97—99.
Верующее письмо А. А. Пушкина и Г. А. Пушкина Н. И. Матвееву (11.06.1854); Купчая крепость на земельный участок, приобретенный А. А. Пушкиным и Г. А. Пушкиным (23.06.1854).
- Досмаханова Р. Воссоздание реалий в казахских переводах романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Жанр. Стиль. Метод: Сб. науч. тр. / Казах. гос. ун-т им. С. И. Кирова. Алма-Ата, 1990. С. 74—79.
Переводы И. Джансугурова и К. Шангитбаева.
- Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост., коммент. К. И. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. (Сер. лит. мемуаров). Указ. имен: Т. 2. С. 584—621.
Т. 1. 623 с. Из содерж.: с. 506—518: Страхов Н. Н. XX Пушкинский праздник.
Т. 2. 623 с. Из содерж.: с. 392—405: Успенский Г. И. Праздник Пушкина. (Письма из Москвы — июнь 1880). С. 406—419: Любимов Д. Н. Из воспоминаний. (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году). С. 420—424: Сливцкий А. М. Из моих воспоминаний о Л. И. Поливанове. (Пушкинские дни). С. 451—462: Леткова-Султанова Е. П. О Ф. М. Достоевском. Из воспоминаний.
- Дубинин М. Г. «Меркантильные обстоятельства» Пушкина // Родина. 1990. № 11. С. 78—86.
Публ. в сокращении.
- Дыханова Б. С., Шпилева Г. А. «На фоне Пушкина...»: (К проблеме классических традиций в поэзии В. С. Высоцкого) // В. С. Высоцкий: Исслед. и материалы / Воронеж. гос. ун-т им. Ленин.

- комсомола. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 65—74.
- Дюма А. Последний платеж: [Гл. из романа о Ж.-Ш. Дантесе] / Пер. В. Лебедев // Слово. 1990. № 6. С. 72—76; № 11. С. 77—83; 1991. № 2. С. 26—29; № 6. С. 70—73.
- Отзыв: Эльзон М. Д. Слишком неизвестный Дюма // Нева. 1993. № 8. С. 277—279.
- Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М.: Наука, 1990. 256 с. Библиогр.: с. 211—256 (722 назв., 1893—1987 гг.).
Из содерж.: с. 133—145: А. С. Пушкин и декабристы.
- Есипов В. М. Пушкинские реминисценции в «Письмах Асперна» [Г. Джеймса] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3. С. 264—267.
Из «Пиковой дамы».
- Жукова Л. Вспоминает Керн // Слово. 1990. № 6. С. 81.
Рец. на кн.: Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989.
- «Завоевывать новые миры в искусстве» / Публ. Л. Корабельниковой и О. Фельдмана // Сов. музыка. 1990. № 6. С. 55—67.
Стенограмма выступлений Д. Шостаковича, И. Соллертинского и В. Мейерхольда о постановке В. Мейерхольдом «Пиковой дамы» на диспуте в Гос. Академии искусствознания 30 янв. 1935 г. Публ. в сокращении.
- Захарченя Б. П. Где же это роковое место? // Аврора. 1990. № 6. С. 46—50.
Предполагаемое место дуэли Пушкина — Каменный остров. Утраченная мемориальная доска на доме Доливо-Добровольских, где Пушкин останавливался в день дуэли.
- Зенбицкая Т. «Им чистая лампада возжена» // Встреча. (Культ.-просвет. работа). 1990. № 6. С. 31—32.
Учред. конференция Всесоюз. Пушкинского о-ва (1990). Обращение Д. С. Лихачева к участникам конференции.
- Зинченко Т. Н. и др. Пособие для внеаудиторной работы с иностранными учащимися. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 156 с.
Из содерж.: с. 106—117: Образы родины в поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова. С. 126—139: Пушкин — гордость русской поэзии.
- Золотцев С. А. Самое заветное имя // Пушкин А. С. Звезда пленительного счастья: Стихотворения. Поэмы. Роман. М.: Воениздат, 1990. С. 5—16.

- Зуев Н.* «Жизнь и поэзия — одно»: Очерки о русских поэтах XIX—XX вв. М.: Современник, 1990. 303 с.
Из содерж.: с. 33—56: «Новорожденное творенье»: «Евгений Онегин» в восприятии современников. С. 57—59: Гибель Пушкина. С. 90—99: «Смерть поэта» Лермонтова. С. 284—292: «Долгий путь к Пушкину». (Вместо послесловия).
- Зырянов О. В.* Опыт анализа новеллистической композиции в русской интимной лирике 20—60-х гг. XX в. // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1990. С. 26—36.
На примере стихотворения «Для берегов отчизны дальней...».
- Ивинский Д. П. А. С.* Пушкин и П. А. Вяземский: (История личных и творческих контактов); Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.01.01) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 20 с. Библиогр.: с. 20 (3 назв.).
- Ивинский П.* Литва и литовцы в творчестве Мицкевича и Пушкина // Словесник. Вильнюс, 1990. № 3. С. 21—24.
- Ивлева Т. Г.* «Идеальный поэт» в творческой концепции Пушкина и Рылеева середины 1820-х годов // Проблемы романтизма: Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 76—84.
- Иезуитова Р. В.* «Прости, мой бедный Сергей Львович...»: К письму В. А. Жуковского о смерти Пушкина // Наше наследие. 1990. № 4. С. 40—43: ил.
Первая публ. неизвестной части письма (с. 42) по списку из коллекции А. Я. Полонского (Париж). Анализ разночтений.
- Ильин И. А.* Пророческое призвание / Предисл. М. Д. Филина (с. 51) // Слово. 1990. № 6. С. 52—55.
Написано в 1937 г. Публ. в сокр. Заглавие от ред.
- Инфантьев Б. Ф., Лосев А. Г.* Сопоставительный анализ переводов произведений русской литературы [на латыш. яз.]: Учеб. пособие для 10—11 кл. 2-е изд., доп. Рига: Zvaigzne, 1990. 199 с.
Из содерж.: с. 10—60: «А. С. Пушкин». [Тексты произведений «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (с. 10—19), «Зимний вечер» (с. 20—26), «Пророк» (с. 26—31), «Евгений Онегин» (с. 31—44), «Капитанская дочка» (с. 44—60) и анализ переводов].
- Исаев Е. А.* День Пушкина // Исаев Е. А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2: Статьи-размышления. С. 48—57.
Написано в 1983 г.
- Исаханов Г.* Лики фестивальных «Борисов» // Сов. музыка. 1990. № 12. С. 39—47: ил.

Различные редакции оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Спектакли ГАБДТ в ред. Н. А. Римского-Корсакова, театра «Эстония» в ред. Б. Асафьева и П. Ламма, Кировского театра в ред. Д. Ллойд-Джорджа.

Искрин М. Г. «Отрывки северных поэм»: [Коммент. к XVI строфе II гл. «Евгения Онегина»] // Рус. речь. 1990. № 3. С. 18—20.

Ищук-Фадеева Н. И. «Борис Годунов» А. С. Пушкина и «Ревизор» Н. В. Гоголя: (К истокам трагикомедии) // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 3. С. 12—23.

Казакевич Э. Г. Моцарт в Сальери: Киносценарий муз. фильма. Наваян маленькой трагедией А. С. Пушкина // Казакевич Э. Г. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Сов. писатель, 1990. С. 55—57.

Написано в 1953 г.

Казьмина Н. Дар: [Спектакль «Пир во время чумы» по «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина в Моск. театре драмы и комедии на Таганке] // Театр. 1990. № 5. С. 70—76.

Постановка Ю. П. Любимова, 1989 г.

Кандинский А. И. Цена подлинника // Сов. музыка. 1990. № 8. С. 42—49: ил.

«Борис Годунов» Мусоргского в постановке Е. Колобова и О. Ивановой в театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (М., сезон 1989—90 гг.), в 1-й авт. ред. См. полем. ст. С. Румянцева «Подлинность истины» (там же, с. 49—52).

Кантор К. М. Тысячеглавый Аргус: Искусство и культура. Искусство и религия. Искусство и гуманизм. М.: Сов. художник, 1990. 197 с.: 48 л. ил.

Из содерж.: с. 172—192: Старина против моды в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Карагичева Л. В. Два этюда о «Пиковой даме» [П. И. Чайковского] // Сов. музыка. 1990. № 6. С. 46—53.

Содерж.: с. 46—50: Модест Чайковский или Пушкин? [Речь персонажей]. С. 50—53: Почему ариетта из оперы Гретри?

Карев В. «От рабства пробудился мир...»: А. С. Пушкин и Великая французская революция // Европейский альманах — 1990: История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1990. С. 39—51: ил.

Карсалова Е. В. «Стихи живые сразу говорят...»: Из опыта работы: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 207 с.

Из содерж.: с. 24—33: А. С. Пушкин. «Анчар». С. 33—49: А. С. Пушкин. «Горит восток зарею новой...».

Катасонов В. Н. Тема чести и милосердия в повести А. С. Пушкина

- «Капитанская дочка»: (Религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А. С. Пушкина) // Лит. в шк. 1990. № 6. С. 2—13.
- Катонова С. В. Музыка советского балета: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. Л.: Сов. композитор, 1990. 412 с.
Из содерж.: с. 328—341: «Размышления о поэте». («Пушкин» А. Петрова в постановке Ленингр. Театра оперы и балета им. С. М. Кирова, 1979).
- Кибальник С. А. Истоки поклонения // Слово. 1990. № 6. С. 2—5.
- Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1990. 270 с. Указ. имен: с. 263—268.
Из содерж.: С. 167—246: Гл. 5. Антологическая поэзия Пушкина.
- Кипнис М. Талисман Александра Сергеевича // Ковчег: Альм. еврейской культуры. М.: Худож. лит.; Иерусалим: «Гарбут», 1990. С. 459—463.
Сердоликовый перстень, подаренный Пушкину Е. К. Воронцовой. Предположение о фалашском происхождении Абрама Ганнибала.
- Климовицкий А. Неизвестные страницы эпистолярия Чайковского // Сов. музыка. 1990. № 6. С. 99—103.
Контакты с В. А. Кандауровым («Мазепа», «Цыганы»). Композитор А. А. Вилламов о своем замысле «Пиковой дамы».
- Климовицкий А. Пушкинизировать «Пиковую даму» // Искусство Ленинграда. 1990. № 6. С. 3—8.
Опера в постановке В. Э. Мейерхольда, 1935 г.
- Клюкина Т. Тайное и явное: о библеизмах в русском языке // Наука и религия. 1990. № 2. С. 49—50: ил.
Употребление Пушкиным слова «шибболет» в X гл. «Евгения Онегина».
- Ключевский В. О. [Ст. о Пушкине] // Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9: Материалы разных лет. С. 77—108.
Из содерж.: с. 77—84: Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину. С. 84—101: Евгений Онегин и его предки. [Написано в 1887 г.]. С. 101—108: Памяти А. С. Пушкина. [Речь 1899 г.].
- Кожевников В. О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Рус. архив. 1990. Вып. 1. С. 143—178.
- Козмин Б. М. Гром Полтавы: [Гл. из книги о А. П. Ганнибале] // Слово: В мире книг. 1990. № 6. С. 63—67.
- Козмина Л. В. Портрет на память // Слово: В мире книг. 1990. № 6. С. 32: портр. между с. 32—33.
Прижизненный <?> портрет Пушкина из музея-заповедника в Петровском.

- Колганова А. А. Неожиданное амплуа художника // Сов. библиография. 1990. № 1. С. 157—159.
- П. П. Соколов — автор инсцен. «Арапа Петра Великого» под загл. «Князь Ибрагим» (отд. изд.: СПб., 1901, постановка в Александринском театре, СПб., 1872). Ранее автором считался П. А. Соколов-Жамсон.
- Коломинов В. В. Пушкин и Российская Академия // Прометей: Ист.-биогр. альм. сер. «Жизнь замечательных людей». М.: Мол. гвардия, 1990. Т. 16: Тысячелетие русской книжности. С. 302—309: ил.
- Комов О. К. Неиссякаемая тема — Пушкин // Художник. 1990. № 9. С. 23—27: ил.
- О скульптурах Т. Бусыревой.
- Кононова Т. Г. «Предмет поэзии» в литературном споре Пушкина и Рылеева // Проблемы развития филологических наук на современном этапе: Материалы 3-й Калинин. обл. конф. молодых ученых-филологов и школ. учителей (7—9 апр. 1989 г.) / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1990. С. 141—142.
- Константинов В. В. Загадка особняка Бларамберга // Константинов В. В. Фрагменты старины одесской: Очерки по истории Одессы. Симферополь: Таврия, 1990. С. 30—39.
- Пушкинские адреса Одессы. Уточнение адреса дома И. П. Бларамберга.
- Кончин Е. В. Эти неисповедимые судьбы: [Очерки]. М.: Мол. гвардия, 1990. 287 с.: ил.
- Из содерж.: с. 5—16: Чьи портреты видел Германн? С. 17—34: Возвращение исчезнувшей коллекции [С. А. Мусина-Пушкина]. С. 35—61: Все память сердца сохранит... [Пушкин в Старице. Пропавший альбом М. В. Борисовой и дневник В. В. Черкашениновой]. С. 62—135: Ходил я на поклонение... [Утраченные реликвии Яропольца].
- Коптева Э. Музей декабристов // Декор. искусство СССР. 1990. № 1. С. 32—34: ил.
- Экспозиция «Пушкин и декабристы».
- Кормилов С. И. [Рец. на кн.: Л. Фризман. Декабристы и русская литература. М.: Худож. лит., 1988] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 1. С. 133—136.
- Коробков С. Венчание на царство: О «Борисе Годунове» на сцене музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко // Муз. жизнь. 1990. № 14. С. 8—10: ил.
- Коровин К. А. Константин Коровин вспоминает... / Сост., вступ. ст., коммент. И. С. Зильберштейна и В. А. Самойлова. 2-е изд., доп. М.: Изобр. искусство, 1990. 607 с., 49 л. ил.
- Из содерж.: с. 371—373: Воспоминания детства. [Е. И. Волкова о

Пушкине]. С. 373—376: «Этот самый Пушкин...».

Коршунов М. П. Мечтательная книга: Пушкин, Лермонтов — судьба, поэзия и родственные связи // Коршунов М. П. Мальчишник: Повести / При участии В. Тереховой. М.: Сов. писатель, 1990. С. 5—400.

Крамарь О. Б. Эпиграф: отношение и оценка // Критика в художественном тексте: [Сб. науч. тр.] / Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Душанбе, 1990. С. 13—20.

Эпиграфы к «Повестям Белкина».

Кривошлык М. Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей: (С портретами и краткими биографиями). М.: «АНС-Принт», 1990. 143 с.: ил.

Из содерж.: с. 79—87: Александр Сергеевич Пушкин.

Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1990. 261 с., ил. Указ. имен: с. 255—258.

Из содерж.: с. 147—249: Гл. 3. Пушкинские традиции в творчестве А. Н. Толстого. (1. Эволюция исторического сознания. 2. Тема Петра в контексте литературы и творчества. 3. Преемственность эстетического идеала (философия жизни)).

Кубышина Н. Н. Роль проблемного обучения в развитии литературных способностей старшеклассников при изучении лирики А. С. Пушкина в гуманитарных классах: Автореф. дис.... канд. пед. наук: (13.00.02) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1990. 15 с. Библиогр.: с. 15 (2 назв.).

Кузнецова О. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон-Жуан» Дж. Г. Байрона: (Соотношение типов лиризма) // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1990. С. 36—47.

Кузьмин А. Тверской венок // Слово. 1990. № 6. С. 5.

Рец. на кн.: Тверской венок Пушкину. Калинин: Моск. рабочий, 1989.

Кукурян И. Л. Английские переводы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как предмет лингвопоэтического анализа: Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.02.04) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 24 с. Библиогр.: с. 24 (2 назв.).

Кулагин А. В. Тайная свобода: Заметки о «возвращенной Пушкиниане» // Лит. обозрение. 1990. № 8. С. 29—34.

Разбор ст.: Мерезковский Д. С. Последняя тишина сердца // Слово. 1989. № 6; Соловьев В. С. Судьба Пушкина // Юность. 1989. № 6; Розанов В. В. О Пушкинской Академии // Лит. учеба. 1988. № 1; Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник //

- Знамя. 1989. № 3; *Лифшиц М. А.* Письмо Г. М. Фридендеру // Пушкинист. М., 1989. Вып. 1; *Адамович Г. В.* Пушкин // Лит. Россия. 1989. 9 февр.
- Кулагин А. В.* «Честь имею препроводить к Вам...»: Книга из библиотеки А. С. Пушкина // Альманах библиофила. М.: Книга, 1990. Вып. 27. С. 172—179.
«Поэтические произведения Мильмана, Боулса, Вильсона и Барри Корнуолла. Собрание в одном томе». Париж, 1829.
- Кулагина О. Л.* Пушкин и Барри Корнуолл: Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.01.01) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 22 с. Библиогр.: с. 21—22 (6 назв.).
- Кушаков А. В.* Пушкин и Польша. [2-е изд. испр. и доп.]. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 128 с.
Содерж.: Введение. Польская тема в творчестве А. С. Пушкина в 20-е го-ды. (До польского восстания 1830—1831 годов). А. С. Пушкин и польское восстание 1830—1831 годов. А. С. Пушкин и Адам Мицкевич. Заключение.
- Кушниренко В. Ф.* «В стране сей отдаленной...»: Летопись жизни А. С. Пушкина в Бессарабии и связанных с ним событий с 20 сент. 1820 г. по 16 июля 1824 г. Кишинев: Лит. артистикэ, 1990. 329 с., [16] л. ил. Библиогр.: с. 327—329. Указ. имен.: с. 300—326.
- Кухельбекер В. К.* Письмо к Н. Г. Глинке от 6.09.1834 / Публ. и примеч. Е. А. Тоддеса // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения / Латв. АН. Ин-т философии и права. Рига: Зинатне, 1990. С. 224—250.
Размышления о творчестве Пушкина.
- Лакшин В. Я.* «Евгений Онегин» Пушкина: [Сценарий] // Лакшин В. Я. Судьбы: от Пушкина до Блока: Телевизионные опыты. М.: Искусство, 1990. С. 23—64: ил.
- Ларионов А. В.* Счастливый дар: [Б. М. Козмин] // Слово. 1990. № 6. С. 29.
- Лацис А. А.* В защиту десятой главы // Вопр. лит. 1990. № 3. С. 231—235.
Продолжение полемики с В. Кожевниковым (см. ст.: *Кожевников В.* Имела ли место «рассеянность»? // Новый мир. 1989. № 6. С. 268—269; *Кожевников В.* Шифрованные строфы «Евгения Онегина» // Новый мир. 1988. № 6. С. 259—266. См. также: *Лацис А.* «Дикие утки», и не только! // Вопр. лит. 1988. № 12. С. 254—256).
- Лацис А. А.* Славная шутка поэта // Знание-сила. 1990. № 3. С. 65—70: ил.

Новый перевод, комментарий к тексту и различным публикациям письма Пушкина к Дегильи от 6 июня 1821 г. Французский язык Пушкина.

- Лебедев Ю. В. [Рец. на кн.: Скотов Н. Русский гений. М.: Современник, 1987. 357 с.] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. № 2. С. 174—176.
- Лебедева О. Б. Жанровые функции автореминисценции в творчестве А. С. Пушкина первой половины 1820х годов // Проблемы метода и жанра: Сб. ст. / Томск. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск, 1990. Вып. 16. С. 90—110.
- Лебедева О. Б. Жанровые функции автореминисценций в творчестве А. С. Пушкина первой половины 1820-х годов // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф., 7—9 дек. 1988 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 64—66.
- Леонтьев К. Н. О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг. М.: Книга, 1990. С. 9—31.
- Лихачев Д. С. Природа России и Пушкин: Письмо тридцать девятое // Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. [Переизд.]. Симферополь: Таврия, 1990. С. 134—139.
- Лобарева В. С. Идеино-художественное своеобразие сказок А. С. Пушкина: Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.01.01) / Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Л., 1990. 16 с. Библиогр.: с. 16 (4 назв.).
- Лобыцына М. В. Проблема «антигероя» в русской прозе 1830-х годов: (на примере «Пиковой дамы» А. С. Пушкина) // Начало: Сб. работ молодых ученых / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М., 1990. С. 108—117.
- Лотман Ю. М. Пушкин и М. А. Дмитриев-Мамонов // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения / Латв. АН. Ин-т философии и права. Рига: Зинатне, 1990. С. 52—59.
- Лукаш И. С. Отрезанная ветвь / Публ. И. Хабарова // Родина. 1990. № 6. С. 40—45.
- О потомках Пушкина. Впервые // Возрождение. Париж, 1934.
- Лыков А. Г. Введение в историю русского литературного языка: Учеб. пособие / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1990. 71 с.
- Из содерж.: с. 53—56: Роль и значение А. С. Пушкина в ИРЛЯ.
- Лыков А. Г. [Рец. на кн.: А. Н. Кожин. Литературный язык допушкинской России. М.: Рус. яз., 1989] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 1. С. 137—139.
- Львова Е. набросок портрета // Творчество. 1990. № 10. С. 12—14: ил. Н. В. Кузьмин, иллюстрации к «Евгению Онегину».

- Любомудров А. М. «Да ведают потомки...»: Пушкин и русская история // Любомудров А. М. Вечное в настоящем: Лит. исследования. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 3—28. (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; № 28 (438)).
- Магомед-Расул. Покушение на Пушкина: Полем. заметки // Сов. Дагестан. 1990. № 3. С. 68—71.
О переводах стихотворений Пушкина на даргинский язык Газим-Бега Багадова (Лит. Дагестан. 1989. № 6).
- Маймин Е. А. А. С. Пушкин и С. П. Шевырев // Res philologica: Филол. исслед.: [Сб. ст.] Памяти Г. В. Степанова. М., Л.: Наука, 1990. С. 379—394.
- Малинин В. А. Пушкин как мыслитель. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 222 с.
Содерж.: От автора. — Введение. I. Становление. II. А. С. Пушкин и декабристы. III. Просвещение. Рационализм. Свободомыслие. IV. Этика. V. Мысли об исторической закономерности. VI. Мысли о русской истории. VII. Теория искусства. VIII. Форма в искусстве. Поэзия «чувствуемой мысли». IX. Эстетика и критика. — Заключение. — Литература и примечания.
- Мальшева М. Вновь Пульхерица // Слово. 1990. № 6. С. 87.
Пушкин в Бессарабии. Рец. на кн.: Вельтман А. Ф. Избранное. М., 1989.
- Мальцева О. Н. «Борис Годунов» Юрия Любимова // Режиссер и время: Сб. науч. тр. / ЛГИТМИК им. Н. К. Черкасова. Л., 1990. С. 126—143.
Театр на Таганке, 1982 г.
- Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики: Межвуз. сб. / Петрозавод. гос. ун-т им. О. В. Куусинена. Петрозаводск, 1990. С. 48—72.
- Малютина Н. П. К проблеме связи «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина с древнерусской литературой и литературой XVIII века // Академик В. М. Истрин: Тез. докл. обл. науч. чтений, посвящ. 125-летию <...> / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1990. С. 93—94.
- Малютина Н. П. Характер Дон Жуана в русской и украинской драматургии: («Каменный гость». А. Пушкина и «Камінний господар» Леси Украинки) // Вопросы литературы народов СССР: Респ. межвед. науч. сб. / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Киев, Одесса: Лыбидь, 1990. Вып. 16. С. 24—35.
- Манн Ю. В. Пушкин — «певец гармонии»? // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 2. С. 3—13.

- Манн Ю. В.* Пушкинское общество в ФРГ // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3. С. 301—302.
- Мансветова Е. Н.* Славянизмы в русском литературном языке XI—XX веков: Учеб. пособие / Башкир. гос. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа, 1990. 76 с.
Из содерж.: с. 53—59: Гл. IV. Славянизмы в поэзии А. С. Пушкина.
- Маркези Г.* Опера = L'opera lirica: Путеводитель: От истоков до наших дней / Пер. с итал. Е. П. Гречаной. М.: Музыка, 1990. 383 с.
Из содерж.: с. 267—271: М. П. Мусоргский. «Борис Годунов». С. 339—346: П. И. Чайковский. «Евгений Онегин», «Пиковая дама».
- Мароевич Р.* Между Буком [Караджичем] и Пушкиным — переложения сербских народных песен А. Х. Востокова // Сов. славяноведение. 1990. № 1. С. 49—57.
- Маршак С. Я.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4: Воспитание словом. (Ст., заметки, воспоминания). М.: Правда, 1990. 573 с., 8 л. ил.
Из содерж.: с. 7—17: Заметки о сказках Пушкина. С. 136—140: О звучании слова. С. 225—231: Три юбилея. С. 232—235: Пушкин и «младое племя».
- Марьянов Б. М.* Сорокалетняя новость // Наука и религия. 1990. № 12. С. 16—18.
Мнимое стихотворение Пушкина «Отче наш (Молитва)». Публикации и полемика.
- Масловская Л.* России первая любовь // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1990. № 6. С. 60—64.
Рец на кн.: *Скатов Н. Н.* Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л., 1990; России первая любовь: Стихи. М., 1989; *Высочина Е. И.* Образ бережно хранимый: Жизнь Пушкина в памяти поколения: Кн. для учителя. М., 1989.
Материалы для подготовки к экскурсиям по музеям Москвы: (Пособие по страноведению для иностр. учащихся) / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 106 с.
Из содерж.: с. 44—57: А. С. Пушкин.
- Махонина М. Н.* Этот загадочный сказочный остров [Буян]... // Рус. речь. 1990. № 5. С. 139—142.
- Мацапура В. И.* Подражания «Евгению Онегину» на Украине: (20—40-е годы XIX в.) // Вопросы русской литературы: Респ. межвед. науч. сб. / Черновиц. гос. ун-т. Львов: Свит, 1990. Вып. 2(56). С. 113—121.
- Мгебришвили Т. Г. И.* Чавчавадзе — переводчик А. С. Пушкина // Творческое наследие Ильи Чавчавадзе и литературы народов СССР: [Материалы Всесоюз. науч. конф., 20—22 окт. 1987 г., Телави-Кварели] / АН ГССР Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 179—184. «Пророк», «Ангел», «Истина» (1858 г.).

- Мгебришвили Т. Г.* «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина в грузинских переводах и литературной критике: Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.01.03) / Тбилис. гос. ун-т им. И. Джавахишвили. Тбилиси, 1990. 24 с. Библиогр.: с. 23—24 (7 назв.).
- Медриш Д. Н.* После выстрела. Пушкин: «Песня о Георгии Черном» // Новый мир. 1990. № 6. С. 231—236.
- Мейлах Б. С.* «... сквозь магический кристалл...»: Пути в мир Пушкина / Предисл. Д. С. Лихачева («Несколько слов об авторе этой книги») с. 5—6). М.: Высш. шк., 1990. 399 с., ил.
- Меньков А. Б.* Загадка одной трансляционной записи Сцены у фонтана [из оперы «Борис Годунов»] // М. П. Мусоргский. Современные проблемы интерпретации: (К 150-летию со дня рождения): Сб. науч. тр. / Моск. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 1990. С. 72—78.
- Пластинка с записью оперы «Борис Годунов», исполненной 17 апр. 1947 г. в Большом Театре. Дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев (ранее считалось — Н. С. Голованов).
- Меркин Г. С., Меркин Б. Г.* Учить творчеству: (Уроки и внеклассная работа по литературе в малокомплектной школе): Учеб. пособие / Смолен. гос. пед. ин-т им. К. Маркса. Смоленск, 1990. 96 с. Библиогр.: с. 93—95.
Из содерж.: с. 36—40: Воспитание культуры чувств. А. С. Пушкин. «Я памятник себе воздвиг...». С. 43—50: «Мы все учились понемногу...». [Лицей. Инсценировка «Урок профессора Куницына»]. С. 83—92: Литературная викторина «Пушкинская тема на страницах школьного учебника (5—8 кл.)».
- Меркулов А. М.* Оперная музыка М. П. Мусоргского в фортепианных обработках: (На примере «Бориса Годунова») // М. П. Мусоргский: Современные проблемы интерпретации: (К 150-летию со дня рождения): Сб. науч. тр. / Моск. консерватория им. П. И. Чайковского. М., 1990. С. 79—96.
Методология и методика историко-литературного исслед.: Тез. докл. 3-ей науч. конф. (Рига, 1—3 ноября 1990 г.) / Латв. ун-т. Рига, 1990. 179 с.
Из содерж.: с. 66—68: *Смирнов А. А.* Романтическая образность стихотворения А. С. Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца» в отношении к европейской лирике. С. 68—70: *Дмитриева Е. Е.* О превращении одного пушкинского сюжета: (Стихотворение «Анчар»). С. 71—72: *Михайлова Н. И.* Из наблюдений над текстом стихотворения А. С. Пушкина «Заклинание». С. 72—73: *Сидяков Л. С. Б. В.* Томашевский и проблема формирования прижизненного корпуса пушкинской поэзии. С. 74—75: *Ковач А.* Смысло-созидание в поэме: («Цыганы» Пушкина). С. 75—77: *Альми И. Л.*

Из истории пушкиноведения. Интерпретация мотива «маленькой ножки» в поэзии Пушкина. С. 77—79: Степанов Л. А. Пушкинский замысел пьесы о папессе Иоанне. С. 79—81: Листов В. С. Забытые страницы И. И. Голикова как источник произведений А. С. Пушкина. С. 81—83: Гуменная Г. Л. Героини в шуточных поэмах Пушкина и Лермонтова: («Домик в Коломне» и «Тамбовская казначейша»). С. 83—86: Скачкова О. Н. А. С. Пушкин и поэты озерной школы. С. 46—50: Лотман М. Ю. Ритмическая структура онегинской строфы. С. 41—44: Постоутенко К. Ю. Пунктуация онегинской строфы: Заметки на полях теории стиха Б. В. Томашевского.

Мир Пушкина = The world of Alexander Pushkin: Автографы. Прижизн. портр. Пейзажи. Отр. из соч. и писем. Свидетельства современников: [Альбом / Предисл. С. А. Фомичева; Сост. Э. С. Лебедева, Е. В. Пролет, Г. С. Тюрина; Сост. каталога Е. Н. Иванова, Л. П. Февчук; Науч. ред. А. И. Минина, И. В. Немировский, С. А. Фомичев]. М.: Сов. Россия, 1990. 203 с.: цв. ил. Каталог с.: 176—197. Указ. имен с.: 197-203 (на англ. яз.).

Мительман Е. И. Южная тропа Пушкина // Муз. жизнь. 1990. № 14. С. 22—23: ил.

Кишинев — Каменка — Киев — Тульчин — Одесса.

Молева Н. М. Земля и годы: Из исторической хроники Москвы и Подмосковья. М.: Моск. рабочий, 1990. 239 с.

Из содерж.: с. 101—127: Захарово. С. 157—159: «Моя родословная». [В. Т. и П. Т. Пушкины].

Морозов В. Д. «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1990. 265 с.

Из содерж.: с. 18—38: Гл. 1. А. С. Пушкин и «Московский вестник». С. 94—104: «Д. В. Веневитинов об А. С. Пушкине. План журнала». [В гл. 3: «Заветы Д. В. Веневитинова»]. С. 218—243: Гл. 5: Поэт, воспитанный «в средоточии жизни своего народа». [Критики журнала (1827—1830) о сочинениях Пушкина].

Морозова Э. Ф. Свободы сеятель // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Стихотворения. Львов: Камэняр, 1990. С. 5—28.

Мошинская Р. М. «Роман наподобие Вальтер Скотта?» // Урал. следопыт. 1990. № 2. С. 22—24.

«Капитанская дочка» Пушкина и «История кавалера де Грие и Манон Леско» Прево.

Муравицкая М. П. Работа над «Словарем языка Пушкина» в школьном кружке русской словесности // Рус. яз. в школе. 1990. № 5. С. 53—56.

Мусоргский М. П. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского: [Нар. муз. драма: В 4-х действиях с прологом: Текст по А. С. Пушкину,

Н. М. Карамзину / Музыка и либретто М. П. Мусоргского]. 5-е изд. М.: Музыка, 1990. 64 с. (Опер. либретто).

Набоков В. В. Комментарий к «Евгению Онегину»: (Фрагменты) / Пер. с англ. Г. Дюкова; Предисл. (с. 15) и публ. М. Филина // Лит. в шк. 1990. № 3. С. 15—29.

Комментарий к гл. 4 (строфа XIX), гл. 5 (строфы XI, XII, XIV, XVII—XX, XXII—XXIV) и «Альбому Онегина».

Нагибин Ю. М. Пророк будет сожжен: [Новеллы]. М.: Книга, 1990. 443 с.

Из содерж.: с. 170—180: Царскосельское утро. С. 220—249: Заступница. [Дело о дуэли Пушкина в III Отделении]. С. 202—219: У Крестовского перевоза. С. 181—201: От письма до письма.

Нагибин Ю. М. Соч. Т. 7 / Сост. Ю. М. Нагибин. М., 1990. 375 с.

Из содерж.: с. 154—163: Царскосельское утро. С. 164—182: От письма до письма. С. 183—198: У Крестовского перевоза. С. 199—225: Заступница. Повесть в монологах.

Настин В. У Ганнибаловского дуба: (Вместо некролога) // Искусство Ленинграда. 1990. № 7. С. 108—111: ил.

О Суйде.

Не зарастет народная тропа // В четыре часа пополудни: (Очерки о наших соотечественниках, проживающих за рубежом). Л.: ЛенАрт, 1990. С. 67—73, ил. на с. 66.

Посещение России английскими потомками Пушкина — сестрами Филиппс (в замужестве А. А. Аберкорн, М. Кроули и Ф. Бернет).

Неверов О. Я. Коллекции семьи Хитрово // Наше наследие. 1990. № 6. С. 41—46: ил.

Некрасов С. М. Дом поэта: между прошлым и будущим: // Искусство Ленинграда. 1990. № 6. С. 95—99.

О судьбе Всесоюз. Музея Пушкина: здание, новые экспозиции, комплекс музеев в г. Пушкине.

Немировский И. В. Библейская тема в «Медном всаднике» // Рус. лит. 1990. № 3. С. 3—17.

Никитина Е. Нарисуйте нам девицу, шамаханскую царицу: Игра «Строим музей “пушкинских сказок”» // Дет. лит. 1990. № 4. С. 41—42.

Никольская С. А. Сочинение на литературную тему: [По повести «Капитанская дочка»] // Методические указания к факультативному курсу «Теория и практика сочинений разных жанров» (VIII—IX классы): Пособие для учителя. 4-е изд., испр. М.: Просвещение, 1990. С. 28—35.

Никонов А. Тропинка к Пушкину // Подъем 1990. № 6. с. 108—113. Имение Загряжских Знаменка.

- Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным»: [Вопр. лит. 1990 №№ 7—9] // Вопр. лит. 1990. № 10. С. 77—153.
- Одинокое В. Г. Художественно-исторический опыт в поэтике русских писателей / АН СССР. Сиб. отд.-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. 208 с.
Из содерж.: с. 20—27: «Слово в полку Игорева» в интерпретации А. С. Пушкина. С. 138—146: Ансамблевость в поэтике «Маленьких трагедий» Пушкина.
- Оксман Ю. Г. Политическая лирика и сатира Пушкина // «Тамиздат»: от осуждения к диалогу: [Сб. ст.]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. С. 63—89.
- Оразгалиева Г. Ш. Тюркоязычные топонимы в прозе А. С. Пушкина: Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.02.01) / Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1990. 25 с. Библиогр.: с. 25 (4 назв.).
- Осват А. Л. Тютчев и Пушкин: история литературных отношений: (Ст. 1) // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения / Латв. АН. Ин-т философии и права. Рига: Зинатне, 1990. С. 60—76.
- [Памятник А. С. Пушкину в Бургасе, Болгария] // Художник. 1990. № 6 С. 57, 63: ил.
Скульптор Петра Задгорски.
- Панов С. И. Из истории русской стиховедческой терминологии конца XVIII quagenario Alexandri Il'usini Oblata / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1990. С. 13—18.
Опровержение версии В. С. Баевского о происхождении выражения «механизм стихов» в «Евгении Онегине», дополнения к значению слова «изменения» в «Словаре языка Пушкина».
- Панов С. И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19 [Сб.]. М.: Худож. лит., 1990. С. 39—74.
В. Л. Пушкин. С. 59—74: первая полная публ. его писем к П. А. Вяземскому (март — декабрь 1818 г.) по автографам ЦГАЛИ.
- Панченко А. М. Пушкин и русское православие: Ст. 1 // Рус. лит. 1990. № 2. С. 32—43.
- Паперный Э. С. К вопросу о золотой рыбке: Пародия // Паперный Э. С. Музыка играет так весело... М.: Сов. писатель, 1990. С. 91—94.
Написано в 1957 г.
- Пашнина Г. В. Кому посвящено стихотворение? // Урал. 1990. № 2. С. 148—149.
«Она глядит на вас так нежно...», посвящено Е. М. Языковой.
- Перцов В. О. Прикосновение к слову великого поэта: [Ил. В. Перцова к произведениям А. С. Пушкина] // Художник. 1990. № 6. С. 28—30: ил.

- Петрунина Н. Н.* Из истории первого собрания стихотворений Пушкина // Рус. лит. 1990. № 3. С. 137—146.
План издания 1816—1817 гг.
- «Пиковая дама»: Стенограмма репетиции [В. Э. Мейерхольда] 17 сент. 1934 // Театр. 1990. № 1. С. 128—130.
- Пискарёв Б. А., Алексеев Д. А.* Дуэль, или Тщетная уловка Константина Данзаса // Соц. законность. 1990. № 6. С. 60—64.
- Платек Я. М.* Вокруг нее очарованье...: [А. О. Смирнова-Россет] // Муз. жизнь. 1990. № 15. С. 20—22: ил.; № 16. С. 22—24: ил.
- Платек Я. М.* Единый лавр их дружно обвивает // Муз. жизнь. 1990. № 9. С. 22—24: ил.; № 10. С. 21—23: ил.; № 11. С. 20—22.
А. С. Пушкин и П. И. Чайковский.
- Платек Я. М.* Пускай мне дружба изменила... // Муз. жизнь. 1990. № 20. С. 23—27.
А. С. Пушкина и П. А. Катенин.
- Платонов А. П.* Пушкин — наш товарищ / Публ. Н. В. Корниенко // Рус. лит. 1990. № 3. С. 191.
«Сталинский» финал статьи, не включенный в окончательный текст.
- Плахова Е.* Незаходящее солнце // Слово. 1990. № 6. С. 30—31: ил.
О художнике Н. В. Кузьмине.
- Поддубная Р. Н.* Художник и его авторские лики: (Проблема автора в болдинском творчестве Пушкина 1830 года) // Проблема автора в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1990. С. 52—61.
- Подопригора Г.* Где родился Онегин? // Ставрополье. 1990. № 3. С. 103—105.
А. Н. Раевский (прототип Онегина), родившийся в Георгиевске.
- Полевой Н. А., Полевой К. А.* Литературная критика: Ст. и рец.: 1825—1842 / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Г. Березиной, И. В. Сухих. Л.: Худож. лит., 1990. 589 с. Вспом. указ.: с. 557—587.
Из содерж.: с. 17—24: *Полевой Н. А.* «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. С. 225—266: *Полевой Н. А.* Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. С. 271—283: *Полевой Н. А.* Пушкин. С. 370—380: *Полевой К. А.* Полтава, поэма Александра Пушкина.
- Полоцкая Э. А.* О назначении искусства: (Пушкин и Чехов) // Чеховиана: Ст., публ., эссе. М.: Наука, 1990. С. 40—53.
- Полуднева М. М.* Из истории переводов пушкинского наследия на Украине // Вопросы русской литературы: Респ. межвед. науч. сб. / Черновиц. гос. ун-т. Львов: Свит, 1990. Вып. 2 (56). С. 121—126.
«Капитанская дочка».
- Полякова Г. В.* Стихотворение А. С. Пушкина «Телега жизни» в кон-

- тексте русской поэзии XIX века // Ломоносовские чтения: Программа и тез. науч. конф. 12—17 ноября 1990 г. / Архангельский гос. пед. ин-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 1990. С. 56—57.
- Пономарева Е. А.* Научная конференция «Лирика Пушкина»: [5—6 дек. 1989 г., М.] // Рус. лит. 1990. № 3. С. 215—218.
- Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. Переизд. М.: Правда, 1990. 701 с., 8 л. ил.
- Постуштенко К. Ю.* К истории неопубликованной книги Б. В. Томашевского «Пушкин и французские поэты» // Рус. лит. 1990. № 4. С. 189—191.
- Публ. рецензии С. П. Боборова (1920), дополнения к публ. рецензии В. Я. Брюсова (Лит. наследство. М., 1976. Т. 85. С. 243—244).
- Потемкин В.* Драма совести: Спектакль Андрея Тарковского на ленинградской сцене // Новое время. 1990. № 24. С. 48: фото.
- Опера Мусоргского «Борис Годунов» в ред. Д. Ллойд-Джорджа, в роли Бориса — Р. Ллойд.
- Предания и песни болдинской старины / Вступ. ст. Ю. Левиной, И. Сидоровой; Худож. О. Колчанова. 3-е изд., изм. и доп. Горький: Волго-Вятск. кн. изд-во, 1990. 191 с.: ил., ноты.
- Содерж.: *Левина Ю., Сидорова И.* Предания и песни Болдинской старины. — Рассказы Ивана Васильевича Киреева. — Песни села Болдина / Запись и примеч. Л. Дорониной, нотация М. Лобанова.
- Приобщение: [Ст. о Пушкинских обществах / Авт. И. Упорова (с. 26—27) и Ю. Чехонадский (с. 27—28)] // Слово. 1990. №6. С. 26—28.
- Две статьи под общим загл.
- Проблема традиций и новаторства русской и советской прозы: Межвуз. сб. науч. тр. / Нижегород. гос. пед. ин-т им. М. Горького. Н. Новгород, 1990. 157 с.
- Из содерж.: с. 48—57: *Минакова А. М.* Пушкинская традиция в советской эпике 20—40-х годов: «Тихий Дон» М. А. Шолохова. С. 105—111: *Боярская Т. Ю.* Мериме — критик Пушкина. (Статья-очерк «Александр Пушкин»). С. 111—118: *Асадуллин А. М.* О. Мандельштам — критик о Пушкине. (Проблема единства культур). С. 118—125: *Мощанская О. Л.* Традиции народно-поэтического творчества при создании образа народного предводителя. (В. Скотт: «Роб Рой», А. С. Пушкин: «Капитанская дочка»).
- Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. дек. 1988 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 234 с.

Из содерж.: с. 8—11: *Канунова Ф. Э.* Еще раз о соотношении романтизма и реализма. [«Маленькие трагедии», «Повести Белкина»]. С. 64—66: *Лебедева О. Б.* Жанровые функции автореминисценций в творчестве А. С. Пушкина первой половины 1820-х годов. С. 67—68: *Костин В. М.* Культура сентенциозного слова в свете новой концепции человека. («Евгений Онегин»). С. 153—155: *Калинина И. А.* Концепция личности А. С. Пушкина в биографических романах Ю. Тынянова («Пушкин») и И. Новикова. («Пушкин в изгнании»). С. 63—64: *Мальчукова Т. Г.* К вопросу об антологическом роде в лирике А. С. Пушкина. С. 103—104: *Печерская Т. И.* Мотивы «Петербургской повести» Пушкина в «Петербургской поэме» Достоевского: («Медный всадник» — «Двойник»). С. 66—67: *Плосконенко Е. А.* Комедия Фонвизина «Недоросль» в творческом мире Пушкина. (К вопросу о генезисе пушкинского реализма). С. 68—69: *Физиков В. М.* К проблеме героя в «петербургской повести» А. С. Пушкина «Медный всадник».

Проблемы художественной типизации и читательского восприятия литературы: Тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. литературоведов Поволжья (25—28 сент. 1990 г.) / Стерлитамак. гос. пед. ин-т. Стерлитамак, 1990. 273 с.

Из содерж.: с. 78—82: *Смирнов А. А.* Романтическая типизация в лирика А. С. Пушкина. С. 80—82: *Таборисская Е. М.* Типология культурных ориентиров в контексте стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...». С. 83—84: *Довгий О. Л.* Стихотворение А. С. Пушкина «Из Варту Cornwall» и его связь с «Пиром во время чумы». С. 84—85: *Кагарманова М. Ш.* Прошлое и современность в «Пиковой даме» А. С. Пушкина. С. 90—92: *Князев А. В.* Герой-индивидуалист в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С. 121—122: *Загидуллина М. В.* Пушкинские цитаты в романах Ф. М. Достоевского.

Прокушев Ю. Л. Все мы — дети России: Раздумья критика. М.: Современник, 1990. 511 с. На об. тит. л.: 1991.

Из содерж.: с. 18—23: «Подвиг Пушкина». С. 24: «Из записной книжки “День за днем”. Июнь 1974 г.» [Отклик В. Г. Базанова на «Подвиг Пушкина»]. С. 37—53: «Россия Пушкина, Россия Есенина».

Пронин В. Соавтор Пушкина [Н. В. Кузьмин] // Дет. лит. 1990. № 12. С. 59—64: ил.

А. С. Пушкин в казахских переводах: Программа факультативного курса // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1990. № 7. С. 46—48.

А. С. Пушкин в Азербайджане: [Сб. ст. на азерб. и рус. яз.] / АН АзССР. Музей азерб. лит. им. Низами Гянджеви; Сост.

К. А. Зейналова. Баку: Элм, 1990. 110 с. На тит. л. загл.: «Все волновало нежный ум...».

Содерж.: С. 7—15: *Гаджиев А. А.* Читая Пушкина. [На азерб. яз.]. С. 15—21: *Набиев Б. А.* Солнце поэзии. [на азерб. яз.]. С. 21—28: *Курбанов Ш. К.* Азербайджанские современники Пушкина. [на азерб. яз.]. С. 28—42: *Мамедов Х. Г.* Пушкин в азербайджано-русском литературно-общественном контексте XIX — начала XX века. [на азерб. яз.]. С. 42—46: *Векилова А. С.* Пушкин в творчестве Самеда Вургуня. [на азерб. яз.]. С. 46—52: *Гулиев В. М.* Пушкин и Восток: история одного стихотворения. [на азерб. яз.]. С. 52—56: *Мамедов А. А.* От «Пророка» Пушкина до «Пророка» Джавида: [на азерб. яз.]. С. 56—60: *Зейналова К. А.* Пушкин в азербайджанском советском литературоведении. С. 61—65: *Мовлаева С. А.* Азербайджанская пушкиниана. С. 65—72: *Лукьянова С. Л. А. С.* Пушкин в творческом восприятии азербайджанских писателей. С. 72—78: *Багирова С. Ю.* Поэзия Пушкина в романах азербайджанских композиторов. С. 78—86: *Султанова Г. Д.* Трагедия Пушкина «Моцарт и Сальери» в азербайджанских переводах. С. 87—92: *Мурадалиева Н. Б.* Пейзаж в романтической лирике Пушкина. С. 93—97: *Гусейнова Т. А.* Издания произведений А. С. Пушкина в Азербайджане. С. 97—101: *Девитт В. В.* Человек в эстетическом мире Пушкина. С. 101—104: *Коджаев М. К.* «Египетские ночи» А. С. Пушкина в оценке и творчестве Ф. М. Достоевского. С. 104—108: *Мамедов М. Э.* Пушкинские традиции темы народного движения в советской исторической романистике.

А. С. Пушкин в Малинниках: Буклет / Авт. текста С. Г. Ржеутский; Худ. В. В. Курочкин. Калинин, 1990. 1 л., ил.

Пушкин: Альбом / Сост. А. И. Минина. Переизд. Л.: Художник РСФСР, 1990. 12 с., 10 л. ил. (Семья художника).

Пушкина-Ланская Н. Н. В глубине души такая печаль...: Письма Н. Н. Пушкиной-Ланской к П. П. Ланскому [1851 г.] / Публ. И. М. Ободовской, М. А. Дементьева; Вступ. заметка (с. 97) и пер. писем И. М. Ободовской // Наше наследие. 1990. № 3. С. 96—105: ил. Письма из Германии, где лечилась Н. Н. Пушкина. Публ. по архиву А. П. Араповой (ИРЛИ).

Пушкина Г. И. «Мое семейство умножается...» // Родина. 1990. № 6. С. 46—47.

Английские потомки А. С. Пушкина по линии Н. А. Меренберг. Пушкин в Бессарабии: Тез. докл. и сообщ. регион. научно-практ. конф. / Измаил. гос. пед. ин-т; Измаил. музей А. В. Суворова. Измаил, 1990. 120 с.

Содерж.: с. 3: *Трубецкой Б. А.* Молдавское пушкиноведение (некоторые итоги и проблемы). С. 3—4: *Шишкина Р. П.* О пушкинских местах в Измаиле. С. 5—8: *Цепенюк И. А.* Измаильский эпизод в биографии А. С. Пушкина. С. 8: *Кожокару В. М.* Пушкин, Дунай, Измаил. С. 8—10: *Лобзова Л. В.* «Дней прошлых гордые следы...». (Пушкин в Бессарабии). С. 11—12: *Каклюгина И. В. А. С.* Пушкин о роли дворянства в жизни России: (лирика кишиневского периода). С. 13—15: *Мостовая Л. Б.* Гайдуцкая тема в поэме А. С. Пушкина «Братья разбойники». С. 15—16: *Фадеева Т. Н., Юдина Е. В., Прохоров В. Ф.* Три темы в южных стихах А. С. Пушкина: (истор. и лингв. аспекты). С. 16—18: *Пахомова Т. А.* Формирование потребности в общении с А. С. Пушкиным средствами школьного музея С. 18—19: *Фрелих В. А.* А. С. Пушкин и Буковина. С. 20—22: *Доминяк А. В.* Пушкинский музей Подмосковья: (вопросы музеефикации). С. 23—25: *Слюсарь А. А.* «Кирджали» А. С. Пушкина и «Повесть о капитане Копейкине» Н. В. Гоголя. С. 25—27: *Чумакова Е. А.* А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь. С. 27—28: *Эмирсуинова Н. К.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский. С. 28—30: *Мусий В. Б.* Сюжетные мотивы в повестях А. С. Пушкина и О. М. Сомова. С. 30—32: *Массальская Г. И.* Идеино-эстетическая функция художественного текста в статье Вяземского «"Цыганы". Поэма Пушкина». С. 33—35: *Назарьян Р. Г.* Пушкин и Кюхельбекер как авторы лицейских сочинений на «заданные» темы: (внешнее сходство и внутреннее различие). С. 35—37: *Козлова М. И.* «Кавказский пленник» А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С. 37—39: *Абросимова Н. В.* Пушкинские традиции в сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок». С. 40—42: *Рыбинцев И. В., Мазур Р. А.* «Путешествие в Арзрум» А. Пушкина как этапное произведение в становлении жанра русского реалистического очерка. С. 42—45: *Раковская Н. М. А. С.* Пушкин в оценке Н. Г. Чернышевского. С. 45—46: *Бахматова Г. Н.* Традиции стихотворения А. С. Пушкина «Бесы» в русской авангардной прозе XX в. С. 47—48: *Андрианов И. Ю.* Пушкинская традиция в философской лирике И. А. Бунина. С. 48—50: *Лебеденко Н. П.* Литературное завещание Александра Блока: («О назначении поэта» — речь, произнесенная А. Блоком на торжественном собрании, посвященном 84-й годовщине смерти Пушкина). С. 50—51: *Хуссаин С. Дауд.* Личность А. С. Пушкина в оценке М. Горького. С. 51—53: *Ульянцев Д. М.* Платонов о Пушкине. С. 53—55: *Лихина Н. Е.* Пушкинские традиции в исторической прозе. С. 55—57: *Кузьменко В. И.* Пушкин в творческой судьбе Николая Ушакова. С. 57—59: Бе-

лекций *Ф. М. Сатира* А. С. Пушкина в оценке А. И. Белецкого. С. 59—61; *Глотов А. Л.* А. С. Пушкин в литературоведении «Русского зарубежья» С. 61—63; *Новикова Т. Н.* Актуальность пушкинских традиций. С. 63—65; *Полуднева М. М.* Из истории переводов пушкинского наследия на Украине. С. 65—67; *Дуб К. С.* Гуманістична концепція драми О. Пушкіна «Каменный гость» і Лесі Українки «Камінний господар». [на укр. яз.]. С. 67—69; *Куликова Э. М.* «России вечная любовь». (Максим Рыльский об Александре Пушкине). С. 70—72; *Благово В. А.* Тема возмездия в лирике Пушкина: (кишиневский период). С. 73—75; *Червинская О. В.* Пушкинская антитеза как эстетическая модель мировидения. С. 75—76; *Малютина Н. П.* К вопросу об интегрирующем начале цикла «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина. С. 77—78; *Осадчий А. Я.* Проблемы диалектики в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина. С. 78—80; *Милешин Ю. А.* Наполеоновский миф у Пушкина. С. 80—81; *Александров А. В.* О повествователе в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина. С. 82—84; *Сапрыгина Н. В.* «У лукоморья дуб зеленый...»: восприятие и трактовка художественного образа. С. 84—85; *Борисова Т. А.* Любовная лирика А. С. Пушкина на факультативных занятиях в 9 классе. С. 86—88; *Колесников А. А.* Неизменяемые имена существительные в произведениях А. С. Пушкина. С. 88—91; *Колесникова Л. В.* Семантико-функциональный потенциал обращений в «Маленьких трагедиях» А. С. Пушкина. С. 91—92; *Андреанов Ю. П., Лабунько О. И.* Стилевое своеобразие цикла А. С. Пушкина о назначении поэта в свете оценок русской критики. С. 92—95; *Благово В. А.* Об одной словесной формуле А. С. Пушкина. С. 95—97; *Гехтляр С. Я., Шашкова С. И.* О некоторых стилеобразующих факторах реализма и романтизма в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник». С. 97—99; *Алексеев К. А.* Крылатые строки А. С. Пушкина в произведениях В. И. Ленина. С. 99—101; *Луцкая В. В.* Формы передачи чужой речи в «Евгении Онегине» в «Капитанской дочке». С. 101—103; *Олейник Э. П.* Бессоюзные сложные предложения в произведениях А. С. Пушкина. С. 103—105; *Арват Н. Н.* Художественное пространство и время в поэме А. С. Пушкина «Цыганы». С. 105—107; *Иванюк Б. П.* Троп и эволюция пушкинского стиля. С. 107—109; *Тукова Т. В.* Синонимия форм числа и собирательности имен существительных в прозе А. С. Пушкина. С. 109—111; *Войцева Е. А.* Особенности употребления античных мифологизмов в поэзии А. С. Пушкина начала 20-х гг. XIX века. С. 111—112; *Светлейшая С. Н.* Лексика поэзии А. С. Пушкина как источник эстетического воспитания.

С. 113—114: *Шестак Л. А.* Типология пушкинской метафоры: идеолект и его константы. С. 115—117: *Ильинская Н. И.* Активизация творческой деятельности учащихся при изучении художественного своеобразия пушкинского пейзажа.

Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. / Сост., вступ. ст., биобиблиогр. справки Р. А. Гальцевой. М.: Книга, 1990. 527 с. (Пушкинская библиотека). Указ. имен и произведений А. С. Пушкина: с. 498—525.

Содерж.: с. 5—12: *Гальцева Р. А.* По следам гения. С. 15—41: *Соловьев В. С.* Судьба Пушкина. С. 41—91: *Соловьев В. С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 92—160: *Мережковский Д. С.* Пушкин. С. 161—174: *Розанов В. В.* А. С. Пушкин. С. 174—182: *Розанов В. В.* О Пушкинской Академии. С. 182—191: *Розанов В. В.* Кое-что новое о Пушкине. С. 191—193: *Розанов В. В.* Пушкин и Лермонтов. С. 194—206: *Шестов Л. А. С.* Пушкин. С. 207—243: *Гершензон М. О.* Мудрость Пушкина. С. 244—249: *Иванов В. В.* Роман в стихах. С. 249—262: *Иванов В. В.* Два маяка. С. 262—269: *Иванов В. В.* К проблеме звукообраза у Пушкина. С. 270—294: *Булгаков С. Н.* Жребий Пушкина. С. 294—301: *Булгаков С. Н.* Моцарт и Сальери. С. 302—308: *Карташев А.* Лик Пушкина. С. 309—316: *Ильин В. Н.* Аполлон и Дионис в творчестве Пушкина. С. 317—327: *Струве П. Б.* Дух и слово Пушкина. С. 328—355: *Ильин И. А.* Пророческое призвание Пушкина. С. 356—375: *Федотов Г. П.* Певец империи и свободы. С. 375—379: *Федотов Г. П.* О гуманизме Пушкина. С. 380—396: *Франк С. Л.* Религиозность Пушкина. С. 396—422: *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель. С. 422—452: *Франк С. Л.* О задачах познания Пушкина. С. 452—465: *Франк С. Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Европой. С. 465—481: *Франк С. Л.* Светлая печаль. С. 488—493: *Ходасевич В. Ф.* «Жребий Пушкина», статья о. С. Н. Булгакова. С. 494—497: *Франк С. Л.* Пушкин и духовный путь России.

Рец.: *Мишин Н. Н.* К познанию Пушкина // Лит. в шк. 1991. № 6. С. 113—117; *Песков А.* // Новый мир. 1991. № 10. С. 252—254.

Пушкиниана Калужской земли: Друзья души моей: [Альбом] / Калуж. обл. краевед. музей; Обл. об-во книголюбов. Тула: Коммунар, 1990. 33 с.: ил.

Пушкинские чтения: Сб. ст. / Эстон. фонд культуры; Сост., отв. ред. С. Г. Исаков. Таллинн: Ээсти Раамат, 1990. 192 с.

Доклады, прочитанные на «Пушкинских чтениях» 13—15 ноября 1987 г. в Тарту.

Содерж.: с. 5—14: *Гаспаров М. Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хоря. С. 15—22: *Марченко Н. А.* Структура изобразительных образов в произведениях А. С. Пушкина. С. 23—40: *Пугачев В. В.* Декабристы, «Евгений Онегин» и Чадаев. С. 41—43: *Лотман Ю. М.* Несколько добавочных замечаний к вопросу о разговоре Пушкина с Николаем I 8 сентября 1826 го-да. С. 44—57: *Баевский В. С.* Строфа и рифма в «Евгении Онегине». С. 58—70: *Альми И. Л.* Об автобиографическом под-тексте двух эпизодов в произведениях А. С. Пушкина. [«Борис Годунов», «Капитанская дочка»]. С. 71—87: *Таборисская Е. М.* Своеобразие решения темы безумия в произведениях Пушкина 1833 года. С. 88—107: *Вольперт Л. И.* Наполеоновский миф у Пушкина и Стендаля. С. 108—128: *Петина Л. И.* Об особенностях альбомной литературы. С. 129—143: *Чумаков Ю. Н.* Из онегинской традиции: Лермонтов и Ап. Григорьев. С. 144—155: *Салупере М. Г.* Об одном раннем переводе «Бориса Годунова» на немецкий язык. С. 156—166: *Пярли Ю. К.* Рецепция поэзии Пушкина в Эстонии конца XIX века. С. 167—181: *Богомолов Н. А.* Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Хода-севича. С. 182—189: *Никольская Т. Л.* Грузинские символисты о Пушкине.

50 лет назад погиб Мейерхольд: [Ст., воспоминания, материалы] // Театр. 1990. № 1. С. 24—159: табл.

С. 128—130: «Пиковая дама»: Стенограмма репетиции 17 сент. 1934 г. С. 130—137: *Руднева Л.* «Пир во время чумы». 1936 год, ноябрь. [Воспоминания о репетиции]. С. 146—147: *Бонди С. М.* Письмо в Главную военную прокуратуру [по поводу реабилитации В. Э. Мейерхольда, 1955 г.].

Рассовская Л. П., Агранович С. Э. Вокруг Пушкина // Октябрь. 1990. № 6. С. 189—196.

Пушкин в современной критике.

Рогачевский А. Б. К проблеме интерпретации «Капитанской дочки» А. С. Пушкина // Начало: Сб. работ молодых ученых / АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького. М., 1990. С. 117—132.

Рогачевский А. Б. Риторика и индивидуальный стиль: Жуковский — Пушкин — Лермонтов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 49. № 3. С. 223—230.

Рогачевский А. Б. «Стансы» Пушкина в отношении к риторике // Творчество Мандельштама и вопросы исторической поэтики: Межвуз. сб. науч. тр. / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 1990. С. 122—134.

Рогова А. И. О возможном подходе к текстологическому анализу стихотворений А. С. Пушкина // Проблемы развития русской литера-

туры XI—XX веков: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов 18—19 апр 1990 г. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л., 1990. С. 19—21.

Розанов В. В. Еще о смерти Пушкина / Вступ. ст. (с. 22—23) заметка, подгот. текста и примеч. С. А. Кибальника // Слово. 1990. № 2. С. 22—28.

Впервые // Мир искусства. 1990. № 7. С. 133-143.

Розанов В. В. Пушкин и Гоголь // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития: Лит.-эстет. работы разных лет / Вступ. ст., сост. В. В. Ерофеева. М.: Искусство, 1990. С. 225—234. (Ист. эстетики в памятниках и документах).

Розанов В. В. Пушкин и Гоголь // Розанов В. В. Соч. / Сост. П. В. Крусанов. Л.: Васильевский остров, 1990. С. 7—14.

Розанов В. В. Соч. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской. М.: Сов. Россия, 1990. 589 с., 17 л. ил.

Из содерж.: с. 370—374: Возврат к Пушкину: (к 75-летию со дня его кончины. 27 января 1837 — 27 января 1912 года). С. 362—369: Домик Пушкина в Москве. С. 360—366: Ибсен и Пушкин — «Анджело» и «Бранд». С. 352—359: О Пушкинской Академии.

Розанов В. В. Сумерки просвещения / Сост. В. Н. Щербаков. М.: Просвещение, 1990. 621 с.

Из содерж.: с. 363—367: Возврат к Пушкину: (к 75-летию со дня его кончины). С. 309—316: Ибсен и Пушкин — «Анджело» и «Бранд». С. 256—263: О Пушкинской Академии.

Розанов И. Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1990. 458 с.

Из содерж.: с. 29—45: Народная тропа: (О славе Пушкина). С. 336—367: Ранние подражания «Евгению Онегину».

Розанова М. К истории и географии этой книги // Вопр. лит. 1990. № 10. С. 154—161.

Послесловие к публ. кн. А. Д. Синявского «Прогулки с Пушкиным» (Вопр. лит. 1990. №№ 7—9).

Россина Н. В. Роль умолчания в поэзии А. С. Пушкина и его современников [Батюшкова и Баратынского] // Проблемы романтизма: Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 92—99.

Россия под скипетром Романовых. 1613—1913. [Переизд.]. М.: СП «Интербук», 1990. 238 с.: ил.

1-е изд.: СПб., 1912. Из содерж.: С. 157—161: Пушкин и расцвет русской литературы и искусства.

Россош Г. Г. Пушкин — семья, «золотой петушок» и мотивы дуэли: (Лит.-психолог. версия) // Россош Г. Г. Сильвестрова находка: Повести. Этюд о дуэли Пушкина. Об «амазонщине». М.: Худож.

лит., 1990. С. 43—78.

Руднева Л. «Пир во время чумы». 1936 год, ноябрь // Театр. 1990. № 1. С. 130—137: фото.

Воспоминания о репетиции В. Э. Мейерхольда.

Румянцев С. Подлинность истины: Еще раз о «Борисе Годунове» // Сов. музыка. 1990. № 8. С. 49—52: ил.

Опера М. П. Мусоргского в постановке Е. Колобова и О. Ивановой в театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко (1989—1990 гг.). Poleмика со ст. А. Кандинского «Цена подлинника» (см. там же, с. 42—49).

Русская зарубежная Пушкиниана: К 100-летию со дня смерти поэта: [Библиогр. список] // Слово. 1990. № 6. С. 62.

Русская фантастическая проза эпохи романтизма: (1820—1840 гг.) / Вступ. ст. В. М. Марковича. Л.: изд-во ЛГУ, 1990. 668 с.

Из содерж.: с. 604—608: *Фомичев С. А.* Владимир Павлович Титов (1807—1891). [Авторство повести «Уединенный домик на Васильевском»]. С. 638—840: *Романов Н. М.* Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837).

С любовью и тревогой: Ст.; Очерки; Рассказы [О Москве] / Сост. В. П. Енишерлов, В. А. Матусевич. М.: Сов. писатель, 1990. 495 с.: ил.

Из содерж.: с. 205—209: *Кожин В. В.* Где родился Пушкин? [Впервые // Неделя. 1984. № 17]. С. 202—205: *Кожин В. В.* Легенды и факты. [«Дом Фамусова» — А. Я. Римского-Корсакова на Страстной, № 3. Впервые // Памятники Отечества. 1973. № 1]. С. 358—361: *Смирнова Е.* Был ли А. С. Пушкин в Оружейной палате Московского Кремля? [Гипотеза подтверждается текстом стихотворения «Полководец»].

Савельева В. В. Первая болдинская осень // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1990. № 9. С. 60—63.

Семанова М. А. Творческая история произведений русских писателей: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 191 с.

Из содерж.: с. 23—41: Гл. 2. Лирические стихотворения Пушкина о любви.

Сетин Ф. И. История русской детской литературы: Конец X — первая половина XIX века: Учебник для студентов по спец. «Библиотековедение и библиогр.». М.: Просвещение, 1990. 303 с.

Из содерж.: с. 209—230: А. С. Пушкин.

Сидеравичюс Р. К. Перевод в преподавании литературы // Словесник. Вильнюс. 1990. № 1. С. 10—14.

С. 11—13: анализ переводов стихотворения «Во глубине сибирских

руд...» на литов. яз., выполненных Й. Грайчюнасом и А. Хурганисом. С. 13—14: анализ перевода Э. Матузьявичюсом стихотворения «Няне».

Сидяков Л. С. Заметки о стихотворении Пушкина «Герой» // Рус. лит. 1990. № 4. С. 208—214.

Синайский В. И. Пушкин о праве // Учен. зап. / Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1990. Вып. 914. С. 141—149.

Докл., прочитанный по случаю «Дня рус. культуры» (Рига, 1937). Публ. по рукописи из архива автора. Впервые // Записки рус. академ. группы в США. Нью-Йорк, 1987. Т. 20. С. 197—206. Содерж.: 1. Брак и любовь. 2. Договор и его санкции. 3. Удовлетворение. 4. Наказание и Немезида. 5. Публичный порядок: власть и народ. 6. Высший Закон-Судьба (Jus Divinum).

Синявский А. Д. (Абрам Терц). Прогулки с Пушкиным // Вопр. лит. 1990. № 7. С. 156—175; № 8. С. 81—111; № 9. С. 146—178.

Предисл. от ред. и Пушкинской комиссии Ин-та мир. лит. им. А. М. Горького АН СССР (N 7, с. 155).

Первая полная публ. в России. Частично // Октябрь. 1989. № 4. С. 192—199. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» см.: Вопр. лит. 1990. № 10. С. 77—153. Выступали: В. Непомнящий, С. Бочаров, Е. Сергеев, И. Роднянская, А. Казинцев, А. Марченко, Ю. Манн, С. Куняев, А. Архангельский, И. Золотусский, В. Сквозников, С. Ломинадзе, С. Небольсин, П. Вайль, А. Генис, Ю. Давыдов, Д. Урнов. Публ. и обсуждение завершает ст. М. Розановой «К истории и географии этой книги» (№ 10. С. 154—161).

Скатов Н. Н. Пушкин: Очерк жизни и творчества. Л.: Дет. лит., 1990. 239 с.

То же, впервые // Скатов Н. Н. Русский гений. М., 1987. С. 28—343.

Скубилин Г. А. Любовь Пушкина: Биогр. этюд. Калуга, 1990. 103 с.

В основном о Н. Н. Пушкиной.

Слинина Э. В. Лирика Пушкина 1820—30-х годов. Проблемы становления личности поэта: Учеб. пособ. по спецкурсу / Псков. гос. пед. ин-т. Псков, 1990. 88 с.

Содерж.: Введение. Лицейские воспоминания и образ времени в лирике 1820—30-х годов. Воспоминание — «самая сильная способность души нашей». Судьба и личность в лирике 1820—30-х г. Лирический цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)». Процесс самосознания в стихах о поэте и поэзии. Неоконченное стихотворение «Когда владыка ассирийский...». Личность поэта в лирике 30-х годов. О языке лирики Пушкина (поэтизмы как форма

художественной выразительности). Литература.

Слинина Э. В. Об императивных концовках в лирике Пушкина 20—30-х годов // Пространство и время в литературе и искусстве: Метод. материалы по теории лит. / Даугавпилс. пед. ин-т им. Я. Э. Калнберзина. Даугавпилс, 1990. С. 33—34.

Слово: [Вып. видеоканала, посв. А. С. Пушкину. Авт. и ведущий В. С. Непомнящий] // Телевидение и радиовещание. 1990. № 6. С. 23—27; № 7. С. 23—27.

Слово. 1990. № 6. 87 с., ил.

Номер посвящен А. С. Пушкину. Из содерж.: с. 1—3: Шаховская Э. Веселое имя Пушкина. С. 2—4: Кибальник С. А. Истоки поклонения. [Культ Пушкина в России]. С. 5: Кузьмин А. Тверской венок [Рец. на кн.: Тверской венок Пушкину. Калинин, 1989]. С. 26—28: Приобщение / Ст. И. Упоровой и Ю. Чехонадского о Пушкинских обществах. С. 29: Ларионов А. Счастливый дар. [О Б. М. Козмине]. С. 30—31: Плахова Е. Незаходящее солнце. [Пушкиниана Н. В. Кузьмина, ил. с. 2, 26, 29, 31, 51, 56, 58, 63]. С. 32, ил.: Козьмина Л. В. Портрет на память. [Прижизненный портрет Пушкина из музея в Петровском]. С. 51—62: Вечные спутники. [Русское Зарубежье о Пушкине, вступ. ст., публ. и коммент. М. Д. Филина. Содерж.: с. 52—55: Ильин И. А. Пророческое призвание (1937). С. 57—58: Адамович Г. В. Пушкин. С. 58—62: Франк С. Л. Мудрые заветы. С. 62: Русская зарубежная Пушкиниана: К 100-летию со дня смерти поэта: [Библиогр.]. С. 63—67: Козмин Б. М. Гром Полтавы. [Гл. из романа о А. П. Ганнибале]. С. 68—70: Берков П. Н. Судьба Жоржа-Шарля Дантеса и его семейства. [Отрывок из кн.: Берков П. Н. О людях и книгах. М., 1965]. С. 71: Стрежнев И. В. Панцирная рубашка. [Легенда о кольчуге Дантеса]. С. 72—76: Дюма А. Последний платеж. [Гл. из романа о Ж.-Ш. Дантесе. Пер. В. Лебедев. (Продолж. // Слово. 1990. № 11; 1991. № 2; 1991. № 6). Рец.: Эльзон М. Слишком неизвестный Дюма // Нева. 1993. № 8. С. 277—279]. С. 80: Гурьев Н. Дневник Россет. [Рец. на кн.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989]; Жукова Л. Вспоминает Керн. Рец. на кн.: Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда. 1989. С. 81: С. 87: Ю. Н. Жемчужина России. [Рец. на кн.: Савыгин А. М. Пушкинские Горы. 3-е изд., доп. Л., 1989].

Слюсарь А. А. Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя: Опыт жанровотипологического сопоставления. Киев, Одесса: Лыбидь, 1990. 190 с. Содерж.: Введение. — 1. «Глава, вырванная из романа». 2. «Зеркало мира». 3. Время и нравы. 4. Идея времени. 5. Судьба челове-

ческая, судьба народная. — Заключение. Список исполз. лит.

Смирнов А. А. Утверждение ценностей романтического восприятия в лирике А. А. Фета и А. С. Пушкина // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: Межвуз. сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. Курск, 1990. С. 56—63.

Смирнова-Россет А. О. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Н. Лубченкова. М.: Правда, 1990. 541 с., 8 л. ил.

Из содерж.: с. 118—124: XIX. В свете. Встречи с Пушкиным. [Из «Автобиографии»]. С. 183—193: VIII. Рассказы о салоне Карамзиных, о жизни во дворце, о встречах с Пушкиным. [Из «Болдинского романа»]. С. 193—204: IX. Смирнов. Пушкин. Перовский. [Там же]. С. 214—225: XII. Маскированный бал во дворце. Пушкин в 1830 году в Царском. [Там же]. С. 386—397: Воспоминания о Жуковском и Пушкине.

Соболев Л. И. Неизвестное стихотворение К. К. Случевского // Новобасманная, 19: [Сб.]. М.: Худож. лит., 1990. С. 308—310.

«Тост Пушкину» в письме Случевского к О. Ф. Миллеру от 21.05.1880.

Современный урок русского языка и литературы / Под ред. З. С. Смелковой. 2-е изд., дораб. Л.: Просвещение, 1990. 239 с. (Б-ка учителя яз. и лит. нац. шк.).

Из содерж.: с. 172—195: Вводный урок — урок-установка на изучение данного произведения. Урок анализа одного из компонентов литературного произведения. [На примере «Капитанской дочки»].

Соколов В. Б. Эволюция «образа музы» в поэтических декларациях Н. А. Некрасова // Сюжет и фабула в структуре жанра: Межвуз. темат. сб. науч. тр. / Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1990. С. 40—49.

«Образ музы» в творчестве Некрасова и Пушкина.

Соколов М. Н. Правнуки А. С. Пушкина на ростовской земле // Памятники Отечества: Альм. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. 1990. № 2(22). С. 68.

Внуки Г. М. Воронцова-Вельяминова (Флоренция), Екатерина и Стефано.

Сокурова О. Б., Белоненко А. С. «Согласные и строгие хоры»: (Размышления о «Пушкинском венке» Георгия Свиридова) // Музыкальный мир Георгия Свиридова. М.: Сов. композитор, 1990. С. 56—77: ноты.

Впервые // Москва. 1981. № 8. С. 178—185.

Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. 422 с. (Б-ка «Любителям рос. словесности». Из лит. наследия).

Из содерж.: с. 178—204: Судьба Пушкина. С. 213—222: Особое

чествование Пушкина. С. 223—273: Значение поэзии в стихотворениях Пушкина.

Соловьева В. Я. Бессмертный гений русский: (Урок памяти А. С. Пушкина) // Рус. яз. и лит. в киргиз. шк. 1990. № 4. С. 30—35.

Соронкулов Г. У. И снова — Пушкин... // Рус. яз. в киргиз. шк. 1990. № 1. С. 62—64.

Рец. на кн.: Пушкин А. С. Сказки. Стихотворения / Сост. Н. В. Солдатова. Фрунзе: Мектеп, 1989. 320 с.

Сочкина В. В., Строганов М. В. Татьяна Ларина и ее «прототипы»: Литературный образ и бытовое поведение в романтизме // Проблемы романтизма: Сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 84—92.

Степанов Л. А. Поэзия любви: О «Каменном госте» А. С. Пушкина. Ст. 2 // Кубань: Альм. Краснодар, 1990. № 1. С. 79—82. Начало см.: Ст. 1 // Кубань. 1989. № 7. С. 87—96.

Стрежнев И. В. Пандирная рубашка // Слово. 1990. № 6. С. 71. Легенда о кольчуге Дантеса.

Стрежнев И. В. «Спаси меня... Соловецким монастырем»: Очерки // Татауров П. П. ...И слово было — Россия / П. П. Татауров; «Спаси меня... Соловецким монастырем»: Очерки / И. В. Стрежнев. 1990. С. 45—110. (Б-ка журн. ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия»).

Содерж.: «Сослать в Соловецкий...». — «Подпоручик Вындомский. [П. А. Осипова о своих предках]». «Бывшие Пушкины. [Судьба Михаила Алексеевича и Сергея Алексеевича Пушкиных]. «Я помню, как в тюрьме жестокой...». [Соловки в 1820—30-е гг.]. «Пушкин очень его полюбил». [Павел Исаакович Ганнибал]. «...И умерший в Соловецком монастыре»: [Шейх-Мансур (Ушурма), «Путешествие в Арзрум»]. «К студеным северным волнам». [Белооморье в стихотворениях Пушкина]. Из «Дневника» цензора [А. В. Никитенко]. «Отправился к Соловецкому монастырю...». [«История Петра I»].

Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина: Учеб. пособие / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. 85 с.

Содерж.: Введение. Гл. I. Соотношение фабулы и сюжета. Гл. II. Философия истории XVIII в. и ее опыт в творчестве Пушкина. Гл. III. Возрастное поведение человека как форма художественного изображения. Гл. IV. «Вольность и покой замены счастьем»: функционирование художественной формулы. Заключение.

Рец.: Рогачевский А. Б. // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1991. № 5. С. 119—120.

Строганова Е. Н. Герой пушкинской эпохи в романе Л. Н. Толстого

- «Война и мир» // Художественное творчество и проблемы восприятия: Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1990. С. 52—61.
- Субботин В. Е. Избранные произведения: В 3 т. М.: Сов. Россия, 1990. Т. 2: Проза. 495 с. Из содерж.: с. 491—492: Земля Михайловского.
- Т. 3: Проза. Эссе. 543 с. Из содерж.: с. 13: Толстой и Пимен. С. 200—202: Два рассказа о Пушкине и Вяземском.
- Судавичене Л. В. и др. История русского литературного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., дораб. Л.: Просвещение, 1990. 319 с.
- Из содерж.: с. 200—223: Завершение формирования норм национально-го русского литературного языка как современного в творчестве А. С. Пушкина.
- Сурат И. Э. «Жил на свете рыцарь бедный...»: Монография [о стихотворении] / Моск. культуролог. о-во. М., 1990. 166 с.
- Автобиографизм лирики 1829—30 гг.
- Рец.: Осоват Л. С. Его боренья // Новый мир. 1992. № 9. С. 235—236.
- Тамарченко Н. Д. «Образ автора» в русском реалистическом романе: (Пушкин, Лермонтов, Гоголь) // Проблема автора в художественной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1990. С. 46—52.
- Тартаковская Л. А. Традиции пушкинского ориентализма и западно-восточный синтез А. А. Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета: Межвуз. сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. Курск, 1990. С. 64—74.
- Тахо-Годи Е. А. «Еще о Пушкине» // Лит. учеба. 1990. Кн. 3. С. 163—166.
- К истории появления одноим. ст. К. И. Прункула в записи К. К. Случевского (Общезанимательный вестник. 1857. № 11).
- Твардовский А. Т. Слово о Пушкине: Речь на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина / Примеч. А. М. Туркова // Твардовский А. Т. Избр. произведения: В 3 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3: Проза. С. 336—353.
- Впервые // Правда. 1962. 11 февр.
- Телетова Н. К. «Гений и злодейство» // Звезда. 1990. № 6. С. 175—181.
- «Моцарт и Сальери».
- Тихомиров С. По следу Пушкинской строфы: Пушкин, Тютчев, Тургенев о

«племени младом» и «жизни бесконечной» // Дет. лит. 1990. № 4. С. 25—29.

Толстой С. Л. Федор Толстой Американец. [Переизд.]. М.: Современник, 1990. 61, [2] с.

Из содерж.: с. 31—36: Гл. V. Ссора и примирение с Пушкиным. С. 53—60: Гл. VIII. Тип Американца Толстого в русской литературе (у Грибоедова, Пушкина, Льва Толстого и других).

Томашевский Б. В. Пушкин: Работы разных лет / Сост., вступ. заметка Н. Б. Томашевского (с. 5—7). М.: Книга, 1990. 671 с. (Пушкинская б-ка). Библиогр.: с. 649—661. (Список трудов Б. В. Томашевского по пушкиноведению / Сост. В. В. Зайцева). Указ. имен с.: 662—667, указ. произв. с.: 667—670.

Содерж.: Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Пушкин и народность. Историзм Пушкина. Поэтическое наследие Пушкина. (Лирика и поэмы). Строфика Пушкина. Вопросы языка в творчестве Пушкина. Десятая глава «Евгения Онегина». (История разгадки). Основные этапы изучения Пушкина.

Томашевский Б. В. Пушкин: [В 2 т.]. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1: Лицей, Петербург / Предисл. Н. Б. Томашевского (с. 5—6). 367 с.

Впервые // Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1. (1813—1824). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 5—370, 675—718.

Т. 2: Юг, Михайловское. 383 с.: портр. Указ. имен и произв. Пушкина с.: 356—381.

Впервые // Там же, с. 371—671. (Гл. «Юг»); Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии. (1824—1837). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5—105. (Гл. «Михайловское»).

Третьякова Е. В. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в динамике театральных концепций // Спектакль в контексте истории: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии Л., 1990. С. 99—111.

Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии: Моногр. исслед. 6-е изд., перераб. и доп. Кишинев: Лит. артистикэ, 1990. 477 с., 12 л. ил. Библиогр. с.: 390—404. Пушкинские места Молдавии с.: 385—389; Биогр. словарь знакомых Пушкина с.: 405—446.

Тынянов Ю. Н. Гражданин Очер: Уральское наследие / Сост., вступ. очерк, подгот. текста и коммент. А. Г. Никитина. Пермь: Кн. изд-во, 1990. 165 с.: ил.

Из содерж.: с. 125—153: Тынянов Ю. Н. Прощание: (Отрывок из романа «Пушкин»). С. 5—36: Никитин А. Г. Уральское наследие Юрия Тынянова, или История пациента Эвакогоспиталя № 3149.

- Тынянов Ю. Н. Пушкин: Роман / Послесл. Б. О. Костелянца (с. 540—543). М.: Худож. лит., 1990. 544 с.
- Уварова И. В. Некоторые аспекты пушкинской теории «истинного романтизма» / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 1990. 28 с. Рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР № 41743 от 4.05.90.
- Устиан И. Пушкин и экономическая наука // Кодры. 1990. № 6. С. 185—189.
«Скупой рыцарь», «Евгений Онегин».
- Фангер Д. Еще раз на тему: Гоголь — Пушкин // Res philologica: Филол. исследования: [Сб. ст.] Памяти Г. В. Степанова / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., Л.: Наука, 1990. С. 442—446.
- Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. 2-е изд., доп. Л.: Лениздат, 1990. 223 с.: ил., 24 л. ил. Библиогр.: с. 215—220.
Содерж.: Портреты и фотографии семьи А. С. Пушкина. Альбомные портреты друзей и современников А. С. Пушкина. Личные и памятные вещи А. С. Пушкина. Литература. Архивные источники.
- Федоров В. И. Совесть века, или Пушкин у декабристов: Лирика. Роман в балладах / Худож. Д. Мухин. М.: Сов. писатель, 1990. 160 с: ил. Содерж.: От Моцарта до Пушкина. От Пушкина до Есенина. С. 40—53: Дороги правнуков Пушкина: Лирич. хроника. С. 72—136: Совесть века, или Пушкин у декабристов. (Роман в балладах); С. 145—159: Щедрое сердце Есенина, или Наследник Пушкина. (Лирич. поэма).
- Федоров С. Где родилась Керн? // Художник. 1990. № 6. С. 58—59: ил.
- Федорова М. Возрождение Всесоюзного Пушкинского общества // Рус. яз. за рубежом. 1990. № 2. С. 109—111.
Учредительная конф. (М., 14—16 февр. 1990 г.). Изложение выступлений О. И. Карпухина об истории о-ва, С. А. Фомичева о проблемах пушкиноведения, И. С. Чистовой о пушкинской энциклопедии. Избрание председателем о-ва Д. С. Лихачева.
- Федотов Г. П. Певец империи и свободы: [1937]. О гуманизме Пушкина: [1949] / Вступ. заметка, публ. и примеч. С. А. Кибальника // Волга. 1990. № 6. С. 121—134.
- Федотов Г. П. Пушкин и освобождение России / Публ. В. Гульченко и Н. Зархи // Искусство кино. 1990. № 7. С. 17—19.
Написано 7.02.1937.
- Флоренский П. А. Имена // Опыты: Лит.-филос. сб. М.: Сов. писатель, 1990. С. 351—412.
С. 354—361: «Цыганы» — есть поэма о Мариуле.
- Фогельсон И. А. Литература учит: Кн. для учащихся: 9 кл. М.: Просве-

щение, 1990. 208 с.

Из содерж.: с. 86—146: А. С. Пушкин. [Лирика, «Евгений Онегин»].

Фомин С. В. «Пером и мечом сотруждаяся...»: [Очерки]. Кишинев: Штиница, 1990. 184 с.

Из содерж.: с. 52—59: «За городом за Вендерой». [Об участии Пугачева в русско-турецкой войне, «История Пугачева»]. С. 85—92: Бессарабский пушкинист Безвиконый.

Фомичев С. А. «Душа в заветной лире...»: Беседа / Записал А. Марьяш // Рус. слово. 1990. № 6. С. 41—46.

Проблемы современного пушкиноведения.

Фомичев С. А. Памятник нерукотворный // Рус. лит. 1990. № 4. С. 214—216.

Стихотворение «Я памятник себе воздвиг...» как модель культуры.

Фомичев С. А. Пушкин Александр Сергеевич // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь / Под ред. П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Ч. 2: М—Я. С. 173—182, библиогр.

Франк С. Л. Мудрые заветы / Предисл. М. Д. Филина (с. 51) // Слово. 1990. № 6. С. 58—62.

Впервые // Возрождение. Париж, 1949. Янв.

Фридкин В. М. Два сюжета // Наука и жизнь. 1990. № 6. С. 138—141: ил.

Содерж.: Судьба одного пушкинского автографа. [Отрывки из «Капитанской дочки» из коллекции Б. Л. Килгура, Гарвард]. «Знаете ли вы эту кн. Голицину?» [А. С. Голицына. Уточнение комментария к письму Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 26 ноября 1830 г.].

Фридлиндер Г. М. Б. В. Томашевский — теоретик литературы // Рус. лит. 1990. № 4. С. 176—188.

Фридлиндер Г. М. Вольность и закон: (Пушкин и Великая французская революция) // Великая французская революция и русская литература / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1990. С. 142—179.

Фридлиндер Г. М. Пушкин и Корнель // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. Т. 51. № 5. С. 3—8.

Фролов Р. Г. Б. В. Томашевский как исследователь творчества А. С. Пушкина: (К 100-летию со дня рождения Б. В. Томашевского) // Тезисы докл. и сообщ. конф. по итогам научно-исслед. работы Гос. 6-ки им. В. И. Ленина за 1989 г. (20 апр. 1990 г.). М., 1990. С. 118—119.

Хазан В. И. Об одной идейно-образной параллели в поэзии А. С. Пушкина и С. А. Есенина // Творчество С. А. Есенина. Традиции и новаторство: Науч. тр. Рига, 1990. С. 74—90. (Науч. тр.: Слав.

- филол. Т. 550 / Латв. ун-т).
 «...Вновь я посетил...» Пушкина и «Возвращение на Родину», «Русь Советская» Есенина.
- Хазин А. Возвращение Онегина: [Гл. XI] / Публ. М. А. Хазина, И. М. Красникова; Предисл. (с. 53—54) Э. Шевелева // Аврора. 1990. № 6. С. 55—59.
 Публ. по автор. экз. Впервые, частично // Ленинград. 1946. № 10. С. 24.
- Хан Е. И. К проблеме «пушкинской плеяды» // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 2. С. 19—26.
- Хандрос Б. Н. Всматриваясь в лица: Докум.-худож. повествования / Послесл. С. А. Фомичева (с. 252—254). 2-е изд., доп. Киев: Молодь, 1990. 255 с., 8 л. ил.
 Из содерж.: с. 45—129: Левушка Пушкин. С. 130—145: «Дело Долгорукого. С. 168—204: «Я летаю на собственных крыльях». (Несколько дней из жизни Марии Николаевны Волконской).
- Ходасевич В. Ф. Девяностая годовщина / Публ. и примеч. С. Бочарова // Новый мир. 1990. № 3. С. 170—173.
 Впервые // Возрождение. Париж, 1927. 10 февр.
- Ходукина Т. И., Варламова Е. Ф., Матвеева О. М. «Засияли идеи всемирные»: 160 лет Болдинской осени А. С. Пушкина // Веч. сред. шк. 1990. № 5. С. 26—30.
- Хойсингтон С. Первая редакция иллюстраций Александра Бенуа к «Медному всаднику» // Искусство. 1990. № 2. С. 75—76: ил.
 О публикации в журн. «Мир искусства». 1904. № 1 (вместе с текстом Пушкина).
- Цветаева М. И. Мой Пушкин // Цветаева М. И. Избранное / Сост., коммент. Л. А. Беловой. М.: Просвещение, 1990. С. 267—299. (Б-ка словесника).
- Цветаева М. И. Мой Пушкин: [Сб.] / Подгот. текста и коммент. А. С. Эфрон, А. А. Саакянц; Вступ. ст. Вл. Орлова («Сильная вещь — поэзия», с. 4—16). 3-е изд., расш. Алма-Ата: Рауан, 1990. 207 с.
 Содерж.: Стихотворения. Мой Пушкин. Пушкин и Пугачев. Наталья Гончарова (полная публ.). Из статей, писем и черновых тетрадей. [Из черновой тетради ст. «История одного посвящения» (1931); Из ст. «Поэты с историей и поэты без истории» (1933)].
- Цветаева М. И. Мой Пушкин. Пушкин и Пугачев // Цветаева М. И. Стихотворения. Поэмы. Проза / Сост., вступ. ст. Г. Н. Логуновой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. С. 771—836.
- Цвяловский М. А. Записки пушкиниста / Публ., вступ. ст. и примеч. К. П. Богаевской («Слово о М. Цвяловском», с. 514—523). // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писа-

тель, 1990. Сб. 22. С. 524—559.

Чайковская О. Г. Соперники времени: Опыты поэтического восприятия прошлого. М.: Сов. писатель, 1990. 338 с.

Из содерж.: с. 83—119: Гл. VI. Пиковые дамы.

Черненкова О. Б. [Рец. на кн.: В. Е. Хализев и др. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». М., 1989] // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1990. № 6. С. 112—114.

Чернов А. Ю. Скорбный остров Гоноропуло: Путешествие. М.: Правда, 1990. 48 с. (Б-ка «Огонек». № 4).

Поиски могилы декабристов. Содерж.: «Стремлюсь привычною мечтою...». «Симпатическая запись» в ПД 833? Сводка свидетельств. Путеводитель. Свидетель Ахматова. Полемика. Тур первый. Семь пушкинских рисунков. Отказ от полемики. Гроза 15 июля 1827. Кто рассказал Пушкину? Берег для Ариона. «Длятся ночи декабря...». Примечание.

Черный-Диденко Ю. Пушкинский томик: Рассказ // Черный-Диденко Ю. Вечерние огни: Роман. Рассказы. Очерки. Ст. Киев: Рад. письменник, 1990. С. 190—195.

Написано в 1942 г.

Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., дораб. Л.: Просвещение, 1990. 415 с.

Из содерж.: с. 38—48: В гостях у семантических архаизмов «Евгения Онегина». С. 48—50: А вдруг не то вдруг? С. 50—53: Мечты и мечты. С. 53—54: О взорах и взглядах. [«Евгений Онегин»]. С. 54—56: Про годину, годовщину и год, а заодно — про лето и весну. С. 56—61: Что ни фраза — перифраза. С. 61—63: Сны Авзонии. [«Евгений Онегин»]. С. 63—66: О слове «зев». [«Осень», 1833]. С. 66—67: В каком месяце Пушкин изображает деревню в стихотворении «Деревня». С. 67—68: Знал ли Пушкин орфографию. [«Евгений Онегин» — «в постеле»] С. 68—71: Видьд и другие. С. 77—80: О двух строчках из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». С. 80—84: Грозный суд или грозный судия. С. 84—87: Что значит слово «позор». С. 112—114: О существительном риза у Пушкина, Лермонтова и Блока. С. 271—279: Стихотворение Пушкина «Я вас любил...». С. 279—287: Стихотворение Пушкина «Зимнее утро». С. 287—302: Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Шарафадина К. И. Образ Пушкина в русской советской поэзии 80-х годов // Советская литература второй половины восьмидесятых годов и ее осмысление в критике: Тез. докл. на межвуз. науч. конф. (Омск, февраль 1990 г.) / Омск. гос. пед. ин-т им. А. И. Горького.

- Омск, 1990. С. 32—34.
- Шаров И. Г.* Музыка, которую мы видим. М.: Сов. композитор, 1990. 255 с.: ил.
Из содерж.: с. 58—67: Еще раз о «Пиковой даме» [П. И. Чайковского]. С. 67—71: «Пиковая дама» на сцене мюнхенской оперы. [1984 г. В партии Германа — В. Атлантов].
- Шаховская Э.* Веселое имя Пушкина // Слово. 1990. № 6. С. 1.
- Шергин Б. В.* Пинежский Пушкин // Шергин Б. В. Изящные мастера: Поморские былины и сказания. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 152—156.
- Шкловский В. Б.* Какую литературу считал настоящей А. Пушкин // Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Ст. Воспоминания. Эссе. (1914—1933). М.: Сов. писатель, 1990. С. 331—333.
- Шпаковская Э.* Создание Пушкинского общества в Вильнюсе // Словесник. Вильнюс. 1990. № 2. С. 31—32: ил.
- Шульгин А. В.* Прилагательные в атрибутивных сочетаниях в прозе А. С. Пушкина и в литературном языке наших дней: (Семантико-сопостав. анализ): Автореф. дис.... канд. филол. наук: (10.02.01) / АН СССР. Ленингр. отд-ние ин-та языкознания. Л., 1990. 15 с. Библиогр.: с. 15 (3 назв.).
- Щербакова И.* Памятник // Московский вестник. 1990. № 3. С. 304—317.
Пушкинские дни в Москве, 1880 г.
- Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...»: (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990. 318 с., 4 л. ил.
Из содерж.: с. 173—216: Ч. II. Пушкин. [Гл. 5. В Арзрум. Гл. 6. К Грибоедову].
- Эйдельман Н. Я.* Первый декабрист: Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе В. Раевского. М.: Политиздат, 1990. 399 с.: ил. С. 210—232: Диалог Раевского и Пушкина 1822 г. «Не тем горжусь я, мой певец...»
Натан Эйдельман: [Некролог] // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1990. Сб. 22. С. 568—569.
- Ю. Н. Жемчужина России* // Слово. 1990. № 6. С. 87.
Рец. на кн. *Савыгин А. М.* Пушкинские Горы. 3-е изд., доп. Л., 1989.
- Юрьев Р.* Новая книга Игоря Бэлзы // Информационный бюллетень / МАИРСК. М.: Наука, 1990. Вып. 22. С. 61—64.

Рец. на кн.: *Бэлза И.* Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры. М., 1988.

Юхма М. Н. Пушкин открывает Чувашию // Юхма М. Н. Узоры на сурбанах: [Очерки]. М.: Современник, 1990. С. 61—63.

Написано в 1980г.

Юхотников Ф. В. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии / Публ. и авт. предисл. (с. 124) С. Белоконь // Ставрополье. 1990. № 4. С. 125—128.

Сокр. вариант статьи о сочинении Иналуко Тхостова «Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову», представленный на конкурс в 1857 г. в Ставропольской мужской гимназии. Черкесская женщина в русской литературе. «Тазит», «Кавказский пленник». Впервые полностью // Кавказ. [Газета]. 1858. № 100.

Ярцев Ф. У Кобринских прудов: [Эссе] // Искусство Ленинграда. 1990. № 12. С. 70—72: ил.

Яценко О. А. «Бери свой быстрый карандаш...»: [О С. Г. Чирикове] // Сов. педагогика. 1990. № 1. С. 108—115.

В. Д. РАК

«ГУРЗУФСКИЕ» ЛИСТЫ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ПД 830

Последовательность в собраниях сочинений Пушкина стихотворений, автографы которых находятся на л. 4—8 тетради ПД 830, никогда не была точно определена, чему причинами были менявшиеся по разным признакам и соображения датировки, нечеткие представления о том, когда и как заполнялись эти листы и что означают имеющиеся на них, в других автографах и в печатных изданиях хронологические пометы, расположение автографов этих стихотворений в рабочих тетрадях и в прижизненных изданиях, различия в композиции томов собраний сочинений. Если в качестве основы для сравнения взять состав и расположение стихотворений, написанных в 1820 году на юге, в так называемом Большом (семнадцатитомном) академическом издании, то движение текстологической мысли в нынешнем веке можно представить следующей таблицей:

№	№	Стихотворения	Венгеров	Красная нива	Гослитиздат 1-е изд.	Гослитиздат 2-е изд.	Гослитиздат 3-е изд.	Гослитиздат 4—5-е изд.	Academia	Малое академ. изд.	Гослитиздат 1959 Худ. лит. 1974
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1		«Я видел Азии бесплодные пределы...»	14 (251)*	14 (345)**	14 (340)*	14 (343)*	15*	15*	15*	5	15*
2		«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...»	13(249)	2 (174)	1 (168)	2 (171)	2	2	2	6	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3	«Увы! за чем она блистает...»	4 (238)	3 (175)	2 (169)	3 (172)	3	3	3	2	1
4	К*** («Зачем безвременную скуку...»)	15 (480)	15 (525)	15 (526)	15(530)	13	6	5	3	2
5	«Мне вас не жаль, года весны моей...»	3 (235)	13 (344)*	13 (339)*	13 (342)*	4	4	4	4	3
6	«Погасло дневное светило...»	2 (234)	4 (176)	3 (170)	4 (173)	5	5	6	1	4
7	Дочери Карагеorgia	8 (244)	5 (178)	4 (172)	5 (175)	6	7	7	7	5
8	К портрету Вяземского	10 (246)	12 (233)	12 (228)	12(229)	14	14	14	8	9
9	Черная шаль	9 (245)	6 (179)	5 (173)	6 (176)	7	8	8	9	6
10	Эпиграмма («Когда б писать ты начал с дуру...»)	6 (240)	10(183)	9 (177)	10(180)	11	12	12	10	11
11	<На Каченовского> («Хаврониос! ругатель закоснелый...»)	5 (239)	9 (182)	8 (176)	9 (179)	10	11	11	11	12
12	Эпиграмма («Как брань тебе не надоела...»)	7 (241)	11 (184)	10 (178)	11 (181)	12	13	13	12	13
13	Эпиграмма («В жизни мрачной и презренной...»)	1 (233)	1 (172)	11 (179)	1 (170)	1	1	1	13	14
14	Нереида	11 (247)	7 (180)	6 (174)	7 (177)	8	9	9	14	7
15	«Редает облаков летучая гряда...»	12 (248)	8 (181)	7 (175)	8 (178)	9	10	10	15	8

Пояснения к таблице

В первой графе выделены шрифтом номера стихотворений, автографы которых находятся на анализируемых листах тетради ПД 830.

В скобках приводятся номера, под которыми значатся соответствующие стихотворения в изданиях, где вводилась их нумерация.

Во всех изданиях, кроме Большого и Малого академических, указанные 15 стихотворений перемежаются с другими, что показывают, например, разрывы нумерации в тех изданиях, где она была введена.

Звездочкой помечены стихотворения, напечатанные в отделах:

Из черновых набросков (Венгеров);

Неоконченное и неотделанное (Красная нива, Гослитиздат 1—2-е изд.);

Фрагменты и черновые наброски (Гослитиздат 3—5-е изд., Academia);

Ранние стихотворения, незавершенные отрывки, наброски (Гослитиздат 1959, Худож. лит. 1974).

Стихотворение «К***» («Зачем безвременную скуку») датировалось 1826 годом (Венгеров, Красная нива, Гослитиздат 1—2-е изд.) и 1821 годом (Гослитиздат 3-е изд.) годами; печаталось без заглавия (Венгеров), под заглавием «К С. Ф. Пушкиной» (Красная нива, Гослитиздат 1—2-е изд.).

Стихотворение «К портрету Вяземского» датировалось 1822 годом (Красная нива, Гослитиздат 1—5-е изд., Academia).

Условные сокращения

- Венгеров — *Пушкин А. С.* [Собр. соч.]. СПб.: Брокгауз—Ефрон, 1908. Т. 2. С. 7—16, 406 (Б-ка великих писателей) /Под ред. С. А. Венгерова).
- Красная нива — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Госиздат, 1930. Т. 1. С. 205—206, 209, 242, 327—328; Т. 2. С. 28. (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.). Ред. М. А. Цявловский.
- Гослитиздат 1-е изд. — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. Т. 1. С. 286—292, 333, 439—440; Т. 2. С. 43. Ред. М. А. Цявловский.

- Гослитиздат 2-е изд. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М. ; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 1. С. 298—304, 346, 456—457; Т. 2. С. 16. Ред. М. А. Цявловский.
- Гослитиздат 3-е изд. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М. ; Л.: Гослитиздат, 1935. Т. 1. С. 330—337, 371—372, 523—524. Ред. М. А. Цявловский.
- Гослитиздат 4—5-е изд. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 1. С. 354—360, 417, 550; То же. 5-е изд. М.: Гослитиздат, 1937. Т. 1. Ред. М. А. Цявловский.
- Academia — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 273—280, 340, 602.
- Малое академ. изд. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 7—23. Ред. Б. В. Томашевский; То же. 3-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 2. С. 7—23; То же. 4-е изд. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 7—23.
- Гослитиздат 1959 — Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 1. С. 114—132, 484. Ред. Т. Г. Цявловская.
- Худож. лит.— То же. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 115—133, 537.

Получив в подарок (от кого-то из Раевских?) тетрадь с многозначительным французским эпиграфом-пожеланием («Epigraphe. Que de beaux chants je méditais encore! Ma Gloire à reine atteignait son aurore». Пер.: «Эпиграф. Сколько я задумывал еще прекрасных песен! Была еще самая ранняя заря моей Славы»), Пушкин написал под ним дату и место этого события («1820. 15 июня. Кавказ»), а на обороте начал работать теми же бледными чернилами над эпилогом к «Руслану и Людмиле», продолжив его и на л. 2, на оборотной стороне которого заканчивал его уже карандашом и на оставшемся

свободном месте нарисовал им же сидящую женщину и предположительно фигуру св. Себастиана. Может быть, несколько ранее или тогда же был выполнен карандашом на л. 1 женский профиль. Позже на л. 3, 3 об. и 4 оформился беловой текст того же эпилога, перед которым поставлена помета «Кавказ 26 июля 1820». Эпилог кончается словами:

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений;
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений

(ПД 830, л. 3 об. —4; IV, 87).

В этих строках выразилась не только поэтическая маска или поза, но и, как есть все основания полагать, искренние чувства молодого поэта. Новые разнообразные впечатления, которыми он обогатился, не находили еще выхода в потоке стихов. Черновик эпилога показывает, что живописные горные пейзажи на водах и вид далекого величественного главного Кавказского хребта не сложились еще в стройную картину (см.: ПД 830, л. 2; IV, 274); в беловом тексте они описаны еще самыми общими словами:

Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой...

(ПД 830, л. 3 об.: IV, 86—87).

Переписав эпилог набело, покинутый Музою Пушкин какое-то время, в буквальном смысле этих слов, не брался за перо, а писал и рисовал в тетради только карандашом¹.

Правда, ниже росчерка, которым обозначен на л. 4 конец эпилога,

чернилами другого оттенка записаны строки 121—123 из пятой песни дантовского «Ада»:

Ed ella a me: nessun maggior dolore
Che ricordasi del tempo felice
Nella miseria.

(И мне она: нет большего мученья,
Как о поре счастливой вспоминать
В несчастье...

(Пер. Д. Д. Минаева)

Эту же «крылатую» цитату, но без вводящих прямую речь слов («Ed ella a me»), поставил Байрон эпиграфом к первой песни «Корсара», а, как следует из позднего воспоминания А. Мицкевича, которое восходило якобы к собственному признанию Пушкина, но может быть принято лишь в качестве малонадежного, особенно для датировки, свидетельства, Пушкин читал в Гурзуфе с Николаем Раевским-сыном эту поэму в подлиннике². Если даже это на самом деле имело место, расхождение в начальных словах не позволяет считать эпиграф бесспорным источником выписки в тетради. Вместе с тем несомненный автобиографический смысл, вкладывавшийся Пушкиным в цитату из Данте, может служить основанием для предположения о том, что эти строки появились в тетради тогда, когда уже в прошлом были счастливые дни, проведенные с семейством Раевских на Кавказе и в Крыму.

С большой определенностью, даже с уверенностью, тот же вывод можно сделать и в отношении других следующих далее записей чернилами. Под первой белой редакцией стихотворения «Увы, зачем она блистает...» стоит помета: «8 февраля 1821 Киев» (л. 4), а перед текстом: «Юрзуф» (л. 4 об.), что в соотношении с датой может указывать место, с которым элегия связана или рождением замысла, или началом работы над нею, или же только своим лирическим содержанием. На следующем листе написан чернилами по первоначальному карандашному рисунку черновой текст стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей...» с пометой в конце «1820 Юрзуф 20 сентября» (л. 5)³. В этот день Пушкин выехал из Одессы в Кишинев⁴, так что указание места несет тот же смысл, что и в предыдущем случае. Но коль скоро эти две записи чернилами относятся к послекрымскому времени, то логично предположить, что поздними были и находящиеся далее на нескольких соседних листах, особенно сделанные по карандашным наброскам стихов и рисункам. Сравне-

ние чернил, употребленных на всех этих листах и в письме к брату от 24 сентября 1820 года (ПД 1261), не дает бесспорного подтверждения предложенной гипотезы, однако и не опровергает ее категорически.

Если тетрадь заполнялась на самом деле так, как представляется из сказанного выше, то работа на начальных листах, после эпилога к «Руслану и Людмиле», выстраивается в следующий хронологический ряд.

Л. 4. Завершив белой текст эпилога к «Руслану и Людмиле» росчерком под последнею строкою, Пушкин оставил чистыми большую часть лицевой стороны листа и всю оборотную.

Л. 4а. На этом листе, впоследствии вырванном, было что-то нарисовано карандашом (на обороте корешка сохранились отдельные штрихи).

Согласно описанию тетради, «далее вырван еще один лист»⁵, о содержании которого ничего не известно. Пушкин вырывал из тетради и уничтожал те листы, на которых *все* записи были ему более не нужны, а неиспользованное и не обретшее законченную форму сохранялось, хотя бы это были две-три строки среди массы уже «отработанных». Из немногих стихотворений, связанных с пребыванием Пушкина в Крыму, не сохранились черновики элегий «Увы! зачем она блистает...» и (кроме нескольких строк на л. 7) «Погасло дневное светило...». Первая в черновом варианте была написана на л. 4а (о чем ниже), вторая начата на л. 5а (см. далее). Остается допустить, что если на изъятом листе находились записи творческого характера, то это мог быть гипотетический черновик начальных строк поэмы «Кавказ» — первой стадии «Кавказского пленника»: на л. 10 они написаны набело, что вряд ли было возможно без каких-нибудь предварительных набросков⁶. Методом индукции можно заключить, что, если этот лист заполнялся в составе тетради, пишущим инструментом был карандаш.

Л. 5. Карандашный рисунок, в настоящее время затертый и неразличимый. В верхней его части угадывается подобие пика горы (?). На обороте — карандашные рисунки (два женских профиля).

Л. 5а. На этом позднее вырванном листе был карандашом записан какой-то текст, от которого на лицевой стороне корешка сохранились остатки слов. В. Б. Сандомирская прочла их: «П» <?>, «Но <На>» и «Во» — и предположила, что они представляют «начала трех стихов (первого, второго и четвертого)» черновика элегии

«Погасло дневное светило...»⁷, сочиненной якобы во время ночного переезда на корабле вдоль берегов Крыма⁸. Эта гипотеза выглядит в достаточной мере убедительной.

Л. 6. Карандашом записан черновой текст стихотворения «Я видел Азии бесплодные пределы...» и эпиграмма «Аптеку позабудь ты для венков лавровых...». Стихотворение было второй попыткой Пушкина выразить поэтически кавказские впечатления. В том виде, как этот черновой набросок прочтен трудами нескольких поколений пушкинистов и закреплен авторитетом академического издания в редакции, установленной С. М. Бонди (II, 141), он производит впечатление законченного лирического произведения, состоящего из двух частей, каждая из которых изображает цельную картину. В первых шести строках разворачивается общая панорама Северного Кавказа и прилегающих местностей, обозреваемых глазами проехавшего по всему этому краю путешественника. Следующие девять строк рисуют минеральные источники с оживляющими их колоритными фигурами лечащихся людей. В вольных ямбах, которыми написано стихотворение⁹, соблюдается во всех стихах единообразно пиррихий в предпоследней стопе; десять из пятнадцати стихов имеют по два пиррихия, разделенных в восьми случаях одной ударной стопой (в шестистопных строках 1, 3, 10, 12, 13, 14 — стопы 3 и 5; в четырехстопных строках 6 и 9 — стопы 1 и 3) и лишь в двух — двумя (в шестистопных строках 5 и 15 — стопы 2 и 5); во всех шестистопных стихах присутствует каноническая цезура после третьей стопы и в единственной пятистопной — после второй. Ритмическая стройность достигнута, однако, введением в основной текст зачеркнутых, т. е. отвергнутых поэтом, слов и фраз, а на самом деле по крайней мере три стиха имеют незаполненные пустоты, нарушающие связное течение мысли и ритма. Не бесспорны, по расположению составных элементов на странице рукописи, некоторые предложенные текстологами сочетания слов (например, «пустынные вершины» в строке 4), так что какие-то стихи, может быть, составлены искусственно. Иначе говоря, стихотворение у Пушкина «не сложилось», и, чувствуя это, поэт к нему не возвращался и не пытался придать ему окончательную форму. Кавказские впечатления вырвались на бумагу лишь прозой — в письме к Л. С. Пушкину из Кишинева 24 сентября 1820 г., а в поэтическую форму облеклись уже много лет спустя в «Отрывках из Путешествия Онегина» (IV, 198—199).

Л. 6а. Лист вырван. На лицевой стороне корешка сохранились остатки штриховки карандашом, т. е. здесь находился какой-то рису-

нок, а может быть, и текст.

Л. 7. На обеих сторонах карандашом написан черновой текст стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»), и на обороте сделан карандашом набросок мужского профиля.

Л. 7а. На листе был написан карандашом какой-то текст, сохранившийся на оборотной стороне корешка лишь обрывками, по которым невозможно соотнести утраченное с какими-нибудь стихами этого времени. В описании тетради допускается возможность того, что «на вырванном листе продолжался черновой автограф стихотворения “Зачем безвременную скуку...”», начатого на предыдущем листе»¹⁰. Альтернативой этой гипотезе может быть предположение, согласно которому здесь могли быть набросаны карандашом начальные строки поэмы «Кавказ», о которых уже говорилось выше. Оно поддается тем обстоятельством, что, дойдя до нижнего края л. об., Пушкин продолжил черновик стихотворения на пустом пространстве, остававшемся сверху лицевой стороны листа, и здесь, кажется, его закончил, так как записанные тут наброски соотносимы с заключительными стихами, как они были напечатаны в 1827 году.

Л. 8. Ни записей, ни рисунков карандашом нет.

Л. 9. В верхней части листа карандашная помета, смысл которой неясен: «Владимир 1820 А<в>густа 24».

На этом работа в тетради карандашом надолго (до л. 32 об.) прекращается.

Итак, на первых девяти листах тетради, заведенной на Кавказе, выделяется массив карандашных записей и рисунков, следующих непосредственно друг за другом с единственным между ними пробелом. Подобное их расположение говорит о том, что сделаны они были в один период времени, которым, судя по дате на л. 9, замыкающей ряд, но отнюдь не обязательно в нем хронологически последней, были дни, проведенные Пушкиным в Гурзуфе. Косвенно это наблюдение подтверждается и содержанием записанных карандашом стихов. Упоминание в наброске «Я видел Азии бесплодные пределы...» среди впечатлений путешествия по Северному Кавказу «закубанских равнин» могло появиться лишь после того, как Пушкин проехал по этим местам, т. е. не ранее 8 августа, когда он с Раевскими достигли Кубани и продолжили путь по ее правому берегу¹¹. Если принять во внимание, что следующие дни проходили все в движении, встречах с новыми людьми и осмотре достопримечательных мест, разочаровавших, впрочем, молодого поэта¹², то гурзуфское житье «сиднем», о котором он вспоминал в письме 1824—1825 го-

дов. к А. А. Дельвигу (XIII, 251), кажется самым подходящим для того, чтобы испещрять страницы тетради множеством исправлений и зачеркиваний, отвергая один вариант за другим и часто ни на одном не останавливаясь. На Гурзуф указывает и настойчивый поиск стиха о скорой разлуке в черновике стихотворения «Зачем безвременную скуку...»:

- а. Зачем предвижу я разлуку
- б. Предвижу я уже разлуку
- в. Зачем предвидишь ты разлуку

В первоначальных вариантах, написанных от первого лица, разлука переживалась как личная острая горечь и в биографическом контексте могла означать лишь близившееся расставание с той из сестер Раевских, к которой в Гурзуфе Пушкин проникся чувством. Это неотвратимое событие произошло 5 сентября¹³.

Если согласиться с изложенными выше соображениями, то в промежуток между 19 и 24 августа (при условии, что дата на л. 9 была последней не только по месту, но и хронологически), в любом случае не позднее 4 сентября, Пушкин написал:

1. Черновой текст элегии «Погасло дневное светило...» (л. 5а).
2. Черновой набросок «Я видел Азии бесплодные пределы...» (л. 6—6 об.).
3. Эпиграмму «Аптеку позабудь ты для венков лавровых...» (л. 6 об.).
4. Черновой текст стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...») (л. 7—7 об.).
5. Возможно, черновой вариант начальных строф поэмы «Кавказ».

После этого Пушкин перешел к работе в тетради чернилами, и эти записи образовали на тех же листах второй ряд.

Коль скоро, как уже говорилось ранее, сопоставление чернил, употребленных на л. 4а, 5, 7, 9 и 10, не подтверждает убедительно и окончательно предположение, согласно которому все эти записи были сделаны приблизительно в одно и то же время, но и не вступает с ним в сколь-либо заметное противоречие, значимость приобретают любые другие поддающиеся тому или иному толкованию признаки.

Первым встает вопрос, почему автографы стихотворений «Мне вас не жаль, года весны моей...» (л. 5), «Погасло дневное светило...» (л. 7) и, возможно, «Увы! зачем она блистает...» (л. 4а) были написаны поверх карандаша. Подобная двуслойность могла бы образо-

ваться в том, например, случае, если бы для удобства переработки текста правленный его вариант писался непосредственно по первоначальному, который при такой процедуре оказывался все время перед глазами. Однако стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей...» написано поверх рисунка, а «Погасло дневное светило...» — поверх текста «К***» («Зачем безвременную скуку...»); следовательно, выбирая в тетради место для работы над ними, Пушкин руководствовался какими-то иными соображениями.

Перерабатывать текст было бы удобно и на развороте двух страниц, когда на одной находился бы первоначальный, а на параллельной — новый вариант. Подобным образом создавалась 8 февраля 1821 года первая беловая редакция элегии «Увы! зачем она блистает...». Черновой текст, как предполагается, был написан на лицевой стороне л. 4а, от которого сохранился лишь корешок. Беловой заносился на остававшуюся к тому времени еще чистой параллельную страницу слева (л. 4 об.), а когда на ней не хватило места, текст перешел на лицевую сторону того же листа, в нижней части тоже еще не заполненную. Нельзя, разумеется, исключить вероятность того, что подобным же образом велась работа над стихотворениями «Мне вас не жаль, года весны моей...» и «Погасло дневное светило...»; но никаких подтверждений этого в тетради не имеется. Единственный обрывок слова на обороте корешка 4а, параллельном л. 5 с черновиком первого из этих стихотворений, не находит в нем аналогичных написаний; делать из этого какие-либо выводы, не зная содержания вырванной страницы, нельзя, тем более что гипотетический карандашный черновик мог бы быть написан на листе между л. 4а и 5, от которого не сохранилось даже корешка. На л. 5 об. и 6, параллельных вырванному л. 5а, где предположительно находился карандашный автограф второго стихотворения, нет следов дальнейшей работы над ним; а корешок 6а об., составляющий разворот с л. 7, где записаны чернилами строки этой элегии, не несет никаких остатков карандашного текста (правда, он мог весь находиться на вырванной части).

Остается рассмотреть еще, кажется, одну вероятность. Ощувив наконец свежий прилив вдохновения, Пушкин мог в первую очередь обратиться к будоражившему его замыслу поэмы «Кавказ», для которой, может быть, уже существовали какие-то наброски карандашом. Оформив тщательно титульный лист (л. 9), он взял новое перо и опробовал его, расписавшись несколько раз (л. 7 об.); затем на обороте титульного листа написал эпитафию из «Фауста» и на следу-

ющем листе приступил к перебеливанию текста (смена оттенков чернил в самых первых строках подтверждает, что подписи, эпиграф и текст могли быть написаны одним пером и одними чернилами, т. е. одновременно). Дальнейшие листы предназначались, естественно, для продолжения поэмы, и поэтому, возвращаясь к стихотворениям, набросанным ранее карандашом, Пушкин занимался их обработкой в той же начальной части тетради поверх рисунков и текстов. В этом случае возникало и удобство работы на развороте, так что в действительности могли действовать оба соображения. Непрерывность чернового автографа «Кавказского пленника» выдерживалась, однако, недолго: уже на л. 13, т. е. почти в самом начале поэмы, между ее строками вторгается набросок, относящийся к какому-то неосуществленному замыслу:

Жуковской
Как ты шалишь и как ты мил,
Тебя хвалить, тебя порочить
(II, 467).

Позже, 5 октября, на л. 24 об. — 25 об. Пушкин записал стихотворение «Дочери Карагеоргия». Затем появились и другие вкрапления: на л. 28 — черновой автограф «К портрету Вяземского» («Судьба свои дары явить желала в нем...»); на л. 28 об. — 29 — черновой текст стихотворения «Черная шаль»; на л. 30 — продолжение работы над четверостишием «К портрету Вяземского».

Поскольку ни одно из стихотворений, находящихся на л. 4—8, не образует никаких подобных вкраплений, даже хотя бы промежуточных, «поисковых» вариантов в 1—2 строки, можно с большой долей уверенности заключить, что к моменту перехода чернового текста «Кавказского пленника» на л. 13, т. е., видимо, не позднее второй половины 20-х чисел сентября, на начальных листах тетради уже имелись записанные чернилами:

Л. 4а. Черновой текст первоначальной редакции элегии «Увы! зачем она блистает...».

Л. 5. Черновой текст стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей...» и отрывок французской песенки. В этом локальном и хронологическом контексте дата под стихотворением должна читаться «20 сентября».

Л. 7. Черновой текст стихов 33—38 элегии «Погасло дневное светило...» и три стиха, считающиеся наброском первоначальной редакции строк 13—16 элегии «Увы! зачем она блистает...» (XVII,

17)¹⁴. Все это написано поверх черногового карандашного текста стихотворения «К***» («Зачем безвременную скуку...»), который, следовательно, уже стал Пушкину не нужен, т. е. подвергся доработке и в новом виде был где-то записан. Иначе говоря, между двумя известными автографами этого стихотворения: черновым в анализируемой тетради и беловым с пометой «1 ноября 1826 Москва» из альбома В. П. Зубкова (ПД 900) — должен был существовать по крайней мере еще один, впоследствии утраченный автограф, выполненный до того, как начиналась работа чернилами над текстом элегии «Погасло дневное светило...». По заключению В. Б. Сандомирской, положение в тетради наброска к элегии «Погасло дневное светило...», оттенок чернил, которыми он написан, и переключка его стихов и мотивов со стихотворением «Мне вас не жаль, года весны моей...» могут служить основанием для вывода, согласно которому «элегия “Погасло дневное светило...” дорабатывалась и перебелилась одновременно с работой над стихотворением “Мне вас не жаль...”, в первые дни по приезде в Кишинев, т. е. 20—24 сентября (20 сентября — дата элегии “Мне вас не жаль...”, 24 сентября — дата письма Льву Пушкину, в котором был отослан в Петербург и беловой текст элегии «Погасло дневное светило»); так же датируется и сам набросок к элегии на л. 7»¹⁵. Три стиха, соотносимые с элегией «Увы! зачем она блистает...», были записаны «по-видимому, одновременно с наброском стихов к элегии “Погасло дневное светило”»¹⁶.

Л. 7 об. Набросок стихов, использованных позднее в «Кавказском пленнике», и шесть подписей Пушкина. Подписи, как говорилось выше, были, вероятно, пробой пера, которым Пушкин начинал перебеливать поэму «Кавказ», и, таким образом, появились одновременно с эпиграфом. Набросок стихов был написан, видимо, раньше; но его состав не вполне ясен. Сначала Пушкин написал две строки:

Забудь меня — твоей любви
Моя душа

и поставил ниже черту, обозначив тем самым как бы завершенность, целостность записанного, которое предполагал развить в поэтические строки. Ниже черты написано: «И красота», а еще ниже одна под другой идут подписи, причем завершающий росчерк первой делает виток вверх и почти вплотную подходит к последней букве слова «красота», образуя как бы соединение между ними. Обе строки над чертой зачеркнуты, и логично предположить, что это было сделано

после того, как они получили отражение на л. 31 об. — 32 и 33 об. в черновом тексте «Кавказского пленника» (см.: IV, 321—322 и 323—324), тем не менее оттенок чернил говорит более в пользу одновременности написания и зачеркивания. Слова «И красота» остались незачеркнутыми, хотя в указанных местах черновика и в окончательном тексте поэмы (ч. II, стих 51) говорится о «красе» черкесской девы, которую оценит «другой юноша». Подобное своего рода двойное (чертою и отсутствием зачеркивания) отделение этого обрывка фразы от наметки стихов служит веским основанием для того, чтобы считать ее тоже лишь пробую пера, одновременной с подписями.

Л. 8. Первая эпиграмма («Хаврониос! ругатель закоснелый...») из четырех находящихся на обеих сторонах листа. Она была написана здесь ранее того, как на следующем листе Пушкин выполнил титульный лист поэмы «Кавказ» (в противном случае он был бы сделан не там, где уже имелась карандашная помета, а на этой, полностью чистой, странице). Остальные три эпиграммы и набросок переработки стихов 269—277 «Кавказского пленника» написаны, судя по оттенкам чернил, разновременно, и нет никаких признаков, по которым можно было бы установить их хронологию относительно поэмы «Кавказ» и чернильных автографов на предшествующих листах тетради.

Очень вероятно, что, за исключением эпиграммы «Хаврониос! ругатель закоснелый...», последовательность рассмотренных выше записей чернилами отражает и последовательность работы над стихотворениями. Во всяком случае, с этим предположением не согласуется лишь одно наблюдение В. Б. Сандмирской, которое поэтому требует внимательного анализа. Придя к справедливому, по-видимому бесспорному, выводу о том, что оба наброска на л. 7 были записаны в Кишиневе между 20 и 24 сентября, и считая, как традиционно принято в пушкиноведении, строки:

В забвеньи чист<ом> <?> насладись —

Наслушайся речей волшебных —

Красы небесной наглядись —

«более ранним этапом» создания элегии «Увы! зачем она блистает...»¹⁷, исследовательница не совсем логично датирует этими числами замысел стихотворения¹⁸, не уточняя, когда на л. 4а была сочинена его первоначальная черновая редакция. Если с этим согласиться, то по необходимости остается заключить, что, пропустив чистый л. 4 об. и содержащий какие-то, на тот момент Пушкину еще нуж-

ные, рисунки и, может быть, текст л. 4а, поэт начал писать 20 сентября на л. 5, а на л. 4а вернулся позже, после 20 сентября 1820-го и до 8 февраля 1821 года, чтобы развить замысел, существовавший с 20—24 сентября лишь в наброске из трех строк. В подобном допущении нет ничего неправдоподобного, но оно сопряжено с вопросом, что же сохранялось на л. 4а Пушкиным еще в сентябре 1820 года, а в указанном выше промежутке стало ему уже ненужным. Среди произведений Пушкина этих месяцев ни одно не прослеживается в своих истоках к какой-либо не дошедшей до нас карандашной записи, которая могла бы находиться на л. 4а. Если же предположить, что здесь был набросан карандашом первоначальный черновик элегии «Мне вас не жаль, года весны моей...» и Пушкин перерабатывал его на развороте, то почему, когда надобность в этом листе миновала, он его не вырвал или не заполнил текстом «Погасло дневное светило...», а делал это далее в тетради? Конечно, реальный творческий процесс не обязан подчиняться логике, выстраиваемой этими и другими подобными вопросами, которые неизбежно возникнут при любом предположении; зигзаги и повороты творческой мысли, в том числе и ее «технические характеристики» (где написано, как, в какой последовательности и пр.), могут быть самыми неожиданными, не поддающимися рациональному объяснению, и потому рассуждения на эти темы, лишённые, как в данном случае, опоры в виде хронологических помет, всякого рода авторских значков и других неоспоримых признаков или документальных свидетельств, всегда будут в меньшей или большей степени умозрительными. Тем не менее, подвергая анализу всевозможные *гипотетические* обстоятельства и их комбинации, они полезны уже потому, что чем более множатся по ходу вопросы и чем замысловатее приходится выстраивать на них ответы, тем менее надежным следует признать выбор отправной точки. С этой — и только с этой — точки зрения, предпочтительнее оказывается гипотеза о последовательном, начиная с л. 4а, заполнении тетради чернилами поверх карандашных записей и рисунков.

В этом случае, однако, стихи, в которых В. Б. Сандомирская усмотрела замысел элегии, сдвигаются на время более позднее по отношению к тому, когда был написан ее первоначальный черновик. Этот неожиданный, казалось бы, результат, вступающий в противоречие с пушкиноведческой традицией¹⁹, не может быть сразу отвергнут как несостоятельный, потому что на самом деле он обнажает те сомнительные моменты в интерпретации этого наброска, которые до сих пор не привлекали должного внимания.

дакцией элегии «Погасло дневное светило...», хотя их мотивы близки и даже повторяются дословно (например: «Мне вас не жаль, изменницы младые» и «И вы забыты мной, изменницы младые»). Как бы ни вылился из-под пера поэта набросок, о котором идет речь, вероятность того, что он не предшествовал черновому тексту элегии «Увы! зачем она блистает...», очень и очень велика.

Суммируем изложенные выше наблюдения, предположения и рассуждения относительно записей чернилами, образующих на начальных листах тетради второй слой текстов.

После 24 августа (когда именно, установлению не поддается) Пушкин возвратился к своим кавказским впечатлениям и на основе ранее сделанных то ли в этой же тетради, то ли вне ее набросков записал белой текст первых четырех строф задуманной им поэмы «Кавказ», предварительно оформив титульный лист.

К этому времени где-то в другом месте было написано стихотворение «Зачем безвременную скуку...» (соотношение между этим утраченным автографом и текстом 1826 года, видимо, никогда не станет известно), а в тетради — по крайней мере одна эпиграмма («Хаврониос! ругатель закоснелый...»). Также, вероятно, до начала работы над поэмой Пушкин записал набросок из двух строк «Забудь меня...», а непосредственно приступая к тексту поэмы, перед тем, видимо, как написать эпиграф из «Фауста», он расписался несколько раз для пробы пера.

Параллельно с работой над поэмой, вероятно в перерывах, которые должны были время от времени случаться, Пушкин приводил в поэтическую форму свои гурзуфские впечатления и возвращался к предшествующим страницам тетради.

В промежутке от последних чисел августа до 20 сентября он написал черновой текст элегии «Увы! зачем она блистает...».

20 сентября — закончил стихотворение «Мне вас не жаль, года весны моей...».

К 24 сентября была завершена работа над элегией «Погасло дневное светило...», начатая в «чернильном» варианте, видимо, не позднее 21 сентября, а может быть, и ранее.

Около 24 сентября, после чернового текста стихов 33—38 элегии «Погасло дневное светило...», был записан набросок «В забвеньи чистом насладись...».

В дальнейшем Пушкин работал над «Кавказским пленником» и сочинил несколько стихотворений, которые записал вкраплениями в черновой текст поэмы. Эта часть тетради выходит за рамки данной

статьи, посвященной анализу только начальных ее листов. На них остаются не рассмотренными еще несколько записей.

Определить сколь-либо точно, когда на л. 8 были записаны эпиграммы «Когда б писать ты начал сдуру...», «Как брань тебе не надоела...», «В жизни мрачной и презренной...», а также черновой набросок для «Кавказского пленника» и когда эпиграммы подвергались правке, не представляется возможным. С уверенностью можно сказать лишь то, что они вносились в тетрадь позднее эпиграммы «Хаврониос! ругатель закоснелый...» и одновременно.

8 февраля 1821 года, в Киеве, Пушкин вернулся к элегии «Увы! зачем она блистает...» и на развороте (л. 4 об.), слева от чернового текста, написал первую беловую редакцию, перейдя последней ее строфой с оборотной стороны листа на лицевую. Обозначив в конце место и дату ее сочинения, вырвав более не нужный л. 4а с черновым текстом, Пушкин, согласно другой хронологической помете, поставленной рядом с первой, просмотрел стихотворение еще раз на следующий день после обеда, видимо, для того, чтобы внести ряд изменений. Правда, по мнению В. Б. Сандомирской, разделяемому и редактором второго издания «Летописи», 9 февраля Пушкин записал в тетрадь ПД 833 уже несколько иной текст, который с очень небольшими различиями составит позднее окончательную редакцию стихотворения²¹. Эта датировка вызывает большие сомнения, поскольку необъясненным остается, почему, написав новую беловую редакцию, Пушкин поставил дату ее создания под ей предшествовавшей, сочиненной накануне.

Помета, поставленная на л. 4 после обеда 9 февраля 1821 года, была последнею записью на первых десяти листах тетради ПД 830.

¹ В конце белового текста эпилога к «Руслану и Людмиле» поставлен карандашом крестик. Датировать эту помету не представляется возможным ни точно, ни относительно других записей и рисунков; однако для рассматриваемого далее вопроса этого не требуется.

² В некрологе, напечатанном в французской газете «Le Globe» 25 мая 1837 года, Мицкевич писал: «Прочитав байроновского “Корсара”, Пушкин ощутил себя поэтом. Он создал и опубликовал одно за другим много произведений, среди которых самые замечательные “Кавказский пленник” и “Бахчисарайский фонтан” (Мицкевич А. Пушкин и литературное движение в России // Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 90). Поскольку новую страницу в творчестве

Пушкина открыл «Кавказский пленник», начатый в Гурзуфе, где, по воспоминаниям Ек. Н. Раевской, «Пушкин с помощью Н. Н. Раевского <... > читал Байрона» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Ва-цуро и др. М., 1985. Т. 1. С. 220), было выведено заключение, что читался «Корсар» (см. сводку и основную литературу: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский; отв. ред. Я. Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 224). Постепенно предположение превратилось в категорическое утверждение и обросло новыми догадками. Так, в одном исследовании, посвященном пребыванию Пушкина в Крыму, говорилось: «...почти с полной достоверностью можно утверждать, что Пушкиным в это время был прочитан на английском языке “Корсар” <... > При слабом знании английского языка Пушкиным и Н. Н. Раевским поэма не могла быть прочитана в Гурзуфе в течение 5—6 дней; едва ли, в связи с событиями в личной жизни, она могла быть прочитана Пушкиным и до поездки на Кавказ. Таким образом, более вероятным будет предположение, что к чтению “Корсара” Пушкин приступил еще на Кавказе, а в Гурзуфе, может быть, лишь закончил его» (Недзельский Б. Л. Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929. С. 29—30). Существует, однако, обоснованное предположение, согласно которому в Гурзуфе Пушкин читал и пробовал переводить «Гяура». См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб./ Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 27—29 (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 17).

³ С. М. Бонди (II, 627), М. А. Цявловский (Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 29) и Б. В. Томашевский (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 397—398) читали месяц «октябрь», причем последний допускал, что в дате допущена ошибка и следует читать «2 сентября». В. Б. Сандомирская (О первом наброске стихотворения «Увы! зачем она бластает»: (К вопросу о датировке) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 138) и вслед за нею Я. Л. Левкович (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 230, 659) приняли чтение «20 сентября». Ранее так читал помету и М. А. Цявловский (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 700). Аргументация в обоснование «20 сентября» будет приведена ниже.

⁴ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 230.

⁵ Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 47.

⁶ О существовании черновика начальных строк поэмы «Кавказ» высказал предположение В. Е. Якушкин: «По характеру самых первых листов рукописи еще можно допустить, что начало ее <поэмы. — В. Р. > если не переписано, то написано уже после первых набросков, которые были сделаны не в этой тетради и до нас не дошли» (Пушкин А. С. Соч. СПб.: Имп. АН, 1905. Т. 2. С. 381—382).

⁷ См.: Сандомирская В. Б. О первом наброске... С. 138—139.

⁸ Пушкин писал брату из Кишинева 24 сентября 1820 года об этом переезде из

Феодосии в Гурзуф: «Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю» (XIII, 19). Если Пушкин не создавал намеренно красивой легенды, то процесс ночного сочинения мог протекать только в устной форме, в уме, а запись была сделана уже на берегу. Ср. рассказ М. Н. Волконской в записи П. И. Бар-тенева: «Из Керчи <!> в Юрзуф они плыли на военном бриге, который нарочно отдан был в распоряжение Раевским. Ночью Пушкин ходил по палубе и бормотал стихи» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 219).

⁹ Схема стихотворения: А А Ь С Ь С d Е d Е Ь Ь Е f f
Я 6 6 6 6 6 4 6 4 4 6 5 6 6 6 6

¹⁰ Пушкин А. С. Рабочие тетради. Т. 1. С. 48.

¹¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 222.

¹² Подробно см.: Казарин В. П. «К пределам дальным...»: (Очерки путешествия А. С. Пушкина по Крыму). Севастополь, 1994. Вып. 1. Тамань и Керчь.

¹³ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 227.

¹⁴ См. также: Сандомирская В. Б. О первом наброске... С. 137.

¹⁵ Там же. С. 139. В Кишинев Пушкин приехал 21 сентября (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 231, 659).

¹⁶ Сандомирская В. Б. О первом наброске... С. 137.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Там же. С. 139. Ранее в той же статье на основе анализа хронологических и локальных помет на автографах элегии делается вывод, что «дата “1820. Юрзуф” является датой замысла и создания элегии» (с. 136).

¹⁹ Даже если считать эти строки не ранним этапом или замыслом всего стихотворения, а лишь «наброском первоначальной редакции стихов 13—16» (XVII, 17), хронология выстраивается та же, что у В. Б. Сандомирской. Действительно, в первом беловом автографе стихи 13—16 окончательной редакции были сначала строками 5—8 и на этом же месте, вероятнее всего, находились в черновике. Отсюда следует, что и весь черновой текст был написан позднее «наброска первоначальной редакции», который, в свою очередь, был сочинен позднее элегии «По-гасло дневное светило...»; иными словами, как и в версии В. Б. Сандомирской, л. 7 заполнялся ранее л. 4а.

²⁰ Сандомирская В. Б. О первом наброске... С. 137. Сопоставляются строки наброска: «Наслушайся речей волшебных — / Красы небесной наглядись —» — и стихи элегии: «Наслушаться речей веселых / И наглядеться на нее».

²¹ См.: Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков) // Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979. С. 18—19; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 258.

III. ЗАМЕТКИ

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКЕ

С. В. Березкина

О СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА «ЧТО С ТОБОЙ, СКАЖИ МНЕ, БРАТЕЦ...»

Стихотворение Пушкина «Что с тобой, скажи мне, братец...» было опубликовано в 1903 году И. А. Шляпкиным по списку П. В. Анненкова, обнаруженному в его бумагах¹. Из сборника Шляпкина стихотворение в том же году попало в собрание пушкинских сочинений, изданное П. О. Морозовым, где оно было воспроизведено по той же копии². Вскоре, в 1905 году, по поводу этого стихотворения высказался П. А. Ефремов, который отказался включить его в свое (третье) издание сочинений Пушкина, выразив сомнение относительно его принадлежности поэту³. Однако уже через год, в 1906 году, «объявился» и сам черновой автограф «Что с тобой, скажи мне, братец...» (ПД 79), который, как оказалось, хранился в архиве Л. Н. Майкова. В. И. Срезневский в своей статье «Пушкинская коллекция, принесенная в дар библиотеке Академии наук А. А. Майковой» дал описание этой рукописи⁴. По автографу стихотворение «Что с тобой, скажи мне братец...» было напечатано в 1916 году Морозовым в издании сочинений Пушкина Императорской Академии наук⁵. М. А. Цявловским были внесены некоторые поправки в прочтенный Морозовым текст стихотворения (II, 448 и 977).

Стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец...» написано Пушкиным на четвертке фабричного листа, который не содержит каких-либо других записей, причем такая бумага (№ 36) больше не встречается в рукописях поэта⁶. Это затрудняет датировку произведения, однако при изучении точек зрения пушкинистов, высказанных

в связи с вопросом о его датировке в различных изданиях, мы не обнаружили большого разброса мнений. Все они сходились в одном: стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец...» написано молодым Пушкиным. Шляпкин, первый его публикатор, датировал стихотворение 1820—1825 годами (см. примеч. 1). В дальнейшем (с издания Морозова — см. примеч. 2) стихотворение стали единодушно относить к 1825 году, причем и Большое академическое собрание сочинений Пушкина не изменило этой датировки (комментарий в нем написан М. А. Цявловским — II, 1174).

Как известно, это издание не содержит обоснования предложенных в нем датировок. Это обстоятельство заставляет нас вновь проанализировать возможно более значительный по времени отрезок творческого пути Пушкина, в который мог бы быть создан набросок «Что с тобой, скажи мне, братец...», при этом в первую очередь необходимо обратить внимание на его художественные особенности, обнаруживающие типично лицейские черты. Самое обращение «братец» (так же, как и «брат») было характерно для лицейского дружества. Типично лицейской является рифма «грехи — стихи»⁷. Наконец, смешение просторечной лексики («Волоса стоят горой», «Сторож гнался за тобой») и слов церковного употребления («святотатец», «смущен... привиденьем», «тяжкие грехи») обнаруживается впервые именно в стихах, написанных в стенах царскосельского Лицея («На утро с свечкой грошевою...» и «От всеошнной вечер идя домой...»). Эти наблюдения заставляют поставить следующий вопрос: не является ли стихотворение «Что с тобой, скажи мне, братец...» лицейским? К сожалению, нет. Автограф ПД 79 — черновик, и было бы огромной удачей, если бы мы смогли причислить его к рукописям лицейского периода. Дело в том, что до нас дошел лишь один черновик Пушкина тех лет («К Делии»), отнесенный в новом издании лицейских стихотворений к 1815—1816 годам⁸, и этот автограф имеет мало общего с ПД 79. Несомненно, черновик «Что с тобой, скажи мне, братец...» несет на себе следы работы уже более опытного поэта. Здесь мы прибегаем к авторитету крупнейшего знатока пушкинского лицейского творчества — М. А. Цявловского⁹, который своей датировкой в Большом академическом собрании сочинений поэта косвенным образом подтвердил значительную временную отдаленность автографа ПД 79 от лет, проведенных Пушкиным в Лицее.

Вместе с тем нам необходимо рассмотреть и такое предположение: не было ли рассматриваемое стихотворение обращено Пушкиным к одному из своих лицейских братьев в годы, последовавшие за

их выпуском, до высылки поэта из Петербурга (1817—1820)? По-видимому, нет, поскольку этому противоречат реалии стихотворения. Бытовой фон, который угадывается в наброске, намекает на свободу деревенской жизни (свидание у забора, столкновение со сторожем, погони). Маловероятно, что это стихотворение не имело под собой какой-либо реальной жизненной основы (как бы фантазия Пушкина на тему о самом себе). Даже если подобный случай (неудачное свидание, завершившееся погоней) и не имел места в жизни героя наброска («братца»), самое предположение поэта о такого рода приключении было бы естественным лишь в деревенской обстановке. В таком случае 1825 год в комментарии Цвяловского следует понимать как указание на Михайловский период, к которому отсылают нас реалии стихотворения «Что с тобой, скажи мне, братец...».

Полагаем, что в этом стихотворении Пушкин набросал портрет одного из своих приятелей, с которым он общался в Михайловском. Причем стихотворное обращение к «братцу» не могло быть передано в письме, а лишь в самом непосредственном общении с ним. Это заключение можно сделать из того, что обращение Пушкина к приятелю («Что с тобой, скажи мне, братец») основано на впечатлении поэта от его не вполне обычной внешности. Характеристика «братца», очерченная в этом наброске, столь конкретна, что вполне может послужить для нас своего рода ориентиром при установлении его возможного адресата. Что мы о нем узнаем из стихотворения? Это человек, на которого Пушкин смотрит несколько свысока (возможно, потому, что он моложе поэта), большой шалун и ветреник, а главное — тайный стихотворец. Это похоже на молодого Льва Пушкина (1805—1852), и первым на него как на возможного адресата стихотворения указал Б. Н. Хандрос¹⁰. Полагаем, что догадка этого исследователя является единственно верной.

После четырехлетней разлуки братья А. и Л. Пушкины встретились в Михайловском 9 августа 1824 года и расстались в связи с отъездом Льва в Петербург в самом начале ноября того же года. Новая их встреча произошла лишь в 1829 году в Закавказье, а вслед за этой другие — в Москве в 1830 и 1831 годах (мы не упоминаем здесь о более поздних встречах). Полагаем, что содержание стихотворения «Что с тобой, скажи мне, братец...» не соответствует образу жизни повзрослевшего Льва Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов. Таким образом, если адресатом наброска является брат поэта Лев, то написан он был, по-видимому, в Михайловском в августе (не ранее 9-го) — октябре 1824 года. Отметим, что предлагаемая нами

здесь датировка произведения не противоречит мнению предшествующих комментаторов: она лишь уточняет те выводы, к которым они пришли ранее нас относительно явственного «михайловского» отпечатка, лежащего на стихотворении Пушкина «Что с тобой, скажи мне, братец...».

Это стихотворение перекликается с неоднократными увещеваниями Пушкина, обращенными к брату Льву, относительно его поэтических склонностей. Причем приближает их к наброску то, что в нем, несомненно, речь идет о человеке, который свои занятия поэзией скрывает от окружающих. Почему? Не потому ли, что эти занятия не вызывают у них одобрения? Между тем из писем Пушкина к младшему брату известно, что к его занятиям стихотворством поэт относился крайне неодобрительно. «...Благодарю тебя за стихи, более благодарил бы тебя за прозу, — писал он Л. Пушкину из Кишинева 24 сентября 1820 года. — Ради Бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкою, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее — безрассудно» (XII, 19). Несколько позднее (27 июля 1821 года) он высказался по этому поводу более определенно: «Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость не поэт)» (XII, 30). Возможно, что, очутившись с братом в одном доме и догадавшись о его тайных стихотворных упражнениях, Пушкин вновь попытался остановить брата на этом пути ироничным посланием.

Несмотря на предостережения старшего брата, Л. С. Пушкин продолжал сочинять стихи и как поэт был известен в своем кругу. О его занятиях поэзией упомянули в своих воспоминаниях А. П. Керн, П. А. Вяземский, Н. И. Лорер, А. И. Дельвиг, Б. М. Маркевич, Я. П. Полонский. Л. Н. Майков писал о Льве Пушкине: «Он остался поэтом *не изданным*, и в настоящее время его стихотворения едва ли могут быть разысканы»¹¹. Единственное произведение Л. С. Пушкина (стихотворение «Петр Великий»), увидевшее свет в 1842 году, вызвало восторг В. Г. Белинского¹². Одно стихотворение его привела в своих мемуарах А. П. Керн (см. об этом ниже). Представления о поэзии Л. С. Пушкина значительно расширила статья Л. Н. Майкова, опиравшегося на воспоминания Маркевича и Полонского¹³. Наконец, Б. Н. Хандрос отыскал еще несколько поэтических опытов Льва Пушкина среди его писем к М. Ф. Юзефовичу¹⁴. Ознакомившись, таким образом, с небольшим поэтическим наследием Л. С. Пушкина, дошедшим до нас, можно, пожалуй, согла-

ситься с Майковым в том, что оно «не свидетельствует о самобытности его поэтического таланта, и очевидно, старший брат был вполне прав, когда удерживал младшего от увлечения поэзией»¹⁵. Однако здесь необходима небольшая поправка.

Вот стихотворение Л. Пушкина, посвященное Керн:

Как можно не сойти с ума,
Внимая вам, на вас любуясь!
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красуясь,
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но, чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас прятать нужно им от нас,
У них вы лавку перебили!¹⁶

Воспоминания Керн сохранили отзыв Пушкина об этих стихах брата: «Пушкин остался доволен <...> и сказал очень наивно: “И он тоже очень умен <выделено Керн. — С. Б.>”»¹⁷. Действительно, это альбомное стихотворение Л. Пушкина отличает редкое изящество, и было бы очень жаль, если бы оно затерялось так же, как, по-видимому, и многие другие его произведения. Кстати, отмечен изяществом и экспромт Л. Пушкина, связанный с женитьбой его брата: «Он влюблен, он очарован, он совсем огончарован!»

Вопросом: почему Л. Пушкин не печатал лучшие из своих произведений? — задавались многие мемуаристы. Отвечали они на него по-разному. «Не будь он таким гулякою, — писал Вяземский, — таким гусаром коренным <...>, может быть, и он внес бы имя свое в летописи нашей литературы. А может быть, задерживала и пугала его слава брата, который забрал весь майорат дарования. Как бы то ни было, но в нем поэтическое чувство было сильно развито»¹⁸. Н. И. Лорер считал, что Л. Пушкин оставил свои стихи ненапечатанными потому, что не желал «стоять на лестнице поэтов ниже своего брата»¹⁹.

Эти мемуаристы, сообщая свои воспоминания о Л. Пушкине, не соотнесли их с письмами к нему старшего брата. Однако исследователи, специально занимавшиеся его биографией, обратили внимание на ту настойчивость, с которой А. Пушкин касался в своих письмах к брату вопроса о его возможной поэтической карьере. Подчеркнем, что письма, два фрагмента из которых мы привели выше, были написаны пятнадцати-шестнадцатилетнему юноше, когда о размере и ха-

рактуре дарования судить еще очень трудно. П. И. Бартенев обратил внимание на то, сколь отличным в сравнении с лицейскими друзьями было у А. Пушкина отношение к стихам брата Льва: «Пушкин поспешил остановить его, вероятно заметив тотчас же отсутствие настоящего дарования. В этом случае дружеское чувство не ослепляло его так, как в отношении к Дельвигу и к другим»²⁰. Бартенев явно недооценивал дарование Дельвига, однако подметил он верно: Пушкин всегда старался подбодрить собрата-поэта и был в этом душевно щедр. Однако эта щедрость оставила его при взгляде на стихи младшего брата, что, несомненно, должно было действовать на него более чем отрезвляюще. «По общему свидетельству современников, — писал Майков, — Лев Сергеевич питал к Александру восторженное поклонение; можно думать, что, заметив со стороны старшего брата равнодушие к его стихам, младший решил отказаться если не от писания их, то по крайней мере от их печатания»²¹.

Итак, этот исследователь отсутствие в печати стихов Л. Пушкина связал с влиянием на него старшего брата. Полагаем, что именно это обстоятельство, а не самолюбие поэта Л. Пушкина сыграло решающую роль в том, что его стихов мы не знаем. Вопрос о печатании произведений своего младшего брата А. Пушкин никогда перед собой не ставил, причем это было predetermined уже в ранней юности Льва. Думается, что Пушкиным здесь двигало ощущение некоей неловкости от присутствия в одной семье двух поэтов. Возможно, он видел в этом нечто смешное, а отсюда его решительное «нет» возможной поэтической карьере брата. Достаточно было титулов «дядя-поэт» (В. Л. Пушкин) и «племянник-поэт», не лишённых, кстати, в устах современников иронической окраски.

Эти наблюдения позволяют нам выдвинуть такое предположение: в образе «братца», скрывающего свои тайные занятия поэзией, в наброске «Что с тобой...» представлен Л. Пушкин, который, как он писал об этом Юзефовичу, и в зрелые годы не мог избавиться от своего мучителя — «поэтического демона»²².

«Мой брат по крови, по душе, / Шалун, замеченный тобою», — писал о своем брате Пушкин в 1824 году из Михайловского Языкову («Издrevле сладостный союз...»). Именно осенью этого года поэт сам воочию увидел «шалости» Льва, с которым расстался, когда тому было пятнадцать лет. Видимо, с любовными похождениями Л. Пушкина связаны стихи 4—7 в «Что с тобой, скажи мне, братец...». Ухаживание за тригорскими барышнями было общим делом молодого мужского общества, собравшегося в конце лета — начале

осени 1824 года в Михайловском и Тригорском (А. и Л. Пушкины, А. Н. Вульф). Свидетельства того, что в нем самое активное участие принимал Л. Пушкин, мы находим в письмах его брата сентября—октября 1824 года.

Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены, —

писал поэт в послании к Вульфу («Здравствуй, Вульф, приятель мой...»), имея в виду, как это видно из предшествующих стихотворных строк, и своего брата («Лайон, мой курчавый брат»). После отъезда Л. Пушкина поэт писал в письме к нему (начало ноября 1824 года): «Все там <в Тригорском. — С. Б.> о тебе сожалеют, я ревную и браню тебя» (XIII, 118), явно намекая тем самым на какие-то успехи брата в кругу тригорских барышень. Во всем облике девятнадцатилетнего Льва Пушкина было что-то такое, что представляло его в виде «потешного юнца», как написал о нем поэт в письме к кн. В. Ф. Вяземской от конца октября 1824 года (XII, 114 и 530). Возможно, что эта сторона его облика как-то отражалась и на любовных похождениях. Это заставляет пристальнее взглянуться в набросок «Что с тобой, скажи мне, братец...», по-видимому запечатлевший один из эпизодов михайловской жизни братьев Пушкиных в 1824 году.

Вяземский писал о Л. Пушкине в «Старой записной книжке»: «С ним, можно сказать, погребены многие стихотворения брата его, неизданные, может быть, даже и не записанные, которые он один знал наизусть»²³. Возможно, что среди «погребенных» таким образом стихотворений Пушкина было и «Что с тобой, скажи мне, братец...», доработанное и прочтенное брату осенью 1824 года.

¹ См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 66.

² См.: Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 2. С. 391.

³ См.: Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. Е. Ефремова. СПб., 1905. Т. VIII. С. 312.

⁴ Пушкин и его современники. Вып. IV. СПб., 1906. С. 3 (№ 4).

⁵ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. О. Морозова. Изд. Имп. АН. СПб.,

1916. Т. 4. С. 200 и 285—286 (варианты).

⁶ См. «Описание бумаги» Б. В. Томашевского в изд.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание.* М.; Л., 1937. С. 303, а также машинописное дополнение к этому указателю, хранящееся в Рукописном отделе ПД.

⁷ См.: *Shaw J. Th. Pushkin's Rhymes: A Dictionary.* Wisconsin, 1974. P. 205.

⁸ Показательна полемика вокруг датировки этого автографа (хранится в пражском Музее чешской литературы, фотокопия — ПД 1680) — см. об этом в комментарии стихотворения в изд.: *Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет: 1813—1817.* СПб., 1994. С. 675. Цявловский на основании наблюдений над почерком Пушкина-лиценста относил этот автограф к более раннему времени: 1814 — апрель 1815 (*Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.* М., 1951. Т. 1. С. 89).

⁹ См.: Цявловский М. А. Источники текстов лицейских стихотворений // Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет: 1813—1817. С. 423—510.

¹⁰ *Хандрос Б. Н. Всмотриваясь в лица.* Киев, 1981. С. 94.

¹¹ *Майков Л. Н. Молодость А. С. Пушкина по рассказам его младшего брата* // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 31.

¹² См. письмо Белинского В. П. Боткину (начало июля 1842 г.) и комментарий к нему (*Белинский В. Г. Соч.:* В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 516 и 790—791). См. также: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.* М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 42. Сомнения в том, что Л. Пушкин был автором стихотворения «Петр Великий», высказаны: *Нечкина М. Лев Пушкин в восстании 14 декабря 1825 года* // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 86. См. также: *Оксман Ю. Переписка Белинского: Критико-биографический обзор* // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 220—221.

¹³ См.: *Майков Л. Н. Пушкин.* С. 18—19 и 27—36.

¹⁴ См.: *Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. Ф. Юзефовичу (1831—1843)* // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. С. 328—329, 338.

¹⁵ *Майков Л. Н. Пушкин.* С. 36.

¹⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 414—415.

¹⁷ Там же. С. 415.

¹⁸ Там же. С. 142—143.

¹⁹ *Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом* // Мемуары декабристов / Сост., вступит. статья и коммент. А. С. Немзера. М., 1988. С. 466.

²⁰ *Бартенев П. И. Пушкин в южной России* // Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / Изд. подг. А. М. Гор-дин. М., 1992. С. 175.

²¹ Майков Л. Н. Пушкин. С. 19.

²² Хандрос Б. Н. Письма Л. С. Пушкина к М. Б. Юзефовичу (1831—1843). С. 347 (письмо Л. Пушкина, написанное в конце мая 1839 г.).

²³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 141.

С. А. Фомичев

ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА НА ГРАФА ВОРОНЦОВА

В любом сколько-нибудь полном собрании стихотворений Пушкина мы находим несколько эпиграмм, нередко прямо под редакторскими заглавиями, «На Воронцова»:

«Певец Давид был ростом мал...»

«Полумилорд, полукупец...»

«Сказали раз царю, что наконец...»

«Он вежлив был в иных прихожих...»

«Не знаю где, но не у нас...»

Каждое из этих стихотворений заслуживает особого анализа.

Нам уже приходилось писать, что первое из них записано Пушкиным во Второй кишиневской тетради не позже 1822 года и уже потому не имеет никакого отношения к Воронцову, с которым поэт познакомился годом позже¹.

Пушкинская «Воронцовиада» была начата со второй из указанного перечня эпиграмм, текст которой требует специального обоснования.

Как известно, единственный автограф четверостишия находится в письме к П. А. Вяземскому от 8 (или 10) октября 1824 года из Михайловского:

«Кн. <ягиня> В. <ера> Ф. <едоровна> к тебе приехала <...> Немедленно буду ей писать; я все хотел знать место ее пребывания <...> О моем житье-бытье ничего не скажу. Скучно вот и все.

Каков Гр. <аф> Воронцов?
Полу-Герой, полуневежда,
К тому ж еще полуподлец!..
Но тут однакож есть надежда,
Что полный будет наконец».

(III, 111)

Отметим сразу же, что все многочисленные списки этой эпиграммы такого текста не знают. В комментарии Б. Л. Модзалевского, повторенном несчетное количество раз во всех других изданиях писем поэта, отмечено: «Эпиграмма на гр. Воронцова известна еще и в другой редакции, рукописи которой не существует, но которая ходила по Одессе и была одною из причин ссылки Пушкина»².

Но, во-первых, если эпиграмма ходила по Одессе, то зачем Пушкин посылает ее Вяземскому, раз его жена оттуда уже вернулась? Казалось бы, Вера Федоровна не могла эпиграммы не знать, так как постоянно общалась с поэтом и была в курсе всех одесских сплетен. К тому же зачем Пушкин сообщал острослову Вяземскому явно ухудшенный текст сатирической пощечины?

Спустя полтора месяца, 29 ноября 1824 года, Пушкин пишет В. А. Жуковскому:

«Но полу-Милорд Воронцов даже не полу-Герой. Мне жаль, что он бессмертен своими стихами. Получил я вчера письмо от Вяземского, удивительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?» (XIII, 124).

В современной комментарии по поводу этих строк читаем: «Стихи Жуковского, посвященные М. С. Воронцову, неизвестны»³. Это не так. Пушкин, конечно же, имел в виду две строфы из «Певца во стане русских воинов»:

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окрававлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постели пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,

И, оживясь, до-полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш, воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горе подъял ужасну длань,
И близок час спасенья.

Пушкин помнил эти строки, когда слагал эпиграмму, начатую словом «Полу-Герой» (у Жуковского: «героя речь», «полумертв»). Но 29 ноября 1824 года для Пушкина Воронцов уже не «полу-Герой», а «полу-Милорд».

Нам кажется, что объяснение такой замены следует искать в переписке Пушкина с Вяземским. 28 ноября он получил ответ от последнего на октябрьское письмо, помеченный 6 ноября. Заметим, что обычно письма из Москвы шли в Михайловское в два раза быстрее. Очевидно, послание Вяземского было послано не по почте, а с оказией. В нем мы находим отклики по всем пунктам пушкинского октябрьского письма, — кроме выпада против Воронцова, процитированного нами выше.

В свою очередь, в ответе Пушкина Вяземскому от 29 ноября есть одна фраза, требующая, на наш взгляд, специального комментария:

«Прощай, мой добрый слышатель, отвечай же мне на мое полу-слово» (XIII, 126). В «Словаре языка Пушкина» разъясняется:

«СЛЫШАТЕЛЬ. Тот, кто быстро, с полуслова понимает, схватывает что-н. (перевод с франц. enterdeur)»⁴. Действительно, здесь Пушкин имеет в виду французский фразеологизм: *enterdre a de moitié*, т. е. понимать с полуслова. Но зачем потребовалось калькировать иностранный оборот, прибегая к корявому неологизму (употребленному Пушкиным только здесь и никогда более)? Если принять во внимание, что у него 29 ноября была на слуху эпиграмма на Воронцова с ее несколькими «полусловами», которые заново варьируются (ср. письмо к Жуковскому, написанное в тот же день), то загадочную фразу мы можем отнести к той же эпиграмме.

Не был ли к письму Вяземского от 6 ноября приложен отдельный листок («удивительно смешной»!), до нас не дошедший? — примерно такого содержания:

«Мне кажется, что в эпиграмме, которую ты мне сообщил, вкрались неточности. Мне довелось ее слышать несколько в другом виде:

Полумилорд, полукупец,
Полуглупец, полуневежда,

Полуподлец, но есть надежда,
Что полным будет наконец»⁵.

А далее могло идти предупреждение, о том, что в переписке надо соблюдать предельную осорожность.

Если так, то новая редакция эпитагмы, по сути дела, принадлежит Вяземскому. Это вполне возможно, учитывая доверительные отношения Пушкина с ним в творческих вопросах. Напомним, что в письме от 29 ноября Пушкин, в частности, посылает ему стихотворение «Телега жизни», дозволяя его напечатать, пропустив «русский титул», и Вяземский пристраивает стихи в «Московский телеграф», несколько переработав второе четверостишие. Несколько позже, 25 января 1825 года, в письме к другу Пушкин скажет:

«Хочешь еще эпитагму:

Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт θ, не становися Фертом,
Дьячок θ, ты γ в поэтах!

Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: Фита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны» (XIII, 136).

Отмечалось, что Вяземский в эпитагме переменил слово «Фита» на «Глаголь», «и в таком виде эпитагма была известна до недавнего времени»⁶. Нечто подобное могло случиться и с эпитагмой на Воронцова. Замечание Пушкина в письме к Жуковскому от 29 ноября о том, что «полу-Милорд Воронцов даже не полу-Герой», могло свидетельствовать о новой редакции стихотворения, санкционированной автором или же доработанной по замечаниям Вяземского.

Конечно, все это не более чем предположение. Но в любом случае широко распространившийся в списках текст с «полумилордом» (и отсутствие в списках текста с «полугероем»), на наш взгляд, неопровержимо свидетельствует о том, что, если эпитагма была и сымпровизирована в Одессе, автором до поры до времени не рекламировалась. Даже В. Ф. Вяземской Пушкин тогда ее не сообщил, помня о дружеских отношениях ее с Е. К. Воронцовой. Следовательно, эпитагма распространилась в списках не раньше конца 1824 года — вероятно, из Москвы — и не могла миновать Одессы. Адресат стихотворения был достаточно ясен, и предание прикрепило время создания «Надписи к портрету» (так нередко было обозначено в списках) к одесской поре жизни Пушкина. Так как обстоятельства

высылки его в Михайловское были в ту пору неизвестны, а репутация графа Воронцова была достаточно высока, эпиграмма послужила «разъяснением» загадочной истории.

В печати эта версия была закреплена в 1866 году, когда на страницах «Русского архива» И. П. Липранди выступил со своими замечаниями на статью П. И. Бартенева «Пушкин в южной России».

«До отъезда Пушкина, — писал, в частности, мемуарист, — я был еще раза три в Одессе и каждый раз находил его более и более недовольным <...>. Мрачное настроение духа Александра Сергеевича породило много эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих из канцелярии графа, так, например, про начальника отделения Артемьева особенно отличалась от других своими убийственно верными выражениями. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражали всех. Начались сплетни, интриги, которые еще больше раздражали Пушкина. Говорили, что будто бы граф, через кого-то, изъявил Пушкину свое неудовольствие и что это было поводом известных стихов к портрету.

Услужливость некоторых тотчас же распространила их. Не нужно было искать, к чьему портрету они метили...»

В примечании Липранди еще добавил:

«Я не мог отыскать их у себя: вероятно, кому-нибудь были отданы и не возвращены <...>. Сколько помню, в них находились следующие выражения: “Полу-милорд, полу-герой, полу-купец, полу-подлец, и есть надежда, что будет полным наконец”. Кажется, было еще что-то, не помню, как все это было расположено, но помню положительно, что начиналось “полумилорд” и оканчивалось “и будет полным наконец”. Пушкин заверил меня, что стихи эти написаны не были, но как-то раза два или три были повторены и так попали на бумагу»⁷.

Анализируя это свидетельство, С. Л. Абрамович убедительно датировала изложенные в нем события июнем—июлем 1824 года⁸, когда судьба Пушкина была уже, по сути дела, решена в Петербурге.

В декабре 1824 года во Второй масонской тетради Пушкин записал «воображаемый разговор с царем». Эпизод высылки из Одессы здесь был сначала изложен так:

«—Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня паск-

вили? Вы не должны на меня жаловаться, это нехорошо; если я вас и не отличал, еще дожидаясь случая, то вам все же жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступил. За все ваши проказы вы жили в теплом климате: что вы делали у Инзова и Воронцова?

— Ваше величество, Инзов меня очень любил и за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне скуки ради “Франкфуртский журнал”. А его сиятельство, граф Воронцов, не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу, как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...»

В окончательном тексте это место было значительно поправлено:

«— Как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с Воронцовым?

— Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный старик, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам. Он уже не волочитя, ему не 18 лет от роду; страсти, если и были в нем, то давно погасли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что всегда выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив, не опрометчив, не верит вражеским пасквилям. Ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. От дурных стихов не отказываюсь, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость непозволительная» (XI, 21).

Эти рассуждения, осмысляющие суть конфликта поэта с властями, наглядно демонстрируют, как он расценивал причину высылки в Михайловское. Пушкин справедливо полагал, что перехваченное полицией его письмо об «уроках чистого афеизма» было лишь поводом, и ответственность за гонения возлагал прежде всего на царя, а вовсе не на Воронцова, вина которого была, как полагал поэт, в том, что он его не защитил от наветов, как это сделал бы добрый Инзов.

В январе 1825 года Пушкин запрашивал брата: «Приехал ли гр. В.<оронцов>? Узнай и отпиши, как он отзывался обо мне в свете, а о другом мне и знать не нужно» (XIII, 142).

Тогда же на л. 57 Второй масонской тетради набрасываются наброски новых эпиграмм на Воронцова.

Вверху сначала записывается:

Он вежлив был в иной пере<дней>
А у себя несносно горд

Чуть ниже, отчеркнув первый набросок, Пушкин пишет:

[Люблю Одессу<я>] — имеет
Она какой-то южный вид

К' тому же море

Эти строки считают подступом к одесской теме в онегинских строфах, которые потом войдут в «Путешествие Онегина». Но возможно, это также зачин антиворонцовского стихотворения. Еще ниже Пушкин заканчивает начерно (обозначая лишь главное в ней) эпиграмму, начатую в той же тетради (и, наверное, тогда же) на л. 2об. Там были записаны три первые строки; теперь же завершенная первоначальным абрисом тема сатирического выпада выглядит так:

Неловкий льстец за трапезой царя
О Риго казненном говоря
Хоть подлецом одним на свете

Риго был пред Ферд<инандом> грешен
И повешен
Но должно ли не сторяча
Ругаться нам над жертвой палача
Что ж вышло

смешно такое доброходство
Льстецы старайтесь сохранить
И в подлости немного благородства

Еще ниже эта эпиграмма перерабатывается с начала до конца и переписывается набело в конце тетради, на л. 85 (в числе последних исправлений отметим замену: «полуподлец» — на «усердный льстец»).

В основе эпиграммы лежит, очевидно, какая-то излишне подобострастная фраза, произнесенная Воронцовым осенью 1823 года на обеде в Тульчине, куда после окончания маневров императору доставили донесение о разгроме испанской революции. «После смотра, — вспоминал Н. В. Басаргин, — был обед в лагере генерала Рудзевича. Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину которого занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Штабриана, бывшего тогда французским

министром иностранных дел, сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: "Messieurs, je vous felicite: Riego est prisonnier" <"Поздравляю, господа, Риего взят в плен">. Все ответили молчанием и потупили глаза, один только NN воскликнул: "Quelle heureuse nouvelle, Sir" <"Какое счастливое известие, ваше величество">. Эта выходка была так неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию»⁹.

Л. М. Аринштейн, оценивая это свидетельство, заметил: «...вероятнее всего, здесь имеет место эффект "вторичной мемуаристики": на воспоминание Басаргина об обеде в Тульчине, вероятно, наслоились впечатления от прочитанной или услышанной эпиграммы Пушкина "Сказали раз царю..." <...>. Эпиграмма "Сказали раз царю...", поскольку она объясняет неточности в рассказе Басаргина, вполне могла бы служить комментарием к его анекдоту, а не наоборот!»¹⁰

Трудно принять подобное предположение. Мемуары Басаргина были, в основном, написаны в 1856 году, хотя впоследствии, вплоть до самой смерти (1861), он и вносил в них отдельные дополнения. Но в то время пушкинская эпиграмма не была напечатана, списков ее также не сохранилось. Донести до Пушкина сведения о происшествии на обеде в Тульчине мог кто-то из одесских чиновников, сопровождавших туда генерал-губернатора. В Тульчин было доставлено известие о возвращении на престол Фердинанда I (в воображаемом разговоре с царем «любезный наш товарищ король гишпанский» недаром упоминался), Риего же был пойман и повешен позже (7 ноября 1823 года), но к этому времени и могли прийти сведения о тульчинском происшествии до Пушкина. Что же касается возможности упоминания одиозного имени при известии об испанских событиях, то в этом нет ничего невероятного.

Так обстоит дело с фактической основой эпиграммы на Воронцова. Но Л. М. Аринштейн, на наш взгляд, совершенно прав, когда пишет, что в ней подспудно Пушкин имел в виду и свою собственную судьбу. По отношению к нему, к Пушкину, царь оценил-таки «доброхотство» Воронцова, который, задолго до прямых столкновений с поэтом, начал готовить почву для удаления его из Одессы.

Казалось бы, «оттенок благородства» при этом Воронцов на первых порах старался сохранить. 22 апреля 1824 года Н. М. Лонгинов сообщил ему из Петербурга: «О Пушкине скажу, что удаление его весьма пристойно. 4-го дня мне сказано, что старик, добрый,

кроткий, тихий аристократ Туманский, был до смерти испуган, когда следственный пристав явился к нему с рассветом и начал его допрашивать насчет его переписки; а на другой день тот же пристав с полицмейстером и еще другим чиновником более и более продолжили сей допрос. Вышло, что два письма племянника его из Одессы были подписаны к дяде рукой Пушкина. Между прочим, и одну эпиграмму здесь выпустили от его имени в самом духе времен якобинских или того хуже»¹¹.

В ответном письме Воронцов напишет: «Казначеев мне сказал, что Туманский уже получил из П<етер>бурга совет отдаляться от Пушкина, и я сему очень рад, ибо Туманский — молодой человек очень порядочный и не пушкинского разбора. Об эпиграмме, о которой Вы пишете, в Одессе никто не знает, и, может быть, П<ушкин> ее не сочинял; впрочем, нужно, чтобы его от нас взяли, и я о том еще Нессельроду повторил»¹².

«О какой эпиграмме Пушкина, дошедшей до Петербурга, — замечает Б. Л. Модзалевский, — сообщал Воронцову Лонгинов, мы не знаем <...>, но вряд ли это могла быть известная <...> эпиграмма на Воронцова; трудно допустить, чтобы Лонгинов, решился сообщить своему другу столь резкие о нем слова; вероятнее предположить, что это была одна из эпиграмм, сказанных тогда Пушкиным про кого-то из одесских чиновников»¹³.

Между тем лонгиновская характеристика эпиграммы: «В самом духе времен якобинских или того хуже» — свидетельствует о произведении, куда более опасном для поэта. И здесь следует вспомнить, что под именем Пушкина в то время ходили эпиграммы на архимандрита Фотия («Внимай, что я тебе вещаю...», «Благочестивая жена...», «Полуфанатик, полуплут...»), а также:

Мы добрых граждан позабавим,
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.¹⁴

Вот такого рода «якобинские» пасквили могла искать полиция в переписке Пушкина. Но если так, то вся история его высылки из Одессы предстает в новом свете. В «воображаемом разговоре» царь спрашивал Пушкина: «Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили?» И хотя вопрос этот в рукописи перечеркнут, в окончательном тексте поэт, по сути дела, на него отвечает в том смысле, что благородный человек «не верит вражеским пасквилям».

Воронцов в письме к Лонгинову отводит пушкинское авторство эпиграммы (правда, с оговоркой «может быть»). Думается, прежде всего потому отводит, чтобы подчеркнуть, что «в Одессе ее никто не знает» (то есть крамольных строк в городе, находящемся в его ведении, отнюдь не распространяют; отсюда логически и должно было следовать: это не Пушкин написал — иначе кто поверит, что он не поделился своими творениями с одесскими приятелями!).

Скорее всего, в «воображаемом разговоре» речь идет не об эпigramме на Воронцова (которую, при всей ее резкости, едва ли можно квалифицировать как «сочинение противозаконное»). Справедливо полагая, что за строчки из письма к школьному товарищу нельзя подвергать столь строгому наказанию, Пушкин подозревает, что у правительства были и более серьезные подозрения. Поэт обвиняет в своей ссылке вовсе не Воронцова, а царя, предвидя новые, более суровые гонения.

Так почему же он не может забыть Воронцова, почему и спустя полгода задевает его сатирическими стрелами?

Нужно иметь в виду, что в это время Пушкин работает над автобиографическими записками, где, естественно, вновь переживает свою судьбу, и не только как обстоятельства личной жизни, но на фоне, в перспективе и в совокупности с историческим движением России (такой масштаб был придан запискам во вступлении к ним: «По смерти Петра...» и пр. — XI, 11—18). Отсюда в эпigramме «Сказали раз царю...» воспоминание о Риго и подспудное сопоставление своей судьбы с казненным вольнолюбцем. «Придворный льстец» не вешал Риго, но он вслух надругался над падшим, чем нарушил не только христианские заповеди, но и принятые правила приличия. И потому он прямой (а не просто *полу-*) глупец, ибо (так в первоначальном варианте):

Тяжелый вид такого добротства
Могло царю подчас не угодить...

Думается, что здесь содержится отклик на недавно прочитанную в Михайловском комедию Грибоедова «Горе от ума», где имеются сходные строки:

Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Пушкину было известно, что, осыпав генералов наградами после

удачного смотра в Тульчине, Александр I, однако, обошел Воронцова, не пожаловав причитающийся ему чин «полного генерала». Именно в намеке на это обстоятельство, наверное, и заключался язвительный пуант как этой эпиграммы, так и эпиграммы «Полумилорд, полукупец...» («...есть надежда, Что полным будет наконец...»).

Что же касается начатой на л. 57 Второй масонской тетради эпиграммы:

Он вежлив был в иных прихожих,
А дома скучен, сух и горд, —

то это, на наш взгляд, первый черновой набросок стихотворения «Не знаю где, но не у нас...», которое было напечатано в альманахе «Северные цветы на 1828 год», среди других заметок под общим названием «Отрывки из писем, мысли и замечания»¹⁵:

«Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонкими. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком пролез в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова о Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин»
(XI, 56).

Может быть, из всех эпиграмм на Воронцова эта была — самой пристрастной. Но если принять во внимание, что весь пассаж входил, наверное, в состав уничтоженных автобиографических записок, то смысл его становится не только яснее, но и еще язвительнее. Собственно, здесь дается автокомментарий к эпиграмме «Полумилорд, полуку-

пец...», словно ответ ее оппонентам по каждому из пунктов («полу-»). Строка «Ползком пролез в известный чин» неизбежно вызывала в памяти грибоедовское:

А впрочем, он дойдет до степеней известных:
Ведь нынче любят бессловесных.¹⁶

Эпиграмма к тому же обрывалась незарифмованным словом «тонким», которое тем самым выделено жирным смысловым курсивом: в самом деле, тонкий лорд Мидас¹⁷ — разве это не нелепость? Ведь мифологический Мидас потому и был награжден Аполлоном ослиными ушами, что был невосприимчив к подлинному искусству.

«Русскую литературу он знает, как герцог Веллингтон» — замечено в «воображаемом разговоре с царем». По сути дела, эта тема была намечена еще в письме Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 года: «Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое» (XIII, 102). Нет, Воронцов вроде бы не доносил на поэта в Петербург (подчеркивая, наоборот, что его нельзя уличить в чем-то противузаконном), но неизменно повторял:

«...я <...> не такой уж поклонник его таланта — нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно». «Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Он <...> имеет уже множество льстецов, хвалящих его произведения; это поддерживает в нем вредное заблуждение и кружит голову тем, что он замечательный писатель, в то время как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало (Байрона)...». «Он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы ему долго почитать и поучиться...»¹⁸

В наше время предпринимаются попытки более «объективного» истолкования взаимоотношений Пушкина и Воронцова — в пользу последнего¹⁹. Заслуги Воронцова как государственного чиновника действительно несомненны, а пушкинские оценки его, как вполне очевидно, пристрастны. Почему же они неизменно столь весомы? Не только потому, что Пушкин более известен, нежели его неизменный недоброжелатель. И даже не потому, что Воронцов в судьбе Пушкина выступил не на стороне защитников (как Карамзин, Гнедич, Жуковский, А. И. Тургенев, Ф. Глинка и многие другие), а на стороне гонителей (впрочем, не опускаясь до прямой клеветы). Дело воистину не только в этом.

Вяземский как-то заметил: «Для некоторых любить отечество — значит дорожить и гордиться Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и тому подобными и подобным. Для других — любить отечество — значит любить и держаться Бенкендорфа, Чернышева, Клейнмихеля и прочих и прочего»²⁰. Можно во второй группе из этих имен поставить и не столь одиозные. Суть не изменится. В конфликте поэта и власти русское общественное мнение всегда было на стороне первого. Будет ли так всегда? Это, вероятно, зависит прежде всего от власти.

¹ См.: Фомичев С. А. 1) Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...»: (Текст, датировка, сатирическая направленность) // *Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 26. СПб., 1995. С. 78—86; 2) Новые тексты стихотворений А. С. Пушкина // *Неизданный Пушкин*. Вып. I. СПб., 1996. С. 38—41. На наш взгляд, эта эпиграмма была направлена против гр. Федора Толстого (Американца).

² Пушкин. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815—1825. С. 350.

³ Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 96.

⁴ Словарь языка Пушкина. М., 1961. Т. 4. С. 203.

⁵ Ср. нечто подобное в письме Пушкина Вяземскому от 7 июня 1824 года: «Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк*» (XIII, 96).

⁶ Замков Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка // *Пушкин и его современники*. Вып. XXIX—XXX. Пг., 1918. С. 81. Нельзя не признать, что поправка Вяземского довольно удачна: «Глаголь» (Г — начальная буква фамилии поэта) совмещала высокое значение лексемы (ср. державинское «Глагол времен» или же пушкинское «Глаголом жги сердца людей») и ее трагедийное использование в литературной традиции: герой комедии И. А. Крылова «Урок дочкам» представлялся маркизом Глаголем, простодушно ориентируясь на перевод Елагина и Лукина, выпустившими известный роман Прево под названием «Приключения маркиза Г., или Жизнь благородного человека, оставившего свет». То есть Вяземский усугублял пародийную игру, намеченную в пушкинском тексте (Кутейкин — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль»). Разумеется, однако, что мы обязаны печатать эпиграмму на Ф. Глинку по тексту Пушкина, а не Вяземского, так как не имеем никаких свидетельств о согласии автора на изменение текста.

⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 356—357.

⁸ Абрамович С. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым // *Звезда*. 1974. № 6. С. 194—195.

⁹ Басаргин Н. В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988. С. 71.

¹⁰Аринштейн Л. М. «Вторичная мемуаристика» в комментарии: (Об эпиграмме Пушкина «Сказали раз царю...») // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 11.

¹¹Иовва И. Ф. О пребывании и высылке Пушкина из Одессы (по архивным материалам) // Рус. литература. 1988. № 3. С. 164.

¹²Цит. по: Модзалевский Б. Л. К истории ссылки Пушкина в Михайловское // Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 85.

¹³Там же. С. 86.

¹⁴Проблема авторства Пушкина и литературных источников этого стихотворения рассмотрена в статье: Рак В. Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 107—117.

¹⁵«Отрывки» были напечатаны в альманахе анонимно, благодаря уловке О. М. Сомова, который в письме к цензору К. С. Сербиновичу, в частности, сообщал: «...доставляю вам дня через два, и мысли разных лиц, без подписи, в коих с именем одни только стихи Пушкина. Стихи сии, равно как и самую сию статью, отдавал я г. Фон-Фоку, а он представлял их А. Х. Бенкендорфу, для рассмотрения КЕМ все стихи Пушкина рассматриваются. А. Х. Бенкендорф сказал: что для сих маленьких стишков не стоит утруждать г<осударя> И<мператора>, и что они могут быть пропущены с одобрения Цензуры» (цит. по: Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 125).

¹⁶Последнее слово Грибоедов здесь выделил курсивом, что намекало на особый смысл: «бессловесное животное, скот».

¹⁷Возможно, в имени дополнительно подразумевалось французское *midî* (южный), что связывало первоначальный набросок эпиграммы (о чем речь шла выше) со строками, следовавшими далее: «[Люблю Одессу <я>]— имеет / Она какой-то южный вид».

¹⁸См.: Аринштейн Л. М. К истории высылки Пушкина из Одессы: (Легенды и факты) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982. С. 291, 295, 297.

¹⁹См.: Кацик В. О. М. С. Воронцов и А. С. Пушкин: нетрадиционный взгляд на историю взаимоотношений // Воронцовы — два века истории России: Материалы научной конференции. Владимир, 1992. С. 90—98.

²⁰А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 151.

ОБ ИСТОЧНИКЕ ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ВОДЫ ГЛУБОКИЕ...»

Среди пушкинских рукописей сохранился маленький клочок бумаги (ПД 247), служивший поэту, видимо, закладкой книги¹ (фотокопия позволяет увидеть, что один край его темнее). На этом клочке записан следующий текст:

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут
(III, 471).

После характерной для Пушкина черты, означающей завершение произведения, идет начальная строка другого текста. Но прочитать ее невозможно: именно на ней листок оборван.

Стихотворение, введенное в научный оборот в 1930 году², до сих пор не вызывало более или менее аргументированных попыток его истолкования. Неясности начинаются уже с датировки: диапазон ее в комментариях довольно широк. Так, в указанном издании 1930 года оно напечатано М. А. Цявловским под шапкой «1820-ые годы» (и, кстати, в разделе «Dubia»); в Большом академическом издании Н. В. Измайлов отнес стихи предположительно к 1833—1835 годам (см.: III, 1292); наконец, Т. Г. Цявловская датировала их 1836 годом³. При этом никто из комментаторов свою датировку не аргументировал. Конечно, эти разночтения объяснимы: характер автографа, отсутствие очевидного контекста затрудняют датировку стихов.

Не истолкован и сам смысл этого наброска. Лишь недавно в одной статье попутно, но, как мы убедимся ниже, проницательно было замечено: «Пушкин написал эти стихи в 1835 году <мы видели, однако, что точно датировать их нельзя. — А. К.>, а коли так, то мы обязаны допустить, что речь идет в них в том числе и о... Боге, о религиозных ценностях, причастность к которым и дарит возможность стройной, изнутри упорядоченной жизни»⁴.

Приблизить к пониманию смысла стихотворения может обращение к его источнику, до сей поры не указанному комментаторами. Это действительно религиозный текст — библейская «Книга притчей Соломоновых», некоторые фрагменты которой текстуально перекли-

каются с пушкинским стихотворением: «Слова уст человеческих — глубокие воды; источник мудрости — струящийся поток» (18, 4); «Помыслы в сердце человека — глубокие воды, но человек разумный вычерпывает их» (20, 5). Вообще в «Книге притчей...» ключевой темой становится тема «премудрости»: она звучит начиная уже с первой главы («Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой...» — 1, 20). Ей посвящены и второканонические «Книга Премудрости Соломона» и «Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова». По Священному Писанию, премудрость — понятие универсальное: она дает возможность «иметь славу в народе», быть «проницательным в суде», «достигнуть бессмертия» (Прем. 8, 10, 11, 13) и т. д. Но, помимо прочих преимуществ, премудрость дает и возможность «тихой» жизни: «Войдя в дом свой, я успокоюсь ею: ибо в обращении ее нет суровости, ни в сожитии с нею скорби, но веселие и радость» (Прем. 8, 16).

Итак, и метафорические «глубокие воды», и сама тема мудрости восходит у Пушкина к Ветхому Завету, прежде всего — к Книгам «премудрого» царя Соломона. В четырех строках своего стихотворения Пушкин импровизирует по мотивам Книг ветхозаветного автора. Вероятно, и сама поэтическая форма стихотворения — строго симметричная двухчастная параллельная композиция — восходит к Библии, где такой прием используется очень часто, например, в той же «Книге притчей Соломоновых»: «...праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней; а беззаконные будут истреблены с земли, и вероломные искоренены из нее» (2, 21—22); «Путь глупого прямой в его глазах; но кто слушает совета, тот мудр. У глупого тотчас же выкажется гнев его, а благоразумный скрывает оскорбление» (12, 15—16) и т. д.

О Соломоне Пушкин вспоминал неоднократно. Так, еще в «Руслане и Людмиле» он сравнивал сад Черномора с теми садами, «которыми владел / Царь Соломон...». Но Соломон привлекал поэта не просто как библейский герой, но прежде всего как библейский автор.

В 1825 году Пушкин написал два «подражания» «Книге Песни Песней Соломона» — «Ветроград моей сестры...» и «В крови горит огонь желанья...». Над вторым из них он начал работать еще в 1822 году, выписав предварительно соответствующий фрагмент «Песни Песней»⁵.

19 октября 1828 года, на очередной лицейской годовщине, Пушкин вел протокол и отметил в нем пение «Песни о царе Соломоне»

Дельвига:

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал:
Вино на радость нам дано —
Царь Соломон сказал.
Будь свят его закон!
Солгать не смел бы так в Библии дерзко
Мудрец и певец Соломон!⁶

В стихах Дельвига действительно обыгрывались некоторые места из книг Соломона (см.: Притч. 31, 4—8, Прем. 2, 7). Важно, что в пушкинском кругу Соломон воспринимался и так — вполне в лицейском духе. Естественно, что очередной сбор лицеистов настраивал их на игривый тон по отношению к ветхозаветному автору.

Но в этих стихах Пушкин должен был услышать и другой важный для себя мотив: «Солгать не смел бы так в Библии дерзко...» «Дерзость» Соломона обретает особый смысл в свете истории с поэмой «Гавриилиада», разгар которой приходится как раз на октябрь 1828 года. «Книга Песни Песней» в пушкинскую эпоху была «полулегальной»: церковные власти противились ее публикации на русском языке⁷. Главной причиной служило, конечно, то, что она была посвящена любви. «Странное сближение» библейской книги и собственной «Гавриилиады» Пушкин не мог не почувствовать в октябре 1828 года.

В 1836 году, читая русский перевод книги С. Пеллико «Об обязанностях человека» и готовя рецензию на него для «Современника», Пушкин должен был обратить внимание на эпиграф, взятый из старославянского текста «Книги Премудрости Соломона»: «Правда бо бессмертна есть» (1, 15). Известно, что в последние два года своей жизни Пушкин был очень внимателен к христианской проблематике, что отразилось в «Страннике», «Полководце», «каменноостровском цикле», в ряде критико-публицистических выступлений на страницах «Современника».

Вероятно, Соломон привлекал Пушкина как поэт, у которого он в разные эпохи своей жизни находит то, что в настоящее время ему более созвучно. Когда-то это была любовная поэзия («Книга Песни Песней»); теперь же ветхозаветный автор интересен ему другими своими Книгами, исполненными высокого этического пафоса и жизненной мудрости (ср., например, с «каменноостровским циклом» 1836 года).

Однако Пушкин мог испытывать к Соломону и «фамильный»

интерес. Одна из известных поэту версий происхождения его прадеда, Абрама Ганнибала, возводила его к знатному, возможно, царскому эфиопскому роду (см. прим. 11 в первом издании первой главы «Евгения Онегина»). В Эфиопии же еще в XIV веке возникла легенда о том, что царствующая династия происходит от Менелика I, сына Соломона и царицы Савской. Если Пушкин знал эту легенду, то мог считать себя... потомком Соломона. Но в любом случае он должен был ощущать свою историческую связь с библейским царем.

В 30-е годы у Пушкина все чаще встречаются произведения, в которых фигура главного героя обретает автобиографический подтекст — но без того откровенного автобиографизма, который был свойствен романтическому искусству и который сам Пушкин считал слабым местом, например, у Байрона. В таких произведениях, как уже упоминавшиеся «Странник», «Полководец» (оба — 1835), статьи «Александр Радищев», «Вольтер», «Песнь о полку Игореве» (все — 1836) и других, объективное содержание — судьба того или иного человека — органично сочетается с автобиографическими аллюзиями; «перекоса» в ту или иную сторону нет. Важно, что таким героем часто оказывается именно писатель: благодаря этому пушкинский подтекст ощущается в большей степени. Не мог ли и Соломон оказаться в этом ряду благодаря тому, повторим, что поэтическая эволюция самого Пушкина в какой-то момент была осознана им на фоне «эволюции» Соломона? Библейская хронология, какой бы она ни была, здесь совершенно не важна — важна хронология пушкинского восприятия Книг и самой фигуры ветхозаветного писателя.

Неизбежен вопрос: в какой мере пушкинская вариация на библейскую тему может считаться его собственным жизненным кредо?

О «тихой» жизни Пушкин пишет в 30-е годы неоднократно. Она видится ему целью «побега» «в обитель дальнюю трудов и чистых нег» («Пора, мой друг, пора...», 1834). Но в этой мечте у Пушкина, как правило, угадывается оттенок несбыточности — и не только потому, что такой «побег» был биографически невозможен. Здесь важны и творческое, и мировоззренческое объяснения. Например, в наброске 1833 года он пишет:

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

(III, 469)

Нетрудно предположить, что судьба сына мыслится автором как насыщенная драматическими событиями, контрастная по отношению к «тихой» жизни родителей⁸.

Еще более отчетливо это просматривается в крупных произведениях — «Медном всаднике» и «Капитанской дочке». Идиллическая «тихая» жизнь разрушается в катастрофических потрясениях. Она непрочна и потому нередко воспринимается иронически, хотя Пушкину, безусловно, во многом симпатичен этот жизненный уклад⁹.

Но кроме того, он проникается и поэзией вызова, противостояния: «Есть упоение в бою...» Такова поэтическая диалектика, на которой основан его художественный мир и само мировоззрение. По известному выражению, Пушкин — «наше все». Стихотворение «Воды глубокие...» запечатлело лишь одну сторону этого «всего». Не потому ли поэт не стал его печатать, хотя, по-видимому, и считал завершённым?

Но возможно и другое, более конкретное объяснение. В творчестве Пушкина немало небольших набросков, которые можно назвать «маргинальными» по отношению к крупным, центральным произведениям писателя. В этих набросках — иногда заранее, иногда «задним числом» — проигрываются ситуации, мотивы, разрабатываемые в произведениях первого ряда. Таков, например, набросок «Пока супруг тебя, красавицу младую...» по отношению к «Бахчисарайскому фонтану» или «Везувий зев открыл...» по отношению к «Медному всаднику»¹⁰. Сами по себе они становятся не нужны автору, когда он исчерпывает тему в крупных произведениях, поэтому он к ним уже не возвращается. В данном случае стихи могли быть «сателлитом», например, «Капитанской дочки», и тогда вполне логичной представляется датировка наброска серединой 30-х годов.

Но мы видели, что он представляет и самоценный интерес, добавляя еще один штрих в сложную и пока еще мало исследованную картину пушкинского восприятия «вечной книги».

¹ См.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 95.*

² См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1930. Т. 2. С. 222.* (Приложение к журн. «Красная Нива» на 1930 год.)

³ См.: *Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974—1978. Т. 2. С. 537.*

⁴ *Тихомиров С. В. Забыв и рошу и свободу: О религиозной теме в литерату-*

роведении и кинематографе последних десятилетий // Лит. обозрение. 1992. № 10. С. 82.

⁵ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 32.

⁶ Дельвиц А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 130—131. См.: Рукою Пушкина. С. 734, 736.

⁷ См.: Мурьянов М. Ф. Пушкин и Песнь Песней // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 47—65.

⁸ См.: Кулагин А. В. К истолкованию пушкинского наброска «В славной, в Муромской земле...» // Литература и фольклорная традиция: Тез. докл. науч. конфер. 15—17 сент. 1993 г. Волгоград, 1993. С. 19—21.

⁹ См.: Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина 1820—1830-х годов // Болдинские чтения. Горький, 1984. С. 98—109.

¹⁰ См.: Лотман Ю. М. Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Пушкин и русская литература: Сб. науч. тр. Рига, 1986. С. 24—33.

В. А. Кошелев

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

1

«Своя семья»

«Я?» — Да, Татьяны именины
В субботу. Олинька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать. —
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...»
— И, никого, уверен я!
Кто будет там? своя семья.

(VI, 93—94)

Эта фраза Ленского, уговаривающего Онегина поехать на именины к Лариным, стала роковой в его жизни. Онегин решил, что еще раз попадет в «свою семью» Лариных (в которой уже бывал, но не по случаю именин, а запросто, без приглашения), и, застав там общество Пустяковых, Скотининых, Харликовых, Фляновых и т. п., решил, что приятель обманул его (хорошенькая «семейка!»): «Чудак, попав на пир огромный, / Уж был сердит...» (VI, 111). В ответ на этот обман он, «негодую, / Поклялся Ленского взбесить...» (VI, 111), — что, в конечном счете, и привело к роковой дуэли, окончившейся столь трагически.

Но хотел ли Ленский «обмануть» Онегина в этом случае? И что означало в его устах выражение «своя семья»? Кстати, в черновых рукописях оно выглядело еще более определенно:

— И! никого — уверен я —

Ну кто? — одна своя семья...

(VI. 376)

В существующих комментариях к «Евгению Онегину» фраза эта никак не объясняется. И действительно, кажется, что перед нами чисто бытовое, ситуативное высказывание, подразумевающее те «семейные» связи, которые ценятся именно «в деревне», между соседями.

Однако фраза эта имеет несомненное литературное происхождение. 24 января 1818 года на Петербургском театре была впервые представлена комедия А. А. Шаховского (написанная в соавторстве с А. С. Грибоедовым и Н. И. Хмельницким) «Своя семья, или Замужняя невеста». Комедия получила шумный зрительский успех, ставши самым репертуарным спектаклем года¹; в том же году она вышла отдельным изданием, была с успехом поставлена в Москве и во многих провинциальных театрах. Пушкин ее, безусловно, знал: среди «шумного роя» комедий «колкого Шаховского» «Своя семья...» оказалась едва ли не самой популярной.

Это классическая «комедия характеров». Действие происходит в провинциальной глуши («в Чухломе»), где шесть дальних родственников решают судьбу молодого петербургского офицера Любима: тот должен спросить у них согласия на брак — или лишается наследства. Любим между тем уже женился на Наташе, и той теперь предстоит «понравиться» родственникам и опекунам. Дело осложняется тем, что эти родственники противоположны друг другу и требуют от жены Любима разного: одна — новейшей сентиментальности, другая — «старинной» простоты, третий — учености, четвертый — недалекой «простоватости» и т. п. Наташе (оказавшейся в положении «замужней невесты») приходится употребить все свои артистические способности, изобретать множество уловок, чтобы понравиться всем членам этой странной «семьи»...

Комедия кончается репликой «под занавес»:

И, жизнь моя!

Есть хлопотать о чем; мы все своя семья.²

Приведенная выше роковая реплика Ленского имеет своим источником эту финальную реплику популярной комедии: даже начальное междометие «и» сохранено. Ленский произносит ее в качестве иронического «общего места». Онегин, ее не понявший, демонстрирует незнакомство петербургского dandy и «почетного гражданина кулис» с популярной новинкой «надоевшего» ему театра.

«Божественный Омир»

И к стате я замечу в скобках,
 Что речь веду в моих строфах
 Я столь же часто о пирах,
 О разных кушаньях и пробках,
 Как ты, божественный Омир,
 Ты, тридцати веков кумир!

(VI, 113—114)

В начале XIX века в литературе фигурировали две русские транскрипции имени великого греческого эпика. Одна, восходившая к латинскому *Homerus*, предпочитала форму «Гомер», другая, восходившая к греческому *Ὅμηρος* — форму «Омир», где не учитывалось собственно греческое «начальное придыхание» и греческое η, в соответствии с византийской традицией произношения, транскрибировалось как «и». Последняя форма, вошедшая в употребление в старославянском языке³, была воспринята русской средневековой традицией, откуда перешла в «высокий стиль» литературы XVIII столетия.

«Латинизированная» и «византизированная» традиции именования великого грека в XVIII столетии мирно сосуществовали: в филологических трудах Ломоносова, статьях Третьяковского и Сумарокова, в прозе Карамзина принималась форма «Гомер»; она же употреблялась в переводах: «Гомерова Илиада, переведенная Ермилом Костровым» (СПб., 1787). Форме «Омир» отдавалось предпочтение в текстах условно «поэтических», таких как оды Державина, стихи С. А. Ширинского-Шихматова и т. п. Наибольшее распространение «старинная» форма получила в начале XIX столетия: она стала своеобразным знаком поэтической оригинальности в осмыслении классики. Так, Н. И. Гнедич, приступив в 1807 году к переводу «Илиады» Гомера, изначально предпочел «латинизированную» форму имени, но в оригинальных стихах замечал:

О, песнь волшебная Омира
 Нас вмиг перенесет, певцов,
 В край героического мира
 И поэтических богов.

(«К К. Н. Батюшкову», 1807)⁴

Во втором десятилетии XIX века ситуация с транскрипцией имени Гомера и вовсе запуталась. Так, в 1817 году одновременно появились два больших произведения на «гомеровскую» тему, написанные двумя приятелями: поэма Гнедича «Рождение Гомера» и историческая элегия Батюшкова «Гезиод и Омир — соперники». Но Батюшков, получив экземпляр поэмы Гнедича и делая на нее «замечания», транскрибировал имя героя по-своему: в письмах к Гнедичу он упорно называет его поэму «Рождение Омира»⁵.

Потом в дело вступили знатоки классической филологии. В 1813 году появилась статья С. С. Уварова «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре». В ней великий грек был назван «Омером», и называние это сопровождалось примечанием: «Извините, что я пишу *Омер*, а не *Омир*. Нельзя мне решиться изуродовать столь почтенное имя»⁶. Замечание Уварова с точки зрения фонетики древнегреческого языка было абсолютно точным: Гнедич сразу же принял это написание. А. Н. Оленин, известный «любитель древности», предложил еще более точную транскрипцию: «*Омер*» (опираясь на то, что «ять» в принципе представляет звук, средний между «е» и «и», близкий к собственно греческому произношению⁷). Батюшков, с точки зрения поэтической логики, предложил некое «разграничение»; в марте 1817 года в письме к Гнедичу он заметил: «Ты печатал *Омер* в прозе; пусть так, но в стихах оставь *Омир*: не то будет пестрота, а рифма требует *ир*, или, если хочешь, поставь *или*, чтобы меня в журналах не бранили!»⁸

Филологические споры подобного рода со стороны обыкновенно кажутся мелочными и ненужными — и потому их не замедлил высмеять А. А. Шаховской в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815). В этой комедии филологическая полемика была поставлена на уровень современной литературной борьбы и вложена в уста «жалкого Фиалкина», которого современники справедливо сочли «пародией на Жуковского». Батюшков в цитированном выше письме, буквально приводя одну из реплик Фиалкина, имеет в виду следующий диалог:

С а ш а

А прозвище какое?

Ф и а л к и н

Омир или Омер. — Еще не решено,
Как должно звать его, и для того я *или*
Поставил, чтоб меня журналы не бранили.

С а ш а

Да дело в чем? а *ме* иль *ми* — нам все равно.

Ф и а л к и н

Поэт бессмертный, кем была воспета Троя,
Лишенный глаз, любви талант свой посвятил.

Г р а ф и н я

Гомер влюбился!

Ф и а л к и н

Ах! кто пел и не любил?

Ахилла славил он, чтоб улыбнулась Хлоя.

Г р а ф и н я

Вот это новое!⁹

В этом диалоге интересны два обстоятельства. Во-первых, в нем сосуществуют на равных все три формы имени греческого эпика: «*ме* иль *ми* — нам все равно», и пуристское замечание Уварова — явно лишнее... С точки зрения дворянского обывателя, адресата комедии Шаховского, так оно и есть, — и «арзамасцы», принявшиеся защищать Уварова в глазах «публики», оказались в трудном положении. Даже Д. В. Дашков в «Письме к новейшему Аристофану» (1815) не мог ничего придумать, кроме ответного «укола», составленного по той же модели: «В сих чудесных монументах, воздвигнутых вами, — обращается он к автору «Липецких вод», — все прекрасно, все достойно подражания: и слог, и мысли, и характеры, в разнообразии которых превзошли вы самого отца Поэзии, бессмертного слепца Омира. *Омира* или *Омера* — что нужды! Можно ли заниматься пустыми суждениями об его имени, об его поэмах, когда говорим об вас!»¹⁰. К самой же сути филологического спора «арзамасцы» отнеслись довольно равнодушно: в большинстве иронических откликов периода «Липецкого потопа» предпочиталась «нейтральная» и принятая форма имени — «Гомер». Форму «Омер» последовательно употреблял лишь самый ревностный из «арзамасцев» — В. Л. Пушкин¹¹. А А. И. Тургенев даже допустил характерную неточность. Рассказывая в письме к А. Я. Булгакову о премьере «Липецких вод» (23 сентября 1815), он упомянул «колкости насчет <...> Омира-Уварова»¹², хотя Уваров-то как раз и настаивал на «Омере», а не на «Омире»!

Во-вторых, Шаховской определил форму «Омер» как знак новейшего «балладного» направления в литературе и проецировал эту

форму на сюжеты баллад Жуковского («Омер сидит в лесу у ручейка / И к Хлое страсть поет...»), на их идеологию («Поймал под сеть свою Амур, слепец бессмертный, / Бессмертного певца Омера...») и даже на их непривычную для читателя форму («баллада», которую поет Фялкин, стилизована под балладу Жуковского «Ахилл»)¹³. Выявленное им противоречие гомеровской эпичности и новейшей «чувствительности» было, по большому счету, очень точным, и потому во многочисленных выпадах против «Шутовского» «арзамасцы» старались избегать этой «филологической» темы и предпочли «замять» колкости насчет «Омера».

В творчестве Пушкина этот «нюанс» арзамасской полемики отразился весьма своеобразно.

Пушкин вообще предпочитал форму «Гомер»: именно она употребляется в его критике, публицистике, дневниковых записях (XI, 42, 88, 105, 230; XII, 50, 72, 148 и т. п.); именно она присутствует в упоминаниях греческого певца в стихотворениях «Городок» (1815 — I, 98), «В стране, где Юлией венчанный...» (1821 — II, 170), «Крив был Гнедич, поэт...» (1830 — III, 238), «С Гомером долго ты беседовал один...» (1832 — III, 286). В наброске «Рифма, звучная подруга...» (1828) возникает форма «Омир», — но как напоминание об исторической элегии Батюшкова: «Взяв божественную лиру, / [Так] поведали бы миру / Гезиод или Омир...» (III, 121).

Кажется очевидным тот факт, что основной для Пушкина была форма «Гомер», а «византийский» и «уваровский» варианты использовались в тех случаях, когда необходимо было придать этому имени некую стилистическую окраску. Даже в черновиках пятой главы «Онегина» на месте «божественного Омара» было: «Как у Гомера...» (VI, 405). А в окончательной редакции первой главы присутствует «Гомер»: «Бранил Гомера, Феокрита...» (VI, 8).

Но стоит обратиться к творческой истории пушкинских произведений, как возникают некоторые странности. Так, в первом издании первой главы (1825) приведенный стих читался: «Бранил Омера, Феокрита...» (VI, 644). Готовя полное издание, Пушкин убрал «уваровский» вариант.

Напротив, он ввел этот же вариант во второе издание «Руслана и Людмилы» (1828):

Я не Омер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон и пену чаш глубоких

(IV, 54).

В первом издании было: «Я не Гомер...» (1820 — IV, 279). В 1827—1828 годах Пушкин скрупулезно исправлял текст юношеской поэмы, нашумевшей в свое время и выступившей как литературное «знамя» «арзамасцев». Вводя это написание, он вводил некий литературный «знак» общества. Подобным же «знаком» был «Омер» в первом издании первой главы «Онегина», предназначенном для «друзей Людмилы и Руслана» (VI, 5).

Но дело не только в этом. За год перед тем, как Пушкин правил текст «Руслана...», он работал над пятой главой «Онегина». Упоминание «божественного Омира» в ней идет в той же ассоциации, что и в «Руслане...»: Гомер — «пиры». Почему же здесь Пушкин предпочел «византийскую» форму имени?

Дело здесь не только в рифме. Контекст гомеровских «пиров» в «Онегине» более ироничен, чем «обеда греческих дружин» в «Руслане...»: это подчеркнуто упоминанием «разных пробок», невозможных у Гомера, но присутствовавших и на «пиру» Онегина («Вошел: и пробка в потолок...» — VI, 11), и на именинах Татьяны («Освобождаясь от пробки влажной, / Бутылка хлопнула...» — VI, 112). Но некая параллель упоминания греческого эпика в «Руслане...» и «Онегине» все же возникала. В сознании Пушкина, готовившего юношескую поэму к переизданию, а пятую главу — к изданию, она должна была возникнуть непременно: оба издания вышли практически одновременно — в марте 1828 года.

Дело еще более осложнялось тем, что упоминание «Омера» в юношеской поэме было связано с собственно поэтической декларацией: сразу за заявлением: «Я не Омер...» — следует:

Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любви нежной!

(VI, 64)

В третьей главе «Онегина» Пушкин заявил нечто противоположное:

Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни

(VI, 64).

К этой формуле, заметим, он шел очень непросто. В черновых рукописях Пушкин демонстрирует иное отношение к любимому в юности француззу: «[О где] найду [я] в наши дни / Перо [достой-

ное] Парни» (VI, 311); «[Но мне еще] [милее] будет / Язык [Вольтера] и Парни» (VI, 312). В беловых рукописях также видим упорные поиски точной «отрицательной» (но не «отрицающей») формулы: «Следы волшебного Парни / Забыты нами в наши дни»; «Следы прелестного Парни / Ужель забыты в наши дни», «Я не найду следов Парни, / Они забыты в наши дни», «Затем что милого Парни / Перо забыто в наши дни» (VI, 584—585).

Устремление «по следам Парни» автора «Онегина» уже не устраивает. Но в «Руслане...» — в том произведении, на которое Пушкин еще в первых строфах ориентировал читателя своего романа, — выведены лишь два члена оппозиции: Гомер и Парни. Значит ли это, что, отказавшись от «немодного» Парни, автор «Онегина» собирается идти «по следам» Гомера? Вовсе нет — и в контексте сложившейся ситуации Пушкину важно свою поэтическую позицию уточнить.

В первом издании пятой главы за упоминанием «божественного Омира» следовали две строфы (выпущенные в окончательном варианте). Строфа XXXVIII иронически сопоставляла Татьяну с «прекрасной Еленой» и предвещала будущее «сражение» Онегина и Ленского, строфа же XXXVII декларировала отграничение структуры романа в стихах от гомеровских традиций эпического описания:

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством,
Но, признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом:
Твои свирепые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Пред Истоминой моей,
Пред нашим воспитаньем модным...

(VI, 650)

В сущности, подобное отграничение загружало повествование — и, выпуская полное издание «Онегина» в то время, когда эффект «одновременности» появления его и «переделанного» «Руслана...» был снят, Пушкин исключил это отступление, даже не обозначив «пропуска». Формула «божественный Омир» и ироническая апелляция

к «тридцати векам» его почитания была вполне достаточной, а «византийская» форма именования давала своеобразный эффект эмоционального «отторжения».

3

«Приди в чертог...»

Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (Бог мой!).
Приди в чертог ко мне златой!..

(VI. 36)

Комментаторы обычно ограничиваются указанием на то, что выделенный стих является начальным стихом арии Лесты из комической оперы «Леста, днепровская русалка», переделанной Н. Краснопольским из популярной немецкой оперы «Das Donauweibchen» («Фея Дуная»), музыка Ф. Кауэра, либретто Генслера. Опера была впервые поставлена в Петербурге 26 октября 1803 года, затем обошла все провинциальные сцены и удержалась в репертуаре до конца 1820-х годов.

Указания подобного рода, несмотря на кажущуюся «исчерпанность», не объясняют главного. Что, собственно, смешного в этой бытовой сценке, нарисованной Пушкиным? Что означает авторское восклицание «Бог мой!»? Почему иллюстратор шести глав «Онегина» А. В. Нотбек именно ее посчитал «ключевой» сценой второй главы? Почему на иллюстрации, помещенной в «Невском альманахе на 1829 год», представлена странная и нарочитая карикатура: томная «Дуня» с гитарой и глазами навывкате, благообразные старички-родители в домашних халатах, Ленский в созерцательно-оценивающей позе и полуотвернувшийся человек с подносом, профиль которого подозрительно напоминает профиль самого Пушкина (Нотбек, вероятно, был вообще склонен к подобного рода намекам, что отметил Пушкин — правда, в подписях под другими картинками¹⁴)? Почему Н. А. Маркевич в предисловии к книге «Украинские мелодии» (М., 1831), не имевшей никакого отношения к «Онегину», счел нужным заметить, что «только недавно, благодаря А. С. Пушкину, перестали петь наши

провинциальные красавицы арии из “Днепровской русалки”»¹⁵

Для того, чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, необходимо сначала привести сам текст того, что «пищит» Дуня:

Приди в чертог ко мне златой,
Приди, о князь ты мой драгой,
Там все приятства соберешь,
Невесту милую найдешь.

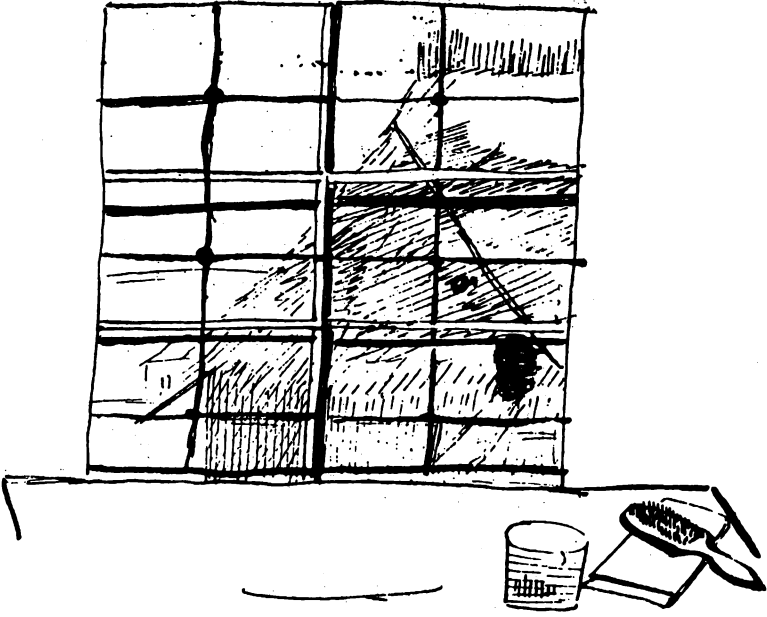
Познай, как я тебя люблю
И нежным чувствием горю.
Хоть ищут все любви моей,
Но тщетен будет труд их сей.

Я страсть их буду презирать
И только лишь к тебе пылать.
Хочу твоею только быть
И одного тебя любить.¹⁶

Как видим, эта ария, уместная в условно «оперной» обстановке, в бытовом антураже поместного дома выглядит слишком явным и неприличным «зазывом» для собирания «всех приятств» пылающей страсти...

Помимо приведенной арии Лесты, особую популярность получили еще две арии из той же оперы: ария Лиды («Мужчины на свете, как мухи, к нам льнут...») и ария Цыганки («Я цыганка молодая...»). Первая «не сходила с клавикирд» «у барынь и барышень из мелкого чиновничьего быта»¹⁷, вторая фактически положила начало популярности профессиональных цыганских хоров¹⁸. Причем широчайшая известность этих арий вовсе не определялась их художественными достоинствами. Николай Степанович Краснопольский (1775—1830), известный как переводчик романов и драм А. Коцебу, был довольно слабым поэтом и стихом владел отнюдь не безукоризненно (что видно и из приведенной арии). Здесь Пушкин едва ли не впервые столкнулся с феноменом собственно «массовой» культуры — не «низовой», как «Бова-Королевич», а именно массовой, — с процессом превращения слабого художественного произведения в некое «популярное» действо.

По наблюдению С. А. Фомичева, Пушкин пытался спародировать это явление еще в «Руслане и Людмиле»: приведенная в «Песни четвертой» песня «девы» с ее рефреном «Приди на дружное призыванье, / Приди, о путник молодой!» (IV, 52) — явно стилизована под

VERGESSNISSVÄMIGHEIT

EIN

Taschenbuch

für 1828.

2 Bde. 1

VON

H. CLAUREN.

Ростовский на Дону
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Leipzig, bei Friedrich August Leo.

ту же арию Лесты¹⁹. Но если в «Руслане...» Пушкин помещал эту арию в условно сказочную и одновременно пародическую обстановку, ориентированную на «Двенадцать спящих дев» Жуковского, то в «Онегине» пародическое начало определяется самой бытовой «картинкой».

Показательно и примечание Пушкина к выделенному стиху: «Из первой части Днепровской русалки» (VI, 192). Дело в том, что две других популярных арии были в составе не первого, а третьего действия оперы и были в исполнительском отношении гораздо более просты. Первое же действие было подвергнуто значительной переработке русским композитором С. И. Давыдовым, несколько усложнившим музыкальные мотивы немецкой оперы. После этой переработки ария Лесты стала почитаться как сложная профессиональная ария для меццо-сопрано. В ее исполнении особенно прославились две петербургские певицы — Д. М. Болина и Е. С. Сандунова²⁰. Исполнение же этой арии под гитару, да еще провинциальной «Дуней», вряд ли могло услаждать слух Ленского — она именно «пищит»...

¹ См. отзыв о ней: Сын Отечества. 1818. Ч. 49. № 5. С. 213—215.

² Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 350.

³ См.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 9—10.

⁴ Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. С. 81.

⁵ См.: Батюшков К. Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 420, 435, 441.

⁶ Чтения в Беседе любителей русского слова. Чт. 13. СПб., 1813. С. 56, примечание.

⁷ См.: Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 194.

⁸ Батюшков К. Н. Соч. Т. 2. С. 435.

⁹ Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. С. 162—163.

¹⁰ Цит. по: Арзамас. Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 244.

¹¹ Там же. С. 340.

¹² Там же. С. 239.

¹³ Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. С. 166, 164.

¹⁴ См.: Мансуров Е. Пушкин и Нотбек // Альманах библиофила. Вып. XXIII. М., 1987. С. 127—130.

¹⁵ Цит. по.: Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Изд. 4-е. М., 1957. С. 147.

¹⁶ К<раснопольский> Н. Русалка. СПб., 1804. С. 6—7.

¹⁷ Морков В. Исторический очерк русской оперы. СПб., 1862. С. 59.

¹⁸ Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912. С. 61—62.

¹⁹ См.: Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 61—62.

²⁰ См.: Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 164; Морков В. Исторический очерк русской оперы. С. 59.

Н. И. Михайлова

ПУШКИН И И. И. ДМИТРИЕВ

В седьмой главе «Евгения Онегина» Пушкин так описывает одну из сценок московской жизни:

У скучной тетки Таню встречу,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.
И близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

(VI, 160)

«Пушкин, вероятно, имел в виду И. И. Дмитриева»¹, полагал П. А. Вяземский, поясняя последние две строки.

И. И. Дмитриев не случайно упомянут в «московской» главе пушкинского романа. Известный стихотворец, некогда член Государственного Совета и министр юстиции, остроумный собеседник, в 1820-е годы он был заметной фигурой московского общества, желанным гостем во многих московских домах.

Как известно, И. И. Дмитриев не только реальный персонаж «Евгения Онегина». В романе Пушкина есть цитаты и реминисценции из поэзии И. И. Дмитриева, один из эпиграфов к седьмой главе взят из его стихотворения «Освобожденная Москва». Это отмечено в комментариях к «Евгению Онегину», а также в статьях, посвященных биографическим и творческим связям Пушкина и И. И. Дмитриева². Думается, однако, что круг наблюдений, связанных с отзвуками стихов И. И. Дмитриева в «Евгении Онегине», может быть расширен.

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

(VI, 63—64)

Комментаторы «Евгения Онегина» сосредоточили внимание на возможных прототипах «семинариста в желтой шале» и «академика в чепце». Ю. М. Лотман высказал предположение, что там, где речь идет о «семинаристе в желтой шале», возможно, имеется в виду поэтесса Анна Петровна Бунина³. П. Устимович опубликовал свидетельство А. А. Андро (урожденной Олениной), согласно которому «академик в чепце» — княгиня Е. И. Голицына («Princesse Nocturne»)⁴. Оно приведено и в комментарии Н. Л. Бродского⁵.

На наш взгляд, комментируя стих «Иль с академиком в чепце», небезынтересно указать на сатирический характер созданного Пушкиным образа, его возможные истоки. Прежде всего заметим, что чепец — женский головной убор — в сатирических стихах примерялся к мужчинам. Так, П. А. Вяземский в стихотворении «Сравнение Петербурга с Москвой» писал:

Мужей в рогах,
Девиц в родах,
Мужчин в чепцах,
А баб в портках
Найдешь у вас,
Как и у нас,
Не пляя глаз.⁶

Среди рисунков Пушкина есть карикатурный портрет Александра I в дамском чепце. Автоиллюстрации к «Домику в Коломне» изображают героя этой шуточной поэмы в женском платье и чепчике.

Контекст XXVIII строфы третьей главы «Евгения Онегина», где упомянут «академик в чепце», свидетельствует о том, что в данном случае имеется в виду ученая дама, рассуждающая о чистоте слога, необходимости соблюдения грамматических правил русского языка: дама «примеривает» роль действительного члена Российской Академии. При этом не исключено, что пушкинский образ «академика в чепце» восходит к «автору в чепчике» из «Послания от английского стихотворца Попа к доктору Арбутнору», переведенного И. И. Дмитриевым: «автор в чепчике», то есть дама, имеющая пре-

тензии считаться поэтессой, названа здесь в ряду других незадачливых стихотворцев, «дождящих стихами»⁷. Заметим, что, по наблюдению А. В. Кулагина⁸, стих «И Дмитрев не был наш хулитель» (VI, 621) в белой рукописи восьмой главы «Евгения Онегина» также восходит к дмитриевскому переводу «Послания от английского стихотворца Попа к доктору Арбутнору»:

Великодушный Гарт был мой путеводитель,
Конгрев меня хвалил, Свифт не был мой хулитель.⁹

В пересказе П. А. Вяземского сохранилась высокая оценка, которую Пушкин позднее дал переводу «Послания...», выполненному И. И. Дмитриевым: «Сейчас перечитал я переводы Дмитриева латинского поэта и английского Попе. Удивляюсь и люблю силу и стройности шестистопного стиха его»¹⁰.

* * *

И снится чудный сон Татьяна.
(VI, 101)

Среди возможных источников сна Татьяны, насколько нам известно, не названа стихотворная сказка И. И. Дмитриева «Причудница». Между тем в этой сказке героиня во сне оказывается безлунной ночью

Средь страшных Муромских лесов,
Жилища ведьм, волков,
Разбойников и злых духов!¹¹

Обращает на себя внимание переключка текстов. Сравним:
У Пушкина:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская мольв и конский топ.
(VI, 104)

У И. И. Дмитриева:

То по лесу раздался хохот,
То вой волков, то конский топот.¹²

У Пушкина:

Татьяна ах! а он реветь.
(VI, 102)

У И. И. Дмитриева:

Ветрана ж: ах! и пробудилась...¹³

* * *

Тут был на эпиграммы падкий,
На всё сердитый господин:
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.

(VI, 176)

Комментируя приведенную XXV строфу восьмой главы, Ю. М. Лотман приходит к выводу о том, что «в контексте 1830 г. характеристика “сердитый господин” придавала образу окраску политического фрондерства»¹⁴. Однако, на наш взгляд, есть основания считать, что образ «на всё сердитого господина» имеет иной смысл, так как восходит к следующей «Надписи к портрету» И. И. Дмитриева:

Какой ужасный, грозный вид!
Мне кажется, лишь скажет слово,
Законы, трон — всё пасть готово...
Не бойтесь, он на дождь сердит.¹⁵

У Пушкина, как и у И. И. Дмитриева, ироническое соотношение несоотнесимых по значимости предметов недовольства «сердитого господина»: война, ложь журналов и чай, снег; законы, трон и дождь. Как бы развертывая эпиграмматическую «Надпись к портрету» И. И. Дмитриева, раскрывая заключенные в ней возможности сатирического изображения, Пушкин создает сатирический образ одного из тех, кто представляет большой свет в его романе:

Румян как вербный херувим...

(VI, 177)

Сравнение «диктатора бального» с вербным херувимом — раскрашенной фигуркой ангела из воска, которая украшала ветви вербы, продававшиеся на вербных базарах во время вербной недели (шестой недели Великого Поста перед Пасхой), по-видимому, восходит к «Надписи к портрету» И. И. Дмитриева:

Возможно ль, как легко по виду ошибиться!
Когда б знаком я не был с ним,
То, право бы, готов божиться,
Что это восковой на вербе херувим.¹⁶

Любопытно, что дмитриевское и пушкинское сравнение с вербным херувимом было использовано для создания женского карикатурного портрета в повести М. Н. Загоскина «Три жениха», опубликованной в 1835 году, в «Библиотеке для чтения»: «...эти большие черные глаза походили на красивые фонари без свеч, а румяное, ничего не выражающее лицо ее было просто бело и красно, — и точно херувим на вербе восковой!»¹⁷

¹ Рус. архив. 1887. № 12. С. 577.

² См.: Макогоненко Г. П. Пушкин и Дмитриевы // Рус. литература. 1966. № 4. С. 19—36; Стрганов М. В. Из комментариев к «Евгению Онегину»: И. И. Дмитриев у Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1991. С. 139—140.

³ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя. Л. 1980. С. 225.

⁴ См.: Рус. старина. 1886. № 11. С. 510.

⁵ См.: Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. Изд. 5-е. М. 1964. С. 195.

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л. 1958. С. 53.

⁷ Дмитриев И. И. Соч. М. 1986. С. 48.

⁸ Кулагин А. В. И. И. Дмитриев // Онегинская энциклопедия. Т. 1 (в печати).

⁹ Дмитриев И. И. Соч. М. 1986. С. 52.

¹⁰ Цит. по: Дмитриев И. И. Соч. С. 448.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 88.

¹³ Там же. С. 88;

¹⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 358.

¹⁵ Дмитриев И. И. Соч. С. 238.

¹⁶ Там же. С. 237.

¹⁷ Библиотека для чтения. 1835. Т. X. С. 27.

Р. Литтл
(Дублин. Тринити-колледж)

ЧИТАЛ ЛИ ПУШКИН «УРИКУ»?

Занятия «Урикой», первым романом Клер де Дюрфор, герцогини де Дюрас, привели нас к мысли, что знакомство с ним могло явиться для Пушкина толчком к началу работы в августе 1827 года над «Арапом Петра Великого»¹. Как мы помним, в первых главах этого романа, посвященного прадеду поэта с материнской стороны, речь идет об успехе, сопутствовавшем черному предку Пушкина в аристократическом Париже эпохи регентства. Негритянка Урика, героиня одноименного романа г-жи де Дюрас, также представлена автором не в свете причудливого экзотизма — она помещена в пышные интерьеры особняка Бово, нынешнего Министерства внутренних дел, и Шато дю Валь, старого королевского охотничьего павильона в Сен-Жермен-ан-Лэй. Маленькая сенегалка, подаренная, по весьма сомнительному обыкновению эпохи, шевалье де Буфлером своей тетке, жене принца-маршала де Бово, была воспитана (явление весьма редкое) как член семьи.

Известно, что французское издание «Урики», литературного бестселлера года, вышло в 1824 году также и в Петербурге, вернувшись к своему довоенному франкофильству². После ссылки Пушкин появился в северной столице в июне 1827-го. Несмотря на очевидное несходство его первого, незавершенного, романа с романом герцогини де Дюрас, некоторые переключки между ними все же можно уловить. Так, арап Ибрагим принужден «даже завидовать людям, никем не замеченным, и почитать их ничтожество благополучием» (VIII, 5); он восклицает: «Жениться! <...> зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать луч-

ших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под <*> градусом?» (VIII, 27); известие же о свадьбе, устроенной волею царя, крестного отца арапа, встречено невестой с ужасом и отвращением.

Урика, осознав отличие своего цвета кожи, предпринимает все, чтобы сделать его как можно менее заметным: «Лицо мое ужасало меня; я не осмеливалась уже смотреться в зеркало; когда глаза мои нечаянно опускались на мои черные руки, мне казались они руками обезьяны...»³. Здесь отзываются низкие предрассудки эпохи, которые должны были быть внушены малышке, удочеренной представителями аристократии, озабоченными чистотой крови и чистотойсловия (такими как возмущающая спокойствие Урики бестактная «мадам де ***»). Урика перечисляет меры, принятые ею, чтобы не видеть себя и не привлекать взглядов других: «Из своей комнаты велела вынести все зеркала; никогда не снимала перчаток; шея моя и руки были обыкновенно закрыты платьем; а во время прогулок всегда надевала я большую шляпу с покрывалом, которое часто носила даже и дома»⁴.

В вопросе замужества героиня-негритянка сталкивается с двумя непреодолимыми трудностями: с одной стороны, незыблемые законы высшего общества, которым она подчинена, обрекают ее или на безбрачие, или на унижительный брак; с другой — принадлежность к культуре этого общества и утонченное воспитание делают невозможным ее возвращение в Африку. С тех пор как ей указано на цвет ее кожи, она болезненно переживает его отличие, с совершенной ясностью отдавая себе отчет во всех следствиях: «Он <цвет кожи. — Р. Л.> отлучал меня от всех подобных мне существ; он осуждал меня быть одной, вечно одной, и никогда не любимой! — Человек за деньги согласился бы, может быть, иметь детей — арапов! — При этой мысли вся кровь моя кипела от негодования. Мне приходило даже в голову просить г-жу Б<ово>, чтобы она отослала меня в мое отечество; но и там была бы я одинока: кто бы мог понять меня? Увы! я не принадлежала никому; была чужда всему человеческому роду!» Оторванная от родной страны, она размышляет, кем стала бы там: «Я была бы невольницею на какой-нибудь богатой колонии; палимая солнцем, возделывала бы землю другого; но у меня была бы хижина, куда б я могла укрыться вечером; у меня был бы сотоварищ в жизни и дети одного со мною цвета, которые называли бы меня матерью»⁵. Это классический пример того, что в терминах современной психологии называется отчуждением. В действительности ни

Урика, ни Ибрагим вовсе не помышляют о возвращении в родную Африку, где они смогли бы жить полнокровной жизнью, освободившись от презрительного чужого взгляда⁶. Говоря о возможности супружества в Европе, оба они вступают в спор с расовыми предрассудками и непониманием людей, не принадлежащих к их ближайшему окружению. Смертельно больная Урика ищет спасения от одиночества в монастыре, где может до своей преждевременной смерти делить с сестрами общее уединение: «Сестра милосердия, говорила я сама себе, не одна в мире, хотя она и от всего отказалась; она сама избрала для себя семейство: сделалась матерью всех сирот, дочерью престарелых, сестрою несчастных»⁷. Ибрагим, кажется, легче сносит оскорбления своей нареченной, но конца его истории нам так никогда и не узнать.

Могло ли знакомство с чистой прозой «Урики» побудить Пушкина, до сих пор выражавшего себя по преимуществу в поэзии, попробовать свои силы в ином жанре? Могли ли прочитанная им история негритянки и тончайший социопсихологический анализ мадам де Дюрас способствовать тому, что, невзирая на возможные затруднения, отбросив всякое стеснение, поэт решился рассказать о судьбе своего черного предка? Ни наши собственные разыскания, ни дружеские советы коллег (в первую очередь профессора Франсуа де Лабриоля) не помогли нам пока найти положительных доказательств. Тем не менее изложенная здесь гипотеза, возможно, заинтересует исследователей-пушкинистов, к которым мы не принадлежим и которых просим подтвердить или же опровергнуть наши наблюдения.

¹ Далее ссылки на текст «Урики» приводятся по современному комментированному изданию (напечатанному с текста первого тиража первого парижского издания романа 1823 года): *Claire de Durfort, duchesse de Duras. Ourika / Présentation et étude de Roger Little. Presses universitaires d'Exeter, 1993 (Collection Textes littéraires, n° LXXXIV).*

² [Anonyme.] *Ourika*. A Paris, chez L'Advocat, libraire. Réimprimé à St.-Pétersbourg chez A. Pluchart, 1824 (цензурное разрешение от 8 мая 1824). Библиографическое описание этого издания см.: *Scheler L. Un bestseller sous Louis XVIII: «Ourika» de Mme de Duras // Bulletin du Bibliophile. 1988. 1. P. 11—28.* Здесь учтено, в частности, пять изменений текста относительно парижского издания, внесенных, видимо, по требованию цензуры.

³ *Claire de Durfort, duchesse de Duras. Ourika*. P. 9. (Цит. рус. перевод: Новая библиотека для чтения. 1824. Ч. 3. С. 19.)

⁴ *Claire de Durfort, duchesse de Duras*. Ourika. P. 15; Новая библиотека для чтения. 1824. Ч. 3. С. 34—35.

⁵ *Claire de Durfort, duchesse de Duras*. Ourika. P. 9, 20; Новая библиотека для чтения. 1824. Ч. 3. С. 19, 48.

⁶ Подчеркивая именно «разность», сознание собственного отличия, мы бы хотели оспорить некоторые феминистские трактовки «Урики», в которых негритянка предстает главным образом жертвой своего пола. Не упуская из поля зрения расовой проблематики, оказывается возможным вполне обоснованно выделять в романе также проблему роста женского самосознания (разумеется, выраженную не прямо, даже, можно сказать, метафорически). Так, Иванна Роза находит, что раса Урики выступает своего рода женским аналогом импотенции (*Rosi I. Il gioco del doppio senso nei romanzi di Madame de Duras // Rivista di letterature moderne e comparate*. 1987. XL, 2 (aprile-giugno). P. 140), а Шанталь Бертран-Женнен считает, что «пробуждение сознания своей расовой принадлежности соответствует у Урики сознанию тех границ, в которые заключено ее существование как женщины», и что, «преодолев неосознанное читательское сопротивление, косвенную цель романа можно видеть в правдивом изображении жизни женщины данной эпохи и данного состояния» (*Bertrand-Jennings Ch. Condition féminine et impuissance sociale: les romans de la duchesse de Duras // Romantisme*. 1989. 2-e m trim. № 63. P. 29, 40—41). Клодин Эрманн в своем, так сказать, «феминистском» издании (Paris: Éditions des Femmes, 1979) идет гораздо дальше, представляя дружбу Урики и Шарля, внука г-жи де Бово, сильное, но совершенно невинное чувство, какой-то «преступной страстью», словно речь идет об инцесте, о той любви, какую описывает Шатобриан между Рене и его сестрой Амели.

⁷ *Claire de Durfort, duchesse de Duras*. Ourika. P. 23; Новая библиотека для чтения. 1824. Ч. 3. С. 56.

Е. О. Ларионова

К ТЕМЕ «УРИКА» В РОССИИ»

Разыскания профессора Литгла, любезно сообщенные им редакции данного издания, представляют тем больший интерес для исследователей-пушкинистов, что вопрос об отголосках в прозе Пушкина романов Клер де Дюрас никогда не ставился; не рассматривалась даже возможность его знакомства с произведениями этой известной в свое время и, безусловно, талантливой романистки¹. Действительно, о чтении Пушкиным романов г-жи Дюрас ничего не известно, даже имя ее поэтом ни разу не было нигде упомянуто.

Вслед за Р. Литглом, приходится признать вполне вероятным, что Пушкин знал первый роман герцогини Дюрас, которому, собственно, она и была обязана своей мгновенной и громкой славой. «Урика» стала литературным бестселлером не только во Франции, но и в России. О читательском успехе романа говорит даже количество русских переводов. Первый был напечатан в 3-й части издававшейся в приложении к журналу «Сын отечества» «Новой библиотеки для чтения» на 1824 год. «...Сия повесть, — сообщал в подстрочном примечании переводчик, подписавшийся «С. В-н», — основанная на истинном происшествии, появилась в Париже в нынешнем году и принята публикою с особенным одобрением. Переделанная в драматическую пьесу, представлена она была на всех парижских театрах, и по сие время журналы не перестают говорить о ней». Параллельно отдельным изданием вышел перевод В. С. Филимонова, известного московского литератора, давнего знакомого П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова и др. В нем текст подвергся некоторым сокращениям и композиционным переменам, возможно, с целью сделать пове-

ствование более динамичным; с другой стороны, давая героям новые, традиционные для сентименталистской повести имена (Эрнест, Элиза, Дельфина), Филимонов на первый план в «Урике» выдвигал именно стихию сентиментального повествования. Наконец, третий перевод был помещен в том же 1824 году в сентябрьских и октябрьском номерах «Дамского журнала». Анонимный переводчик (вероятнее всего, сам издатель, кн. П. И. Шаликов), в кратком примечании говорил об авторе, «женщине, знаменитой сколько своим именем, столько же и умом», и тоже подчеркивал необыкновенный успех книги. Образованное русское общество, впрочем, могло не дожидаться переводов. Уже весной 1824 года в Петербурге был отпечатан новый тираж французского издания (см. прим. 2 к статье Р. Литгла).

Именно успех «Урики» определил то заинтересованное внимание, в том числе и у русских читателей, с каким было встречено следующее произведение Клер де Дюрас. 1 декабря (19 ноября) 1825 года русский путешественник А. И. Тургенев в числе самых животрепещущих политических, театральных и литературных новостей сообщал из Парижа семейству Карамзиных: «Желал бы послать к вам новый роман Дюш<ессы>-Duras "Edouard"; но он еще не продается, а раздается только автором, а я не был еще ей представлен. Это история Урики под другою формою. Влюбленный Эдуард, из сословия адвокатов, любим герцогинею и жертвует взаимною любовью пред-рассудку Сен-Жерменского предместья». Далее Тургенев упоминал, что в Петербурге есть уже два экземпляра нового романа — у жены министра иностранных дел графини Нессельроде и у великой княгини Александры Федоровны². Несколько днями ранее Тургенев сходным образом писал о скором выходе романа «Эдуард» в своем дневнике, ссылаясь также на рецензию из «le Globe»³. В этих тургеневских записях мы видим и живой интерес к сочинительнице, и то, что ее новое произведение «меряется» по «Урике», известной и памятной русскому путешественнику. Добавим еще, что «Эдуарда» Карамзиным Тургенев все-таки послал; этот роман Клер де Дюрас стал последней книгой, которую читал умирающий Карамзин⁴.

Пик популярности «Урики» приходится на 1824 год. Пушкин до середины 1824 года живет в Одессе. Его окружает достаточно избранное и литературно образованное общество; книжные новинки доходят до Одессы немногим позднее Петербурга. Вот почему нам наиболее вероятным временем знакомства Пушкина с «Урикой» представляется не 1827-й, а скорее конец весны — лето 1824 года⁵. Кроме того, мода на «Урику», захватившая на какое-то время рус-

ское читающее общество, вряд ли могла продержаться до 1827 года. Уже в 1828 году в сатирическом очерке В. А. Ушакова можно было прочесть следующий монолог героя, обличающего слепое следование иностранным модам: «Внучек моих назвали Антонинами, Лидиями, Поликсенами, в честь театральных и романических героинь, а что всего несноснее, правнучке моей, родившейся в 1824 году, дали имя... какое! как вы думаете? Ее назвали Урикою, во славу негритянки, описанной в новой французской повести! Я был тогда в деревне. Можете вообразить, как я взбесился, узнав, что благородная отрасль моей фамилии названа языческим именем, заимствованным из пустого романа какой-то дюшессы!»⁶ «Эдуард» не имел такой широкой известности и, пожалуй, способен был лишь оживить у читателя прежний интерес к автору (на титуле русских переводов «Эдуарда» к имени герцогини Дюрас устойчиво продолжали добавлять слова «автор “Урики”»)⁷.

Было бы, конечно, преувеличением утверждать, что первый роман Клер де Дюрас «Урика», произведение достаточно камерное, вполне укладывающееся в традиционные рамки французского женского романа конца XVIII — начала XIX века, мог послужить для Пушкина каким бы то ни было импульсом к работе над «Арапом Петра Великого», многогеройным романом с широким историческим и социальным фоном. Частные же переключки, приведенные профессором Литтлом, кажутся вполне вероятными. Они сходятся в теме женитьбы, понимаемой как ситуация наиболее полной адаптации человека в расово чуждой ему среде. Для г-жи Дюрас эта проблема является центральной, составляет основное содержание романа; в раскрытии ее аналитический психологизм соседствует с общегуманистическим, антиаристократическим в своей основе пафосом. Пушкин скрывает психологическую глубину проблемы за несколькими лаконичными фразами, хотя нам, разумеется, трудно с уверенностью судить, какое место заняла бы тема «черного» происхождения героя в окончательном сюжетном плане пушкинского романа. Так или иначе, если история воспитанной французскими аристократами черной сенегалки, рассказанная г-жой Дюрас, была Пушкину известна, она вполне могла прийти ему на память при работе над «Арапом Петра Великого» и отозваться на страницах романа. Надеемся, что будущие исследования дадут новый материал для более определенного решения столь интересно поставленной профессором Литтлом проблемы.

¹ Русской литературы о Клер де Дюрас почти не существует. Можно указать здесь краткий очерк К. Скальковского в его книге «Женщины-писательницы XIX столетия» (СПб., 1865. Т. I. С. 49—57) и работы И. В. Мешковой: 1) Клер де Дюрас // Проблемы русской и зарубежной литературы. Саратов, 1965. С. 297—322; 2) Традиции французского психологического романа начала XIX в. и Клер де Дюрас // Некоторые вопросы русской и зарубежной литературы. Саратов, 1969. Вып. 3. С. 151—177.

² См.: ПД. Ф. 309. № 4713 в. Л. 55об.—56.

³ См.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.; Л., 1964. С. 359—360.

⁴ См. свидетельства А. И. Тургенева в письмах к В. А. Жуковскому от 17 мая 1826 года (ПД. Ф. 309. № 4713 г. Л. 5об.) и П. А. Вяземскому, И. И. Дмитриеву и С. П. Жихареву от 14 мая 1826 (Архив братьев Тургеневых. Пг., 1821. Вып. 6. С. 29).

⁵ Как нам любезно указал профессор Литтл, в середине декабря 1823 года г-жой Дюрас было отпечатано к Новому году небольшое число подарочных экземпляров романа для друзей. Первое публичное издание «Урики» вышло в Париже в марте 1824 года.

⁶ У<шаков> В. Век нынешний и век минувший // Северная пчела. 1828. № 40, 3 апреля.

⁷ Сокращенный перевод «Эдуарда» был напечатан еще в первые месяцы 1826 года в «Сыне отечества» (Ч. 109. №№ 17 и 18/19); в 1826 году в Петербурге вышло французское издание (см. рецензию на него: Московский телеграф. 1826. Ч. 10. Отд. 1. № 14. С. 169—171); полный русский перевод вышел отдельным изданием в 1827 году в Москве.

О. В. Астафьева

ПУШКИН И КЛИНГЕР

Роман Клингера «Жизнь, деяния и гибель Фауста» не раз привлекал к себе внимание пушкинистов. Впервые о нем упоминает С. М. Бонди в комментариях к «Сценам из рыцарских времен», называя Клингера среди авторов, отождествлявших легендарного Фауста с изобретателем книгопечатания¹. Впоследствии М. Загорский отметил очевидные переклички между сценами «блистательного праздника» у Сатаны из романа Клингера и пушкинскими «Набросками к замыслу о Фаусте», тоже посвященными «балу у Сатаны». Кроме того, он высказал предположение о том, что так называемые «адские рисунки» Пушкина могли быть связаны с чтением этого романа². Эту гипотезу убедительно развила Т. Г. Цявловская, установившая непосредственное соответствие пушкинских рисунков конкретным эпизодам романа Клингера «Жизнь, деяния и гибель Фауста»³. Л. С. Осповат отметил реминисценции из этого романа в «Евгении Онегине»⁴. Думается, что список этот можно расширить.

Нам представляется несомненной еще не отмеченная связь второй сцены «Скупого рыцаря» и одного из эпизодов четвертой книги романа Клингера. Содержание эпизода сводится к следующему. Фауст влюблен в дочь французского дворянина, пригласившего его к себе в гости. Бес открывает Фаусту, что на самом деле его радушный хозяин — страшный скупец, в доме которого редко наедались досыта. То изобилие, которое видит вокруг себя Фауст, оправдано возможностью жульнически обыгрывать его в карты. Дьявол подводит героя к замочной скважине и советует заглянуть в нее: «В подземелье, озаренном слабым светом лампы, Фауст увидел дворянина перед железным сундуком, в котором лежало множество мешков с золотом; он глядел на них нежными глазами, а потом начал ссыпать в пустой мешок деньги, выигранные у Фауста. Предварительно он осматривал

каждую монету, взвешивал ее на ладони, целовал ее, с упоением считал и пересчитывал всю сумму, наконец, печально вздохнул, выяснив, сколько еще не хватает ему для округления суммы. Дьявол шепнул Фаусту: «За недостающие он продаст тебе дочь»⁵.

В романе Клингера это — проходной образ, один из многочисленных примеров власти дьявольских соблазнов над душой смертного. Однако он запомнился Пушкину и спустя годы был использован при создании «Скупого рыцаря». Тяга к богатству также затмевает в душе барона родительские чувства, и по силе она приравнена к любовной страсти. И скудно освещенный подвал, и раскрытые сундуки, полные золота, и склонившийся над ними скупец, любовно осматривающий каждую монету, прежде чем опустить ее в еще неполный сундук, — вполне вероятно, что эти детали восходят к «Фаусту» Клингера. Пушкин познакомился с ним не позднее 1821 года, именно этим временем датируются рисунки, возникшие, скорее всего, под непосредственным впечатлением от чтения «Жизни, деяний и гибели Фауста». Но и в начале 1830 года впечатления от романа были живы в творческом воображении Пушкина, что является свидетельством силы и глубины впечатления, которое произвел этот роман на поэта.

Это позволяет предположить, что на разработку Пушкиным темы Фауста этот роман также мог оказать влияние. Хотя и драматическая форма, и имена героев свидетельствуют, что Пушкин создавал свою «Сцену из Фауста» с сознательной ориентацией на драму Гете, обращение к роману Клингера оказывается плодотворным. Оно помогает преодолеть ограниченность односторонних интерпретаций финала пушкинской «Сцены». Одни исследователи рассматривают приказ Фауста утопить корабль как крайнее проявление человеконенавистничества⁶, другие расценивают его как справедливое наказание зла, поступок, «непосредственно полезный для человечества»⁷. Обратимся к роману «Жизнь, деяния и гибель Фауста», герой которого также берет на себя миссию наказания порока силами ада.

Фауст Клингера — отнюдь не старик, на исходе жизненного пути подводющий итоги и убеждающийся в тщетности затраченных усилий. Его герой не нуждается в услугах ведьмы для омоложения, энергия юности переполняет его. «Фауст находился в это время в полном расцвете сил. Природа отнеслась к нему как к одному из своих любимцев, дала ему прекрасное, сильное тело и значительные, благородные черты лица. Казалось бы, этого достаточно, чтобы добиться счастья на земле, но она дала ему и другие, опасные дары:

неустанно порывающуюся вперед, гордую силу духа, высокое, пламенное чувство сердца и огненное воображение, которое никогда не удовлетворялось настоящим, в самый миг наслаждения замечало пустоту и неполноту достигнутого и властвовало над всеми другими его способностями»⁸. То, что узнал и переживал Фауст в свои юные лета, внушило ему высокое мнение о его собственных способностях, а следовательно, и о нравственном достоинстве человека вообще, иронически замечает Клингер. Однако герой видел, что вокруг торжествуют порок и несправедливость, и не мог понять, отчего это возможно в мире, созданном Богом гармоничным и разумным. Обращаясь к магии, клингеровский Фауст хочет «узнать причину нравственного зла, определить отношение человека к вечному»⁹. Замечательно, что, даже заключая договор с дьяволом, Фауст надеется заставить беса «уверовать в нравственное достоинство человека»¹⁰. Эта вера Фауста в величие человека основана исключительно на представлении о собственных силах и достоинстве. Однако автор уже в начале романа подводит нас к мысли о неоправданности столь высокой самооценки. Фауст уверен, что причины, заставившие его обратиться к магии, исключительно благородны. Но на самом деле немаловажную роль при этом играют и мотивы менее достойные, в которых сам герой не желает признаваться: и горькое безденежье, и оскорбленное честолюбие, и даже вождление.

В отличие от Фауста, гордого своей верой в человека, дьявол убежден во власти сил преисподней над душами смертных и ничтожестве рода людского. Чтобы выиграть спор с Фаустом, Сатана посылает к Фаусту адского слугу со следующим напутствием: «Гони его в жизнь, чтобы он пресытился ею как можно быстрее. <...> Покажи ему дикие, безобразные сцены человеческой жизни, — чтобы за ужасами не мог больше видеть промысла и долготерпения Вечного. <...> Затем открой с адской злобою перед его глазами последствия его деяний и безумия»¹¹. Следуя традиции народной книги о Фаусте, Клингер отправляет своих героев в путешествие. Итоги этих странствий контрастно воспринимаются на фоне обширной традиции романов-путешествий, в ходе которых под воздействием поучительных впечатлений и мудрого руководства наставника юный герой обретает истинное представление о мире, мужает и закаляется его душа. Поскольку выбор впечатлений — во власти наставника, а адский спутник Фауста не скупится на зрелища кровавых злодеяний и коварных измен, герой Клингера, взиравший вокруг через дьявольскую призму, очень скоро уверовал, что мир безвозврат-

но погряз в пороках и насилии. А поскольку Бог не спешит наказывать зло, Фауст начинает чувствовать в себе силы исправить мир, отомстить за незаслуженно униженное человечество. Однако, взяв на себя функцию Всемогущего и Мстящего, он не обладал необходимым для этого всеведением. Решив воспользоваться силой ада для того, чтобы творить праведный суд, Фауст не ведает истинных последствий своих приказаний. В замке жестокого феодала сгорели его ни в чем не повинные жена и сын-младенец, и этот пожар стал причиной многолетнего междоусобия. Под обломками дома, обрушенного по приказу Фауста на головы безжалостных анатомов, оказались погребены невинные жители нижнего этажа. Спасенный от правосудия поборник свободы оказался низким завистником, для удовлетворения чувства мести поднявших опустошительный мятеж. Фауст решил направлять жизнь, не постигая ее смысла, и потому немедленное наказание порока, которого требует герой от беса, лишь множит существующее в мире зло. Драма Фауста, по Клинггеру, состояла в том, что он судил «о всем человечестве на основании своего личного опыта, без мысли о том, что наша собственная душа придает ту или иную окраску этому опыту, что он зависит прежде всего от того, чего мы сами стоим»¹².

Вернемся к пушкинской «Сцене из Фауста». Жестокий и желчный Левиафан (так, вопреки традиции, назвал адского спутника Фауста Клинггер) бесконечно далек от пушкинского Мефистофеля, лукавого и ироничного, и напоминает, скорее, демона из одноименного стихотворения, который также «неистошмой клеветою... провиденье искушал» (II, 299). Однако Фауст Клинггера, одержимый пылким возмущением, которое «в самый миг наслаждения замечало пустоту и неполноту достигнутого», многим близок пушкинскому. Как и герой Клинггера, Фауст у Пушкина использует силы ада для наказания зла, но, как и в романе Клинггера, не ведает действительных результатов своего приказания. Он обрушивает свой гнев на испанское судно, которому Мефистофель дает поистине дьявольскую характеристику, представив его средоточием разврата. Фауст избирает для наказания порока водную стихию, чем уподобляется Всесильному и Мстящему. Однако по тому, с какой готовностью и удовлетворением исчезает Мефистофель, можно предположить, что последствия миссии будут ужасны. Нам представляется убедительным предположение С. А. Фомичева, связывающего приурочивание места действия пушкинской «Сцены» к берегам Голландии с разрушительным наводнением, обрушившимся на эту страну в 1825 году. «Не имел ли в виду Пушкин

это бедствие, когда заканчивал “Сцену из Фауста”? Если так, то приказ Фауста: “Все утопить” (все, т. е., по его разумению, корабль мерзавцев и грабителей, ужасную гримасу цивилизации) — пушкинский Мефистофель наверняка предпочтет понять буквально: все, в том числе и самую трудолюбивую Голландию»¹³. Как и герой Клингера, Фауст у Пушкина нетерпеливо обрушивает свой гнев на проявления порока, лукаво демонстрируемые бесом, но в результате лишь множит несчастья этого мира.

¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Л., 1935. Т. VII. С. 651.

² См.: Загорский М. Пушкин и театр. М.; Л., 1940. С. 328—323.

³ См.: Цявловская Т. Г. «Влюбленный бес» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. III. С. 106—107.

⁴ См.: Осповат Л. С. «Влюбленный бес». Замысел и его трансформация в творчестве Пушкина 1821—1831 гг. // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1986. Т. XII. С. 194.

⁵ Клингер Ф. М. Жизнь, деяния и гибель Фауста. М., 1913. С. 264.

⁶ См.: Макогоненко Г. П. Пушкин и Гете: К истории истолкования пушкинской «Сцены из Фауста» // XVIII век.: Сб. X. Л., 1975. С. 290.

⁷ Бароти Т. Мотивы «смерти» и «сочетания двух миров» в русской романтической лирике и в маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы» // Материалы и сообщения по славяноведению. Т. 14. М., 1981. С. 67.

⁸ Клингер Ф. М. Жизнь, деяния и гибель Фауста. С. 60.

⁹ Там же. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Там же. С. 93.

¹² Там же. С. 330.

¹³ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 140.

Р. Ю. Данилевский

ПУШКИНСКИЕ ТЕМЫ В НЕМЕЦКИХ БАЛЛАДАХ

Открытость русской литературы, черты, роднящие ее с литературами других стран, ее принадлежность к европейской культурной общности особенно остро ощущались в некоторые периоды ее истории. Таким временем была пушкинская эпоха. В 1820—1830-е годы русская культура стала восприниматься в Европе как одна из культур континента, не терявшая, правда, некоторого привкуса экзотичности. Процесс натурализации русской тематики в Германии можно проиллюстрировать двумя забытыми примерами из немецкой поэзии первой половины XIX века.

1

В 1820 году в самой популярной тогда немецкой газете известного издателя И. Ф. Котты «Утренний листок для образованных сословий» («Morgenblatt für gebildete Stände»), на первой странице (с. 1085) номера 271 от 11 ноября появилось не совсем обычное стихотворение под заглавием «Olegs Roß» («Олегов конь»). Анонимный автор предложил вниманию читателей балладу о том, как сбылось странное предсказание некоего языческого жреца, северного друида, который объявил, что властитель погибнет от собственного любимого коня. Имя властителя было Олег. Никаких примечаний к стихотворению в газете не давалось.

Стихотворение было написано трехстопным ямбом, рифмованными четверостишиями-куплетами и выдержано в стиле городской фольклорной баллады об убийстве (так называемый «моритат»), в которой описывалось обычно какое-нибудь необыкновенное и ужасное происшествие; в конце часто добавлялась «мораль», окрашенная

иногда иронией. Литературные имитации таких народных «уличных» баллад были очень распространены в романтическую эпоху.

Едва ли всем читателям было известно, что сюжет баллады взят из древнерусской истории, тем не менее имя киевского князя Олега и летописную легенду о его смерти прочли таким образом многие.

Стихотворение начиналось так:

Es stürzte der Druide,
Als Oleg hoch zu Ross,
Der nimmer Kampfes müde
Des Heeres Reihen schloß.

Перевод этой и последующих строф: «Друид бросился навстречу Олегу, когда этот воин, не знаящий усталости, выехал верхом к своему войску. “Прочь золотую узду из пышной гривы, ибо стремяна ненадежны, еще менее надежны, чем престол. И хотя конь твой пронесит тебя через все невзгоды, ты умрешь из-за него — так поведал тайно дух земли”. Властитель подает знак. Тотчас же конь, скакун, не знавший себе равных, разнудан толпою служителей. И эту добычу своей первой победы властитель отпускает с кротостью прочь, легче было бы ему лишиться меча, что у пояса. В роще друидов скрывает конь свое унижение, а на ее опушке стерегут его пастухи днем и ночью. Вот уже насытился в сутолоке битв меч Олега, и пали все кони, которые несли его в бой. Сражения и победы исчезли, прошли годы; вот уже десять лет, как одиноко бродит по долам Олегов конь. Часто на утренней заре, еще прежде, чем разнесется весть о победе, словно трубы поют ему о новом подвиге героя. Десять лет по долам напрасно ищет конь битву, напрасно хочет найти победителя и победу. Однажды приблизился к ограде, окружившей место смерти коня, герой, с трудом отыскав путь, и спросил о нем».

Und sich die Priester weisen
Ihm moderndes Gebein.
«Ha, Königsglück zu preisen;
Die Drohung traf nicht ein!»

Und mit vermessenem Tritte
Rührt er den Schädel an;
Da schnell aus seiner Mitte
Zuckt einer Viper Zahn —

Er sinkt mit bleichen Wangen
Auf seine Grabenflur —

«И жрецы указали ему на истлевающие кости. “Га, слава моему воинскому счастью; угроза оказалась ложной!” И дерзким пинком ударяет он череп; но изнутри внезапно вырывается гадюка, раскрывши пасть, — щеки его бледнеют, и он опускается на луг, на свой смертный одр, — коварные змеи таятся не только среди роз».

Источником сюжета явилась несомненно «Повесть временных лет», изданная в переводе знаменитого А. Л. Шлецера в Геттингене в 1802—1809 годах под названием «Нестор». Шлецеровский «Нестор» был известен образованным немцам¹, и, быть может, поэтому редакция «Утреннего листка» сочла необязательным комментарий к балладе.

До появления «Песни о вещем Олеге» Пушкина оставалось еще около двух лет. Независимо от того, знал ли русский поэт об обработке этого же сюжета в Германии, обращение двух авторов почти одновременно в двух странах к сказанию о смерти Олега говорит об эстетической значимости сюжета. Нет необходимости объяснять, что легенда в обоих случаях была воспринята по-разному. Неизвестный немецкий автор увидел в ней не больше, чем выразительный исторический анекдот. Пушкин передал эпическую героиню времен древнего Киева. Качество стихов едва ли сравнимо. И все же примечательно, что оба стихотворения относятся к жанру романтической баллады.

2

Второй пример имеет непосредственное отношение к биографии Пушкина. Речь идет о забытом стихотворении на его смерть. Оно озаглавлено «Погребение Пушкина» («Puschkins Bestattung») и написано размером, близким к метру баллады И. В. Гете «Лесной царь», т. е. четырехстопными амфибрахиями с паузой посередине, или, иначе говоря, — трехдольным паузником. Амфибрахические размеры вообще были употребительными в немецкой балладе, от которой перешли и в русскую поэзию — благодаря, по-видимому, В. А. Жуковскому. Так Жуковский перевел «Лесного царя», почти так же построил Пушкин свою «Песнь о вещем Олеге». И метр, и вся стилистика немецкого стихотворения выдержаны в традициях романтизма:

Die Straßen so voll, der Himmel so düster,
Die Rappen entführen den Schlitten im Flug;
Wild flattern die Mähnen, heiß dampfen die Nüster,
Es folgen vermummte Reiter dem Zug.
Sie fliegen gleich sturmenden Wolken so schnelle,
Es lodern die Fackeln, die roten so helle!
Du Stadt der Freude, du Stadt der Pracht,
Du Zarenstadt, gute Nacht, gute Nacht!

В переводе: «Улицы полны народа, небо сумрачно, воронье кони стремительно уносят сани; дико развеваются гривы, жарко дышат ноздри, закутанные всадники сопровождают поезд. Быстро, словно тучи в бурю, мчатся они, факелы пылают красные ярким огнем! О град веселия, о град роскоши, о град царей, прощай, прощай!»

Дальше в стихотворении говорится: «Кого же везут кони, кого сопровождают всадники? Кого скрывает черный покров в санях? Это, о Россия! твой самый благородный воитель, твой самый прекрасный певец, орел твой и царь! Так падает кедр, расколотый молнией, так гибнет цвет, оборванный бурей! О жизнь, что несла счастье и славу, о ты, полная песен, прощай, прощай!»

Вот уже вынеслись кони в вольное поле, серебряный ковер, сверкающая, покрывает путь, и в сиянии смотрят с небосвода спокойно и мирно месяц и звезды. Верно, вглядываются вниз, словно бы спрашивая, кого же несут там быстрые кони. О месяц, ты, который нередко бодрствовал вместе с певцом, о звезды-друзья, прощайте, прощайте!

Поле спит, за темной изгородью не шевельнется зверь, не встретится олень; чуть хрустят ледяные мостки на дороге, чуть взметают снег легкие копыта. Пролетают мимо, как ночные сны, молчаливые хаты, вздыхающие деревья! О поле, о лес с веселою ловлей, о хаты, о деревья, прощайте, прощайте!»

Und sturmeschnell weiter hinsausen die Renner,
Hoch flammen die Fackeln so blutig, so rot!
In eiliger Hast nachsprengen die Männer,
Als hetzten sie weiter den flüchtigen Tod, —
Vorbei am Gehöfte, vorbei an drei Fichten,
Da liebte der Sänger zu denken, zu dichten!
Du friedliche Heimat, voll liebendar Macht,
Ihr Lieblingsräume, gute Nacht, gute Nacht!

«И вихрем несутся дальше скакуны, высоко полыхают факелы кроваво-красным огнем! Бешено спешат вскачь всадники, словно

пытаясь настигнуть убегающую смерть, — мимо усадьбы, мимо трех сосен, где любил певец размышлять и творить! О мирная родина, полная любящей силы, о милые просторы, прощайте, прощайте!

Чу, чу! звонит маленький колокол так ужасающе звонко! Всадники останавливаются и вот уже спешились. В одинокой деревне церквушка стоит, здесь, по желанию певца, вырыли ему могилу. Факелы гаснут, омоченные слезами, — сына погребают рядом с его матерью. О верные друзья, ныне свершилось, о жена и дети, прощайте, прощайте!»

Стихотворение не лишено поэтических достоинств. Акцентный стих и рефрен «*gute Nacht, gute Nacht!*», которым оканчивается каждая строфа, помогают передать неистовую ночную скачку. Явственна здесь школа стиха Гете и еще, может быть, более — традиция баллады Г. А. Бюргера «Ленора»; отсюда заимствована даже рифма. Именно влиянием «Леноры» можно объяснить удивительное, на первый взгляд, умение автора угадать любимые пушкинские темы зимней дороги, таинственных ночных пространств, навевающих печаль. Соответствующая пушкинская лирика была переведена на немецкий много лет спустя, и автор не мог знать ее непосредственно, да и писали о ней в Германии сравнительно мало². Зато «Ленора» заметно подействовала как на немецкую романтическую балладу, так и на русскую поэзию пушкинской эпохи и этим создала предпосылки для их взаимопонимания.

Но имелся и конкретный источник, откуда автор почерпнул некоторые детали и черты своего стихотворения. Это был, по всей вероятности, очерк Роберта Липперта «Последние мгновения жизни Пушкина» («*Die letzten Augenblicke Puschkins*»), помещенный в конце второго тома переведенных Липпертом пушкинских произведений³. В очерке, проникнутом большой любовью к русскому поэту, приводилось письмо Жуковского к С. Л. Пушкину, где было описано, как мы знаем, отпевание поэта, и — что в нашем случае самое важное — Липперт прибавил к письму полстраницы с описанием (вероятно, со слов А. И. Тургенева) погребения Пушкина в Святогорском монастыре. Там говорилось и о желании поэта быть похороненным возле гроба матери, и о том, как тело везли «мимо его осиротелого сельского жилища, мимо тех самых любимых его трех сосен (*Lieblingsfichten*), которые он еще недавно воспел»⁴. Обстановка ночной езды была подсказана последними строками письма Жуковского, где не был забыт свет месяца. Остальное воссоздала богатая фантазия автора, живописность которой объяснялась тем, что он был профессиональным художником.

Автором рассматриваемого стихотворения является Генрих Франц Гауденс фон Рустиге (11 апреля 1810 — 15 января 1900), обычно именовавшийся просто Генрих Рустиге (Rustige), ученик И. Г. Шадова, живописец, график, критик и теоретик живописи, в течение полувека профессор школы искусств и куратор художественной галереи в Штутгарте. В своих работах Рустиге сочетал жанровую и историческую живопись, не чуждался литературности⁵ и не пренебрегал, как кажется, внешними эффектами. Его картины находятся во многих музеях мира; одна из них была куплена в петербургский Эрмитаж. Кстати, среди работ Рустиге можно найти картину, ситуация которой напоминает сюжет стихотворения о Пушкине, — «Перевоз тела Оттона III через Альпы».

Рустиге был также в свое время довольно известным драматургом и стихотворцем, тексты которого пользовались вниманием композиторов. В 1845 году в Штутгарте был издан сборник его стихов, и, хотя составителю настоящей заметки не удалось найти это издание, надо полагать, в него вошло и «Погребение Пушкина», известное нам лишь в списке. Стихотворение могло возникнуть, как видно из всего сказанного выше, между 1840 и 1845 годами.

Как мог заметить читатель, в стихотворении Рустиге очень сказался художник, внимательный к цвету и свету, а также и одаренный поэт, пусть не чуждый некоторой подражательности, но главное — человек, понимавший значение Пушкина.

¹ См.: *Mühlpfordt G. August Ludwig Schlözer, 1735—1809 // Wegbereiter der deutsch-slavischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1983. S. 133—156.*

² Правда, «Зимняя дорога» была переложена в 1843 году, в пражском журнале «Ost und West», но ее переводчик В. фон Вальдбрюль не принадлежал к числу известных. Основные переводы были сделаны во второй половине XIX века (см.: *Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820—1870). Berlin, 1964. S. 77, 123—125).*

³ *Alexander Puschkins Dichtungen / Aus dem Russischen übersetzt von Dr. Robert Lippert. Leipzig, 1840. Bd 2. S. 243—260.*

⁴ *Ibid. S. 259—260.* О. Р. Липперте см.: *Алексеев М. П. Пушкин и Запад // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 296—297. Об откликах в Германии на смерть Пушкина см.: Там же. С. 283—296.*

⁵ Один из принципов Г. Рустиге — «искусство рождается в поэзии» (см.: *Rustige H. Prof. Das Poetische in der bildenden Kunst. Stuttgart, 1876. S. 8—9).*

С. И. Николаев

ОБ ЭПИГРАММЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА НА АВСТРИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Среди черновиков и набросков К. Ф. Рылеева, относящихся к 1822—1824 годам, сохранилась эпиграмма, впервые опубликованная в 1871 году:

Весь мир великостию духа
Сей император удивил:
Он неприятель мухам был,
А неприятелям был муха.¹

В автографе у эпиграммы заглавия нет, но в ряде изданий она снабжена редакторским названием «Эпиграмма на австрийского императора» либо печатается без заглавия². Однако все комментаторы сходятся в одном: эпиграмма Рылеева — его отклик на помилование австрийским императором Францем I итальянского писателя Сильвио Пеллико, приговоренного за участие в движении карбонариев к смертной казни, которая была заменена в 1822 году длительным тюремным заключением. Франц I был неудачливым полководцем (неоднократно терпел поражения от Наполеона), а к старости приобрел манию бить мух³. Совокупность этих фактов и позволила датировать эпиграмму 1822 годом, причем некоторые издатели предлагают эту дату как безусловную.

В комментариях не уточняется, что у четверостишия Рылеева есть вполне вероятный источник — «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова, неоднократно издававшаяся классическая русская риторика. Седьмую главу Ломоносов посвятил «изобретению витиеватых речей», «которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями»⁴, т. е. тому, что и составляет пуант эпиграммы. Среди многочисленных способов «изобретения» Ломоносов называет и такой, при котором «противные и несходственные вещи рождают витиеватые речи», в частности, «когда одно

Ломоносов называет и такой, при котором «противные и несходственные вещи рождают витиеватые речи», в частности, «когда одно противное или несходственное к другому относится или на оное переменяется». Это положение Ломоносов иллюстрирует следующим примером: «И о Домициане, кесаре, сказано, что он был неприятель мухам, а неприятелям муха»⁵. В комментариях к этому месту обычно дается ссылка на жизнеописание Домициана у Светония⁶. Это вряд ли справедливо. Курсив в ломоносовской фразе, предваряемый словом «сказано», подразумевает цитату, между тем никакой игры слов или остроты у Светония нет⁷. Источник остроты совсем иной.

В 1972 году П. Левин в книге о польской традиции в русских курсах поэтики XVIII века указала неизвестный ранее источник «Риторики» Ломоносова — пособие по риторике «Начинающий оратор» польского автора Михаила Радау (ок. 1616—1687)⁸. Именно в этой книжке, которая с 1640-го по 1741 год была издана 25 раз, обнаружен оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима...», которое перевел Ломоносов и ошибочно усвоил его Марциалу⁹. Во втором издании книжки Радау (Амстердам, 1655) оригинал стихотворения «На белых волосах у Аппия зима...» напечатан на странице 51, а несколькими страницами ранее (с. 45) автор, рассматривая способ изобретения острых мыслей, приводит следующий пример, иллюстрирующий такой способ, при котором «великой вещи приписывается незначительность, а драгоценной — малоценность»: «*Sic de Domitiano muscis quotidie mactante dictum: Hostis fuit muscis, hostibus musca*»¹⁰, т. е. «Так, о Домициане, каждый день убивавшем мух, сказано: он враг был мухам, врагам — муха». Радау не указал, кому принадлежит это речение. Поскольку «*Thesaurus linguae latinae*» не фиксирует этого употребления, можно предположить, что мы имеем дело не с классической латынью, а с новолатинским сочинением. Важно другое — две цитаты из Радау в «Риторике» Ломоносова позволяют безусловно включить «Начинающего оратора» в круг источников Ломоносова.

Обратимся вновь к эпиграмме Рылеева. Нетрудно заметить, что ее второе двустишие — почти дословная цитата из риторики Ломоносова; отсюда следует, что ненавистником мух был не Франц I, а римский император Домициан. Это вполне понятно, поскольку неизвестно, насколько Рылеев и его современники были осведомлены о мании австрийского императора (который пережил русского поэта на десять лет), между тем как о страсти к уничтожению мух Доми-

циана было известно не только из оригинала и русских переводов Светония, но и из различных учебных курсов. В России еще в начале XVIII века об этом упоминает Феофан Прокопович как о чем-то хрестоматийно известном¹¹.

Нельзя исключать, разумеется, возможность того, что эпиграмма Рылеева направлена на австрийского императора. Цитируя Ломоносова, Рылеев уподобляет Франца I тирану Домициану, безжалостному к мухам, но часто бессильному против войск неприятелей и павшему от рук заговорщиков. Иронизируя над «великодушием» Франца I, Рылеев предрекал и ему не менее бесславный конец. Однако ломоносовский источник допускает и другую интерпретацию: Рылеев просто изложил в эпиграмматической форме запомнившийся риторический пример. В этом случае эпиграмма теряет свою политическую злободневность, но приобретает большую внутреннюю логику.

¹ Рус. старина. 1871. № 1. С. 101.

² См.: Рылеев К. Ф. 1) Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 87, 409; 2) Соч. Л., 1987. С. 64, 359; Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 345, 778; Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.). Л., 1988. С. 281, 611.

³ См.: Рус. старина. 1870. № 1. С. 344.

⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.: Л., 1952. Т. 7. С. 204.

⁵ Там же. С. 217, 218.

⁶ См.: Ломоносов М. В. 1) Соч. СПб., 1895. Т. 3. Примеч. С. 435—436 (приведен текст Светония на латинском языке); 2) Полн. собр. соч. Т. 7. С. 825.

⁷ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 211.

⁸ См.: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 116—117. Ср.: Lewin P. Teoria akuminu w estetycznej świadomości wschodniej Słowiańszczyzny XVII—XVIII wieku a traktat Sarbiewskiego // Literatura staropolska i jej związki europejskie. Wrocław, 1973. S. 322—323.

⁹ См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 207—208, 824. К сожалению, находка П. Левин не учтена в кн.: Ломоносов М. В. Избр. произведения. Л., 1986. С. 455. Здесь источником эпиграммы назван Марциал.

¹⁰ Radau M. Orator extemporaneus seu artis oratoriae breviarum bi partitum. Amsterdam, 1655. P. 45.

¹¹ См.: Feofan Prokopovič. De arte rhetorica libri X / Hrsg. von R. Lachmann.

И. В. Немировский

О ДУБИАЛЬНОСТИ СТИХОТВОРЕНИЯ «<РЕФУТАЦИЯ ГОСПОДИНА БЕРАНЖЕРА>»

Стихотворение, озаглавленное в Большом академическом собрании сочинений Пушкина как «<Рефутация господина Беранжера>», было определено как «положительно не пушкинское» еще П. В. Анненковым¹. Эту точку зрения разделил Н. В. Гербель, так много сделавший для переатрибуции произведений, ошибочно приписываемых Пушкину². Поэтому ни в первое, ни во второе пушкинское собрание «<Рефутация...>» не вошла.

В 1861 году В. П. Гаевский опубликовал протокол лицейского заседания от 19 октября 1828 года, писанный рукою Пушкина, где, в частности, упоминалось: «Пропели рефутацию Беранжеру»³. Здесь же Гаевский привел список стихотворения, которое было исполнено лицеистами как «Рефутация Беранжеру» (в действительности стихотворение явилось ответом (рефутацией) не П.-Ж. Беранже, а другому французскому поэту-песеннику, Эмилю Дебро (Emile Debraux 1788—1831), на его стихотворение «T'en souviens-tu, disait un capitaine...»). Список, приведенный Гаевским, не был пушкинским автографом и не включал в себя никаких указаний на пушкинское авторство стихотворения. То обстоятельство, что «Рефутацию...» пропели хором на лицейской сходке, конечно, автоматически не свидетельствует в пользу пушкинского авторства, поскольку здесь исполнялись песни разнообразного, в том числе и коллективного сочинения.

Пение стихотворения «хором» свидетельствует только о его распространенности среди лицеистов. На распространенность «Рефутации...» в русском обществе второй половины 20-х годов указывают также наличие копии стихотворения в известной тетради Каверина—Щербинина⁴ и, как установил Б. В. Томашевский, ноты

соответствующей мелодии, расхивившиеся вместе со списками⁵.

Хотя первый публикатор стихотворения, Гаевский, не привел никаких аргументов в пользу пушкинского авторства «<Рефутации...>», издатели собраний сочинений поэта, начиная с Г. Н. Геннади, стали включать его в основной корпус. Между тем автограф так и не был найден, а списки, как появившиеся в печати, так и входившие в различные рукописные сборники, никаких помет, указывающих на авторство Пушкина, не содержали.

Бытовавшее среди издателей отношение к «<Рефутации...>» как к пушкинскому стихотворению, можно было бы считать недоразумением (вызванным, например, тем, что Геннади и П. А. Ефремов посчитали список Гаевского автографом Пушкина). И так, это могло быть просто не столь уж редким в профессиональной среде предрассудком, если бы не прозвучавшее в конце 50-х годов, в ответ на публикации Анненкова и Гербеля, мнение П. А. Вяземского, утверждавшего, что «<Рефутация...>» написана все-таки Пушкиным⁶. И это был первый серьезный аргумент в пользу пушкинского авторства.

Конечно, насколько точка зрения Вяземского является лишь косвенно подтверждающей авторство Пушкина, настолько не прямыми доказательствами противного являются утверждения Анненкова и Гербеля. Решающие аргументы в таких случаях дает текстология. Обращение же к ней показывает следующее: при отсутствии автографа существует значительное количество списков стихотворения, из которых Академическое собрание сочинений выделяет десять в качестве источников текста «<Рефутации>» (III, 1152).

Анализ существующих источников (вернее, доступных нам; часть из списков, указанных в Полном собрании сочинений, обнаружить не удалось) показывает, что они не сводятся к единому инварианту. Выделяются по крайней мере три варианта текста: копии Щербинина—Каверина; Гаевского и Г. С. Чирикова⁷.

По поводу этого М. А. Цявловский (текстологическая заметка к стихотворению в Полном собрании сочинений подписана его инициалами «М. Ц.») хладнокровно заметил: «Сохранившиеся тексты воспроизводят, надо полагать, записи по памяти, чем объясняется большое количество разночтений. Этих разночтений не даем» (III, 1152).

В примечании к публикации лицейского протокола от 19 октября 1828 года Цявловский был еще определеннее, заметив, что «канонического текста стихотворения не существует»⁸. Продолжая эту

мысль, неминуемо приходим к выводу о том, что М. А. Цявловский потому и опустил многочисленные разночтения между списками стихотворения (объявленными им самим источниками текста!), что количество этих различий и их характер указывал на пушкинское происхождение самого стихотворения.

Можно определенно утверждать, что современники «<Рефутации...>» не относились к нему как к пушкинскому тексту. Об этом свидетельствует, помимо отсутствия владельческих помет об авторстве Пушкина, слишком смелое вторжение в текст переписчиков списков.

Поясним нашу мысль следующими соображениями: известно всего лишь 11 пушкинских стихотворений, имеющих равное или большее количество списков, чем «<Рефутация...>»⁹, но ни одному из этих стихотворений не соответствует такое количество разночтений. Отсутствие автографа и большое количество списков (значительно превышающее количество списков «<Рефутации...>») имеется у стихотворения «Во глубине сибирских руд...». Однако сравнение списков послания не оставляет сомнений в том, что многочисленные переписчики его ориентировались на некий авторитетный прототип, которым, по всей вероятности, был список, принадлежавший И. И. Пущину. Это пример отношения к тексту как к «пушкинскому». Списки «<Рефутации...>» — яркий пример другого отношения. Те из них, которые можно уверенно датировать до 1861 года (т. е. собственно Гаевского, Чирикова и Каверина) сделаны со слуха или с разных источников: единообразие в копиях начинается только после публикации Геннади. Вступает в действие механизм отношения к тексту как написанному Пушкиным.

В 1955 году вышло первое послесталинское научное издание лирики Пушкина — 1-й том трехтомника в «Библиотеке поэта» (Большая серия). Составитель и комментатор тома лирики Б. В. Томашевский не включил «<Рефутацию...>» в корпус пушкинских стихотворений. К сожалению, ученый не оставил никакого объяснения этому нетривиальному обстоятельству. Оно и осталось незамеченным.

Несводимость различных вариантов «<Рефутации...>» к единому инварианту есть косвенный, но весьма серьезный аргумент против авторства Пушкина. Однако при возможной переатрибуции стихотворения следовало бы принять во внимание еще и следующее обстоятельство. М. А. Цявловский справедливо, на наш взгляд, датирует стихотворение концом 1827 года на том основании, что более

раннего списка, чем копия «<Рефутации...>» Каверина—Щербинина не существует. Видимо, 1828 год и стал временем активного распространения стихотворения в обществе, естественно, вне всякой цензуры. Судя по тому, что Пушкин с «хором» исполнил «<Рефутацию...>» на встрече лицейстов 19 октября 1828 года, он сам способствовал его неподцензурному распространению.

Между тем ситуация 1828 года абсолютно исключала подобную возможность. Именно в этот период, несмотря на внешнее улучшение отношений поэта с властью, был особенно ужесточен цензурный и полицейский надзор над Пушкиным.

Как известно, император Николай I выразил желание стать цензором поэта. Пушкин понял это как возможность обращаться к императору только в тех случаях, когда его произведения задерживаются обычной цензурой; для А. Х. Бенкендорфа, который на деле осуществлял цензуру пушкинских произведений с помощью «верных» и, между прочим, до сего времени загадочных литературных консультантов, — для Бенкендорфа «высочайшая цензура» подразумевала просмотр абсолютно всего того, что поэт предназначал как для печати, так и для любого обнародования. В конце 1826 года Пушкин получает один выговор за другим: за попытку опубликовать стихотворения (прошедшие цензуру) без ведома III отделения, за публичное чтение «Бориса Годунова». А. Х. Бенкендорф сформулировал свое понимание взаимоотношений поэта с цензурой следующим образом: «...дабы вы <Пушкин. — И. Н.>, в случае каких-либо новых литературных произведений ваших, до напечатания или до распространения оных в рукописи, представляли бы предварительно о рассмотрении оных или через посредство мое, или даже и прямо, его императорскому величеству» (XIII, 307). Получив от Пушкина (9 декабря 1826 года) на предмет прочтения «Бориса Годунова», Бенкендорф не преминул напомнить о присылке «на сей же предмет все и мелкие труды блистательного вашего пера» (XIII, 312). А в мае (3 мая 1827 года), давая Пушкину разрешение приехать в Санкт-Петербург, Бенкендорф с присущей ему вежливостью напоминал поэту: «Его величество <...> не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будет в полном смысле сдержано» (XIII, 329).

В августе 1827 года, возвращая Пушкину среди прочих произведений, отданных на высочайшее цензурирование, «Графа Нулина», Бенкендорф отметил два стиха, «которые его величество желает ви-

деть измененными: а именно следующие: “Порою с барином шалит” и “Коснуться хочет одеяла”» (XIII, 338).

Императора волновали отнюдь не только явные или скрытые политические мотивы в пушкинских произведениях. «Благородное и пристойное» поведение, к которому Бенкендорф призывал Пушкина, фактически исключало возможность одобрения «<Рефутации...>» официальной цензурой, а без такового Пушкин не решился бы его распространять.

Никогда надзор за творчеством и личной жизнью Пушкина не был так жесток, как в 1827—1828 годы. Помимо неприятностей с вновь написанными произведениями, начиналось дело о «Гаврииладе» и о стихотворении «<Андрей Шенье>». Неблагодарное внимание жандармов привлекают и опубликованные произведения. Так, в издании «Цыган» Бенкендорфа «пугает» двусмысленная, с его точки зрения, виньетка.

Жандармские донесения сопровождают публичные мероприятия, в которых принимает участие поэт. Пушкин чувствовал глубокое недоверие правительства и делал все возможное, чтобы его преодолеть. Анализ идейной позиции поэта в 1827 году увел бы нас далеко за рамки настоящей работы, заметим только, что никогда ранее Пушкин не был так осторожен и осмотрителен, как в 1827—1828 годах¹⁰. Вот почему несанкционированное распространение «<Рефутации...>» в это время представляется нам невозможным.

Об этом свидетельствует характер бытования списков пушкинских произведений этого периода в обществе: то, что не проходит цензуру или, как стихотворение «Друзьям», не получает официального разрешения на хождение в списках, долго ждет своего часа. Так, программное стихотворение Пушкина «после возвращения» — «Арион» — было опубликовано только в 1830 году. К числу исключений традиция относит распространение стихотворения «Во глубине сибирских руд...», поскольку, как считается, Пушкин передал его А. Г. Муравьевой именно в начале 1827 года. Вместе с тем ни один из списков послания определенно не относится к этому периоду, все они значительно более позднего происхождения. Что, конечно, не ставит под сомнение авторство Пушкина (автограф послания отсутствует), но определенно указывает на то, что сам Пушкин стихотворение «Во глубине сибирских руд...» в интересующий нас период не распространял.

Все вышесказанное дает, как кажется, основание вывести «<Рефутацию господина Беранжера>» из числа основных, бесспорно при-

надлежащих Пушкину, произведений и перевести стихотворение в разряд дубиальных.

Почему все-таки дубиальных? Потому что свидетельство Вяземского остается хотя и не бесспорным, но все-таки таким аргументом в пользу авторства Пушкина, на котором следует особо остановиться.

К середине 50-х годов, т. е. к тому времени, к которому относится это свидетельство, в русской литературе сложилась определенная традиция пародирования — перефразирования стихотворения Э. Дебро «T'en souviens-tu, disait un capitaine...». Кроме известного произведения Курочкина¹¹, можно назвать пародию С. Н. Голицына¹² и стихотворение самого Вяземского¹³. Причем, как это следует из авторского предисловия к публикации Голицына, на форму его пародии повлиял Вяземский. L 61

Именно Вяземский, как в 1827 году, так и позднее, испытывал глубокий интерес к французским поэтам-песенникам, использовал форму куплета в своей поэзии¹⁴. И наконец, один из ранних (до публикации Гаевского) списков «<Рефутации...>» имеет помету переписчика: «Стихотворение это написано не Пушкиным: его приписывают князю Вяземскому»¹⁵. Все это позволяет допустить, что последний имел к созданию стихотворения какое-то отношение. Возможно, перед нами плод коллективного сочинения. Нельзя не учесть также тенденциозность Вяземского, выступившего в годы Крымской войны с рядом антифранцузских стихотворений¹⁶. В этих условиях, как можно предположить, ему было важно настоять на пушкинском авторстве такого злободневного для середины 50-х годов сочинения, каким выглядела тогда «<Рефутация...>». А возможно, пожилому поэту просто изменила память. L 61

¹ См.: Гербель Н. В. Сочинения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание сочинений. Берлин, 1861. С. X.

² Там же. С. VIII—XIII. Гербель отвел авторство Пушкина от двадцати произведений и оказался прав в девятнадцати случаях; исключение могло бы составить только стихотворение «<Рефутация...>».

³ Гаевский В. П. Празднование лицейских годовщин в Пушкинское время // Отч. записки. 1861. № 1. С. 36. См. также: Рукою Пушкина. Л., 1935. С. 735.

⁴ См.: Щербачев Ю. М. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М. 1912. С. 127—128. Указание на авторство Пушкина отсутствует.

⁵ Томашевский Б. В. Заметки о Пушкине: Рефутация Беранжера // Пушкин и его современники. Вып. XXXV]. Л., 1928. С. 119—122. L 11

⁶ См.: Старина и новизна. М., 1904. Т. VIII. С. 33.

⁷ См.: *Чириков Г. С.* Заметки на новое издание сочинений Пушкина // Рус. архив. 1881. № 1. С. 201—202.

⁸ Рукою Пушкина. С. 733.

⁹ А именно: «<На Стурдзу>» («Холоп венчанного солдата...») (1819); «<На князя А. Н. Голицына>» («Вот Хвостовой покровитель...») (1819)—15; «Ты и я» (1819)—10; «<К портрету Чедаева>» (1820)—13; «Десятая заповедь» (1821)—27; «Накажи, святой угодник...» (1822)—12; «Во глубине сибирских руд...» (1827)—23; «На картинки к “Евгению Онегину” в “Невском альманахе”» (1829)—11; «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1830)—13; «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...» (1832)—11; «<Мирская власть>» (1836)—10.

¹⁰ См.: *Немировский И. В.* Декабрист или сервилист?: (Биографический контекст стихотворения «Арион») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995. С. 184—185.

¹¹ См.: *Курочкин В. С.* «Ты помнишь ли, читатель благосклонный» // Поэты «Искры». Л., 1939. (Б-ка поэта. Малая сер.) С. 79—80. См. также: Там же. С. 462—465 (примечания).

¹² *Голицын А. С.* Песнь, петая русским гренадером в Париже французскому нищему ветерану в ответ «Т'en souviens-tu». Ленчиц, 1849. (Отд. изд.) В сопроводительной рукописной записке Н. Н. Голицына, передавшего это раритетное издание в Публичную библиотеку в 1870 году, сказано, что список стихотворения Голицына имелся у С. А. Соболевского. См. об этом: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 675; Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1870. СПб. 1971. С. 134. Об А. С. Голицыне (1789—1858) см: *Голицын Н. Н.* Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Киев, 1880. С. 143—144.

¹³ *Вяземский П. А.* «У вас, господ, из шайки Бонапарта» // Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1887. Т. 11. С. 115—116.

¹⁴ См. об этом: *Гинзбург Л. Я.* П. А. Вяземский [Вступит. ст.] // Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 35—37.

¹⁵ ПД. Ф. 244. Оп. 8. № 63. Л. 27 об.

¹⁶ О тенденциозности позднего Вяземского в освещении событий пушкинской эпохи см.: *Мироненко М. П.* Переписка П. А. Вяземского и П. И. Бартенева // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 48—57.

И. С. Чистова

**О СТИХОТВОРЕНИИ
«<К ПОРТРЕТУ МОЛОСТВОВА>»
(К вопросу об авторстве)**

У Пушкина есть серия небольших стихотворений, написанных в жанре надписи, восходящей к античной эпиграмме; среди них — несколько надписей к портрету. По крайней мере две из них, написанные Пушкиным в год окончания Лицея или сразу по выходе из него, посвящены приятелям поэта — офицерам расквартированного в Царском Селе лейб-гвардии Гусарского полка. Это стихи, обращенные к Каверину и Чаадаеву. Напомним некоторые факты, касающиеся источников текста этих стихотворений. Стихи «<К портрету Каверина>» («В нем пунша и войны кипит всегдашний жар...») дошли до нас в ряде копий, в том числе в печатном воспроизведении копии самого Каверина; существовала и запись, сделанная неизвестной рукой на обороте карандашного портрета Каверина, находившегося в архиве адресата (утрачен вместе с каверинской тетрадь). Автограф не сохранился, но, по свидетельству Каверина, был ему передан автором¹. Не сохранился и автограф стихотворения «<К портрету Чаадаева>» («Он вышней волею небес»); по легенде, стихи были написаны Пушкиным собственноручно под портретом Чаадаева (портрет этот не сохранился), изображавшим последнего, по воспоминаниям Жихарева, «в великолепных каштановых кудрях, самих собою вьющихся, в мундире Ахтырского гусарского полка»², где Чаадаев служил до своего вступления в лейб-гвардии Гусарский полк. Самого портрета с автографом Пушкина Жихарев никогда не видел и не знал о его местонахождении, но располагал хорошей копией с него. Текст стихов «<К портрету Чаадаева>» стал известен благодаря значительному числу копий в рукописных сборниках

и ряду публикаций, среди которых и названная выше публикация в «Вестнике Европы».

Несмотря на отсутствие автографов, принадлежность Пушкину стихов «<К портрету Каверина>» и «<К портрету Чаадаева>» никогда ни у кого не вызывала сомнений — и прежде всего именно в силу высокой степени авторитетности источников текста.

В первом томе собраний сочинений Пушкина публикуется еще одна надпись к портрету, по своему характеру примыкающая к названным выше стихам, — четверостишие «<К портрету Молостова>». Помещается оно в отделе «Dubia» — за исключением первого тома академического издания собрания сочинений Пушкина (1900 г. 2-е изд., где, по решению Л. Н. Майкова, опубликовано в основном корпусе) и собрания сочинений под редакцией П. О. Морозова³. Источник, по которому публиковалось стихотворение, во всех существующих изданиях один и тот же — запись на обороте портрета-миниатюры П. Х. Молостова (ныне хранится в коллекции музея Пушкинского Дома, инв. № 4007), опубликованная переводчиком, журналистом, сотрудником рижских и казанских периодических изданий (в прошлом морским офицером) Н. Г. Молостовым в 1898 году в качестве автографа поэта. По преданию, сохранившемуся в семье потомков П. Х. Молостова (к их числу принадлежал и Н. Г. Молостов), история дружбы поэта с адресатом, одним из проявлений которой и стала надпись к портрету последнего, выглядит следующим образом. В 1816—1817 годах Пушкин и П. Х. Молостов⁴, находясь в Царском Селе, виделись особенно часто; впоследствии их отношения поддерживались встречами в петербургском доме Молостова на Сергиевской, где приятели принимались свободно, по-холостяцки, и перепиской. У племянника П. Х. Молостова, сына его брата и сослуживца по полку Тавриона, В. Т. Молостова (по домашней традиции, тоже гусарского офицера), хранились письма Пушкина, сгоревшие во время пожара в его имении в селе Никольском в 1840 году⁵. У В. Т. Молостова же хранился и портрет дядюшки, с написанными на обороте стихами Пушкина, ему посвященными. Стихи эти Пушкин сочинил в период своего наиболее тесного дружеского общения с Молостовым, скорее всего, в Петербурге, во время одного из визитов к своему приятелю-гусару⁶.

Л. Н. Майков счел свидетельство Н. Г. Молостова достаточным для того, чтобы напечатать сообщенный им текст в числе стихов, безусловно Пушкину принадлежащих. Видел ли он самую надпись на портрете, остается неясным; скорее всего, он все-таки не держал в

руках миниатюру, изображавшую Молостова; в противном случае он не принял бы запись на ее обороте за пушкинский автограф. Рука, сделавшая эту запись, не имеет ничего общего с рукою Пушкина. Ефремов, Венгеров, Лернер, по всей вероятности имевшие доступ к портрету Молостова, категорически исключили версию о пушкинском автографе (в третьем томе академического издания собраний сочинений поэта интересующая нас запись названа апокрифической)⁷ и тем самым навсегда закрепили за стихами их сомнительно пушкинское происхождение. Между тем, даже если в данном случае мы имеем дело не с подлинной рукописью поэта, рано делать окончательный вывод о дубиальности стихов, посвященных Молостову. Мы не можем не считаться с весьма высокой степенью авторитетности источника текста — свидетельством самого адресата, сохраненным близким родственником П. Х. Молостова, его племянником В. Т. Молостовым⁸. (Почему, кстати, это свидетельство заслуживает меньшего внимания, чем, скажем, заявление Жихарева, опубликовавшего надпись к портрету Чаадаева?)

Рассказ Н. Г. Молостова о посвященных П. Х. Молостову стихах Пушкина дополняет обнаруженное нами письмо самого В. Т. Молостова к директору Царскосельского лицея Ф. А. Фельдману.

«Ваше превосходительство

Милостивый государь Федор Александрович!

От дяди моего Памфамира Христофоровича Молостова достался мне портрет его с четверостишием на нем, написанным собственноручно Александром Сергеевичем Пушкиным, который находился в приятельских отношениях с дядюшкой.

Ввиду выраженного 19 октября Лицеем желания иметь все, касающееся имени поэта, и готовности принять всякую малую лепту и ввиду наступающего в мае месяце 100-летнего юбилея рождения Пушкина, память о котором связана с лучшими преданиями его “Alma Mater”, я позволяю себе, Милостивый Государь, просить Вас принять как дар моей “Пушкинианы” этот автограф А. С. Пушкина. Мне тем приятнее это сделать, что сын мой имеет честь воспитываться в том же учебном заведении, в котором рос и учился великий поэт, и что вместе с этим автографом, для которого Лицей является лучшим хранилищем, я уверен, сохранится и портрет дяди моего, дорогой мне по семейным воспоминаниям.

Января 12-го 99 года
Моховая, 12

*С истинным к Вам
уважением и преданностью
имею честь быть
Валериан Таврионович Молостов».*

На следующем листе — «Копия с надписи А. С. Пушкина на оборотной стороне прилагаемого портрета П. Х. Молостова»:

Не большой он русский барин,
Дураком он не был век
Он татарин:
Он нерусский человек.⁹

Перед нами свидетельство П. Х. Молостова, сообщенное его племянником, которому трудно не поверить. Вряд ли В. Т. Молостов, сохранивший семейную реликвию, стал предлагать Лицею относящийся к Пушкину документ, в подлинности которого он не был бы уверен.

Новое обращение к тексту, записанному на обороте портрета Молостова, кажется, указывает путь к разгадке. Специальное исследование текста в инфракрасных лучах показывает, что существует два его слоя; нижний слой, нестойкий (карандаш, как указывал Н. Г. Молостов), кем-то закреплен, обведен твердым карандашом. Достигнутое усиление нижнего слабого слоя текста, правда, недостаточно для того, чтобы утверждать со всей определенностью, что это текст пушкинский, и тем не менее такая возможность существует. Это, как и обнаруженное дополнительное свидетельство в пользу авторства Пушкина в отношении надписи к портрету Молостова, заставляет поставить вопрос о правомерности включения стихотворения в раздел «Dubia».

¹ См.: *Щербачев Ю. Н.* *Друзья Пушкина* М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913. С. 89.

² См.: *Жихарев М. П.* Я. Чаадаев: Из воспоминаний современника // *Вестник Европы*. 1871. Июль. С. 197.

³ См.: Пушкин. Соч. / Приготовил и примеч. снабдил Л. Майков. 2-е изд. СПб.: Изд. имп. Академии наук, 1900. Т. 1. С. 246; *Пушкин А. С.* Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб.: Просвещение, 1903. Т. 1. С. 207.

⁴ О П. Х. Молостова, «славном малом», повесе и умнице, см.: *Чистова И. С.* «Люблю России честь...» // *Рус. речь*. 1992. № 5. С. 8—10. Добавим, что П. Х. Молостов получил хорошее домашнее воспитание. Его отец, Христофор Львович Молостов, богатый казанский помещик, не чуждый литературных интересов, был близок к кругу «Арзамаса».

⁵ Усадьбу удалось отстроить. В августе 1866 года ее посетил его имп. высокочество наследник Александр Александрович. В. Т. Молостов оставил воспоминания об этом визите, которые были опубликованы в «Историческом вестнике» (1912. № 1. С. 278—290).

⁶ Все эти сведения содержатся в заметке Н. Г. Молостова, предпосланной его публикации стихотворения (см.: *Рус. архив*. 1898. № 6. С. 332).

⁷ См.: Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях // Новое время. 1903. № 9851; Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. Т. VIII. СПб., 1905. С. 77—78; Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза—Ефрона. Т. II. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1908. С. 532; Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд., СПб., 1910. С. 39; Пушкин. Соч. / Ред. В. Я. Якушкина и П. О. Морозова. Т. III. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1912. С. 484.

⁸ Отец В. Т. Молостова, Таврион Христофорович, очень любил брата, П. Х. Молостова, служил в одном с ним полку; одного из сыновей в его честь назвал Памфамиром. В. Т. Молостов также очень внимательно относился ко всему, что касалось его дядюшки, и особенно к тому, что связывало последнего с Пушкиным. Сам В. Т. Молостов в юности писал стихи; одно из них он посвятил Жуковскому, с которым хорошо знаком был его дед.

⁹ ПД. Ф. 244. Оп. 17. № 107.

В. П. Старк

ТЕЗОИМЕНИТСТВО А. С. ПУШКИНА

Прости, чортик, будь ангелом.
Завтра же твой ангел.

*Из письма Жуковского
Пушкину от 1 июня 1824 года*

Вопрос о тезоименитстве поэта, т. е. имени и житии святого, чьим именем был он крещен, дне его поминования, а значит, и дне, когда Пушкин отмечал свои именины, личный праздник каждого крещеного человека, только на первый взгляд кажется простым и даже праздным. Сам Пушкин, рецензируя в 1836 году «Словарь о Святых...», изданный его друзьями кн. Д. А. Эристовым и М. Л. Яковлевым¹, писал: «...есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того Св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству» (XII, 102—103). Чье же имя носил Пушкин? Ни он сам, ни его родные не оставили никаких указаний на этот счет. Первым в 1889 году имя святого ангела-хранителя Пушкина назвал историк и пушкинист, издатель «Русского архива» П. И. Бартенев: «Родившийся 26 мая, Пушкин по общему и до сих пор не совсем оставленному обычаю считался именинником в ближайший ко дню рождения день того святого, именем которого он назван: 2 июня память Александра, архиепископа Константинопольского»².

Имя своему первенцу Пушкины-родители выбрали, конечно, не случайно. Они учли и имя великого князя-наследника Александра Павловича, в царствование которого предстояло жить их сыну, и имя прадеда по линии отца, Александра Петровича Пушкина, и, наконец,

любимого двоюродного брата матери — Александра Юрьевича Пушкина, в ту пору молодого офицера. Последний вспоминал много позже, в 1852 году: «Наш полк в то время был уже в походе, где я и получил об рождении Александра Сергеевича от сестры письмо, что он на память мою назван Александром; а я заочно был его приемником»³. Упомянутое письмо, хотя и не сохранилось, вполне вероятно, действительно было написано Надеждой Осиповной, желавшей сделать тем приятное своему двоюродному брату. И все же окончательную ясность относительно имени крестного отца может внести только церковная запись о крещении. Крестили Пушкина в церкви «Богоявления, что в Елохове», разобранной, как считается, в год смерти поэта, в 1837 году. На ее месте якобы была построена более внушительная по своим масштабам новая церковь по проекту архитектора Е. Д. Тюриня, освященная в 1845 году. Ныне это патриарший Богоявленский собор, главный храм России. Но все же старую церковь, в которой крестили Пушкина, не снесли, она была использована при строительстве новой. Войдя в массив тюринского сооружения, эта старая постройка XVIII века с традиционным для своего времени куполом-восьмериком оказалась между колокольней и новым грандиозным пятикупольным храмом⁴.

Крестили Пушкина 8 июня 1799 года, о чем свидетельствует известная запись в метрической церковной книге: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова у жильца ево мозора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8 дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина»⁵. Таким образом, официально крестным отцом Пушкина является граф А. И. Воронцов. Эта запись сделана под датой 27 мая, хотя родился Пушкин 26-го, так как младенцев, появившихся на свет после захода солнца, записывали в церковных книгах следующим днем. Данное обстоятельство позволяет уточнить, что Пушкин родился вечером 26 мая.

Если в отношении дня рождения и крещения Пушкина существуют неоспоримые свидетельства, то имя святого покровителя его было названо прямо только П. И. Бартеневым. У нас нет оснований не доверять авторитетному ученому, знакомому к тому же с сестрой поэта О. С. Павлицевой. И все-таки спустя сто лет после публикации Бартенева в связи с возвращением к традициям церковной культуры его утверждение подверглось сомнению. 30 августа по ст. стилю (или 12 сентября по новому) 1990 года в петербургской

церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади, где некогда отпевали поэта, была отслужена панихида по Пушкину, приуроченная к дню Перенесения мощей Св. Князя Александра Невского, тезоименником которого якобы является Александр Сергеевич. В обоснование такой акции появились две статьи Э. С. Лебедевой⁶. Исследователь пишет, полемизируя с П. И. Бартеневым: «Заглянем в Месяцеслов. Пушкинист ошибся трижды: 2 июня нет указаний на какого бы то ни было Александра, отмечается память Константинопольского патриарха, но не Александра, а святого Никифора-исповедника, память же святого Александра Константинопольского отмечается 30 августа по старому стилю, то есть в один день со святым Благоверным великим князем Александром Невским. Скорее всего, Александр Невский и был крещен в его честь. Память ближайшего ко дню рождения Пушкина святого — это преподобный Александр Куштский (1439)»⁷. В итоге Э. С. Лебедева старается убедить читателя в своей правоте по поводу святого покровителя Пушкина: «Все-таки Александр Невский». И все-таки прав Бартенев. Автор этих строк в свое время также предположил, что поэт был крещен в память Св. Александра Куштского. Это предположение было высказано в связи с упомянутой службой в Конюшенной церкви⁸. В ответ появились полемические статьи Э. С. Лебедевой, аргументы которых заставили нас всерьез заняться проблемой пушкинских именин, придя в результате к безусловному выводу о том, что П. И. Бартенев был во всем прав.

Главным аргументом Э. С. Лебедевой оказывается ссылка на «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» от 29 августа 1825 года: «Петербург. Письмо Плетнева к Пушкину. Поздравление с именинами»⁹. Между тем указанное письмо никак не может в данном случае служить доказательством того, что 30 августа поэт отмечал свои именины. Плетнев всего лишь писал своему другу: «Не именинник ли ты завтра? Поздравляю тебя и целую» (XIII, 16). «Летопись» фиксирует вовсе не день именин Пушкина, а лишь поздравление с ними, сделанное к тому же в вопросительной форме. Последнее Э. С. Лебедева объясняет следующим образом: «Что означает вопрос в письме Плетнева? Во-первых, что день именин поэта не известен его друзьям и приятелям, может быть, потому, что он сам его не отмечал. Поэт вел себя как мы с вами, а не его современники: православный человек праздновал день своего ангела и даже не помнил дату рождения»¹⁰. Бесспорно то, что Пушкин, «как мы с Вами», прекрасно знал день своего рождения (вспомним хотя

бы стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...», помеченное 26 мая 1828 года), но свою позицию православного человека по поводу именин он замечательно выразил в рецензии на «Словарь о Святых...». Можно возразить, что это позиция 1836 года, но все, что мы знаем о Пушкине вплоть до традиций, существовавших в семье Пушкиных, противоречит высказанному Э. С. Лебедевой суждению. Родители поэта, как явствует из их писем дочери Ольге Сергеевне, непременно отмечали дни рождения свои и детей, но это отнюдь не означает, что они не праздновали дни именин.

Приводя окончательное поздравление Плетнева, Э. С. Лебедева игнорирует то единственное письмо, которое однозначно говорит о дне именин Пушкина. Это письмо В. А. Жуковского Пушкину от 1 июня 1824 года. Василий Андреевич пишет своему младшему другу: «Прости, чортик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть Сверчку орлом и долететь ему до солнца» (XIII, 95). Налицо уверенная поздравительная форма, тем более убедительная, что Жуковский сообщает о приглашении на именинный обед в дом родителей поэта. Кому же, как не им, знать день именин собственного сына. Жуковский, земной ангел-хранитель Пушкина, «наперсник, пестун и хранитель», как назвал его поэт, поздравляя его с именинами в том же письме, желает ему: «Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогрется надеждою за тебя» (XIII, 94—95).

Датировка этого письма, автограф которого хранится в Пушкинском Доме, не вызывает никаких сомнений. Знакомство с оригиналом письма не оставляет сомнений в том, что оно помечено 1 июня. Это письмо было впервые опубликовано П. И. Бартеневым в 1889 году на страницах издаваемого им «Русского архива»¹¹. Цитированное выше суждение относительно имени Святого Александра Константинопольского как небесного покровителя Пушкина и дне его поминовения дается историком именно в качестве комментария к письму В. А. Жуковского.

Сохранилось воспоминание и А. П. Керн о пушкинских именинах 1827 года: «В год возвращения его из Михайловского именины свои праздновал он в доме родителей, в семейном кружку и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать

его любезности». И хотя Анна Петровна не называет числа и месяца года, речь никак не может идти в ее воспоминаниях о 30 августа, когда поэт давно уже был снова в Михайловском, куда уехал 27 июля и вернулся 15 октября того же 1827 года. Э. С. Лебедева высказывает предположение, что А. П. Керн спутала день именин с днем рождения: «Учитывая, что словом “именины” и в пушкинское время, и в наше часто называют и празднование дня рождения...»¹². А. П. Керн, судя по ее «Воспоминаниям...», именинами называла именно именины, а не дни рождения своих близких. Так, в «Дневнике для отдохновения», который она вела, живя в Пскове в 1820 году, отсылая его частями своей двоюродной тетке Ф. П. Полторацкой, 27 июня А. П. Керн пишет, обращаясь к ней: «А теперь, мой ангел, поздравляю вас с именинами дорогого папеньки». На другой день, отсылая послание, продолжает: «Как грустно мне будет завтра: ведь это также день именин дорогого моего Поля»¹³, имея в виду влюбленного в него офицера. 29 июня отмечается день апостолов Петра и Павла.

То же самое можно сказать и о родителях Пушкина. Анализ их писем к дочери, в которых постоянно встречаются упоминания о днях рождения их самих и всех детей, показывает, что ни единожды они не назвали день рождения именинами. Если Н. И. Гнедич в 1832 году поздравляет Пушкина, своего соседа по дому Оливье, стихами к дню рождения, то не путает их с именинами. Нет основания вдруг считать, что это делает А. П. Керн. Дни рождения у Пушкиных были праздниками домашними, именинные дни открыты для более широкого круга знакомых. Речь в воспоминаниях Анны Петровны идет, конечно, о 2 июня, дне пушкинских именин. Среди гостей присутствовали, как пишет А. П. Керн, и А. С. Норов, которого родители поэта могли пригласить на именины сына, но вряд ли на день его рождения. Свидетельств А. П. Керн и Жуковского со ссылкой на родителей Пушкина, думается, вполне достаточно для того, чтобы утверждать, что день именин поэта приходился на 2 июня, а не на 30 августа и что П. И. Бартенев вовсе не ошибался. Можно отметить и то, что А. М. Гордин, готовя «Воспоминания...» А. П. Керн к печати, не усомнился в правоте Бартенева и указал в примечании: «день именин Пушкина — 2 июня»¹⁴. Так же не усомнился в свое время и В. В. Вересаев, приведя в своем знаменитом своде свидетельств современников и поздравление Жуковского, и комментарий к нему Бартенева¹⁵.

Тот же факт, что в современных церковных календарях 2 июня

не значится днем поминовения Св. Александра Константинопольского, еще ничего не означает. Обращение к календарям пушкинского времени показывает, что в них в этот день непременно отмечается память этого святого. Например, в «Христианском календаре на лето 1784», неоднократно затем повторявшемся без особых изменений, 2 июня значится как день памяти «Александра, Архиепископа Константина града»¹⁶. И в «Церковном календаре, или Полном Месяцослове...», изданном в 1803 году в Москве другом Г. Р. Державина, поэтом, будущим митрополитом Евгением Болховитиновым, также под датой 2 июня вписано имя «Александра Архиепископа Константина града»¹⁷. В подобном же Месяцеслове, составленном в 1802 году А. Г. Решетниковым, указывается более подробно 2 июня как день памяти «Преподобного Александра Архиепископа Константина града Бывшего на первом Никейском Соборе против Ариа, и в 4 веке по Р. Х. преставившегося»¹⁸. Во всех последующих церковных календарях, выходивших при жизни Пушкина (1823, 1830, 1833, наконец, года его смерти — 1837), также под датой 2 июня встречаем мы имя Св. Александра Константинопольского, так что Пушкину несомненно было известно имя его ангела-хранителя, а также и его житие.

Что же известно нам об Александре Константинопольском? Как и Пушкин, мы можем удовлетворить законное любопытство в отношении этого святого лишь самыми краткими и порой разноречивыми сведениями. В истории церкви он именуется то епископом, то архиепископом, то патриархом. Пользуясь титулованием Святейшества и являясь главою Константинопольской, или Вселенской, церкви, он при жизни патриархом не назывался. Лишь его преемники, начиная с 421 года, получают на то официальное право. Константинопольская поместная церковь образовалась на базе Цареграда, столичной епархии Византийской империи. Александр был вторым после Митрофана собственно константинопольским епископом или двадцать третьим в Цареграде, считая с 36 года по Рождеству Христову, когда им был апостол Андрей Первозванный. Митрофан правил с 320-го по 325 год, при нем был собран Первый Вселенский Собор в Никее в 325 году. Вместо себя престарелый епископ послал Александра, бывшего тогда его пресвитером. На Никейском Соборе и свершил свое первое чудо будущий епископ. Собор был созван для разрешения спора с александрийским пресвитером Арием, выступившим против учения о единосущности Бога-Сына и Бога-Отца. Он утверждал, что один лишь Бог предвечен и неизречен, а Христос

лишь Его создание и, следовательно, ниже Отца по божественным свойствам. Этим снималась центральная идея христианства — идея богочеловека. Арий был осужден Собором за ересь и изгнан из Александрии. В диспуте с Арием и его защитниками принял участие и Александр из Константинополя. Споря с одним философом, защитником Ария, после долгих его увещаний, Александр велел ему замолчать именем Христа, и тот стал нем. Когда же философ раскаялся в своем заблуждении и пал к ногам Александра, то снова обрел дар речи и со многими другими уверовал во Христа.

Пушкин, конечно же, удовлетворил свое любопытство насчет жития Св. Александра Константинопольского, «чье имя носил от купели до могилы и чью память праздновал ежегодно». Ситуация первого чуда, свершенного Св. Александром, когда он заставил умолкнуть лживые уста, а затем пробудил их после раскаяния, невольно напоминает одно из чудес преобразования шестикрылым серафимом избранника небес в пушкинском стихотворении «Пророк»:

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

(III, 30).

Чудо, свершенное Св. Александром на Никейском Соборе, напоминает собою картину, представленную в 6 главе Книги Пророка Исайи Ветхого Завета:

«5. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устоями, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

6. Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника,

7. и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен».

К этому библейскому повествованию восходит и «Пророк» Пушкина. В некоторой мере «Пророк», явившись антитезой «Демону», оказался ответом на призыв Жуковского в письме от 1 июня 1824 года, девизом которого служат слова Василия Андреевича: «К чорту чорта!» (XIII, 94). Подобное служение и составляло суть отличия Св. Александра Константинопольского, за что он и был причислен к лику святых.

Второе чудо Св. Александр совершил будучи уже Константинопольским епископом. Когда в 336 году тот же Арий добился права вступить в общение с константинопольской церковью при посредничестве императора, то Александр горячо молился в ночь накануне того дня, когда это должно было произойти, чтобы Господь не допустил еретика до храма либо взял его душу. Настало утро, и когда Арий торжественно шел в церковь, то с ним сделался припадок и он скончался¹⁹. Александр правил Константинопольской церковью, по одним источникам, до 340 года, по другим — до 337-го. Последнее более вероятно. В таком случае он скончался в один год с императором Константином I (285—337), прозванным Великим, основателем Константинополя (Цареграда) на месте г. Византий. После него на константинопольском престоле до пушкинского времени сменилось 207 патриархов. В 1837 году правил патриарх Григорий VI. Патрон Пушкина, скончавшийся за полторы тысячи лет до поэта, был первым и единственным главою Константинопольской церкви с именем Александр²⁰. Церковные историки именуют его Александром I, как именовался и венценосный тезка Пушкина.

Таким образом, Александр, архиепископ Константинопольский, празднуемый 2 июня, и Александр, патриарх Константинопольский, празднуемый 30 августа, суть один и тот же святой. До конца XIX века во всех Святцах, даже самых кратких, отмечены оба дня его памяти. С последних же годов прошлого века вплоть до сегодняшнего дня память его в календарях указывается только 30 августа. Этот факт, прослеженный нами по многочисленным изданиям, не означает отмены поминовения этого святого в день 2 июня. Календари, издаваемые Московской патриархией, отнюдь не являются полными. Помимо указанных в них на этот день святых Никифора Исповедника, патриарха Константинопольского, Великомученика Иоанна Нового, Сочавского, и обретения мощей праведницы Иулиании, кн. Вяземской, Новоторжской, церковь поминает в этот день, наряду с Александром Константинопольским, мучеников Димитрия (1657), Герасима (1429), Акакия, Аттала, Лукиана, Ермила и Стратоника, Пирра епископа, преподобных Марфу и Марию, сестер Лазаря, Фотия, митрополита Киевского, мать с тремя детьми, усеченных мечом в 1370 году, и 38 мучеников, убиенных в бане, и еще 20000 мучеников.

Не отрицая того, что Св. Александр Невский занимал в сознании Пушкина особое место, необходимо признать, что все же небесным патроном его был не он, а Св. Александр Константинополь-

ский. Александр Невский, родившийся 30 мая, сам был крещен, по-видимому, в честь того же Св. Александра Константинопольского, ближайшего святого с этим именем после дня рождения будущего великого князя. Так что и у А. Невского, и у А. Пушкина — один небесный покровитель. 30 августа — день перенесения мощей Александра Невского — совпал со вторым днем поминовения Св. Александра Константинопольского.

Все, что известно об отношении Пушкина к именинным праздникам, говорит за то, что он придерживался существующих традиций, поздравлял с днем ангела своих близких и друзей. Отдавая дань традиции, он слагал порою и именинные послания. Самое раннее из них — «Князю А. М. Горчакову» («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») 1814 года. Поздравляя тезку и лицейского товарища, Пушкин замечает:

Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

А. М. Горчаков, родившийся 4 июля 1798 года, праздновал, по семейной традиции, день именин 30 августа в честь Св. Александра Невского, хотя несколько святых с этим именем отмечены в Святцах значительно ближе к дате его рождения. Например, 9 июля отмечается память мученика Александра IV века. Подобные случаи обусловлены были чаще всего выбором святого, тезоименником которого являлся предок или какой-то родственник, чье имя было дано новорожденному. Среди ближайших предков А. М. Горчакова не было лиц с именем Александр, назвали его в честь тогдашнего наследника престола великого князя Александра Павловича. Его именины праздновались 30 августа. В Лицее в эти дни не было занятий, ставились спектакли. В 1814 году Пушкин, помимо того что преподносит Горчакову стихи на именины собственного сочинения, переписывает за Дельвига его «Триолет. Князю Горчакову» также для именинного подарка²¹.

И в 1825 году Пушкин остается верен жанру именинных посланий. Поздравляя Анну Николаевну Вульф с днем ее именин 3 февраля, поэт шутливо, совершенно в духе такого рода стихов на случай, замечает:

Хотя стишки на именины
Натали, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,

Я в знак покорности примерной
Готов и ими вам служить.

В этом стихотворении поэт обыгрывает само имя его адресата (Анна в переводе с еврейского означает — благодать): «Вас окрестили благодатью!» В том же году на этом каламбуре Анна — благодать будет построена Пушкиным эпиграмма «Нет ни в чем вам благодати...», связанная с той же А. Н. Вульф. Перевод своего имени Пушкину, конечно, также был известен и должен был носить для него определенный символический смысл: Александр по-гречески означает защитник людей.

Иронии по поводу именных куплетов нашлось место в четвертой главе «Евгения Онегина», там, где речь идет об именинах Татьяны. «Куплетом мучимый давно», мосье Трике, дождавшись часа своего, «запел фальшивя», а затем

Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

Поздравляя других, Пушкин и сам оказывался ежегодно в ситуации именинника. Нам очень немного известно о том, как и при каких обстоятельствах Пушкин встречал дни своих именин. Пользуясь всеми доступными источниками, можно попытаться представить эти дни в жизни Пушкина. Первым фиксированным в некоторой степени таким днем можно считать 2 июня 1817 года, когда Пушкин с 31 мая по 3 июня пребывал в Петербурге «для обмундирования» ввиду предстоящего выпуска из Лицея. День именин он провел в кругу семьи, в доме адмирала Клокачева на Фонтанке. Ровно через неделю, 9 июня, состоялся торжественный выпускной лицейский акт²².

Вполне можно представить себе, как провел Пушкин день именин 2 июня 1820 года. Рано утром с семейством Раевских он отправляется на шлюпке по Дону из станицы Аксай, где ночевал, в станицу Старочеркасск, после осмотра которой они переправляются на левый берег реки и выезжают на тракт Новочеркасск — Ставрополь²³.

В следующий раз фиксированным оказывается день именин 2 июня 1824 года, отмеченный Пушкиным в Одессе. Находясь в оскорбительной для него командировке «на саранчу», Пушкин, встретив свое 25-летие в имении Л. Л. Добровольского Сасовке, в двадцати верстах от Елизаветграда, возвратился в Одессу 28 мая. В вышедшем 2 июня «Journal d'Odessa» среди лиц, прибывших в город между 29 мая и 2 июня, значится «коллежский секретарь Пушкин».

2 июня Пушкин пишет прошение на имя своего тезки императора Александра I с просьбой об отставке «по слабости здоровья»²⁴. Через несколько дней он получит уже цитированное письмо Жуковского с поздравлением и пожеланиями по поводу именин.

Другое письмо, уже самого Пушкина михайловской поры, дает представление о том, как и где он встретил именины 1826 года. 3 июня он пишет из Преображенского, имения своего псковского приятеля Г. П. Назимова, шутивное стихотворное послание И. Е. Великопольскому «С тобой мне вновь считаться довелось...» Из него явствует, что именины Пушкин провел в поместье Г. П. Назимова в компании с П. Н. Беклешовым и кн. Ф. И. Цициановым, псковскими офицерами, за карточным столом, оставшись должным хозяину пятьсот рублей. До того Пушкин провел несколько дней в Пскове, приехав туда из Михайловского накануне дня своего рождения. 27 мая из Пскова он писал Вяземскому: «...мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство». В эти дни поэт томительно ждет окончания следствия по делу декабристов, связывая с ним свое решение о подаче прошения на высочайшее имя о позволении выехать «или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». Манифест об окончании следствия будет обнародован как раз в день именин Пушкина — 2 июня 1826 года²⁵. Через несколько дней, узнав об окончании следствия, он подаст подготовленное прошение на имя Николая I.

О праздновании именин 1827 года в Петербурге по возвращении из ссылки, как мы помним, оставила воспоминания А. П. Керн. Она называет даже адреса, по которым жили тогда Пушкин и его родители: «Он жил в трактире Демута, его родители на Фонтанке, у Семеновского моста...» (в доме Устинова, современный адрес — Фонтанка, 92). Припоминая подробности именинного обеда, она пишет: «После обеда Авраам Сергеевич Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: “Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?” — “И в самом деле, — отвечала я, — мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне”. Он взял кольцо, надел на свою маленькую, прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое». Рассказав о беседе насчет Льва Сергеевича, служившего в ту пору на Кавказе, она продолжает: «На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов; но мне нужно было ехать с графинею Ивелич, и я предложила ему проехать к ней в лодке. Он согласился, и я опять

увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском»²⁶.

Дневник А. В. Никитенко, жившего в ту пору в одном доме с А. П. Керн у С. И. Штерич на Фонтанке в бывшем доме А. Н. Оленина, где поэт еще в 1819 году впервые встретился с Анной Петровной, позволяет внести некоторую ясность в вопрос об именинах Пушкина. 24 мая Никитенко записал в своем дневнике: «Анна Петровна находилась в упоении радости от приезда поэта А. С. Пушкина, с которым она давно в дружеской связи. Накануне она целый день провела с ним у его отца и не находит слов для выражения своего восхищения»²⁷. 23 мая — день рождения Сергея Львовича, отца поэта. Накануне Пушкин вернулся в Петербург после семилетнего в нем отсутствия, подгадав к этому семейному празднику. Он пишет брату 18 мая 1827 года из Москвы: «Завтра еду в П. <етер> Б. <ург> увидаться с дражайшими родителями, compte on dit <как говорится (франц.). — Ред.>, и устроить свои денежные дела» (XII, 329). Комментируя эту фразу Пушкина, Э. С. Лебедева замечает: «Отец и сын все эти годы были в ссоре после жесточайшей семейной сцены, и друзья обоих хотели их помирить. По-видимому, в Петербург поэт прибыл 21—22 мая. 23 мая, день рождения Сергея Львовича, — удобный повод для примирения, а 26 мая — день рождения самого Александра Сергеевича. Как пишет А. П. Керн, он был «очень мил» в день семейного праздника. Вряд ли он, решившись на перемирие, тянул бы после приезда до предполагаемого В. П. Старком дня именин...»²⁸ Представляется, что определение «жесточайшая сцена» не соответствует тому, что произошло между отцом и сыном осенью 1824 года. Дельвиг еще 15 сентября 1826 года писал другу в связи с его освобождением из ссылки: «Как счастлива семья твоя, ты не можешь себе представить. Особливо мать, она наверху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь их счастья упорным молчанием. Ты напишешь им. Они доказали тебе любовь свою» (XIII, 295). Пушкин действительно не баловал родителей письмами, но от этого весьма далеко до ссоры. Арина Родионовна 30 января 1827 года писала Пушкину: «...й об вас ништо — неможит знать где вы находитесь йтвоне родители. овас соболезнуют что вы к ним неприедите...» (XIII, 319). Какие бы претензии друг к другу ни существовали в отношениях между отцом и сыном, они должны были разрешиться тотчас по приезде Пушкина. Из того, что он был «очень мил» в день ли рождения или именин, ничего не следует в отношении того, в

какой из этих дней А. П. Керн гостила у Пушкиных. Зато запись в дневнике Никитенко от 26 мая 1827 года об общении его с Анной Петровной говорит сама за себя: «26. Я вышел к себе на балкон. Она из окна пригласила меня к себе. Часа три быстро пролетели в оживленной беседе. Сначала я был сдержан, но она скоро меня расшевелила и опять внушила к себе доверие»²⁹. Сомнительно, чтобы в тот же день она была в гостях у Пушкиных. Речь в ее воспоминаниях, конечно же, идет об именинах 2 июня 1827 года.

В следующий, и последний, раз фиксирован день именин самим Пушкиным в «Дневнике» 2 июня 1834 года. Запись этого дня посвящена разговорам в свете «об Медеме, назначенном послом в Лондон», о дне своего рождения 26 мая, который он отметил на борту пироскафа, провожая Мещерских и С. Н. Карамзину, отправлявшихся в Италию. В тот день, как писал С. Л. Пушкин дочери, была «большая эмиграция»³⁰. На другой день, в воскресенье 27 мая, поэт представлялся Вел. кн. Елене Павловне. Накануне именин он провел вечер у Е. А. Карамзиной с Вяземским, Жуковским и П. И. Полетикой. 2 июня Екатерина Андреевна отправлялась на лето в Тайцы, как не совсем точно замечает Пушкин, «принадлежавшие некогда Ганнибалу, моему прадеду» (XII, 330). Тайцы, которые упомянул таким образом поэт, в действительности принадлежали не его прадеду А. П. Ганнибалу, но его другому предку — И. М. Головину³¹. По всей видимости, Пушкин говорил о Ганнибале в тот вечер. Заканчивается запись от 2 июня заметкой насчет Павла I, в царствование которого родился Пушкин: «Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре» (XII, 330).

3 июня Пушкин обедал у Вяземского по случаю дня именин его сына Павла. Вероятно, разговор о Павле I накануне был инспирирован упоминанием этих именин, которые не совпадали с основным по Святцам днем ангела для носящих это имя, в том числе Павла I, т. е. 29 июня, — поминовения апостолов Петра и Павла. Пушкин пишет жене в Полотняный Завод 3 июня 1834 года: «Сегодня обедаю у Вяземского, у которого сын именинник» (XV, 155). При этом Пушкин не путает дня рождения даже сына своего друга с днем именин, хотя они следуют один за другим. Павел Вяземский родился в день именин Пушкина — 2 июня, а 3-го приходился тезоименником мученику Павлу. Письмо Пушкина к жене начинается с упрека за долгое молчание: «Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия» (XV, 154). Нетрудно сосчитать, что предыдущее письмо от нее он получил накануне

дня своего рождения и ожидал следующего к именинам. Сам Пушкин всегда исправно поздравлял жену с ее именинами и рождением, если они находились в разлуке. Она родилась 27 августа, а именинницей приходилась 26-го, накануне. В этот, 1834 год он поспел к Натальину дню в Полотняный Завод, а поздравляя оттуда ее мать и тезку Наталию Ивановну Гончарову, писал: «Жена хандрит, что не с Вами проводит день Ваших общих именин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покамест поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое» (XV, 188).

Годом раньше Пушкин отпраздновал рождение жены и ее именины в разлуке с нею, когда писал Наталии Николаевне 27 августа 1833 года из Москвы в Петербург: «Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Поздравляю тебя и себя, мой ангел» (XV, 75). Так писал он в день ее рождения, хотя накануне, 26 августа, не преминул вспомнить и именины: «Поздравляю тебя со днем твоего ангела, мой ангел, цалую тебя заочно в очи...» (XV, 73). Для Пушкина день именин жены был и национальным праздником — днем Бородинской битвы, наутро после которой в 1812 году и появилась на свет Наталия Гончарова.

Свое рождение и именины без жены за годы семейной жизни Пушкин встречал только однажды, в 1834 году. Если бы не пропажа писем Наталии Николаевны к мужу, то мы бы имели, несомненно, еще одно свидетельство того, что именины Пушкина приходились на 2 июня. Но и без него, подводя итог теме именин поэта, очевидно, что отмечать их следует, как это делал Пушкин, его родители и друзья, 2 июня по старому или 15 июня по новому стилю в честь его небесного покровителя Св. Александра Константинопольского.

Сам Пушкин два последних раза в жизни, в 1835 и 1836 годах, встречал этот день в заботах о будущем своей семьи. 3 июня 1835 года — Н. И. Павлищеву, а 3 июня 1836 года — Л. С. Пушкину он писал о состоянии имений, их распределении и, наконец, разделе Михайловского (XVI, 33, 123—124). Первое из писем косвенно свидетельствует о том, что накануне, в день именин, Пушкин вел переговоры с поминаемым в нем «батюшкой» Сергеем Львовичем. А за день до именин, 1 июня 1835 года, он пишет письмо А. Х. Бенкендорфу с просьбой об отпуске в деревню на 3—4 года для приведения в порядок совершенно расстроенного состояния. До именин 1837 года поэту не суждено было дожить.

Дважды в жизни Пушкина день его именин, в 1802 и 1813 годах, совпадал с переходящим двенадцатым праздником Святого Духа.

В единстве Пресвятой Троицы, неразделимость которой защищал некогда Св. Александр Константинопольский, «Святой Дух остается самой таинственной ипостасью... Вне Церкви действие Св. Духа раскрывается в мире природы и в мире культуры»³². Святой Дух является источником жизни и творческого вдохновения. Пушкинский поэт-пророк исполняется Святого Духа — начала «животворящего» и «глаголющего пророки». Один раз, 2 июня 1813 года, когда произошло такое совпадение, этот день стал общепраздничным и в «Ведомостях Лицея» значит: «По случаю табельного дня учения не было»³³.

День именин приходилось Пушкину встречать обремененным заботами службы, материальными неурядицами, политическими и литературными неприятностями, подводить определенные итоги пройденному пути и принимать решения или предпринимать шаги, должные круто переменить течение его жизни, обозначить очередной ее поворот. Значимость этого праздника — личного дня — очевидна, и он должен быть включен, как и день рождения, в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина».

¹ Словарь исторический о Святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836.

² Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 295.

³ Пушкин А. Ю. Для биографии Пушкина. Москвитянин. 1852. № 24. Декабрь. Кн. 2. Отд. IV. С. 23.

⁴ См.: Згура В. К творчеству Е. Д. Тюриня // Архитектура. 1923. № 3—5. С. 31—32.

⁵ Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Ч. 1. М., 1929. С. 17.

⁶ См.: Лебедева Э. С. 1) «Святому Невскому служил...» // Ленинградский рабочий. 1990. 19 окт. С. 12. 2) Небесный покровитель Пушкина? // Московский церковный вестник. 1990. Декабрь. № 24 (44). С. 4.

⁷ Лебедева Э. С. «Святому Невскому служил...»

⁸ См.: Старк В. П. Пушкинские именины // Ленинградская правда. 1990. 22 сент.

⁹ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 560.

¹⁰ Лебедева Э. С. Небесный покровитель Пушкина?

¹¹ См.: Рус. архив. 1889. Кн. III, № 9. С. 113—114.

¹² Лебедева Э. С. «Святому Невскому служил...»

¹³ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 136—137.

¹⁴ Керн А. П. Там же. С. 313.

- ¹⁵ См.: *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. Ч. 1. М., 1929. С. 19.
- ¹⁶ Христианский календарь на лето 1784. С. 157.
- ¹⁷ *Болховитинов Евгений.* Церковный календарь, или Полный месяцеслов, с означением, что в какие дни в православной греко-российской церкви свершается... М., 1803. С. 54.
- ¹⁸ *Решетников А. Г.* Месяцеслов, или Полный показатель во весь год празднуемых греко-восточною Всероссийскою церквю Святых... М., 1802. С. 114.
- ¹⁹ См.: Православная богословская энциклопедия. Т. 1 (А — Архелая). Пг., 1900. С. 430—431.
- ²⁰ См.: Исторический список епископов и потом патриархов Святой и Великой Церкви Христовой, находящейся в Константинополе, от 36 года по Р. Х. по 1834. СПб., 1862. С. 8.
- ²¹ См.: *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 78—79.
- ²² См.: Там же. С. 132—133.
- ²³ См.: Там же. С. 215.
- ²⁴ См.: Там же. С. 423—424.
- ²⁵ См.: Восстание декабристов: Документы. Т. XVII. Л.: Наука, 1980. С. 258.
- ²⁶ *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. С. 41—42.
- ²⁷ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. [Л.], 1955. С. 48.
- ²⁸ *Лебедева Э. С.* «Святому Невскому служил...»
- ²⁹ *Никитенко А. В.* Дневник. С. 48.
- ³⁰ Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой. Т. 1. СПб., 1993. С. 227.
- ³¹ *Телетова Н. К.* Ганнибалы под Петербургом // Белые ночи. Л., 1978. С. 278—292.
- ³² *Федотов Г. П.* О Святом Духе в природе и культуре // Россия, Европа и мы: Сб. статей. Т. II. Париж, 1973. С. 215—216.
- ³³ *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. С. 62.

В. Ф. Кушниренко

ПУШКИН ЖИЛ В ДОМЕ ДОНИЧА. НО ГДЕ?

Сохранилось немало воспоминаний о доме бессарабского боярина, члена Верховного совета области, председателя комиссии по землеустройству, коллежского асессора Йордаке Доница, в котором с лета 1820 года жил новый наместник Бессарабии генерал-лейтенант И. Н. Инзов, а вместе с ним, приблизительно с конца октября, — и опальный поэт Александр Пушкин. Есть различные его описания, гравюры, литографии, рисунки, в том числе и самого поэта. Но так получилось, что по сей день никто толком не разобрался в том, где именно жил Пушкин, где та знаменитая комната, в которой он сочинил, задумал, окончил свыше 60, а по другим данным — около 80 произведений, включая поэмы «Кавказский пленник», «Гавриилада», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан».

Дом Инзова давно уже не сыскать в Кишиневе. Под его вековыми руинами погибли и пушкинские комнаты. На том месте теперь высятся над городом три радиовышки. Специалисты, работавшие тут после войны, сказывали, что именно на фундаменте дома Доница эти вышки и стоят. Дом был в два этажа, с многочисленными подвальными помещениями, с классическим подъездом, трехколонным портиком, с арочными окнами на широких крыльях, окруженный садом, виноградником, оранжереей, птичьим двором. Долгое время здесь жил сам Йордаке Дониц, которому в 1821 году было 35 лет, с женой Екатериной, дочерью ворника Россети, и многочисленным потомством от 11 лет до одного годика — Иван, Манолаке, Николай, Константин, Лукреция, Смаранда, Мариоара. Дониц владел поместьями в Онутул (Хотин), Путинешть (Сорока), Фэурешть, Сипотень, Миклешть, Крикова (Орхей), имел немало роскошных домов. Поэтому

свой дом на горе, возвышавшейся над всем Кишиневом, он стал сдавать казне в аренду. Тут жил первый наместник Бессарабии генерал-лейтенант А. Н. Бахметев с 1816 года. Его сменил И. Н. Инзов. При Бахметеве, в мае 1818 года, здесь останавливался с ночевкой русский император Александр I. При Инзове, в 1821 году, дом был несколько разрушен двумя землетрясениями, затем восстановлен и в нем продолжал жить Инзов со своей канцелярией¹.

Исследование имеющихся изображений дома Инзова, особенно тех, где после 1850-х годов дом и его пристройки запечатлены Н. А. Гольнским, Н. В. Бергом, Павлом Висковатовым и другими как развалины дома Инзова², приводит к заключению, что этот дом стоял фасадом к югу и перед ним, как на известном рисунке Клаудио Бассоли, был весь Кишинев, и старый и новый³. Задняя его часть была обращена к северу, правое крыло, если смотреть на фасад дома, — на восток, а левое — на запад. Такое расположение дома просматривается и на плане Кишинева 1800 года⁴, где он зафиксирован фасадом, на фоне Мазаракиевской церкви и церкви Константина и Елены. Подобное расположение дома открывало с севера — вид на речку Бык, Петриканы, Старую почту, Рышкановку; с востока — на старый город, на Мазаракиевскую церковь, Старый собор, Благовещенскую церковь; с юга — на новый город, Митрополию и сад; с запада — на госпиталь, острог, Скулянку и другие окрестности. И тут надо заметить, что многие из названных деталей вполне определенно просматриваются и на недавно выставленном в Национальном музее естественной истории и этнографии, пока нигде не опубликованном и не исследованном карандашном рисунке дома Доница (по нашему мнению, 1810-х годов). Здесь дом Доница также возвышается на круто-пологом холме, фасадом к югу, к новому городу, справа видны церкви — Благовещенская и Константина и Елены. И если это действительно дом Доница, а не случайное совпадение, то слева от него мы видим двухэтажный особнячок, зафиксированный в 1878 году Павлом Висковатым как развалины дома Инзова, естественно ошибочно, а справа, но впереди, перед домом, на пересечении дорог, среди трех одноэтажных домиков, почти мазанок, — домик Н. С. Алексева. В нем, согласно воспоминаниям И. П. Липранди, «Пушкин и Алексеев занимали средней величины комнату направо от сеней, налево была комната хозяйкина»⁵. Таким образом, справа — комната в два окна и есть та самая, где Пушкин начал писать 9 мая 1823 года свой знаменитый роман в стихах «Евгений Онегин», где до отъезда в Одессу он прописал первую главу до XVII строфы

и где 13—27 марта 1824 года, последний раз живя здесь, он написал и Письмо Татьяны к Онегину.

В воспоминаниях учителя Кишиневской гимназии Льва Мацевича все виды от дома Инзова представлены в деталях: «Пушкин, вероятно, часто любовался отсюда окрестностями <...>. Посмотрим же и мы — что представляется вокруг. Оглянемся на север, станем спиной к городу. Немного ниже, под самой горой, — каменоломни. Далее вперед прямо — долина реки Бык, текущей на юг; слева — так называемый “французский сад” и другие сады; направо — за Быком к северо-востоку начинается деревня Рышкановка; посредине вверх по течению Быка идет железная дорога до Корнешт — Ясская; вдали на севере, направо от дороги, виднеется деревня Петриканы.

Посмотрим на восток. Внизу — каменоломни; далее, но еще по сию сторону Быка, — Инзово предместье, начало старого города. В предместье этом Церковь Благовещения, построенная в 1805 г., в которой бывал и Пушкин; тут же на самом склоне Инзовой горы — развалины дома полковника Салова. Вблизи развалин дома Салова — на площадке — расположился (в то время, когда я был тут летом в первый раз) цыганский табор — несколько шатров...

Но пойдём взором вперед. Далее, больше на юго-восток, по ту левую сторону Быка, деревня Рышкановка; оттуда тянется почтовая дорога в уездные города Оргеев и Бельцы. Обратимся теперь на юг. На самой Инзовой горе — немного ниже — стоит сторожевая башня-каланча. Немного ниже башни, еще в пределах Инзовой горы, — старый развалившийся дом. Здесь, еще Н. А. Голынский помнит, была гостиница; в святки кругом гудел народ, устраивались качели, танцевали “джок”, молдавский танец, пели песни, а в доме на балконе сидели господа и пили чай. Немного ниже, на Инзовой горе, в числе прочих домов, стоит один старый дом, свидетель пушкинских времен; возле него — кафельный завод. Вдали раскинулся старый город; над ним возвышается Мазаракиевская церковь, внизу которой фонтан, снабжающий водою весь Кишинев.

Среди старого города можно различить *Старый собор* и Вознесенскую церковь. По направлению к юго-западу представляется взору церковь Ильинская (древняя), дом Катаржи (на нем развивался флаг главнокомандующего действующей армии во время пребывания главной квартиры в Кишиневе); выше — *Новый собор*, а еще выше — *Митрополия*.

Еще вверх — на горе раскинулся новый город, так называемая

“русская магала”; вдали виднеются сады и виноградники...

Повернем наконец на запад; здесь еще на Инзовой горе, рядом с насыпью из мусора — полуразвалившаяся хижина сторожевка: возле нее вела дорога вниз, которой нет теперь и следов, а просто покатошь. Вдали на возвышении опять виднеется город. В настоящее, впрочем, время вид на запад закрыт. С западной стороны — на спуске с Инзовой горы — на том самом месте, где был некогда тот великолепный сад, вдохновлявший Пушкина, — построены года два назад конюшни для Лубенского гусарского полка. Конюшни довольно высоки и на запад вида уже не допускают...»⁶

В 1839 году в «Одесском альманахе» на 1840 год Н. А. Надеждин впервые опубликовал «Вид на дом, в котором Пушкин жил во время пребывания своего в Кишиневе», выполненный, как считается, с рисунка учителя Кишиневской гимназии художника Н. А. Гольинского. Если учесть сказанное Львом Мацеевичем, то перед нами дом Инзова. На самой литографии мы видим все это лишь частично. Но вид на запад вырисован в самых ярких деталях. Слева — сторожка, часовой, за ними — новый город, знаменитый благоухающий сад, справа — постройки в районе каменоломни и поймы реки Бык. Над ними поднимаются живописные в своей дикой красоте холмы с заросшей ложиной. Именно этот вид в 1855 году подробно описал Н. В. Берг в статье «Кишинев в настоящее время» с пояснением, где именно жил Пушкин в доме Инзова. В ней, в частности, сказано: «Из окон, которые принадлежали ему, самый лучший вид в городе. Место очень высоко. Прямо под горой, в долине, течет река Бык, образуя небольшое озеро. Левее — каменоломни молдаван и их мелкие домики <...>. Еще левее — новый Кишинев; со своими садами и тополями...»⁷ В 1861 году П. И. Бартенев использовал подробности статьи Н. В. Берга в своем исследовании «Пушкин в южной России». И тут эти подробности уже даны как вид из окон комнат Пушкина в доме Инзова, причем Бартенев учел и многие рассказы кишиневских знакомых Пушкина, в том числе и переданные лично ему. Вот этот вид: «Пушкину отведены были две небольшие комнаты внизу, сзади, направо от входа, в три окна с железными решетками, выходившие в сад. Вид из них прекрасный, по словам путешественников, самый лучший в Кишиневе. Прямо под скатом, в долине, течет речка Бык, образуя небольшое озеро. Левее — каменоломни молдаван, а еще левее — новый город. Вдали горы с белыми домиками какого-то села...»⁸ Тут же Бартенев писал, что дом Инзова находился в конце старого Кишинева, на небольшом

возвышении. Стоял он одиноко, почти на пустыре. К нему примыкал большой сад с виноградником. При доме в саду был птичий двор со множеством канареек и других птиц. Заметим, что все это, за исключением описаний самих комнат, не что иное, как словесное представление той же литографии 1839 года.

Но где же были сами комнаты?

Со слов Бартенева мы уже знаем, что Инзов жил вверху, на втором этаже, а Пушкин с Никитой — внизу, на первом этаже. Тут же располагались и двое-трое чиновников. Правда, слова «сзади, направо от входа», смущают. Но есть более верный ориентир — вид на запад. Он подтверждается всеми. Следовательно, Пушкин жил в левом, западном крыле дома Донича. Далее, есть свидетельство И. П. Липранди: «Пушкин скоро переехал в нижний этаж дома, занимаемого Инзовым»⁹. Есть свидетельство А. М. Фадеева: «Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным...»¹⁰ Есть свидетельства М. З.: «...по перилам лестницы еще можно было, с опасностью, взбираться в угловую, выходившую на запад окнами, комнату, где жил великий воспитатель нескольких поколений; можно было читать тысячи надписей, испещрявших белые стены этой комнаты...»¹¹ Дом стоял на высоком цоколе, и понятно, что перила, лестница были просто необходимы на первом этаже. Есть свидетельства, наконец, слуг из дома Инзова о том, что они «предварительно подкрадывались к окну и высматривали, что Пушкин делает: если он работал, то никто из прислуги не решался переступить порог»¹². А это можно было сделать только сзади дома, со стороны сада, ибо только тут было окно, к которому можно было дотянуться и заглянуть, стоя на земле.

Оказывается, комнаты хорошо просматриваются на малопривлекательном рисунке пером с надписью: «Дом бывшего наместника Бессарабии Инзова, в котором жил Пушкин, в бытность свою в Кишиневе. Его окна были — три к деревьям. Здесь, говорят, он написал *Цыган*. — Снят 1854, в декабре». В 1899 году этот рисунок был опубликован в ряде юбилейных изданий, затем в 1907 году он появился в «Библиотеке великих писателей». Однако о нем забыли, хотя на нем мы видим три окна. Одно — сзади, обращено на Бык и каменоломни, а два других — справа, смотрят в сад, на каменоломни и новый город. Это и есть три знаменитых «окна с железными решетками, выходившие в сад...» из двух комнат Пушкина на первом этаже. Именно как вид из этих окон Пушкин своею же рукою нарисовал и оставил нам на память так называемый «Киши-

невский пейзаж». Это было 1 апреля 1821 года. Мы видим не только два фруктовых дерева в саду Инзова, а за ними крутой спуск с горы. Перед нами домики, впереди, между холмов, — лощина. Над всем этим — тонкие линии горизонта из поднимающихся к западу холмов. Эти линии, дома, сад — все совпадает с литографией дома Инзова, опубликованной в «Одесском альманахе». Вполне возможно, что именно здесь родился и пушкинский рисунок, который известен как «Окно». На нем такое же широкое, почти квадратное окно с решеткой, как все три окна в комнатах Пушкина. В свое время Абрам Эфрос предположил, что это окно в спальне поэта в доме Инзова, ибо на рисунке — на подоконнике щетка, складное зеркало, стакан с водой, а за окном — два домика, ближний — крупно, почти всей крышей, закрывает вид. Этот вид в рабочей тетради Пушкина соседствует с рисунком «Сцена в кишиневской церкви», выполненным 12 апреля 1821 года.¹³

Со слов современников поэта П. И. Бартенев писал: «Стол у окна, диван, несколько стульев, разбросанные бумаги и книги, голубые стены, облепленные восковыми пулями, следы упражнений в стрельбе из пистолета, — вот комната, которую занимал Пушкин. Другая, или прихожая, служила помещением верному и преданному слуге его Никите...»¹⁴ Но очевидно, самыми ценными все же надо считать воспоминания Бади-Тудора, служителя-молдаванина в доме Инзова, часто общавшегося с Пушкиным, учившего его молдавскому языку. «Комнатки, отведенные для Пушкина, не отличались особенною обстановкой. Постель его всегда была измята, а потолок разукрашен какими-то особенными пятнами. Это объясняется тем, что Пушкин имел обыкновение лежать на кровати и стрелять из пистолета хлебным мякишем в потолок, стараясь выделывать в нем всевозможные узоры. По словам Бади-Тудора, жившего в доме Инзова, Пушкин вставал на рассвете и, вооружившись карандашом и книжечкой, долго, без усталости, гулял по саду и заходил далеко в поля. Походит, походит он час-другой, присядет на какой-нибудь пень или камень, напишет немного и опять ходит. Это наблюдалось летом; зимою Пушкин по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнате, шлепая турецкими туфлями. Походит, походит, так же, как и в саду, затем присядет, попишет немного и опять начинает ходить. По временам Пушкин до того увлекался работой, что его никак нельзя было оторвать от нее к завтраку или обеду. Когда ему мешали, он страшно сердился, в особенности раз, когда за Пушкиным послали одного молодого парня; не успел еще тот переступить порог

и передать поручение, как Пушкин, с криком и сжатыми кулаками, набросился на него и наверно побил бы, если бы тот своевременно не убежал. После этого Пушкин жаловался Инзову и просил раз навсегда не беспокоить его во время занятий, хотя бы он должен был остаться без обеда. Поэтому когда впоследствии кого-нибудь из прислуги посылали за Пушкиным, то они предварительно подкрадывались к окну и высматривали, что Пушкин делает: если он работал, то никто из прислуги не решался переступить порог. В другой раз, когда ему помешали, он до того рассердился, что, схватив со стола бумагу, на которой писал, разорвал ее, скомкал и швырнул в лицо помешавшему ему. Это случилось с экономкой Инзова, женщиной в летах, из городского сословия. Когда после этого экономка, “жипуняса Катерина”, обидевшись, дулась на Пушкина, он просил извинить ему, так как это “находит” на него¹⁵. Сохранилось и воспоминание самого поэта о своей комнате в доме Инзова. В 1826 году он писал Н. С. Алексею: «Милый мой: ты возвратил меня Бессарабии! я опять в своих развалинах — в моей темной комнате, перед решетчатым окном...» (XIII, 309). Пушкин, будто еще раз, напомнил нам о своем рисунке «Окно». В комнате Пушкина в доме Инзова был и ночевал уже помянутый нами управляющий Екатеринославской конторой иностранных поселенцев А. М. Фадеев. Он приезжал к Инзову летом 1822 года, о чем и вспоминал потом: «Он целые ночи не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом он разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате во всей наготе своего натурального образа»¹⁶. Последние дни пребывания поэта в доме Инзова запомнил А. Ф. Вельтман: «От землетрясения стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал вынужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длинней ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексею»¹⁷.

Пушкин жил в доме Доница с конца октября 1820 года по весну—лето 1822 года. Фактически им здесь, в этом доме, в этой комнате, было написано почти все, чем славен бессарабский период Пушкина, исключая «Евгения Онегина».

Еще в те дни Инзову горку любил не только Пушкин. Сюда собирался весь город. По словам его знакомой П. В. Дыдыцкой,

«оттуда вид прекрасен на весь город. И сад там был отличный, сверху до низу все место было обсажено виноградом, крыжовником, малиною и разными фруктовыми деревьями. Инзов сам очень любил садоводство. А дом его был как дворец — хороший, особенно внутри. На Пасху тут на горе бывало гулянье. Мы ходили туда; когда Инзов уедет бывало в Болград, то мы тоже соберемся и идем туда, чтобы погулять в саду и посмотреть дом. Комнаты в нем были прекрасно отделаны; стены были выкрашены масляными красками, а на стенах нарисованы всякие ландшафты, разные деревья и проч. Очень, очень было красиво в доме...»¹⁸

Пока стоял этот дом, овеянный именем и духом Пушкина, сюда шли и шли люди. По свидетельству Н. А. Голынского, долго еще «на западной стене показывали окно, из которого Пушкин часто стрелял...»¹⁹ На развалинах дома, испещренных надписями, появились и такие стихи:

Здесь жил маститый генерал,
Враг шумных пиршеств и забав,
Здесь русский гений отдыхал,
Стяжал венок народной славы,
Его и школьник память чтит,
И часто, преклоня колена,
Рукою детскою на стенах
Здесь имя гения чертит...

¹ См.: *Bezuiconi Gr. Boierimea Moldovei dintre Nistru și Prut*. Buc. Vol. I [1940]. P. 17, 145, 209, 211—215, 216, 230; vol. II [1943]. P. 34, 106—107.

² См.: Описание Пушкинского музея Императорского Александровского лицея. СПб., 1899. С. 30—31.

³ См.: *Кушниренко В. О. Кишинев... // Независимая Молдова*. 1992, 6 июня.

⁴ См.: Молдавская ССР. Кишинев. С. 85.

⁵ Рус. архив. СПб., 1866. № 10. Стлб. 1481.

⁶ Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса, 1887. С. 21—24.

⁷ Москвитянин. 1855, № 4. С. 8, 9.

⁸ *Бартечев П. И.* О Пушкине. М., 1992. С. 161—162.

⁹ Рус. архив. 1866. № 8—9. Стлб. 1264.

¹⁰ Рус. архив. 1891. № 1. С. 399.

¹¹ Новороссийский телеграф. 1880, 27 мая, № 1576.

¹² Рус. архив. 1899. № 11. С. 341.

¹³ ПД 831. Л. 67об, 68об.

¹⁴ *Бартенев П. И.* О Пушкине. С. 161—162.

¹⁵ Рус. архив. 1899. № 11. С. 341.

¹⁶ Рус. архив. 1891. № 1. С. 399.

¹⁷ *Майков Л.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб, 1899. С. 124.

¹⁸ Отзывы о Пушкине с юга России. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 20.

Т. В. Ковалева

ГЕНРИЕТТА ЗОНТАГ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1820—1830-х ГОДОВ И В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

В седьмом томе собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного П. В. Анненковым, впервые был напечатан полный текст наброска «Участь моя решена. Я женюсь... (с французского)»¹. Написанный 12—13 мая 1830 года набросок имеет автобиографический характер — в нем запечатлены реалии московской жизни поэта накануне женитьбы², в частности: «Все радуются моему счастью, все поздравляют, все полюбили меня. Всякой предлагает мне свои услуги — кто свой дом, кто денег займы, кто знакомого бухарца с шашлями. Иной беспокоится о многочисленности будущего моего семейства и предлагает мне 12 дюжин перчаток с портретом M-lle Зонтаг» (VIII, 408).

Благодаря этой публикации Анненкова в конце 1850-х годов стало известно еще одно имя реального лица из круга современников поэта, упомянутых на страницах его произведений, — M-lle Зонтаг. В 1878 году И. С. Тургенев опубликовал подборку писем Пушкина к жене, в том числе послание от 30 апреля 1834 года (из Петербурга в Москву)³.

К этому письму нередко обращаются литературоведы в работах, посвященных последним годам жизни поэта, причем текст приводится, как правило, в той части, фрагмент из которой в данном случае важен и для нас: «...не утерпела ты, чтоб не съездить на бал кн. Галицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуваже-

ние. Ты не M-lle Sontag, которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят. Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передням, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога... Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться» (XV, 136).

Имя Зонтаг в тексте, в силу смысловой нагрузки, при чтении письма запоминается, поэтому гравированный портрет Генриетты Зонтаг (худ. и гравер. F. Stöber⁴) в немецком альманахе «Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828» («Незабудка на 1828 год», нем.)⁵ привлек наше внимание: милое лицо, легкая (или робкая?) улыбка, русые волосы из-под берета с пышными белыми перьями... Надпись на гравюре: «Henriette Sontag. Königl Preufs Kammer Längerin und Erste Längerin bei der Königlichen italienischen Oper in Paris als Anna in der Oper: die weisse Frau» — поясняет, что перед нами изображение «Первой певицы двора Его Величества Короля Прусского, первой певицы при Королевской итальянской опере в Париже в роли Анны в опере “Белая Дама”». Попытка уточнить биографические данные о Г. Зонтаг в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» неожиданно ничего не дала — имени Г. Зонтаг в словаре нет. А между тем из текста письма следует: Пушкин напоминает жене о примерах отношения московского дворянства к M-lle Sontag, причем примерах, в равной степени известных и Наталье Николаевне, и ему самому, тон высказывания позволяет предположить — факт известен поэту не понаслышке, а как очевидно — именно вследствие этого не чье-либо другое имя, а именно M-lle Зонтаг появилось из-под его пера в письме.

Самая обширная в пушкиноведении биографическая справка о M-lle Зонтаг дана Я. Л. Левкович в комментарии письма Пушкина от 30 апреля 1834 года: «Зонтаг (Sontag) Генриетта-Гертруда-Вальпурис, по мужу графиня Росси (1806—1854) — знаменитая немецкая певица. В 1828 г. вышла замуж за сардинского посланника в Париже графа Росси, но из-за ее недворянского происхождения и артистической деятельности брак их оставался сначала тайным, и она сохранила сценическое имя M-lle Зонтаг. Позднее была возведена прусским королем в дворянское достоинство и получила фамилию фон Лауенштейн, после чего покинула сцену, продолжая выступать в концертах. В 1830 г. Зонтаг гастролировала в Петербурге и Москве...»⁶.

В процессе проводившегося автором настоящей статьи исследования по определению библиографической ценности вышеназванного альманаха выявлены фактические данные, которые, как нам представляется, позволяют в определенной степени толковать мотивы появления М-л^e Зонтаг на страницах письма и рукописи Пушкина, а также дополняют биографическую хронику поэта и его окружения в 1830 году.

Как сообщается в русской периодике 1820—1850-х годов, будущая примадонна европейской оперы Генриетта Зонтаг «родилась 13 мая 1805 г. в Кобленце, в семье кочевых комедиантов»⁷. Будучи неполных пяти лет, она начала участвовать в спектаклях, в 1816—1821 годах училась в Пражской консерватории, в 1820 году успешно дебютировала на оперной сцене в Праге. С той поры имя Зонтаг обрело известность, стало появляться на страницах европейских газет и журналов. Каждая новая партия, исполненная певицей на сценах прославленных театров, становилась событием в музыкальной жизни Европы. В числе тех, кто помогал молодому дарованию окрепнуть, были великие К. Вебер и Людвиг ван Бетховен.

В истории музыкальной культуры Зонтаг известна как первая исполнительница сольной партии сопрано в Девятой симфонии Бетховена (1824, Вена) и заглавной партии в «Эврианте» Вебера (1823, Вена).

Современники считали вершиной мастерства «певицы несравненной, единственной, великой»⁸ партии: Агаты в «Вольном стрелке» Вебера; Анны в опере «Белая дама» А. Ф. Буальдьё; Розины в «Севильском цирюльнике» Россини; Донны Анны в «Дон-Жуане» Моцарта. Талант Зонтаг оценили при дворе прусского короля, что и нашло отражение в тексте надписи на гравюре с ее изображением в альманахе «*Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828*». В России имя Зонтаг стало известно в начале 1820-х годов благодаря рассказам слышавших ее путешественников по Европе и публикациям в русской периодике. Сообщения (в основном перепечатки из европейских журналов и газет) позволяли следить за творческой жизнью певицы, ее планами. Журнал «Вестник Европы» в майском номере 1830 года информировал русскую публику:

«О знаменитой певице Зонтаг, находящейся теперь в Варшаве и, по слухам, намеревающейся нынешним же летом посетить Петербург, *Немецкие листки* сообщают публике следующие фамильные тайны. Решительно говорят, что девица Зонтаг уже вышла замуж за графа Росси, отправлявшего разные должности по дипломатичес-

кой части, находясь на службе Его Сардинского Величества. Фамилия графа не хочет слышать о принятии в недра свои любезной певицы. По уважению, какое оказано ей в столице Пруссии, заключали многие, что ее трактуют уже как даму, имеющую права на титул графини. Пишут, что из Варшавы она отправится в Москву; побывает в Петербурге; посетит Англию, а там уже поедет к своему супругу, в Италию, где навсегда откажется от звания артистки. Фамилия Росси, может статься, и переменит мысли свои к приезду г-жи Зонтаг в Италию, тем более что граф, скудный собственными средствами, при хорошем достатке своей супруги, заживет благополучно, как человек независимый»⁹.

В Варшаве с Зонтаг познакомился молодой Шопен, сохранилось его письмо к Т. Войцеховскому, в котором мы находим следующие строки:

«Панна Зонтаг не красива, но в высшей степени хороша. Она всех очаровала своим голосом, который хотя и небольшого диапазона <...>, но чрезвычайно отработан...

<...> Она обладает некоторыми приемами (колоратурных украшений) совершенно нового рода, которыми производит огромное впечатление <...>. Кажется, что она веет на партер ароматом свежих цветов и чарует, и нежно ласкает...

Радзивилл рассказывал, что она так поет и играет последнюю сцену Дездемоны в Отелло, что никто не может удержаться от слез. Недавно я спросил ее, не споет ли она нам эту сцену в costume (потому что она к тому же прекрасная актриса), она мне ответила, что действительно она часто видела слезы на глазах у зрителей, но что игра на сцене ей так мучительна, что она дала себе слово "выступать в ролях как можно меньше"»¹⁰.

И покамест очарованный Шопен наслаждался пением и беседой актрисы в Варшаве, Москва готовилась к долгожданной встрече с нею. Именно в эти майские дни в книжных лавках первопрестольной появились гравированные портреты Зонтаг, что и засвидетельствовал в своем наброске Пушкин.

Зонтаг заинтересованно ждали, поскольку в ее репертуаре были произведения всех тогда особо почитавшихся в России европейских композиторов: Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена. П. А. Вяземский, находившийся в Петербурге, отметил в записной книжке 16 июня 1830 года: «История не полезнее другого: она потребность для образованного человека, в котором родились нравственные, умственные нужды, требования. Как мне потребно будет слышать Зон-

таг, когда она сюда приедет. Я от того не буду ни умнее, ни добрее, ни даже музыкальнее, а тем не менее не слышать ее было бы живое неудовольствие»¹¹.

«Московские ведомости» 2 июля 1830 года (№ 53) сообщили о приезде певицы в Москву. Обратимся к свидетельствам современников.

Записи впечатлений от концертов Зонтаг имеются в неопубликованном дневнике княгини М. А. Гагариной¹². М. П. Погодин, побывав сначала на концерте, а затем у певицы на репетиции, отметил в своем дневнике: «Как проста и мила. Ангел»¹³.

Но поистине хроникой пребывания Зонтаг в Москве является подробное изложение событий в письмах А. Я. Булгакова, адресованных брату К. Я. Булгакову в Петербург.

«5 июля 1830.

Вчера была у нас Зонтагша <...>. Много говорили о музыке, и так прошел час очень приятным образом. Показывал я ей портрет. После ездил я к князю Дм. Вл., к Кokoшкину и опять был у нее. Она дает концерт в четверг, 10-го...

11 июля 1830.

Как я ходил на сцену, нашел у Зонтагши князя Дм. Вл., Башилова, Кokoшкина, кн. Серг. Мих. Она что-то грустна. Мне сказала, что нездорова; другие говорят, что письма имела неприятные; третьи, что ей было больно, что не повел ее на сцену кто-нибудь из нас, а Шольц капельмейстер. Напрасно не сказала, я бы дал ей руку. Дело было бы Кokoшкина. Ведь граф В. В. Пушкин вел же Каталани? Ну уж хлопали! Такого шуму я не слышал никогда... Я нахожу у нее сходство с Фодоршею, тот же манер, и голоса схожи. Пение ее превосходное, но не совсем *gala italiana*, хотя произносит хорошо. Голос ее не очень силен, но чрезмерно нежен, приятен и гибок до бесконечности...

19 июля 1830.

Я был у Германского соловья <...>. Какой-то живописец ее нарисовал здесь, выгравировал такую карикатурою, что ужасно смотреть. Мой портрет у меня просят, но я не даю»¹⁴.

По прочтении этих строк у автора настоящей статьи возникло предположение: не из альманаха ли «*Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828*» был у Булгакова портрет? Но тогда продававшийся в Москве портрет Зонтаг, о котором говорят Пушкин и Булгаков, — это работа какого-то местного художника? Не очень удачная, судя по отзыву Булгакова, что, может, отчасти явилось причиной иронично-

го тона поэта. В процессе изысканий выяснилось — альманах «Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828» — библиографическая редкость настолько, что этим изданием не располагает даже РНБ.

В фондах Литературного музея Пушкинского Дома и в Отделе эстампов РНБ имеется несколько гравированных портретов Зонтаг на отдельных листах — два из них датированы 1830 годом. Первый (худ. E. Desmason), где она — юная, очаровательная — изображена в светлом платье, а второй — верная копия портрета работы Ф. Штёбера из немецкого альманаха, но без подписи и без указания имени художника¹⁵. Новая загадка.

Разгадка явилась на удивление быстро — при просмотре публикаций о Зонтаг в русской периодике. Седьмой номер за 1828 год «Дамского журнала, издаваемого князем Шаликовым» открывает статья «О девице Зонтаг», к которой приложен портрет певицы — та самая копия оригинала Штёбера из альманаха, что находится в фондах Отдела эстампов РНБ и Литературного музея Пушкинского Дома, только здесь портрет подписан: «Генриетта Зонтаг, А. Флоров». Гравюра грубовата — это особенно отчетливо выявляется при сличении ее с оригиналом. Неужели именно такую гравюру продавали в Москве?

Да! — отвечает нам князь Шаликов, сообщивший читателям «Дамского журнала» в сноске к статье «Второй концерт госпожи Зонтаг, 21 июля»: «Желающие иметь портрет ее, могут его получить от Издателя»¹⁶.

Таким образом, выяснено, что в наброске «Участь моя решена...» Пушкин говорит о гравированном портрете немецкой певицы Генриетты Зонтаг работы Флорова, который является копией гравюры работы Ф. Штёбера из немецкого альманаха «Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828».

А. Я. Булгаков в 1830 году состоял чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе. Этим объясняется его деятельное участие в организации концертов Зонтаг. Имя «князя Дм. Вл.» мы находим в каждом письме Булгакова, где говорится о пребывании Зонтаг в Москве. В окружение певицы входили также Ф. Ф. Кокоскин — управляющий московскими театрами, князь Сергей Михайлович Голицын — все эти лица были хорошо знакомы Пушкину.

Любопытно, что А. Я. Булгаков высказал восхищение талантом Зонтаг не только в письмах к брату. В послании П. А. Вяземского жене Вере Федоровне от 19 июля 1830 года (из Ревеля в Остафь-

ево) находим следующие строки: «А ведь я угадал. Ты острамилась или осрадилась. Мне Булгаков о том пишет. Ты не слыхала Зонтаг. Любопытен был бы я знать, если не было бы солнца на свете и вдруг показалось оно, пошла ли бы ты поглядеть на него. А какова моя жалкая судьба! В Москве я ее прогуляю, из Петербурга выеду, когда она придет. Удастся ли и раз послушать ее? А Нессельроде так меня в письме своем и надувает восхищением, хоть лопнуть. Не письмо, а книжка, не книжка, а дифирамб. Жаль, я хочу для газеты извлечь что-нибудь из письма его, а то прислал бы тебе»¹⁷. Речь идет о «Литературной газете».

Как видим, слышать Зонтаг неожиданно стало делом престижным. Взволнованный Вяземский пишет Вере Федоровне 22 июля: «Зачем же ты кому-нибудь в ложу не вотрешься, чтобы послушать Зонтаг?»¹⁸ И, наконец, в письме от 28 июля: «Спасибо за письмо 21-го, сейчас полученное. Спасибо за то, что спасла головушку мою от стыда за тебя, если не слыхала бы ты Зонтаг. А мне все еще досадно, что я ее не услышу»¹⁹.

Значит, В. Ф. Вяземская присутствовала на концерте 21 июля, на который стремились все, кому не удалось послушать Зонтаг 10-го. Сохранилось письмо А. В. Веневитинова к В. Ф. Одоевскому от 17 июля 1830 года, где читаем: «Хомякова я уже здесь не застал, он в деревне и почти совершенно выздоровел. Александр Пушкин уже, верно, теперь в Петербурге. Я иногда вижу Языкова. В понедельник услышу славную Зонтаг»²⁰.

Пушкин по делам женитьбы выехал из Москвы в Петербург 16 июля, поэтому 21-го на концерте Зонтаг не присутствовал. В настоящее время мы не располагаем документальными данными о присутствии Пушкина на концерте 10 июля, равно как и о дате той встречи поэта и певицы в московском свете, бытовые реалии которой он напомнил Наталье Николаевне в письме от 30 апреля 1834 года. В пушкиноведении эти строки письма (из издания в издание) комментируются однозначно: «В чем выразилось невнимание и неуважение княгини Т. В. Голицыной к Н. Н. Пушкиной, не установлено.

<...> Речь идет о характерной черте великосветского быта: артисты-гастролеры, приглашавшиеся для выступлений на светских балах, не рассматривались как полноправные гости»²¹.

Нам же представляется, что Пушкин «просил» жену не ездить на бал кн. Голицыной, поскольку наблюдал ранее примеры «невнимания и неуважения», которые «позволяла» хозяйка, но эти факты

имели место не по отношению к Наталье Николаевне. Очевидно, в июле 1830 года Пушкин и Наталья Николаевна (тогда еще невеста) на балу Т. В. Голицыной (т. е. в доме генерал-губернатора Москвы) или кого-либо из московской знати были свидетелями «невнимания и неуважения» к артистке, знаменитой певице Генриетте Зонтаг. И вот в 1834-м, Пушкин, по обыкновению наставляя свою доверчивую жену, дабы уберечь от неосторожного шага, который мог поставить ее в неловкое положение, прибегает к намеренно резкому сравнению, проводя параллель: отношение в великосветском обществе к гастролировавшей знаменитости и возможность подобного по отношению к Наталье Николаевне — жене знаменитого поэта, признанной красавице, приехавшей на время (как в 1830-м Зонтаг) в Москву. Встреча с Зонтаг могла произойти только до 16 июля, т. е. до отъезда Пушкина в Петербург.

В настоящее время известно свидетельство о присутствии Пушкина на балу в этот период — воспоминания В. И. Анненковой: «...первый в ее жизни “великолепный бал” у князя Сергея Голицына. “У меня был очаровательный туалет, — вспоминает Вера Ивановна <...>. Я танцевала с поэтом Пушкиным”»²². Бал давал Сергей Михайлович Голицын, т. е. «кн. Серг. Мих.», как называет его в письмах о пребывании Зонтаг в Москве Булгаков.

А военный генерал-губернатор Москвы Д. В. Голицын дал бал в честь Зонтаг 28 июля, накануне ее отъезда в Петербург. Булгаков писал 29 июля брату: «Я сию минуту от Зонтагши, посадил ее в карету <...>. Вчера князь Дм. Вл. с нею открыл бал, много пели, и она также»²³.

Об этом бале литератор Н. Ф. Павлов писал: «Я видел блистательное общество, тысячи огней, толпу народа на площади, над которой катился спокойный месяц, и снова сердце мое трепетало при звуках голоса, необъяснимого никакими поэтическими сравнениями <...>. Мы слышали голоса известных любительниц и любителей музыки; мы слышали Германского соловья, который пролетел Европу из края в край <...>. Начался вальс. Г-жа Зонтаг беспрестанно мелькала в его вихре. Наконец, однообразный порядок природы, полагающий конец и нашей печали, и нашей радости, прекратил этот памятный пир»²⁴. Здесь же напечатано стихотворное посвящение Н. Павлова «Генриетте Зонтаг».

«Этот... пир» памятен в истории отечественной культуры по следующей причине. В первой части вечера, в концерте, в честь Зонтаг прозвучали куплеты на мотив романса Алябьева «Соло-

вей». Куплеты пели три юные московские «грации»; для одной из исполнительниц, 16-летней Прасковьи Бартеновой, в будущем знаменитой русской певицы, это выступление явилось первым перед большою публикой.

Куплетами москвичи выразили свое признание Зонтаг — певице, первой из иностранных актрис исполнившей в своем концерте «Соловья». А. Я. Булгаков в письме к брату рассказал (26 июля 1830 года): «Ей очень полюбилась песнь Русская Алябьева “Соловей”: “Ваша прелестная дочь на днях пела мне ее, и она мне очень понравилась, надо аранжировать куплеты в виде вариаций, эта ария очень любима здесь, и я хотела бы ее петь” (перевод с франц. — Ред.). Все очень одобрили ее мысль <...>. Она тут же сочинила одну вариацию прекрасную, и я осмелился ее аккомпанировать <...>. Я остался у нее почти до четырех часов, она еще раз повторила слова и музыку “Соловья”, очень вникнула в эту музыку, и, верно, всех восхитит <...> поговорю о концерте прощальном <...>. Зонтагша никогда так хорошо не пела и не старалась <...>. Соловья бесподобно пела. Да и как соловью было не хорошо петь Соловья? Все хором закричали “фора”, и она пропела еще раз; так произносила, что слова не было потеряно, и прекрасно произносила, точно Русская»²⁵.

С этим концертом Зонтаг связана удивительная легенда. Из воспоминаний декабриста Н. И. Лорера: «В большом театре милая, любезнейшая женщина и знаменитая певица М. Sontag с большим выражением и чувством пропела романс, который, намекая на нашу ссылку, произвел фурор в публике и дошел даже до Сибири. Вот слова этого романса:

“Ты прости, наш соловей,
Голосистый соловей,
Тебя больше не слышать,
Нас тебе уж не пленять.

... (ит. д.)”

Говорят, что многим женщинам и знакомым ссылаемых сделалось дурно, и весь театр рыдал <...>. В то время, когда театр с восторгом аплодировал знаменитой певице, говорю я, восемь фельдшерских троек и восемь жандармов выезжали из крепости и понеслись по тракту в Сибирь <...>. В этих перекладных сидел первый разряд на 20 лет ссылки в каторгу»²⁶.

Что здесь можно сказать?

Как известно, первые партии декабристов были отправлены из Петропавловской крепости во второй половине июля 1826 года. Биографами композитора установлено: «7 января 1827 года романс Алябьева как новинку исполнил Павел Александрович Булахов...»²⁷.

Лорер приводит в воспоминаниях стихи, которые принадлежат не Дельвигу, а литератору Н. П. Кашинцову, получившие название «Прощание с соловьем». Романс на эти стихи был написан Алябьевым в феврале 1828 года и для публики впервые прозвучал в середине марта 1828 года²⁸.

Г. Зонтаг, как мы знаем, впервые приехала в Россию в начале июля 1830 года.

Конечно, рассказ декабриста — это прекрасная легенда, в которой переплелись восторг восприятия слушателей, почитателей музыки Алябьева и таланта Зонтаг, с состраданием к участи заключенных в сибирские остроги.

Вскоре после выступления Зонтаг в Москве были изданы «Три песни, петье г-жою Зонтаг», в их числе фортепианная аранжировка алябьевского «Соловья». Несколько лет спустя Алябьев посвятил графине Росси (Зонтаг) элегию «Когда, душа, просилась ты...» на стихи А. Дельвига.

Этот приезд в Москву оказался единственным в жизни актрисы. Все дальнейшее в ее судьбе, имеющее отношение к России, связано с Петербургом, где она с блеском завершила гастроль 1830 года.

В «С.-Петербургских ведомостях» за 8 августа 1830 года (№ 94—95) была помещена перепечатка статьи князя П. И. Шаликова из «Московских ведомостей» о концерте Зонтаг в пользу Московской немецкой труппы, который она давала 24 июля.

Между тем Зонтаг уже прибыла в Петербург, где еще находился Пушкин и куда как раз возвратился из Ревеля П. А. Вяземский. В письме Вяземского к жене от 4 августа 1830 года (из Петербурга) читаем: «Приехал я сюда вчера утром часу в шестом <...>. Я рад, что княжнушки²⁹ услышали M-elle Sontag <...>. Я вчера попал на детский бал к Бобринской и нашел там свою Елизу и свою Австрию³⁰. Пушкина еще не видал; посылал за ним, но его дома не было...»³¹.

В этом письме рукою Пушкина сделана известная приписка: «Здравствуйте, княгиня. Как досадно, что вы не застали меня в Москве...», — указывающая, что, очевидно, тем же вечером Пушкин побывал у Вяземского.

Пребывание в Петербурге для Пушкина — это деловые встре-

чи, участие в подготовке очередных номеров «Литературной газеты» (в № 45 от 9 августа 1830 будут напечатаны две его заметки), посещение театра, концертов, великосветских салонов и т. д.

Н. О. Пушкина писала из Петербурга дочери, О. С. Павлицевой: «Александр был у Эрминии, а вчера был у нее в ложе»³². У Эрминии, т. е. у Е. М. Хитрово. 10 августа Пушкин и Вяземский выехали из Петербурга в Москву. Вслед поэту полетело письмо Е. М. Хитрово, в котором, в частности, сообщалось: «У меня ужасный кашель, который начался в то время, когда вы пришли ко мне вчера. Я лелею его как драгоценное воспоминание! Зонтаг очень аплодировали. Она вроде Фодор. Она удивляет, но не трогает меня. Послушайте Петрорани, Паста, Рубини, Давида, и ваши неры затрепещут и сердце стеснится, его охватит страх за тех, кого ты любишь, и, кажется, отдал бы жизнь, чтобы снова оказаться вместе с ними. Голос Зонтаг напоминает слишком придворные салоны и “Упражнения” Маурера»³³.

Первый концерт Зонтаг в Петербурге состоялся 11 августа, очевидно, письмо писалось поздно вечером, по возвращении Елизаветы Михайловны из театра. Обращает на себя внимание интонация сообщения — как продолжение разговора, возможно, ранее имевшего место обмена впечатлениями о певице.

В депешах к королю вюртембергского посланника в Петербурге князя Г. Гогенлоэ имеются сведения о его знакомстве с Зонтаг, происшедшем 9 августа 1830 года в салоне великой княгини Елены Павловны на ее даче в Павловске, куда певицу пригласили на музыкальный вечер³⁴. Вполне вероятно, что до 11 августа Зонтаг была принята и в великосветских салонах Петербурга.

«С.-Петербургские ведомости» 13 августа 1830 года (№ 97) поместили первую рецензию «Концерт г-жи Зонтаг», следом за которой отчеты о концертах публикуются на страницах практически всех петербургских изданий.

В «Литературной газете» от 29 августа 1830 (№ 49) появилось посвящение «Генриетте Зонтаг» («И к нам ты прилетел, волшебный соловей...»), подписанное «Б***» с пометой «С.-Петербург. 23 августа 1830». Имя автора было названо в оглавлении второго тома «Литературной газеты» — Е. Баратынский³⁵.

Следующим посвящением явились стихи И. И. Козлова «К певице Зонтаг»:

Вчера ты пела. Голос нежной,
Рассея мрак мой безнадежной,
Небесной дышит чистотой...³⁶

В дневнике И. Козлова имеется запись от 15 августа 1830 года: «Мы с женой и детьми были в концерте M-lle Зонтаг, в Малом театре <...>. Какое наслаждение мне доставило ее прекрасное пение: свежесть, грация, законченность, невыразимая прелесть! Я всю жизнь буду помнить это наслаждение»³⁷.

Стихи Козлова — не единственная публикация «Северной пчелы» о Зонтаг. Несколько ранее Н. Греч в опусе «Десятое письмо с Каменного острова в Карлово. — 12 августа» делился впечатлениями о концерте: «Не требуйте от меня описания того, что она произвела в слушателях. Вообрази красавицу Германии, нежную, голубооую <...>, в которой красота, образование, талант, искренность спорят между собою. Вообрази, что из прелестнейших уст, едва скрывающих два ряда жемчужин, излетают нотки очаровательные, ангельские, и ты будешь иметь только безмолвную тень того, что мы видели и слышали. Это не громкий, величественный, все заглушающий голос Каталани, это облечение нежной души с родным ей звуком. И как этот голос обработан, какая легкость, плавность, непринужденность. Кажется, у ней две скалы голоса: окончив пассаж одною, она повторяет его другою, нежно, тихо, очаровательно — это быстрая радуга, теряющаяся во влажных облаках...»³⁸.

Сам Булгарин выступил со статьей, где писал, в частности: «Если верить в действие магнетизма, то в голосе г-жи Зонтаг есть какая-то магическая сила, потрясающая сердце слушателей и приводящая в восторг <...>. То самое место, которое Моцарт занимает между композиторами, г-жа Зонтаг занимает между исполнительницами музыки, т. е. артистками. Она постигла великую тайну пробуждать в душе чувство гармонии, чувство, общее мыслящим творениям, но у многих находящееся в усыплении. В пении Зонтаг есть душевная теплота, проникающая в душу слушателя и оживляющая ее»³⁹.

Эти публикации не остались вне поля зрения «Литературной газеты», которая предоставила читателям возможность познакомиться с «Беспристрастными мыслями о пении Г-жи Зонтаг»: «Большая половина наших крикунов-энтузиастов имеет в музыке весьма неосновательные познания; да и на что? они всегда руководствуются своим чувством как непреложным законом, нисколько не помышляя о том, что оно может быть неправильным и требует утонченности и образования»⁴⁰. Автором статьи был А. Дельвиг. В ответ Булгарин

выступил с двумя публикациями в адрес «Литературной газеты», утверждая в них, что, желая привлечь внимание читателей и «как-нибудь, но заставить говорить о себе, газета стала унижать талант г-жи Зонтаг»⁴¹. В полемику включился журнал «Сын отечества и Северный архив», на страницах которого автор С. в статье «Некоторые замечания на выходки против девицы Зонтаг» заявил, в частности: «Литературная газета, отличающаяся часто довольно оригинальными суждениями, вздумала нынче блеснуть беспристрастными мыслями о девице Зонтаг <...>. Газета сердится, что Зонтаг безотчетно превозносят <...>».

Беспристрастный судья сознается, что он в Г-же Зонтаг далеко не нашел того, что ему о ней говорили <...>. Другая беда, охота сравнивать Зонтаг с певицами, пользующимися известностью...»⁴².

Дельвиг был вынужден ответить. В статье «Замечания на замечания г-на С.» он изложил свое мнение о Зонтаг, заявив, что ее «почитает прекрасною, необыкновенною певицей, которую рад всегда с величайшим удовольствием слушать...»⁴³, — но от высказанных ранее замечаний не отказывается, считая их справедливыми. В этой связи интересно сравнить соответствующие фрагменты текстов публикаций Дельвига в «Литературной газете» и упоминавшегося выше письма Е. М. Хитрово к Пушкину.

Дороги Пушкина и Зонтаг навсегда разошлись 10 августа 1830 года с отъездом поэта из Петербурга в Москву, откуда в последних числах августа Пушкин выехал затем в Болдино.

По возвращении в Москву, уже зимой, он, вероятно, читал восторженные посвящения Генриетте Зонтаг собратьев по перу — как известно, в библиотеке поэта имелись оба тома «Литературной газеты».

В великолепном поэтическом хоре голоса Пушкина мы не слышим. Возможно, эти строки поэта (как очень многие другие) просто не дошли до нас. Но сегодня известно, что газета «Московские ведомости» в 1832 году, 7 мая, опубликовала статью «О новых музыкальных изданиях г-на Кашина», в которой рецензировались сочинения московского композитора Д. Н. Кашина и среди них песня «Девицы, красавицы...» на стихи Пушкина (из «Евгения Онегина»). Песня «Девицы, красавицы...» имела посвящение: «Для г-жи Зонтаг»⁴⁴.

Думается, не только подобные напоминания не позволяли забыть певицу. Был еще и тот неведомый нам эпизод в судьбе Зонтаг, Пушкина и Натальи Николаевны, оставшийся для него вечной па-

мятью общего жребия.

Летом 1831 года в «Северной пчеле» появилось сообщение о «Записках» Г. Зонтаг-Росси, которые печатались в Гааге⁴⁵. Судьба певицы волновала современников настолько, что послужила основой оперного либретто, написанного Э. Скрибом. В 1836 году в «Опера-комик» в Париже состоялась премьера оперы Д. Обера «Посланница». Сама же героиня оперы, графиня Росси, в 1838 году прибыла в Петербург, теперь вместе с мужем, посланником Сардинии в России. Вот портрет певицы этих лет, оставленный нам В. В. Стасовым: «На сцене мы ее никогда не слышали, она была теперь уже не Генриетта Зонтаг, а жена итальянского посланника Росси, о сцене давно уже забыла, проводила время во дворцах и аристократических салонах, но все-таки иной раз участвовала в благотворительных концертах Патриотического общества <...>, но несмотря на все это, она сохранила всю свою ангельскую, чисто рафаэлевскую красоту и грацию выражения, и Серов, всего прежде наклоненный к грациозному в искусстве, сходил от нее положительно чуть не с ума. Много подробностей об ее пении и исполнении читатель найдет в восторженных письмах Серова ко мне периода 1841 года»⁴⁶.

Конец жизни Генриетты Зонтаг — графини Росси был горек. Замечательный русский актер П. Каратыгин рассказал в своих воспоминаниях: «...Странная, грустная судьба постигла эту необыкновенную художницу и безупречную женщину: говорят, граф Росси впоследствии проиграл все ее состояние, приобретенное ее артистической деятельностью, и она, почти из крайности, должна была снова явиться на театральных подмостках; но так как в Европе, будучи обедневшею графиней, неловко было ей обратиться к покинутой ею профессии, то она решилась отправиться в Америку, где и скончалась от холеры...»⁴⁷.

Генриетта Зонтаг умерла в 1854 году, семнадцать лет спустя после смерти Пушкина.

¹ Пушкин А. С. Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. Т. 7. СПб., 1857. С. 139—142 (2-я пагинация).

² 6 мая 1830 года в Москве состоялась помолвка А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой (см.: Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1983. С. 49—54).

³ См.: Вестник Европы. 1878. № 3. С. 10.

⁴ Штёбер (Stöber) Франц Ксавье (1795—1858) — резчик по меди и стали,

с 1829 года был признан первым гравером в Австрии (см.: *Thiene Ul., Becker F. Allgemeines lexikon der bildenden Kunstler...* Т. 2. Leipzig, 1938). Ф. Штёбер был известен в России. В 1830 году Ф. Булгарин переиздал свои сочинения (*Булгарин Ф. В. Сочинения: В 12 ч. 2-е изд. СПб., 1830*). В первой книге этого издания перед титульным листом 1830 года помещен портрет Булгарина и воспроизведен титульный лист, украшенный виньеткой: «Сочинения Фаддея Булгарина. С.-Петербург, 1827», подписанный: F. Stöber. Следующие книги «Сочинений» издания 1830 года также оформлены гравюрами, выполненными «резчиком Штебером в Вене».

⁵ *Vergissmeinnicht ein Taschenbuch für 1828 / Von H. Clauen. Leipzig bei Friedrich August Leo, 1827..* (В фондах Научной библиотеки Ростовского университета, инв. № 20203 и; на обороте титульного листа эскиз библиотеки бывшего владельца — овал, внутри надпись: «Herzogicher S. Meiningscher Bibliothek».)

⁶ *Пушкин А. С. Письма к жене / Изд. подготовила Левкович Я. Л. Л.: Наука, 1987. С. 211 (см. также с. 161); Пушкин: письма последних лет: 1834—1837. Л.: Наука, 1969. С. 406 (см. также с. 39).*

⁷ *Музыкальный свет. 1852. № 10. С. 146; Библиотека для чтения. 1850. Т. 101. № 6. С. 213.*

⁸ *Дамский журнал. 1830. Ч. 31. № 32 (август). С. 91.*

⁹ *Вестн. Европы. 1830. № 6. С. 151.*

¹⁰ *Шопен Ф. Письма. М.: Музыка, 1964. С. 159—162.*

¹¹ *Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 172.*

¹² *См.: Гагарина М. А. Дневник (1829 апр. 2 — 1835 янв. 5), РГБ. Ф. 439.*

¹³ *Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 182.*

¹⁴ *Булгаков А. Я. Письма его к брату. 1830 // Рус. архив. 1901. № 12. С. 483, 484.*

¹⁵ *ПД. Лит. музей, инв. № 61195, подпись: «H. Zontag», гравюра на стали, имя гравера не указано; РНБ, Отдел эстампов, М-11е Sontag (d'après le portrait peint en 1830), Е. Desmaison // Собр. Стравинского, ЭГП 23848, инв. № 1873.*

¹⁶ *Дамский журнал. 1830. № 33. С. 110.*

¹⁷ *Эвенья. Т. 6. М.; Л.: Академия, 1936. С. 301.*

¹⁸ *Там же. С. 303.*

¹⁹ *Там же. С. 308.*

²⁰ *Рус. старина. 1904. № 4. С. 204. Алексей Владимирович Веневитинов (1806—1872) — брат поэта Д. В. Веневитинова.*

²¹ *Пушкин. Письма последних лет: 1834—1837. С. 39; Пушкин А. С. Письма к жене. Л.: Наука, 1987. С. 161.*

²² *Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964. С. 168.*

²³ *Рус. архив. 1901. № 12. С. 492.*

²⁴ *Моск. вестник. 1830. № 13. С. 91.*

²⁵ Рус. архив. 1901. № 12. С. 489.

²⁶ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 111—112.

²⁷ Штейнпресс Б. С. Биография «Соловья». М., 1968. С. 19.

²⁸ Там же. С. 33. См. также: Штейнпресс Б. С. Страницы из жизни А. Алябьева. М., 1956. С. 254—258.

²⁹ Дочери Вяземских.

³⁰ Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон.

³¹ Звенья. Т. 6. С. 310—311.

³² Враская В. Пушкин в переписке родственников // Лит. наследство. Т. 16—18. 1934. С. 776.

³³ Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово // Прометей. Т. 10. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 252—253.

³⁴ Деша № 40 от 9 августа 1830 г. // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 295.

³⁵ В изданиях сочинений Е. А. Баратынского советского периода стихотворение «Генриетте Зонтаг» не включается, так как в 1910-х годах возобладали следующее мнение ряда литературоведов: «Стихотворение не может принадлежать Боратынскому, так как не только 23-го августа 1830 года поэта не было в Петербурге, но и в течение всего этого и целого ряда других годов Боратынский не бывал в Петербурге» (Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1914. С. 330.) См. также: Кац Б. «Благодарим, волшебница...»: О стихах, посвященных певицам // Муз. жизнь. 1985. № 16. С. 19.

³⁶ Сев. пчела. 16 сент. № 111.

³⁷ Грот К. Я. Дневник И. И. Козлова. СПб., 1906. С. 16.

³⁸ Сев. пчела. 1830. 14 авг., № 97.

³⁹ Сев. пчела. 1830. 14 авг., № 97.

⁴⁰ Лит. газета. 1830. 18 сент., № 53.

⁴¹ Сев. пчела. 1830. 23 сент., № 114; 27 сент., № 116.

⁴² Сын отечества и Северный архив. 1830. № 39. С. 380—384.

⁴³ Лит. газета. 1830. 8 окт. № 57.

⁴⁴ Н. А. Полевой писал: «Кто не знает голосов Кашина на слова Мерзлякова? Кто из слышавших Сандунову не помнит петых ею песен Кашина и не любовался его Лучинушкою в устах Зонтаг и Шоберлехнер» (Столянский П. Н. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л.: Музыка, 1983. С. 141)

⁴⁵ Сев. пчела. 1831. 25 июня, № 140.

⁴⁶ Рус. старина. 1881. № 6. С. 265. Серов Александр Николаевич (1820—1871) — композитор.

⁴⁷ Рус. старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 104.

А. И. Давыдов

ПУШКИН И АРХИЕПИСКОП ЕВГЕНИЙ (КАЗАНЦЕВ)

В пору своей михайловской ссылки Пушкин имел возможность близкого знакомства и общения с псковским духовенством. В числе его знакомых были священники двух соседних церквей пригорода Воронич: Воскресенской (в приходе которой состояли жители селца Михайловского) — о. И. Евдокимов по прозванию Раевский и Георгиевской на городище — о. Корнилий Иванов, а также настоятель Святогорского монастыря игумен Иона.

В Псковской губернии Пушкину довелось иметь личные контакты с представителями высшей церковной иерархии: архиепископами Е. Болховитиновым и Е. Казанцевым. О знакомстве с Болховитиновым, возглавлявшим Псковскую епархию с 1816-го по 1822 год, известно только со слов самого Болховитинова: «Я знал его в Пскове, где его фамилия»¹.

Сведения об отношениях Пушкина с Е. Казанцевым, занимавшим Псковскую кафедру с 1822-го по 1825 год, исходят как от самого Пушкина, так и от архиепископа Евгения.

Очевидно, что этот мимолетный эпизод оставил в памяти архиепископа Евгения большой след, чем у поэта. Воспоминания Евгения о знакомстве с Пушкиным дошли в передаче его современников.

В 1853 году П. В. Киреевский, прекрасно знавший обоих, рассказывал П. Бартеневу: «Когда Евгений (теперь Ярославский) был архиепископом Псковским и посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвященного»².

По-видимому, заинтересованный личностью поэта, явившегося знакомиться к нему так, без обиняков, и в таком странном виде, архи-

епископ сам приглашает Пушкина бывать у него, когда тот будет в Пскове. И в первую же поездку во Псков по своим делам осенью 1825 года (с 25 сентября по 3 октября) Пушкин посещает архиепископа Евгения в Снетогорском монастыре, который был местом его постоянного пребывания (архиерейского дома в самом Пскове тогда не имелось). Месяц спустя, уже из Михайловского, Пушкин пишет Вяземскому: «Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо — да сжег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения» (XIII, 240).

Под старость Казанцев любил вспоминать о своем общении со знаменитым поэтом и рассказывать о нем своим знакомым. Отголоском этого рассказа звучит дневниковая запись 1857 года профессора Московского университета И. М. Снегирева, который «ходил пешком в Донской монастырь <...>. С преосвященным Евгением поговорил о разных делах, между прочим о митрополите Платоне и о знакомстве преосвященного с Пушкиным во Пскове, где он ходил в странном костюме и хотел писать трагедию “Иоанн Грозный”»³. Тут память изменила 79-летнему архиепископу: это несомненно был не «Иван Грозный», а «Борис Годунов», над которым в ту пору Пушкин с увлечением работал и о котором, вероятно, рассказал архиепископу.

Больше они не встречались, так как через полтора месяца после свидания с Пушкиным архиепископ Евгений отправился в далекую Сибирь, откуда вернулся только в 30-е годы. 1825 год в жизни архиепископа Евгения был самым драматичным и полным духовных исканий. Старший современник поэта (1778—1871), воспитанник, а затем преподаватель философии Петербургской Духовной Академии, на деятельность которой оказало влияние «дней Александровых прекрасное начало», Казанцев был человеком широких взглядов, не чуждым либеральных веяний в церковной жизни, веротерпимым и внутренне независимым. Он был активным членом Библейских обществ, в которые входили представители разных конфессий. В обществе перевод его из благополучной Псковской епархии в Сибирь воспринимался в связи с начавшимися гонениями на мистицизм как удаление неугодного иерарха из центра в глушь. Но это было не так. Дело в том, что Евгений сам стал проситься (единственный раз в жизни — в последующие его перемещения он лишь безропотно исполнял предписание властей) из Псковской епархии в неведомую Сибирь, причем без всяких внешне основательных причин. В дневнике своем он тогда пишет: «1825-го июля 24-ого по-

слал письмо, которым просил, чтобы переместили в Тобольскую епархию, которая тогда была праздною. Какая тому была причина, ни в письме не объяснил и никому не открыл. Не было, впрочем, ни бед, которые все уже отвращены; не имел ни с кем и вражды или от кого-либо обиды, будучи со всеми всегда откровенным и искренним и в последней своей проповеди пред Богом свидетельствовал, что всем и всеми был доволен. Но бывают в жизни случаи и намерения, коих основание одному Богу известно»⁴. Синод, которому Евгений послал письмо о переводе его в Сибирь, первоначально отклонил его просьбу. Ведь Евгений являлся одним из перспективных и видных ученых иерархов (сам министр Разумовский предлагал ему кафедру философии в университете, и он был на хорошем счету у императора). Но Казанцев повторными письмами настаивает на этом, и вот 30 сентября император по представлению Синода подписывает указ: «Евгения, архиепископа Псковского, согласно собственному его желанию, перевести в Тобольскую епархию»⁵.

Много лет спустя, выступая против разных слухов в связи с этой историей, архиепископ Евгений в письмах к своим близким говорил, что незадолго перед принятием им решения поехать в Сибирь ему стали являться в сновидениях покойные отец и мать и митрополит Платон, которые требовали, чтобы он не обольщался путями земного благополучия, не успокаивался на достигнутом им в жизни и, покинув благоустроенную и выгодную Псковскую епархию, отправился бы в Сибирь просвещать светом Христовым дикие народы.

Архиепископ Евгений был в самых наилучших отношениях с губернатором, предводителем псковского дворянства, командиром расквартированной в Пскове дивизии И. А. Набоковым, с которым впоследствии вел переписку⁶, сообщая ему о находящемся в сибирской каторге Пущине. Проводы архиепископа при отъезде из Пскова вылились в настоящую демонстрацию всеобщей любви и уважения. Очевидец рассказывал: «22 ноября 1825 года Евгений совершил последнюю литургию в Псковском кафедральном соборе, сказав последнее прощальное слово (при произнесении которого сам плакал и все предстоящие плакали), и, совершив напутственное молебствие, прямо из собора отправился в путь. По выходе его из алтаря и при вступлении на амвон пред амвоном стоящий ректор семинарии архимандрит Иннокентий произнес прощальную речь. Долго продолжалось его шествие, так как все жаждали принять последнее благословение любимого архипастыря. Не только почти все жители города, но и пришедшие для сего окрестные жители в великом мно-

жестве со слезами провожали его за город. Здесь, остановившись и вышедши из экипажа, преподал всем общее благословение и отправился в дальнейший путь. Немалое число сопровождающих из высшего дворянства, администрации и купечества, испросив его согласия, вслед за ним отправились до первой станции. На станции неожиданно, к его изумлению, изготовлен был обед от купечества. Приняв подобный обед накануне в доме губернатора от дворянства, не мог не согласиться и здесь, и отселе отправился уже в сумерки, простясь среди всеобщих слез. Проехав около трех верст, удивился, что его лошадей кто-то остановил, выглянул из кареты и увидел стоящую толпу; изумился, что несколько экипажей за ним тоже остановились. Это еще некоторые из тех же лиц его провожали, и опять в слезах со всеми простился и уже безостановочно продолжал путь⁷. На обедах, данных в честь его дворянством и купечеством, исполнялась певчими небольшая кантата по собственным нотам и словам Евгения, следующего наивно-трогательного содержания:

Любезную епархию оставить должен я,
В ужасные сибирские отправиться края;
Но если безошибочно мне сердце говорит,
То вами и в отсутствии не буду я забыт.
Вы здесь о мне помолитесь, — о вас я буду там,
Да будет благ и милостлив Господь ко мне и вам.
Прости навек, любезный Псков! Не зреть тебя уж мне.
Но неразлучен я с тобой и в дальней стороне»⁸.

Архиепископ Евгений писал стихи в течение всей своей жизни, начиная со студенчества (стихотворение «Ручей» посвящено Платону) и кончая переводами с латинского, осуществленными за два года до смерти. Он знал Жуковского, братьев Киреевских и Полевых, И. Аксакова, И. М. Долгорукова. С последним, по словам Пушкина, не оцененным по достоинству поэтом, был особенно близок. И. М. Долгоруков в своих мемуарах «Капище моего сердца» пишет: «Он посвящен в епископы и нимало не кичился такой благоприятной переменой в судьбе его. Знакомство наше продолжается и поныне, и я нередко с ним переписываюсь. Письма его все наполнены живого огня и чувствительности; в них видна вся душа его, как в чистом зеркале, и такие пастыри, каков он, редко видятся в нашей духовной иерархии»⁹.

Архиепископ Евгений сохранял в себе до старости эту огненность и чувствительность. Семидесятидвулетний старик, он пишет

близкому ему Гавриилу Рязанскому: «Всеобщее безмолвие Рязани <где Евгений был епископом после возвращения из Сибири. — А. Д.> в отношении ко мне сделало меня так робким, что не смел и подумать ехать через Рязань. Ваше приглашение, столь благосклонное, столь любезное, потрясло меня электрически, и я крайне жалею, что лишил себя удовольствия видеть, слышать и обнять Ваше Высокопреосвященство»¹⁰.

Когда Архиепископ Евгений занимал свою последнюю, Ярославскую кафедру, с ним познакомился И. С. Аксаков, который писал: «Вот оригинал. Ему за 70 лет, но он бодр, жив и энергичен, говорит языком простым и резким, несколько грубым и полон негодований»¹¹.

На торжественном обеде, данном в Ярославле по случаю получения им награды, Евгений сказал: «Выпьемте за здоровье благодетеля моего Государя Императора!» Второй тост был им предложен за здоровье прочих членов царской фамилии. При третьем он сказал: «Этот следовало бы, по обыкновению, пить за здоровье Синода, но я ему ничем не обязан; выпьемте его лучше за мое здоровье»¹². Казанцев с презрением относился к тем лицам, которыми вместо выживаемых оттуда таких достойных членов, как Дроздов и Амфиотров, заполнял Синод всесильный обер-прокурор Протасов, ставший превратить Синод в совещательный орган при канцелярии обер-прокурора, а епископов — в нечто вроде заместителей губернаторов по идеологической части. Беседуя с проезжающими в Ярославль на каникулы студентами Петербургской Академии, Казанцев их спрашивал: «Скажите мне, что там у вас за Антоний сидит в Петербурге?»¹³ Что он такое? Что он сделал особенного? Я что-то и не слышал о нем до назначения его в петербургские митрополиты. Говорит ли он что-нибудь на ваших академических экзаменах? Делает ли возражения?» Студенты, затрудненные такими вопросами, робко заминаясь, сквозь зубы отвечали: «Да, иногда он делает некоторые возражения». — «Да умные ли?» — опять спросил Евгений. — Решает ли сам свои возражения? Ведь давать возражения-то нетрудно: и дурак, говорит русская пословица, бросит камень в воду, а десять умников его не вытащат; а реши-ка их сам — вот это другое дело»¹⁴.

На протяжении всей долгой жизни архиепископа Евгения всегда у него были столкновения и нелады с Синодом. Поэтому И. М. Долгоруков замечает, что он «постоянно был гоним высшими властями»¹⁵.

Скончался один из знакомцев А. С. Пушкина в 1871 году, 93 лет от роду, пребывая в покое в Донском монастыре, где и был погребен.

¹ *Снегирев И. М.* Старина русской земли. СПб., 1871. Т. I, кн. 1. С. 135.

² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым // Издание Сабашниковых. Л., 1925. С. 53.

³ Рус. архив. 1904. № 6. С. 234.

⁴ *Благовещенский И.* Архиепископ Евгений Казанцев. М., 1875. С. 56.

⁵ Там же. С. 56.

⁶ *Пуццин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 91.

⁷ *Благовещенский И.* Архиепископ Евгений Казанцев. М., 1875. С. 63—64.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 145.

¹⁰ Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 3. С. 158.

¹¹ *Аксаков И. С.* Письма из провинции. М., 1991. С. 299.

¹² *Морошкин М. Я.* Материалы для истории Православной церкви в царствование императора Николая I // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1901. Т. 113. С. 181.

¹³ Митрополит Петербургский Антоний Рафальский, первоприсутствующий в Синоде в 1843—1845 годах. «Николай I, бывший об Антонии очень высокого мнения, сказал о нем после его кончины: “Да! У меня митрополит будет, но Антония уже не будет!” Такую благосклонность от императора он заполучил благодаря рьяному обращению униатов в православие, коим мероприятием чрезвычайно гордился Николай I. Лесков называет Антония “Вольнский крутопоп”» (Исторический вестник. 1888. № 4).

¹⁴ *Морошкин М. Я.* Материалы для истории Православной церкви... С. 183.

¹⁵ *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца. С. 145.

Г. Г. Таракановский

«ГРАФ ЮРЬЕВ»

Среди тех, с кем А. С. Пушкин общался в течение своей непродолжительной жизни, был В. Г. Юрьев, или «граф Юрьев», как поэт иронически называл его по аналогии с министром финансов александровского и николаевского времени графом Е. Ф. Канкриним¹.

В пушкинской литературе сведения о Юрьеве чрезвычайно скупы и буквально укладываются в несколько строк:

«Юрьев Василий Гаврилович — прапорщик гвардейской инвалидной роты, ростовщик. Пушкин и Н. Н. Пушкина неоднократно занимали у него деньги под проценты. Известны заемные письма Пушкина, выданные Юрьеву: 22 апр. 1833 на 6,5 тыс. руб. и 19 сент. 1836 на 10 тыс. руб., а также письмо Н. Н. Пушкиной от 30 дек. 1836 на 3,9 тыс. руб. Долг Пушкиных Юрьеву был уплачен Опекой. Юрьев упоминается в переписке Пушкина с женой и Л. М. Алымовой (1833—1835). Сохранились письмо Юрьева к Н. Н. Пушкиной от 2 апр. 1837 и ответное письмо Пушкиной от 30 апр. того же года»².

При работе в Российском военном архиве удалось обнаружить два дела, существенно расширяющие наши представления об этом знакомом Пушкина. Первое — «По прошению вдовы разжалованного из капитанов в рядовые Евдокии Юрьевой о пожаловании ей ежегодного денежного пособия»³, второе — «Формулярный список о службе и достоинстве эконома Училищ солдатских дочерей полков лейб-гвардии Гарнизонного батальона капитана Юрьева»⁴.

Юрьев родился в 1798 году, происходил из солдатских детей, был православного вероисповедания.

В военную службу Юрьев вступил рядовым в 1816 году в Учебный Карabinерный полк. Через три года он получил чин унтер-

офицера 4-го, а затем 3-го класса и по 1829 год служил в учебной команде, состоявшей при лейб-гвардии Конно-пионерном эскадроне. «За выслужением узаконенных лет» получил следующий чин — прапорщика и был определен в военно-рабочие роты Инженерного корпуса.

В 1828—1829 годах Юрьев участвовал в войне против Турции, за что был награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте, установленной в ознаменование боевых заслуг.

В холерные дни 1831 года Юрьев занимался доставкой в больницы «разных гошпитальных вещей», а затем был командирован в селение Ижору, где в пяти избах организовал временные холерные больницы, при которых оставался смотрителем. Эти поручения Юрьев исполнил «с отличным усердием, расторопностью и примерною деятельностью», за что заслужил признательность начальства и был награжден ценным подарком.

В 1834 году Юрьев по высочайшему повелению был назначен на должность эконома Училищ солдатских дочерей полков лейб-гвардии, числясь сначала в 1-й гвардейской инвалидной роте, а затем — в Гарнизонном батальоне лейб-гвардии. «За отличие по службе» он был произведен в первый офицерский чин — подпоручика с возведением в дворянское достоинство, потом в поручики, штабс-капитаны и, наконец, в 1848 году — в капитаны.

«За отлично усердную и ревностную службу и примерную распорядительность по должности эконома Училищ солдатских дочерей полков лейб-гвардии» Юрьев был удостоен четырех бриллиантовых перстней: 12 октября 1842 года, 26 сентября 1845 года, 15 августа 1848 года и 26 сентября 1850 года. Кроме того, за ту же «отлично усердную и ревностную службу по ходатайству его императорского высочества главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами» он был неоднократно жалован на вспомоществование единовременно значительными денежными суммами: в 1834 году — 170 руб. ассигнациями, в 1842 и 1843 годах — по 145 руб. серебром, в 1844 и 1846 годах — по 157 руб. 50 коп. серебром.

Юрьев был награжден знаком отличия беспорочной службы за восемнадцать лет.

«Формулярный список о службе и достоинстве» от 1851 года сообщил, что Юрьев «высочайших благоволений, всемилостивейших рескриптов и похвальных листов от начальства» не получал, «в штрафах по суду и без онаго» не бывал, «высочайшим замечаниям и выгово-

рам» не подвергался, «по выборам дворянства» не служил, «российской грамоте читать, писать и арифметике знает», «к повышению чином, к награждению знаком отличия беспорочной службы» признавался достойным, «имения за ним и за женою» не значилось.

В 1826 году Юрьев женился на Евдокии Афанасьевне Литвиновой, 1805 года рождения.

Юрьевы имели двенадцать детей, из которых сын Михаил (род. в 1841 году) и дочь Елисавета (род. в 1843 году) умерли во младенческих годах, а пятеро младших — мальчики — были определены в военно-учебные заведения на казенный счет.

В 1867 году, спустя десять лет после смерти Юрьева, состояние его детей было следующее:

Наталья (род. 31 июля 1827 года) — находилась в замужестве за полковником Ахматовым;

Николай (род. 5 декабря 1828 года) — по болезненному состоянию был вынужден уйти в отставку с чином подпоручика, без пенсии, имел жену и семь малолетних детей;

Александр (род. 18 ноября 1830 года) — полковник, командир Одесского пехотного полка, скоропостижно умер 5 мая 1866 года «от простуды и расстройства здоровья в болотах Западной губернии при преследовании польских шаек во главе роты лейб-гвардии Павловского полка»;

Мария (род. 23 февраля 1834 года) — вдова подполковника Яринского (Елинского);

Василий (род. 6 декабря 1836 года) — штабс-капитан Калиокской пограничной стражи;

Федор (род. 3 июня 1838 года) — поручик Калиокской пограничной стражи;

Елена (род. 23 мая 1840 года) — девица;

Михаил (род. 28 марта 1845 года) — подпоручик 42-го Симбирского пехотного полка;

Константин (род. 10 января 1847 года) — подпоручик 10-го Стрелкового батальона;

Владимир (род. 9 июля 1848 года) — окончил 2-ю Петербургскую военную гимназию, юнкер Рижского военного училища.

В XIX веке очень большое значение придавали выбору крестных родителей. Как правило, этот выбор не являлся случайным, так как в случае внезапного сиротства ребенка его крестные отец и мать, или, как их еще называли, воспитатели, должны были заменить родных.

Семерым детям Юрьева было даровано счастье быть крестниками императора Николая I и его жены императрицы Александры Федоровны, которых при крещении представляли другие высокопоставленные лица. В знак принятия детей от купели именем высочайших особ Юрьеву были пожалованы бриллиантовый перстень и подарки из Кабинета его императорского величества.

В делах Российского военного архива сохранилось свидетельство о крещении сына Юрьева Владимира:

«По справке в метрических книгах Преображенского всей гвардии собора значится, что сего 1848 года июля девятого дня лейб-гвардии Гарнизонного батальона у штабс-капитана Василия Гавриловича сына Юрьева от законной его жены Евдокии Афанасьевны родился сын Владимир и крещен того же года и месяца августа пятого дня. Восприемниками при крещении были: его императорское величество государь император Николай Павлович, а в лице его был министр, статс-секретарь царства Польского, тайный советник Игнатий Лаврентьевич Туркуль и члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника Дмитрия Петровича Бутурлина дочь девица Анна Дмитриевна»⁵.

Благополучная жизнь Юрьева длилась до рокового для него 1852 года, когда он, попав под суд, был уволен от службы. Это случилось «по обстоятельствам частного денежного дела об утрате состояния, вверенного князю Любомирскому женою его, а не вследствие каких-либо противозаконных действий по службе»⁶.

В конце 1854 года военный суд при С.-Петербургской (Петропавловской) крепости вынес следующее решение: «...капитана Юрьева <...> за подложные действия, заключающиеся в том, что он сделал задним числом платежные надписи на заемных письмах князя Любомирского, дабы скрыть зачисление личного долга его, в число задатка за непроданное имение жены князя Любомирского, лишив чинов, знака отличия беспорочной службы и дворянского достоинства, написать в рядовые и определить на службу по распоряжению Инспекторского департамента»⁷.

Юрьев был отправлен в Вятский гарнизонный батальон. В 1856 году он был произведен в унтер-офицеры, вскоре представлен к производству в офицерский чин, но в соответствии с мнением военного министра был уволен в отставку и в 1857 году по дороге из Вятки в Петербург умер от холеры.

После смерти мужа Евдокия Афанасьевна жила со своими дочерьми Марией и Еленой в квартире покойного сына Александра,

находившейся в здании Константиновского военного училища, у Обухова моста. На старости лет она осталась «без всяких, даже малых, средств к существованию», так как по закону не имела права на получение пенсии ни за своего мужа, прослужившего почти 36 лет в армии, ни за своего сына. В 1867 году ей все же удалось выхлопотать ежегодное денежное пособие в размере 286 руб. 66 коп. ассигнациями в год.

Таковы сведения, которые удалось почерпнуть из двух архивных дел Российского военного архива о знакомом Пушкина «графе Юрьеве».

¹ Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л.: Наука, 1969. С. 106.

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. С. 516.

³ Российский военный архив. Ф. 400. Оп. 12. Ед. хр. 563, 1867.

⁴ Ф. 400. Оп. 14. Ед. хр. 553, 1851.

⁵ Ф. 400. Оп. 14. Ед. хр. 553, 1851.

⁶ Ф. 400. Оп. 12. Ед. хр. 563, 1867.

⁷ Там же.

М. Д. Ромм

«РИСОВАЛ С НАТУРЫ И. ЛИНЕВ»

Литография «Пушкин в гробу на фоне облаков и сияния» (13 × 4,8 см) впервые была воспроизведена в «Альбоме пушкинской выставки», устроенной в 1899 году в Москве (№ 14). До этого, в 1890 году, в первой монографии о портретах А. С. Пушкина, С. Ф. Либрович воспроизвел такую же, но без фона¹. Подписи под литографией нет. Но в «Альбоме пушкинской выставки» автором ее отчего-то назван А. Н. Мокрицкий. В новейших изданиях литография публикуется как работа неизвестного мастера².

Автор литографии — конечно же, тот самый загадочный И. Л. Линева, который написал станковый портрет А. С. Пушкина³. Доказательство его авторства — не только совершенно одинаковый облик поэта на литографии и портрете. Главное — аналогичная условная манера писать и рисовать волосы: на голове лежат одинаковыми плотными округлыми прядями (совсем не так, как у Пушкина в действительности), по краям и на бакенбардах переданы с набегающими на лицо штрихами (на литографии) и мазками, какие встречаются только на этюдах (на портрете). Профиль А. С. Пушкина передан здесь точно — судить об этом можно хотя бы по последнему автопортрету (февраль 1836 года)⁴.

Современники подробно описали облик А. С. Пушкина на смертном одре. «Лицо покойника было необыкновенно покойно и очень серьезно, но нисколько не мрачно. Великолепные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушке, а густые бакенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из-под высоко завязанного черного широкого галстука. На Пушкине был любимый его темно-коричневый сюртук...»⁵

Как известно, Пушкин запечатлен в этот момент на рисунках Ф. А. Бруни, А. Н. Мокрицкого, А. А. Козлова. Везде — сюртук с открытой грудью, с острыми концами воротника и лацканов⁶.

«Ф. А. Бруни рисовал с натуры на другой день после смерти <...>, смерть уже обозначила разрушительную силу свою...», — отмечал Н. В. Кукольник⁷.

Линев, видимо, рисовал Пушкина в третий, последний, день прощания (т. е. 31 января), когда тление еще сильнее проявилось в чертах лица, в безжизненно опавшем теле. Зарисовал, как видно, лицо и лишь очерком — остальное. Позднее, работая над литографией, дорисовал волосы и одежду — здесь она иная, чем та, что была на Пушкине, — наглухо, по самое горло, застегнутый сюртук с узким округлым воротником, из-под которого торчат концы воротника сорочки. Впоследствии Линева на основе сделанного с мертвого Пушкина наброска выполнил еще портрет маслом — этим объясняется необычный, слишком уж несходный с другими портретами облик поэта. Обращает на себя внимание также неестественно изогнутая, какая-то «опавшая» фигура, втиснутая в плечи голова — такова и на литографии фигура лежащего на смертном одре Пушкина⁸. На портрете на Пушкине сюртук с бархатным воротником, из-под свободно завязанного галстука торчат концы воротничка белой сорочки. Пушкин действительно носил такой сюртук, галстук и рубашку с таким воротничком — в нем он запечатлен на акварельном портрете работы П. Ф. Соколова в 1836 году. Одежду, как видно, Линева писал по воспоминаниям — в такой, надо думать, ему приходилось видеть поэта. На портрете сюртук застегнут на левую сторону — тоже свидетельство, что писано не с натуры.

Сделанная И. Линева надпись на портрете вполне объяснима. По дневниковым записям А. Н. Мокрицкого (относящимся к этим же годам), можно проследить, какое значение вкладывалось художником в слова «писал — рисовал». «Писал свой портрет». «Писал платье». «Исправить рисунок возле большого пальца». «Брюллов подошел к рисунку: “Что за ладонь?” И волшебная черта преобразила ладонь». «Брюллов рисовал эскиз “Вознесения Божьей матери”: я смотрел и удивлялся прелести, легкости и святости композиции, а рисунок какой! Какая черта!»⁹

Поскольку портрет был выполнен по зарисовке, сделанной с самого А. С. Пушкина, художник считал необходимым указать на это обстоятельство на своем живописном полотне: «Рис. с натуры И. Линева»¹⁰.

Линевский портрет стал известен впервые в 1887 году и за истекшее столетие вызвал диаметрально противоположные оценки.

«Блеск живых глаз, умный, высокий лоб в легких морщинах, задумчивое лицо — все это передано на портрете с замечательной рельефностью, но без малейших “прикрас”, без каких бы то ни было поэтических прибавлений. Невольно является предположение, что это едва ли не единственный портрет Пушкина, внушающий полнейшее доверие сходства, полнейшее убеждение, что таким именно был в действительности Пушкин. Что касается самого письма, то оно отличается силой, смелой лепкой, сочностью и вместе с тем большой жизненностью», — мнение С. Ф. Либровича (1890)¹¹.

«Один из самых примечательных и вместе с тем сходных портретов Пушкина, — считал М. Д. Беляев, присоединяясь к мнению Э. Ф. Голлербаха. — Перед нами портрет реалистический в лучшем смысле слова, — не “*etat d’âme*” художника-интимиста и не слепок с натуры, а живой образ, полный двуединой духовной экспрессии» (1934)¹².

Резко отрицательно отозвался о портрете И. Э. Грабарь, считая оценки М. Д. Беляева и Э. Ф. Голлербаха «незаслуженными»: «При ближайшем рассмотрении он оказывается прямо скопированным с рисунка неизвестного художника, изобразившего Пушкина в гробу»¹³.

Представляя себе процесс создания портрета, можно оценить его историко-художественное значение и понять непримиримые, казалось бы, оценки. Портрет, безусловно, должен быть исключен из пушкинской прижизненной иконографии. Этот портрет — картина, где в образе поэта сливаются реальные черты с представлением художника о нем, его творчестве и судьбе. Во все эпохи в душе каждого человека это представление постоянно корректируется его собственным историческим и художественным мироощущением.

¹ См.: Либрович С. Ф. Пушкин в портретах. СПб. 1890. С. 78—79.

² См.: Московская изобразительная пушкиниана. 1975. № 10; Павлова Е. В. Пушкин в портретах. М., 1983. Т. 2. № 121.

³ Лучшее воспроизведение: Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. 1985. № 221.

⁴ См.: Павлова Е. В. Пушкин в портретах. № 59.

⁵ Бурнашев В. П. Воспоминания. Рус. архив. 1872. № 10. С. 1810—1811.

⁶ Все изображения А. С. Пушкина на смертном одре — в кн.: Павлова Е. В. Пушкин в портретах. Т. 2. №№ 102—107.

⁷ Художественная газета. 1837. № 9—10, С. 161.

⁸ Е. В. Павлова тоже отметила «некоторые черты на портрете, характерные для строения мертвого лица: непропорционально большой нос с сильно приплюснутым концом, впалый подбородок и не широкие, как обычно, а малорельефные губы» (Павлова Е. В. Пушкин в портретах. Т. 1. С. 57).

⁹ Дневник художника А. Н. Мокрицкого. М., 1975. С. 45, 49, 60, 97, 139.

¹⁰ О Иване Логиновиче Линеве (1780?—1841) см.: Куликов С. М. Материалы о И. Л. Линева — авторе портрета А. С. Пушкина // Искусство. 1972. № 8. С. 63—67.

¹¹ См.: Либрович С. Ф. Пушкин в портретах. С. 61—62.

¹² Беляев М. Д. Заметки на полях книги С. Ф. Либровича «Пушкин в портретах» // Лит. наследство. № 16—18. 1934. С. 974—975.

¹³ Грабарь И. Э. Облик Пушкина // А. С. Пушкин. 1799—1949: Материалы юбилейных торжеств. 1951. С. 153.

М. Д. Эльзон

**К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ПОРТРЕТА
ЖУКОВСКОГО
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПУШКИНУ
(Неизвестное письмо Л. Н. Майкова)**

*Светлой памяти
Анатолия Дмитриевича
Алексеева*

Публикуемое письмо обнаружено мною в Архиве Российской национальной библиотеки при сплошном просмотре переписки о дарах за 1795—1917 годы. Оно сохранилось в виде черновика с подписью «Л. Майков» и писарского беловика на бланке помощника директора Публичной библиотеки (подпись отсутствует). Письмо адресовано рязанскому историку-краеведу А. В. Селиванову и является единственным свидетельством их переписки.

«22 сентября 1887

№ 944

Милостивый государь
Алексей Васильевич

Я просил вас доставить фотографическую копию с портрета В. А. Жуковского, хранящегося у И. А. Гончарова, для Императорской Публичной библиотеки и теперь по получении этой копии передал ее в Библиотеку от Вашего имени. Спешу выразить Вам признательность Библиотеки за это приношение.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы искренно поблагодарить вас за присланные мне труды Рязанской архивной комиссии, в которых находится столь много любопытных сообщений¹.

Примите, милостивый государь, уверение в искреннем уважении и совершенной преданности»².

О каком портрете идет речь? Почему Л. Н. Майков, еще ребен-

ком знавший Гончарова, обратился с просьбой к А. В. Селиванову, о знакомстве которого с Гончаровым до сих пор известно не было.³ Если второй вопрос можно считать риторическим, то ответ на первый был найден после специальных разысканий.

Фотокопия, о которой говорится в письме, хранится в Отделе эстампов РНБ. Это портрет Жуковского с читаемой надписью: «Победителю-ученику от побежденного-учителя» и т. д., с лиловым штемпелем в левом нижнем углу: «Фотография Либович. Рязань» и атрибутивной записью В. В. Стасова на обороте⁴. Качество фотокопии, в том числе степень читаемости надписи («размыт» конец фразы), свидетельствует о том, что она была сделана с оригинала в конце XIX века⁵. Должен отметить, что в этом отношении она идентична аналогичной копии, сделанной с оригинала век спустя и находящейся, как и сама литография с инскриптом Жуковского, в фондах Музея-квартиры на Мойке, 12.

Судьба портрета Жуковского с дарственной Пушкину была реконструирована по архивным документам Л. П. Февчук и представлена ею следующим образом: после гибели поэта Н. Н. Пушкина подарила портрет П. А. Вяземскому, после смерти которого он находился в Остафьево, затем поступил в Публичную библиотеку, оттуда попал на Всесоюзную юбилейную выставку 1937 года и в 1938 году, наряду с другими пушкинскими реликвиями, составил основу Всесоюзного музея А. С. Пушкина⁶. Между тем в музейном делопроизводстве зафиксировано только движение портрета с 1929 года, после расформирования Остафьевского музея. Следует выяснить, когда и при каких обстоятельствах он там появился.

Первое упоминание о портрете (с первой публикацией надписи) содержится в статье П. А. Плетнева: «В 1820 г. поэма “Руслан и Людмила” была окончена. Автор спешил оставить столицу <...>. Жуковский, прощаясь с ним, подарил ему литографированный тогда портрет свой и шутя написал на нем: “Ученику-победителю от побежденного учителя в высокаторжественный день окончания *Руслана и Людмилы*”»⁷. Почти двадцать лет спустя П. И. Бартечев сообщал: «Портрет этот, если не ошибаемся, принадлежит к непоступившему в продажу собранию портретов русских людей и писан известным художником Дау»⁸. В комментарии А. М. Гордина только отмечено, что «дарственная на литографированном портрете Эстеррайха»⁹. Надо полагать, находишь портрет у Вяземского, П. И. Бартечев указал бы на это и, возможно, воспроизвел надпись точнее, чем (явно по памяти) П. А. Плетнев.

Впервые портрет Жуковского с дарственной был опубликован в «Альбоме пушкинской выставки» Общества любителей российской словесности, затем — во втором томе венгерского издания без указания местонахождения оригинала, следовательно, перепечатан из «Альбома...» На выставке ОЛРС были представлены экспонаты из государственных и частных собраний (с указанием владельцев). Портрет Жуковского экспонировался в виде фотокопии, очевидно, поступившей из Публичной библиотеки¹¹. На выставке в Московском Публичном и Румянцевском музее ни портрет, ни фотокопия не экспонировались¹². Наполнение выставки в Публичной библиотеке неизвестно.

После смерти Вяземского владельцами Остафьева были его дети. Женившись на кн. Е. П. Вяземской, С. Д. Шереметев приобрел имение у ее брата, кн. П. П. Вяземского, и в 1899 году открыл Остафьевский музей, просуществовавший тридцать лет. Им заведовал П. С. Шереметев¹³. Представление об усадьбе и интерьерах дают фотографии 1900-х годов, на одной («Комната Карамзина») — письменный стол у окна, в центре (ближе к краю) — портрет Жуковского в деревянной рамке (в конце октября 1994 года она была найдена в фондах Музея-квартиры на Мойке, 12; рамка условно датируется второй половиной XIX века; до сих пор подлинной считалась рамка, описанная в книге Л. П. Февчук и относящаяся к пушкинскому времени)¹⁴.

Неизвестно, когда Гончаров стал обладателем реликвии, воплотившей два святых для него имени. Неизвестно, где находился портрет после смерти писателя (в сентябре 1891 года) до того, как его приобрел или получил в дар С. Д. Шереметев. Возможно, это еще выяснится.

¹ Имеются в виду первые выпуски «Трудов Рязанской ученой архивной комиссии», начатых изданием в 1885 году.

² Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1887. № 2. Лл. 289, 290.

³ См.: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960 (указ. имен).

⁴ См.: Отдел эстампов РНБ. Инв. № 25616.

⁵ Этой консультацией я обязан сотруднику Отдела рукописей РНБ Сергею Георгиевичу Жемайтису, которому приношу самую сердечную признательность за постоянную помощь.

⁶ См.: Февчук Л. П. Портреты и судьбы. Л., 1990. С. 190; см. также:

А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве первой половины XIX века. Л., 1985 (№ 42). В книге И. Ободовской и М. Дементьева «После смерти Пушкина» (М., 1980) о раздаче на память предметов, принадлежавших поэту, не упоминается, ничего не говорится и о судьбе портрета.

⁷ Плетнев П. А. С. Пушкин // Современник. 1838. № 2. С. 27; То же. Отд. оттиск. СПб., 1838. С. 7. Ср.: Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина. СПб., 1855. С. 54 (надпись: «Ученику от побежденного учителя»).

⁸ Бартнев П. И. А. С. Пушкин. М., 1855. С. 33—34. Текст дарственной идентичен публикации П. А. Плетнева.

⁹ Бартнев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 119—120.

¹⁰ См.: Альбом пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая — 13 июня 1899 г. М., 1899. Табл. 32.

¹¹ См.: Каталог Пушкинской выставки... М., 1899. С. 16.

¹² См.: Пушкинская выставка 1899 г. Указатель. М., 1899.

¹³ Этими сведениями я обязан краеведу, архитектору Наталье Викторовне Архангельской.

¹⁴ Музей ПД. Ф. 2 П. А. Вяземский. Инв. № 26430.

М. Е. Васильев, Л. А. Васильева

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ПЛАН СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ 1786 ГОДА

В музейный фонд музея-заповедника А. С. Пушкина поступил интересный документ — «Специальный геометрический план земель Святогорского монастыря 1786 г.»¹.

План конкретизирует представление о монастырских владениях после Указа Екатерины II «О духовных штатах» 1764 года. Этот план, как и межевые книги 1781—1786 годов и другие документы, имелись в архивах Святогорского монастыря. Об этом упоминает игумен Иоанн в своей книге «Описание Успенского Святогорского монастыря Псковской епархии» в главе «Архив»².

План нигде не воспроизводился. Он выполнен на гербовой бумаге, вверху по обеим сторонам от герба читается: «Попечением и милостью императрицы Екатерины II», подпись: «Капитан-лейтенант флота Николай Толстой». Ниже, под гербом, скорописью XVIII века дан полный текст описания владений монастыря: «Геометрический специальный план Опочецкого уезда Воронежской части Богородицкой губы состоящему внутри передачи деревни Кирилловой з деревнями и пустошми Святогорскому монастырю который состоит со владении того монастыря игуменом с братнею межевания 1786 году июля 18 дня Опочецким первоклассным землемером флота лейтенантом Николаем Толстым: А внутри того владения отмежеванного от всех вместе владельцев одною окруженною межею <...> пашни 20 десятин 2226 кв. сажен, сенокосу 2 десятины 100 сажен под строением и садами 4 десятины 1283 сажень под церквами и кладбищем 1254 сажень под дорогой 1800 под прудом 300 сажень. А всего во всей окружной меже 28 десятин 2133 сажени А заивключением сие осталось удобный межи земли 27 десятины 1209 квадратных сажень»³.

Под описанием межевания расположен план самого монастыря и владений, оставшихся на 1786 год.

Слева — описание смежных земель: «Земля деревни Кирилловой с деревнями и пустошью бывшего владения Святогорского монастыря а ныне в Государственной казенной палаты экономические крестьяне».

Справа — «Изъяснение знаков при сем плане:

— монастырь;	— дорога;
— пашня;	— межа;
— сенокос;	— столб и яма»,

а также перечисление всех подписавшихся лиц: «На подлинном плане подписано межевание землемер лейтенант Николай Толстой. При сем межевании были и подписуются к сему плану <... > Святогорского монастыря поверенной монах Софоний руку приложил к сему плану слободы Тоболенец крестьянин Прокофий Кирилов вместо поверенного крестьянина Осипа Петрова прошение руку приложил к сему плану отставной фурьер Алексей <... > вместо коих трое поверенных сторонних людей кои имена писаны в межевой книге кои прошению руку приложили»⁴.

На межевом плане монастыря (согласно обозначениям) хорошо различаются Успенский собор, другие строения. На плане видны направления дорог, ведущих «из слободы Тоболенца» и соединявших монастырь, бывший духовным центром округи, с соседним пригородом Воронич, «в погост Столбушен», где в это время была построена церковь Успения XVIII века, в село Ладино (церковь Воскресения Христова) и далее — на древний погост Теревени (церковь Воскресения Христова с приделами, где похоронены в фамильном склепе И. М. и В. Кутузовы — родители М. И. Кутузова).

Руководствуясь масштабом к плану и нанесенной на карте-плане речки Луговицы, можно определить место пустоши Долгая: «в расстоянии от монастыря 3 версты... здесь до 1798 года была монастырская мельница и рыбная ловля».

Пустошь принадлежала, как известно, деду Пушкина Иосифу Абрамовичу Ганнибалу «...и святогорской вотчины крестьянам деревни Бугрово, коими в конце столетия подарена добровольно монастырю за каковым и утверждена»⁵.

Итак, упоминаемый межевой план 1786 года хранился в архиве Святогорского монастыря. В результате «Указа Екатерины II о секуляризации», то есть обращении церковной и монастырской собственности в государственную, во владении монастыря осталось все-

го 27 десятин земли. Секуляризация, как известно, сказалась на экономическом положении монастыря, его оскудении и упадке.

В связи с этим обращают на себя внимание рапорты и другие дела, хранившиеся в архиве монастыря. Это тяжбы монастыря в споре о владениях с соседями (что было вполне естественным), а также челобитные на высочайшее имя и в Псковскую духовную консисторию об «оскудении и разорении» обители.

Показательно прошение от 20 мая 1821 года священнослужителей Преображенского собора города Опочки Евгению, архиепископу Псковскому, повествующее о крестном ходе «с чудотворной иконой Спаса в Святогорский монастырь, <...> в пригород Воронечь, <...> до самой ляды», на реке Сороти, когда провожались святогорские чудотворные иконы в город Псков: «А как Святогорский монастырь до 1764 года имел много крестьян, земли и прочего для продовольствия человека, то всех имеющихся всем крестохождением при оной нашей всемилостивого Спаса иконе, как то: священно-церковно-служителей, крестоносцев, подводчиков и их лошадей <...> и прочих усердствующих вся сие время монастырь поил, кормил и во всяком продовольствии содержал, а с 1764 года оный Святогорский монастырь, когда уже не стал иметь вотчин, и стал довольствоваться токмо штатом, то и отказался от означенного продовольствия всех имеющихся при оной нашей иконе <...> ибо и во весь круговой оный крестный ход более девяти рублей в кружку не собиралось».

В «Борисе Годунове», в сцене «Корчма на литовской границе», монах Варлаам жалуется: «Ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают <...>. Ходишь, ходишь, молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться...» (VII, 32—33).

Очень созвучна этому работа А. С. Пушкина над исторической заметкой «О русской истории XVIII в.», написанная в 1822 году, в которой дается национально-историческое видение Пушкиным России, оценка роли русской православной церкви в деле просвещения, нравственного воспитания.

Отдавая дань признания государственной мудрости Екатерины II, Пушкин не мог принять того, что Екатерина «явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угрождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии пришли в совершенный упадок. Многие де-

ревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностью. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии <...>.

У нас <... > завися, как и все прочие состояния, от единой власти, не огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государством, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением. Екатерина знала все это и имела свои виды» (XI, 16—17).

¹ ПЗ/КП $\frac{5098}{\text{др. архив—338}}$.

² Описание Успенского Святогорского монастыря Псковской Епархии, Игумена Иоанна. Псков, 1899. С. 74—75.

³ ПЗ/КП $\frac{5098}{\text{др. архив—338}}$.

⁴ Там же.

⁵ Описание Успенского Святогорского монастыря... С. 75.

Л. В. Сергеева

ИЗ ИСТОРИИ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ (ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

«Святогорский монастырь Псковской епархии известен России <... > как место, под благодатным осенением святынь которого нашли себе вечное упокоение в недрах сырой земли бранные остатки незабвенного поэта Александра Сергеевича Пушкина», — пишет игумен Иоанн в 1899 году в своей книге «Описание Успенского Святогорского монастыря Псковской епархии», которое является самым обстоятельным и полным трудом, посвященным истории этой обители¹.

О Святогорском монастыре — памятнике пушкинского времени — писалось достаточно много², и тем не менее находится еще немало любопытного.

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) в фонде Псковской духовной консистории научные сотрудники Пушкинского музея-заповедника обнаружили ряд дел, связанных со Святогорским монастырем, в том числе такие документы, как «Объездные журналы по третьеклассному Святогорскому Успенскому мужскому монастырю» за 1823, 1824 и 1833—1834 годы³. Вчитываясь в них, представляешь яркие картины не только повседневной жизни монастырской братии, их занятия, быт, хозяйственную деятельность, но и жизнь слободы Тоболенец, окрестных деревень и их жителей, работающих умельцев, мастеров, принимавших непосредственное участие в жизни монастыря. Имена помещиков, купцов, меццан Псковской и других губерний, продававшие монастырю необходимый провиант, строительные материалы, различную утварь, т. е. все, что необходимо

было для его жизнедеятельности, мелькают на страницах этих журналов. «Объездные журналы» составлялись по указу духовной Консистории благочинными над монастырями, которым поручалось проводить подробные проверки финансовой и хозяйственной деятельности обители. Ревизирующие обязаны были также осуществлять контроль за поведением и несением послушания монахами.

Несомненно, ссыльный Александр Сергеевич Пушкин знал всю монастырскую братию, возглавляемую с 1 декабря 1818 года игуменом Ионой (1818—1827), переведенным из настоятелей Великолукского Троице-Сергиевского монастыря в Святогорскую обитель. Монашествующая братия была не так уж велика и не соответствовала полному штату (12 человек), положенному для третьеклассных мужских монастырей.

Проверяющий Святогорскую обитель благочинный над монастырями Псково-Печерского монастыря архимандрит Венедикт в «Покорнейших репортах» «Объездных журналов» 1823 и 1824 годов, направленных «Его Высокопреосвященству Евгению Архиепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому I степени Святые Анны Кавалеру», отмечает, что «по истребовании от настоятеля Ведомости о братии, послушниках и подначальных, присланных под Епитимию, нашел поименно следующих:

1. Настоятель Игумен Иона.
2. Иеромонах Василий.
3. Духовник вдовый Священник Яков Дмитриев.
4. Вдовый Дьякон Иоанн Федоров.
5. Вдовый Дьякон Василий Иванов.

Послушники:

6. Иван Васильев.
7. Гавриил Васильев.
8. Василий Михайлов.
9. Иван Федоров.
10. Иван Дементиев.

Подначальные:

11. Островского уезда Дубевского Погоста Дьячок Николай Васильев.
12. Опочецкого Уезда помещицы Евдокии Тихановой крестьянин Игнатий Афанасьев⁴.

В списке 1824 года состав братии тот же, из послушников не находим Гавриила Васильева, да на смену прежним появились новые подначальные: «Прокопий Иларионов и Матвей Максимов — Ос-

тровского Уезда Погоста Турова священнические дети, будучи признаны неисправными в чтении и пении присланы в оный монастырь для обучения по указу под № 3052 1823 года Декабря 13 дня»⁵.

Архимандрит Венедикт отмечает, что в монастыре неполный штат, недостаток комплекта — нет казначея, иеромонаха, послушника.

Осенью 1835 года прибыл в Святогорский монастырь для проведения ревизии благочинный над монастырями Третьеклассного Спасомирожского монастыря Архимандрит Афанасий. Преосвященнейшему Нафанаилу, епископу Псковскому, сообщает: «Во исполнение Указанных предписаний Третьеклассный Святогорский Успенский монастырь, по благочиннической Инструкции за прошлые 1833 и 1834 годы ревизован, и составленный мною объездный журнал Вашему Преосвященству препровождаю с донесением, что <... > приходо-расходные книги мною на месте проверены, в коих переносов неправильных в суммах и расходов ненужного и незаконных не оказалось; а случайных значительных расходов и без дозволения Епархиального Начальства чинено не было; равно и вещи, показанные в покупке, действительно оказались купленными, самые же книги представлены к обревизованию в Консисторию, и прибылым вещам реестры кои при сем Вашему Преосвященству благопочтейнейше представляю»⁶.

Архимандрит Афанасий дает список монашествующей братии и послушников, но здесь мы уже не видим ни одного ранее знакомого имени.

Настоятелем монастыря с 21 мая 1827 года был определен игумен Геннадий, бывший иеромонах Псковского архиерейского дома. По словам игумена Иоанна, «он происходил из хохлов, одевался в простой овчинный полушубок, сам работал вместе с братиею, был всеми любим и был настоятелем деятельным»⁷.

13 апреля 1836 года у алтарной стены Успенского собора Александр Сергеевич Пушкин похоронил свою мать. В панихиде и погребении Н. О. Пушкиной принимал участие о. Геннадий. Спустя полгода в февральский день он отправлял в последний путь великого поэта русского.

В 1833 году «за приведение в наилучшее состояние вверенного ему монастыря и введения в нем отличного порядка игумен Геннадий был возведен в сан архимандрита и носил сей сан с честью по день своей кончины, последовавшей 1 мая 1848 года»⁸.

В «Объездном журнале» за 1833—1834 годы особых замечаний по ведению монастырских дел о. Геннадием не отмечено. Все

благополучно и образцово. Лишь против статьи 7-й «О чистоте и опрятности в церквах, зданиях» отмечено: «В трапезе надлежащей чистоты и опрятности не имеется, ибо настоящая трапеза занята мастерами, которые золотят иконостас. По окончании работ и очистки оной отец Архимандрит Геннадий объявил, что по окончании работ будет усовершенствована в лучшем и благоприличном порядке»⁹.

У Иоанна находим подтверждение тому, что о. Геннадием был заключен договор «С Псковским живописцем Петром Ивановым Безродным на возобновление в Успенском холодном соборе в течение 1833 и 1834 годов позолотою всего иконостаса, киотов и резьбы, а также на возобновление живописи на иконах <... > с загрунтовкой прежней живописи за 5400 рублей, а также на росписание стен и столбов»¹⁰. В одной из статей журнала есть свидетельство, что монастырем был объявлен сбор пожертвований на возобновление иконостаса, с чего получено: в 1833 году — 1168 руб. 50 коп., в 1834 году — 574 руб. 12 коп. Тогда же мастером Безродным был обновлен позолотою и живописью иконостас в Одигитриевской церкви.

В 1823—1824 годах отдельной суммы на реставрацию икон не выделялось, сборов пожертвований не объявлялось, но из суммы 200 рублей, отпущенных на починку церкви монастыря и на содержание ризницы, в 1825 году игумен Иона использовал лишь 45 рублей, заплатив их «торопецкому мещанину Николаю Скарлыгину за поправку в соборной Успенской церкви Вмestнаго Спасителя образа, такового же образа и в алтаре на горнем месте, также за починку и поправление пятничных четырех икон, за написание вместо ветхих вновь двух икон. Успения Божия Матери и Предтечи, в Николаевской церкви распятия и выносного креста»¹¹.

Самым почитаемым благотворителем Святогорского монастыря был помещик, коллежский асессор Максим Иванович Карамышев. Особый вклад, сделанный им в количестве 1500 рублей, на протяжении многих лет существования обители приносил ей 6 процентов, или 180 рублей, ежегодно. Подтверждение тому находим в «Журналах»¹². Максим Иванович не только выстроил при Успенском соборе на свой счет особый каменный придел, но значительно пополнил монастырскую ризницу.

Представители рода Карамышевых и позднее не теряли связи со Святогорским монастырем. В 1823 году «от помещицы Карамышевой поступили Двой Ризы белаго полосастаго глазета, оплечье

отмечено широкой золотой сеткой, кресты тоже сетки, звезды шелковой цветной материи <...> подložены китайкой голубой <...> Двои Епитрахили тогож глазета...»¹³. В 1824 году — «Четыри Кисти Золотных весу в них дватцать Золотников, из поданнаго Покрова»¹⁴.

Довольно много поступлений было от разных лиц в монастырскую ризницу в 1833—1834 годах. От торопецкого купца Петра Тимофеева Калачникова — «Одежда на престол в соборной Успенской церкви, парчи золотой по белой земли...»¹⁵. «Образ пядичный Святейшего Николая Чудотворца, писан на кипарисной доске...» — от «островскаго Уезда помещицы майорши Февроньи Гаренковой от живущей у ней девицы Анисьи Ивановой»¹⁶. Встречаются имена знакомых и родных А. С. Пушкина.

«Ковер, для церковнаго Священнослужения, вышитый гарусом <...> подан от опочецкой помещицы Села Яготкина Фрейлины Елисаветы Сергеевны Г^{жи} Пущиной»¹⁷.

«В 1834 году 6 ноября месяца подано от опочецкой помещицы села Михайловскаго Г^{жи} Пушкиной Пелена налойнова, вышитая шерстной разноцветной пряжею, разными цветами на ней посреди вышито пять крестов оной же пряжею вышиты, коймы вышиты кругом оной, тоже шерстной пряжею, в коймах кресты мелкие, вышиты, цветами на ней посреди вышито пять крестов оной же пряжею вышиты, коймы вышиты кругом оной, тоже шерстной пряжею, в коймах кресты мелкие, вышиты, подложено коленкором вишневым»¹⁸.

22 сентября 1834 года Надежда Осиповна писала дочери Ольге: «...а я собираюсь писать Катерине Карловне Лодыжинской — попрошу ее прислать мне шерсти, я работаю для нашего монастыря, рукоделие мое остановилось из-за отсутствия шерсти»¹⁹. Это свидетельство решительно меняет бытовавшее представление о матери Пушкина как о женщине капризной, взбалмошной, бесхозяйственной, так как вышивка вообще требует большой усидчивости, внимания, а вышивание для подношения в святую обитель такой вещи — опыта, вкуса, умения и большого осмысления своей жизни.

Из записей в «Журналах» узнаем, что много интересных предметов церковного облачения, вещей, книг поступало в монастырскую ризницу из Правления Духовной консистории, Библейских обществ. И лишь о некоторых из них упоминает игумен Иоанн в своем «Описании».

Большая часть расходно-приходных статей «Объездных журналов» посвящена хозяйственной деятельности монастыря.

Это приобретение строительных материалов для строящегося в 1823—1824 годах «новаго каменнаго строения» и надстройки каменной колокольни²⁰. В списках снова встречаются знакомые фамилии: «4 июля в Опочецкой помещицы Прасковьи Осиповой за купленного у покойного мужа ея Ивана Сафоновича Г^{на} Осипова извести распущенной <...> в шет выдано сто рублей. В подлинной расписалась помещица Праскева Осипова»²¹. «...у Опочецкой помещицы Дарьи Герасимовны Шолгуновой для надстройки колокольни на подвези <...> леса»²². Удельный крестьянин деревни Паринцово Герасим Карпов «пригоняет по рекам Иссе и Великой покупной от себежского помещика Петра Львова сасноваго леса...»²³.

К концу 1824 года видим — строительство завершается: «Кирилла Филиппов стоварищи» делают «в новом каменном строении на башни стропила, фонарь, мосты, потолки, двери», покрывают «оную башню тесом»²⁴. У новоржевского купца Ивана Познякава приобретается «для крашения кровлей яри медянки, белил английских, сурику, мелу, себерлету, сажки галанской».²⁵ Опочецкий мещанин Кирилл Савин осуществляет покраску «церковных и на колокольне кровлей, а также и на новом каменном строении кровель и дверей»²⁶.

Очень часто встречается слово «ветхое» — ветхие кельи, ветхие «каменные ограды», кровли, хлев, клетки... А поэтому кроме возведения новых построек монастырю приходилось много заниматься реставрацией, ремонтом, починкой. Все это, как и другие заботы монастырской братии, нашло отражение в материалах «Объездных журналов», которые существенно дополняют имеющиеся источники из истории Святогорской обители, с которой так много связано в жизни и творчестве А. С. Пушкина.

¹ Описание Успенского Святогорского монастыря, Псковской Епархии, Игумена Иоанна. Псков. типография Губернского земства. 1899. С. 1.

² См.: Сожийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414—1914). Псков, 1912; Гордин А. М. Пушкинский заповедник. М.; Л.: АН СССР, 1952; Васильев М. Е. Музей «Святогорский монастырь». Л.: Ленгиздат, 1984.

³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4855, 4857, 4863.

⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4855. Л. 3.

⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4857. Л. 3.

⁶ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4863. Л. 1.

⁷ Описание Святогорского монастыря. С. 112.

⁸ Там же. С. 111—112.

⁹ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4863. Л. 7.

¹⁰ Описание Святогорского монастыря. С. 130.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4863. Л. 5.

¹³ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4855. Л. 41—41об.

¹⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4857. Л. 9об.

¹⁵ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4863. Л. 9.

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 12.

¹⁹ Переписка Н. О. и С. Л. Пушкиных с О. С. Павлицевой (готовится к публикации).

²⁰ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4855. Л. 12об.

²¹ Там же. Л. 16.

²² Там же. Л. 21.

²³ Там же. Л. 17.

²⁴ ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 4857. Л. 16об.

²⁵ Там же. Л. 24об.

²⁶ Там же. Л. 25.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аберкорн А. А. — 109
Абрамович Л. Е. — 85
Абрамович С. Л. — 167, 175
Абросимова Н. В. — 115
Аверинцев С. С. — 66
Аверьянов К. А. — 91, 92
Аветисян В. А. — 85
Агамалян Л. Г. — 85
Агеева Л. И. — 85
Агранович С. Э. — 85, 118
Адамович Г. В. — 85, 103, 122
Адильгазинов Е. Э. — 85
Айвазян К. В. — 85
Аксаков И. С. — 278—280
Аксенова И. Н. — 85
Акулова О. — 86
Александр, архиепископ Константинопольский — 234, 236, 237, 239—
242, 247, 248
Александр Куштский, преп. — 236
Александр Невский — 236, 241, 242
Александр I — 173, 196, 234, 242, 244, 251
Александр Александрович, наследник — 232
Александра Федоровна, имп. — 205, 284
Александров А. В. — 116
Алексеев А. Д. — 290, 292
Алексеев Д. А. — 86, 111
Алексеев М. П. — 3, 66, 69, 70, 72, 77, 79—80, 82
Алексеев Н. С. — 251, 256
Алексеевко К. А. — 116

- Алиева З. И. — 86
Алимджан Х. — 88
Альбани Ф. — 31
Альми И. Л. — 107, 118
Алымова Л. М. — 281
Алябьев А. А. — 266—268, 274
Амфитеатров — 279
Андреева И. Л. — 96
Андрианов И. Ю. — 115
Андрианов Ю. П. — 116
Андро А. А. (урожд. Оленина) — 196
Андроников И. Л. — 86, 273
Анненков П. В. — 7, 10—12, 19, 73, 86, 155, 222, 223, 259, 272, 293
Анненкова В. И. — 266
Антоний Рафальский, митрополит — 86, 279, 280
Арапов П. Н. — 194
Арапова А. П. — 114
Арбутнор — 196, 197
Арват Н. Н. — 116
Аринштейн Л. Н. — 170, 176
Аркус Л. Ю. — 86
Артемьев — 167
Артюшков А. — 80
Архангельская Н. В. — 293
Архангельский А. Н. — 86, 121
Аршиак О. де — 95
Асадуллин А. М. — 112
Асафьев Б. В. — 99
Асеев Н. Н. — 86
Асоян А. А. — 86
Астафьева О. В. — 208
Атлантов В. — 131
Афанасий, архимандрит — 300
Афанасьев И. — 299
Ахматов, полковник — 283
Ахматова А. А. — 47, 58, 66, 67, 87, 90, 130
Ахматова Н. В. (урожд. Юрьева) — 283
Ахмеджанова Г. — 87

- Бабель И. Э. — 81
Бабинский М. Б. — 87
Багирова С. Ю. — 114
Бади-Тудор — 255
Баевский В. С. — 87, 110, 118
Базанов В. Г. — 113
Байрон Дж. Г. — 93, 102, 138, 151, 174, 180
Бакунина Л. А. — 10
Бантыш-Каменский Д. Н. — 10
Баратынский Е. А. — 119, 269, 274
Бари Корнуолл — 96, 103
Баринов М. М. — 87
Барков И. С. — 34
Бароти Т. — 212
Барсуков Н. П. — 18, 273
Бартенев П. И. — 72, 78, 87, 152, 160, 162, 167, 228, 234—238, 248,
253—255, 257, 258, 275, 280, 291, 293
Бархатов А. А. — 87
Басаргин Н. В. — 169, 170, 175
Бассоли К. — 251
Батюшков К. Н. — 27, 34, 119, 152, 185, 186, 188, 193, 205
Батырова Ш. — 88
Бахматова Г. Н. — 115
Бахметев А. Н. — 251
Башилов А. А. — 263
Бедный Д. — 81
Безвизонный Г. — 128
Безродный П. И. — 301
Беклешов П. Н. — 244
Беленкова И. Я. — 88
Белецкий А. И. — 116
Белецкий Ф. М. — 116
Белинский В. Г. — 86, 158, 162
Белкин Д. И. — 65, 89
Белов С. В. — 88
Белова Л. А. — 129
Белоконь С. — 132
Белоненко А. С. — 123
Белый А. (наст. имя Б. Бугаев) — 86, 88

- Беляев М. Д. — 288, 289
Бенкендорф А. Х. — 18, 42, 43, 175, 176, 225, 226, 247
Бенуа А. Н. — 88, 129
Беранже П.-Ж. — 222
Берг Н. В. — 251, 253
Бердалина Т. — 88
Березина В. Г. — 111
Березкина С. В. — 155
Берков П. Н. — 122
Берковский Н. Я. — 88
Берестов В. Д. — 88
Берков П. Н. — 88
Бернет Ф. — 109
Бертран-Женнен Ш. — 203
Бертье-Делагард А. Л. — 76
Бестужев А. А. (Марлинский) — 28, 39, 72, 78, 79, 132
Бетховен Л. ван — 261, 262
Бимендина К. М. — 88
Биневич Е. — 91
Бицилли П. М. — 39
Благовещенский И. — 280
Благово В. А. — 116
Бларамберг И. П. — 101
Блок А. А. — 90, 103, 115, 130
Бобринская — 268
Бобров С. П. — 112
Богаевская К. П. — 88, 129
Богач Г. Ф. — 89
Богомолов Н. А. — 118
Болина Д. М. — 193
Бонди С. М. — 86, 118, 140, 151, 208
Боранбаева Э. — 90
Борисова М. В. — 101
Борисова Т. А. — 116
Боткин В. П. — 162
Боулс У. — 103
Бочаров С. Г. — 89, 121, 129
Бочкарева Н. Р. — 90
Бочков В. Н. — 90

- Боярская Т. Ю. — 112
Браницкая — 77
Бржечко Ю. Р. — 90
Бродский Н. Л. — 78, 194, 196, 199
Бройтман С. Н. — 90
Брокгауз — 19, 135, 233
Бруни Ф. А. — 287
Брюллов А. П. — 17
Брюллов К. П. — 287
Брюсов В. Я. — 86, 112
Буальдые А. Ф. — 261
Будыко М. И. — 90
Букалов А. М. — 89, 90
Булахов П. А. — 268
Булгаков А. Я. — 187, 263—267, 273
Булгаков К. Я. — 263
Булгаков М. А. — 90, 91
Булгаков С. Н. — 117
Булгарин Ф. В. — 22, 60, 270, 273
Бунин И. А. — 91, 115
Бунина А. П. — 196
Бунин П. Л. — 91
Бураншев В. П. — 288, 289
Бусырева Т. — 101
Бутурлин Д. П. — 284
Бутурлина А. Д. — 284
Бычков И. — 8
Бюргер Г. А. — 217
Бэлза И. Ф. — 131, 132
- Вагапова Д. Х. — 91
Вайль П. — 121
Ваксберг А. И. — 91
Вальдбрюль В. фон — 218
Варламова Е. Ф. — 129
Василий, иеромонах — 299
Васильев Г. — 299, 300
Васильев И. — 299
Васильев М. Е. — 294, 303

- Васильев Н. — 299
Васильева Л. А. — 294
Васильева Л. Н. — 91
Вацуро В. Э. — 2, 39, 91, 151, 176
Вебер К. — 261, 262
Векилова А. С. — 114
Великопольский И. Е. — 244
Веллингтон А. К. — 168, 174
Вельтман А. Ф. — 105, 256
Венгеров С. А. — 79, 133, 135, 231, 233
Веневитинов А. В. — 265, 273
Веневитинов Д. В. — 22, 24, 108, 273
Венедикт, архимандрит — 299, 300
Венедиктов А. Е. — 91
Вересаев В. В. — 76, 80, 91, 238, 248, 249
Веселовский С. Б. — 91, 92
Вигель Ф. Ф. — 72
Видова О. И. — 92
Вилламов А. А. — 100
Вильк Е. А. — 92
Вильсон Дж. П. — 103
Виноградов В. В. — 92
Винокур Г. О. — 92
Висковатов С. И. — 251
Вишневецкий Л. М. — 92
Вишневский А. А. — 92
Вишняков В. — 92
Владимир, кн. — 30
Воейков А. Ф. — 28—33, 37, 38
Войцева Е. А. — 116
Войцеховский Т. — 262
Волков Г. Н. — 93
Волков П. — 89
Волкова Е. И. — 101
Волконская М. Н. — 79, 129, 152
Волконский Н. С. — 89
Волконский С. М. — 93
Волохонская Т. П. — 93
Волошин М. А. — 49

- Вольперт Л. И. — 93, 118
Вольпин Н. — 93
Вольтер — 190
Вольховский В. Д. — 63
Воробьев В. Г. — 93
Воронцов А. И. — 235
Воронцов М. С. — 71, 73, 76, 77, 81, 163—176
Воронцов С. М. — 76
Воронцов-Вельяминов Г. М. — 123 (Екатерина, Стефано)
Воронцова Е. К. — 71—77, 100, 166
Воронцова Е. С. — см. Пемброк Е. С.
Воронцовы, кн. — 77, 78, 176
Востоков А. Х. — 106
Враская В. Б. — 274
Вульф А. Н. — 161
Вульф Анна Н. — 242, 243
Вургун С. — 114
Выгодский Д. И. — 79
Вындомский, подпоручик — 124
Высоцкий В. С. — 96
Высочина Е. И. — 106
Вышеславцев Б. П. — 93, 94
Вяземские, кн. — 39, 228, 274
Вяземская В. Ф. — 76, 77, 161, 163, 164, 166, 264, 265
Вяземская Е. П. — см. Шереметева Е. П.
Вяземский П. А. — 21, 22, 24, 28, 32, 34, 39, 43, 60, 63, 73, 91, 98, 110, 115,
125, 134, 135, 158, 159, 161, 163—166, 175, 195—197, 199, 205, 207,
223, 227, 228, 244, 246, 262, 264, 265, 268, 269, 273, 276, 291—293
Вяземский П. П. — 246, 292
- Гавриил Рязанский — 279
Гагарина М. А. — 263, 273
Гаджиев А. А. — 114
Гаевский В. П. — 222—224, 227
Газим-Бег Багандов — 105
Гальцева Р. А. — 117
Гамзатов Г. Г. — 94
Ганнибал А. П. — 100, 122, 180, 246
Ганнибал И. А. — 295

- Ганнибал П. И. — 124
Ганнибалы — 93, 249
Гаренкова Ф. — 302
Гармаш Т. — 94
Гарт С. — 197
Гаспаров Б. М. — 94
Гаспаров М. Л. — 118
Гдалин А. Д. — 94
Гейтсбюри, леди — 73
Гейченко С. С. — 85, 87, 93, 94
Генис А. — 121
Геннади Г. Н. — 223, 224
Геннадий, игумен — 300, 301
Генслер К.-Ф. — 191
Гербель Н. В. — 222, 223, 227
Герцен А. И. — 39
Герцен А. Л. — 94
Герчук Ю. Я. — 94
Гершензон М. О. — 71—73, 76, 117
Герштейн Э. Г. — 87
Гессен С. Я. — 66
Гете И. В. — 23, 85, 209, 212, 215, 217
Гехтляр С. Я. — 116
Гиллельсон М. И. — 66
Гинзбург Л. Я. — 228
Глаголев А. Г. («Бутырский критик») — 28
Гладков А. К. — 94
Глинка Н. Г. — 103
Глинка Ф. И. — 60, 174, 175
Глотов А. Л. — 116
Глушкова Т. М. — 94
Гнедич Н. И. — 31, 32, 174, 185, 186, 193, 238
Гогенлоэ Г. — 269
Гоголь Н. В. — 94, 95, 99, 115, 119, 122, 125, 127
Голиков И. И. — 108
Голицын — 14
Голицын А. Н. — 228
Голицын А. С. — 228
Голицын Д. В. — 263, 266

- Голицын Н. Н. — 228
Голицын Н. С. — 227
Голицын С. М. — 263, 264, 266
Голицына А. С. — 128
Голицына Е. И. — 196
Голицина Т. В. — 265, 266
Голицыны — 228
Голлербах Э. Ф. — 288
Голованов Н. С. — 107
Головин И. М. — 246
Гольнский Н. А. — 251, 252, 257
Гомер — 185, 186, 188—190, 193
Гончаров И. А. — 96, 290—292
Гончарова А. В. — 94
Гончарова Н. И. — 41
Гончарова Н. Н. — см. Пушкина-Ланская Н. Н.
Горацій Квинт Флакк — 93
Гордин А. М. — 95, 162, 238, 291, 303
Горчаков А. М. — 242
Горшман А. М. — 94
Горький М. — 115
Грабарь И. Э. — 288, 289
Грайчунас Й. — 120
Грейг А. С. — 10
Гретри А.-Э.-М. — 99
Грехнев В. А. — 89, 95
Греч Н. И. — 270
Гречаная Е. П. — 106
Грибоедов А. С. — 44, 60, 95, 126, 131, 172, 175, 176, 184
Григорий V, патриарх — 44
Григорий VI, патриарх — 241
Григоркевич М. П. — 95
Григорьев А. А. — 95, 118
Григорьев Е. — 93
Гроссман Л. П. — 78, 95
Грот К. Я. — 274
Грот Я. К. — 39
Губер П. К. — 75, 95
Губка Е. А. — 90

Гудзий Н. К. — 79
Гуковский Г. А. — 24, 39
Гулиев В. М. — 114
Гульченко В. — 127
Гульга А. В. — 95
Гулям Х. — 88
Гуменная Г. Л. — 108
Гурьев Н. — 95, 122
Гусейнова Т. А. — 114

Давид — 269
Давыдов Д. В. — 59
Давыдов С. И. — 193
Давыдов Ю. — 121
Дали — 18
Даль В. И. (Казак Луганский) — 7—12, 17—19
Данзас К. К. — 86, 111
Данилевский Р. Ю. — 213
Данилова А. М. — 95
Данте А. — 86, 87, 138
Дантес Ж.-Ш. — 88, 95, 97, 122, 124
Дашков Д. В. — 187
Дебро Э. — 222, 227
Девитт В. В. — 114
Девецкий И. И. — 95
Дегильи — 104
Дельвиг А. А. — 21, 22, 142, 160, 176, 179, 182, 242, 245, 268, 270, 271
Дельвиг А. И. — 158
Дементиев И. — 299
Дементьев М. А. — 114, 293
Демут — 244
Денисова Э. И. — 95
Державин Г. Р. — 185, 239
Державин К. Н. — 91
Джавид — 114
Джансугуров И. — 96
Джеймс Г. — 97
Джунь В. — 48, 66
Джусупов У. — 96

- Дмитриев И. И. — 27, 28, 31—34, 39, 81, 195, 197— 199, 207
Дмитриев Я. — 299
Дмитриев-Мамонов М. А. — 104
Дмитриева Е. Е. — 107
Дмитриевы — 199
Добин Е. С. — 96
Добровольский Л. Л. — 243
Довгий О. Л. — 96, 113
Долгорукий — 129
Долгоруков И. М. — 278—280
Доливо-Добровольские — 97
Доминак А. В. — 115
Домициан — 220, 221
Донич Е. (урожд. Россети) — 250
Донич И. — 250, 251, 254, 256
Доронина Л. — 112
Досмаханова Р. — 96
Достоевский Ф. М. — 72, 88, 94, 96, 104, 113, 114
Драгомирецкая Н. В. — 89
Дроздов — 279
Дуб К. С. — 116
Дубинин М. Г. — 96
Дыдыцкая П. В. — 256
Дыханова Б. С. — 96
Дюкова Г. — 109
Дюма А. — 97, 122
Дюрас де К. де Дюрфор — 204— 207
Дягилев М. — 88
- Евгений, митрополит (Болховитинов) — 239, 249, 275
Евдокимов И. — 275
Евсенева Ж. Е. — 89
Егунов А. Н. — 193
Екатерина II — 294, 295, 297
Елагин — 175
Елена Павловна, вел. кн. — 246, 269
Емельянов Ю. Н. — 97
Енишерлов В. П. — 120
Ермолов А. П. — 66

- Ерофеев В. В. — 119
Ершов П. П. — 115
Ерыкалова И. Е. — 90
Есенин С. А. — 113, 127, 128, 129
Есипов В. М. — 97
Ефрем Сирин — 50, 66
Ефремов П. А. — 155, 161, 223, 231, 233
Ефрон — 19, 135, 233
- Жемайтис С. Г. — 292
Жирмунский В. М. — 66, 80
Жихарев С. П. — 207, 229, 231, 232
Жукова Л. — 97, 122
Жуковский В. А. — 11, 12, 16, 20, 21, 24, 27, 60, 98, 118, 123, 164—166,
174, 175, 186, 188, 193, 207, 215, 217, 233, 234, 237, 238, 240, 244, 278,
290—292
Журибеда Ж. — 93
- Забелин Н. А. — 94
Загидулина М. В. — 113
Загорский М. — 208, 212
Загоскин М. Н. — 199
Загряжские — 109
Задгорски П. — 110
Зайцева В. В. — 126
Замков Н. К. — 175
Заозерский Н. А. — 8, 17
Зархи Н. — 127
Захаров В. А. — 82
Захарченя Б. П. — 97
Згура В. — 248
Зейналова К. А. — 114
Зенбицкая Т. — 97
Зильберштейн И. С. — 101
Зинченко Т. Н. — 97
Золотусский И. — 121
Золотцев С. А. — 97
Зонтаг Г. — 259—272
Зубков В. П. — 145

- Зуев Н. — 98
Зыков Д. П. (NN) — 28
Зырянов О. В. — 98
- Ибсен Г. — 119
Иван IV, Грозный — 276
Иванов В. — 299
Иванов В. В. — 117
Иванова А. — 302
Иванова Е. Н. — 108
Иванова О. — 99, 120
Ивановский А. А. — 44, 45, 66
Иванюк Б. П. — 116
Ивелич Е. М. — 244
Ивинский Д. П. — 98
Ивинский П. — 98
Ивлева Т. Г. — 98
Иезуитова Р. В. — 98
Измайлов Н. В. — 17, 39, 177
Иконников А. Н. — 93
Иларионов П. — 300
Ильин В. Н. — 117
Ильин И. А. — 98, 117, 122
Ильинская Н. И. — 117
Инзов И. Н. — 168, 250, 251—257
Иннокентий, архимандрит — 277
Инфантьев Б. Ф. — 98
Иовва И. Ф. — 176
Иоанн, игумен — 294, 297, 298, 300—303
Иона, игумен — 275, 299, 301
Исаев Е. А. — 98
Исаков С. Г. — 117
Исаханов Г. — 98
Искрин М. Г. — 99
Истомина Е. И. — 190
Истрин В. М. — 105
Ищук-Фадеева Н. И. — 99
- Каверин П. П. — 222—225, 227, 229, 230, 232

- Кагарманова М. Ш. — 113
Казакевич Э. Г. — 99
Казанцев Е. архиепископ — 275—280, 296, 299
Казарин В. П. — 152
Казинцев А. — 121
Казначеев — 171
Казьмина Н. — 99
Казмичев М. М. — 77
Кайсаров М. С. — 30, 31, 39
Каклюгина И. В. — 115
Калачников П. Т. — 302
Калинина И. А. — 113
Каменский П. П. — 78
Кандауров В. А. — 100
Кандинский А. И. — 99, 120
Кантор К. М. — 99
Канунова Ф. Э. — 113
Карагеоргий Г. П. — 134
Карагичева Л. В. — 99
Караджич В. С. — 106
Карамзин Н. М. — 64, 109, 174, 175, 185, 292
Карамзина Е. А. — 246
Карамзина С. Н. — 246
Карамзины — 12, 123, 205
Карамышев М. И. — 301
Карамышева — 302
Карамышевы — 301
Каратыгин П. — 272
Карев В. — 99
Карпов А. А. — 2
Карпов Г. — 303
Карпухин О. И. — 127
Карсалова Е. В. — 99
Карташев А. — 117
Карташев А. В. — 65, 68
Кассин Е. П. — 89
Каталани А. — 263, 270
Катасонов В. Н. — 99
Катенин П. А. — 21, 22, 60, 95, 111

Катерина, экономка — 256
Катонова С. В. — 100
Кауэр Ф. — 191
Кац Б. А. — 274
Кацик В. О. — 176
Каченовский М. Т. — 134
Кашин Д. Н. — 271, 274
Кашинцов Н. П. — 268
Каштанов С. М. — 91
Керн А. П. — 97, 122, 127, 158, 159, 237, 238, 244—246, 248, 249
Кибальник С. А. — 100, 119, 122, 127
Килгур Б. Л. — 128
Кипнис М. — 100
Киреев И. В. — 112
Киреевский П. В. — 275
Киреевские, братья — 278
Кирилов П. — 295
Клейнмихель П. А. — 175
Климова Д. М. — 2
Климовицкий А. — 100
Клингер Ф. М. — 208—212
Клокачев, адмирал — 243
Клюкина Т. — 100
Ключевский В. О. — 100
Князев А. В. — 113
Ковалева Т. В. — 259
Ковач А. — 107
Коджаев М. К. — 114
Кожевников В. А. — 100, 103
Кожин А. Н. — 104
Кожин В. В. — 120
Кожокару В. М. — 115
Козлов А. А. — 287
Козлов И. И. — 269, 270, 274
Козлов Н. Т. (Никита) — 254, 255
Козлова М. И. — 115
Козмин Б. М. — 100, 103, 122
Козмина Л. В. — 100, 122
Кокошкин Ф. Ф. — 263, 264

Колганова А. А. — 101
Колесников А. А. — 116
Колесникова Л. В. — 116
Колобов Е. — 99, 120
Коломинов В. В. — 101
Колчанова О. — 112
Комов О. К. — 101
Конгрев — 197
Кононова Т. Г. — 101
Константин I, Великий — 241
Константинов В. В. — 101
Кончин Е. В. — 101
Коптева Э. — 101
Корабельникова Л. — 97
Кормилов С. И. — 87, 101
Корнель П. — 128
Корниенко Н. В. — 111
Корнилий Иванов, о. — 275
Коробков С. — 101
Коровин К. А. — 101
Коршунов М. П. — 102
Костелянц Б. О. — 126
Костин А. — 94
Костин В. М. — 113
Костров Е. И. — 185
Котт И. Ф. — 213
Коцебу А. — 192
Кочубей Н. В. — 75
Кошелев В. А. — 20, 39, 40, 183
Кралин М. М. — 87
Крамарь О. Б. — 102
Красников И. М. — 129
Краснов Г. В. — 89
Краснопольский Н. С. — 191, 192, 194
Кривошлык М. Г. — 102
Кроули М. — 109
Крылов И. А. — 12, 175
Крюкова А. И. — 85
Крюкова А. М. — 102

Кубышина Н. Н. — 102
Кузнецова О. В. — 102
Кузьменко В. И. — 115
Кузьменко М. А. — 88
Кузьмин А. — 102, 122
Кузьмин Н. В. — 95, 104, 111, 113, 122
Кукольник Н. В. — 287
Кукурян И. Л. — 102
Кулагин А. В. — 102, 103, 177, 182, 197, 199
Кулагина О. Л. — 103
Куликов С. М. — 289
Куликова Э. М. — 116
Кунин В. В. — 112
Куницын А. П. — 93, 107
Куняев С. — 121
Курбанов Ш. К. — 114
Курочкин В. В. — 114
Курочкин В. С. — 227, 228
Кутузова В. — 295
Кутузов И. М. — 295
Кутузов М. И. — 295
Кутузов Н. И. — 31, 38
Кушаков А. В. — 103
Кушниренко В. Ф. — 103, 250, 257
Кюхельбекер В. К. — 24, 38, 39, 60, 103, 115

Лабриоль Ф. де — 202
Лабунько О. И. — 116
Лавров В. А. — 85
Лакшин В. Я. — 103
Ламма П. — 99
Ланской П. П. — 114
Ларионов А. В. — 103, 122
Ларионова Е. О. — 204
Латышева В. А. — 86
Лауенштейн Г. фон — см. Зонтаг Г.
Лацис А. А. — 103
Лебедев В. — 97, 122
Лебедев Ю. В. — 104

- Лебедева О. Б. — 104, 113
Лебедева Э. С. — 108, 236—238, 245, 248, 249
Лебеденко Н. П. — 115
Левин П. — 220
Левин Ю. Д. — 82
Левина Ю. — 112
Левкович Я. Л. — 53, 65, 67, 151, 260, 272, 273
Легуве Г.-М.-Ж.-Б. — 32, 34
Ленин В. И. — 116
Леонтьев К. Н. — 104
Лепаж — 90
Лермонтов М. Ю. — 24, 86, 94, 95, 97, 98, 102, 108, 113, 115, 117, 118, 125,
130, 132, 273
Лернер Н. О. — 18, 71, 74, 78, 231, 233
Лесков Н. — 280
Леткова-Султанова Е. П. — 96
Либрович С. Ф. — 286, 288, 289
Линев И. Л. — 286, 287, 289
Линин А. — 80
Липперт Р. — 217, 218
Липранди И. П. — 89, 167, 251, 254
Листов В. С. — 41, 66, 67, 89, 108
Литвинова Е. А. — см. Юрьева Е. А.
Литтл Р. — 200, 204—207
Лифшиц М. А. — 103
Лихачев Д. С. — 2, 50, 67, 82, 97, 104, 107, 127
Лихина Н. Е. — 115
Ллойд Р. — 112
Ллойд-Джордж Д. — 99, 112
Лобанова М. — 112
Лобарева В. С. — 104
Лобзова Л. В. — 115
Лобыцына М. В. — 104
Логунова Г. Н. — 129
Лодыженская К. К. — 302
Ломинадзе С. — 121
Ломоносов М. В. — 185, 219—221
Лонгинов Н. М. — 170—172
Лорер Н. И. — 158, 159, 162, 267, 268, 273

- Лосев А. Г. — 98
Лосев В. — 90
Лотман М. Ю. — 108
Лотман Ю. М. — 23, 24, 26, 39, 40, 66, 104, 118, 182, 196, 198, 199
Лубченков Ю. Н. — 123
Лукаш И. С. — 104
Лукин — 175
Лукьянова С. Л. — 114
Лущай В. В. — 116
Львов А. — 18
Львов П. — 303
Львова Е. — 104
Лыков А. Г. — 104
Любимов Д. Н. — 96
Любимов Ю. П. — 94, 99, 105
Любомирский, кн. — 284
Любомудров А. М. — 105
- Магомед-Расул — 105
Мазур Р. А. — 115
Майков В. И. — 60
Майков Л. Н. — 7—12, 17—19, 155, 158—160, 162, 163, 230, 232, 258,
290, 291
Майкова А. А. — 155
Маймин Е. А. — 105
Макогоненко Г. П. — 39, 199, 212
Максимов М. — 300
Максимова Р. М. — 96
Малинин В. А. — 105
Мальцева О. Н. — 105
Мальчукова Т. Г. — 105, 113
Мальшева М. — 105
Мальшева-Виноградова Н. М. — 92
Малютина Н. П. — 105, 116
Мамедов А. А. — 114
Мамедов М. Э. — 114
Мамедов Х. Г. — 114
Мандельштам О. Э. — 90, 112, 118
Манн Т. — 95

- Манн Ю. В. — 105, 106, 121
Мансветова Е. Н. — 106
Мансур Ушурма, шейх — 124
Мансуров Е. — 194
Мануйлов В. А. — 69, 70, 72, 78—80, 82
Маркевич Б. М. — 158
Маркевич Н. А. — 192
Маркези Г. — 106
Маркович В. М. — 120
Марлинский А. — см. Бестужев А. А.
Мароевич Р. — 106
Марциал — 220, 221
Марченко А. — 121
Марченко Н. А. — 118
Маршак С. Я. — 106
Марьяш А. — 128
Марьянов Б. М. — 106
Масленников И. — 86
Масловская Л. — 106
Массальская Г. И. — 115
Матвеев Н. И. — 96
Матвеева О. М. — 129
Матузявичус Э. — 121
Матусевич В. А. — 120
Маурер — 269
Махонина М. Н. — 106
Мацапура В. И. — 106
Мацевич Л. — 252, 253
Мгебришвили Т. Г. — 106, 107
Медриш Д. Н. — 107
Мейерхольд В. Э. — 94, 97, 100, 111, 118, 120
Мейлах Б. С. — 107
Мелик-Пашаев А. Ш. — 107
Мельников П. И. (Андрей Печерский) — 18
Меньков А. Б. — 107
Мережковский Д. С. — 86, 102, 117
Меренберг Н. А. — 114
Мерзляков А. Ф. — 274
Мериме П. — 112

- Меркин Б. Г. — 107
Меркин Г. С. — 107
Меркулов А. М. — 107
Мешкова И. В. — 207
Мещерские — 246
Милешин Ю. А. — 116
Миллер О. В. — 82
Миллер О. Ф. — 123
Мильман Г. — 103
Мильчина В. А. — 66
Минаев Д. Д. — 138
Минакова А. М. — 112
Минин К. Э. — 89
Минина А. И. — 89, 108, 114
Мироненко М. П. — 228
Мительман Е. И. — 108
Митрофан, архиепископ Константинопольский — 239
Михайлов В. — 299
Михайлова Н. И. — 107, 195
Мицкевич А. — 67, 98, 103, 131, 138, 150
Мишин Н. Н. — 117
Мовлаева С. А. — 114
Модзалевский Б. Л. — 3, 66, 71, 164, 171, 175, 176
Модзалевский Л. Б. — 66, 162, 181
Мокрицкий А. Н. — 286, 287, 289
Молева Н. М. — 108
Молоствов В. Т. — 230—233
Молоствов Н. Г. — 230—233
Молоствов П. Х. — 229—233
Молоствов Т. Х. — 233
Молоствов Х. Л. — 232
Мордвинов А. Н. — 18
Мордовченко Н. И. — 39
Морков В. — 194
Морозов В. Д. — 108
Морозов П. О. — 155, 156, 161, 230, 232, 233
Морозова Э. Ф. — 108
Морошкин Н. Я. — 280
Москвичева Г. В. — 89

Мостовая Л. Б. — 115
Моцарт В.-А. — 88, 127, 261, 262, 270
Мошинская Р. М. — 108
Моцанская О. Л. — 112
Мстислав, кн. — 64
Муравицкая М. П. — 108
Муравьев М. Н. — 27
Муравьева А. Г. — 79, 226
Мурадалиева Н. Б. — 114
Мурьянов М. Ф. — 182
Мусий В. Б. — 115
Мусин-Пушкин С. А. — 101
Мусоргский М. П. — 88, 99, 106—109, 112, 120, 126
Мухин Д. — 127
Мюссе А. де — 93

Набиев Б. А. — 114
Набоков В. В. — 67, 109
Набоков И. А. — 277
Нагибин Ю. М. — 109
Надеждин Н. А. — 235
Назарова Л. Н. — 69
Назарьян С. Г. — 115
Назимов Г. П. — 244
Налепин А. Л. — 119
Наполеон I Бонапарт — 219, 228
Насибулин Э. Х. — 89, 94
Настин В. У. — 109
Насыр У. — 88
Нафанаил, епископ — 300
Небольсин С. А. — 121
Неверов О. Я. — 109
Неверов Я. М. — 10, 19
Недзельский Б. Л. — 151
Некрасов Н. А. — 97, 123
Некрасов С. М. — 109
Немзер А. С. — 162
Немирович-Данченко В. И. — 120
Немировский И. В. — 108, 109, 222, 228

Непомнящий В. С. — 121, 122
Нессельроде К. В. — 265
Нессельроде М. Д. — 205
Нечкина М. В. — 162
Никита — см. Козлов Н. Т.
Никитенко А. В. — 124, 245, 246, 249
Никитин А. Г. — 126
Никитина Е. — 109
Никифоров В. — 93
Никич О. — 93
Николаев П. А. — 128
Николаев С. И. — 219
Николай I — 118, 225, 244, 280, 284
Никольская С. А. — 109
Никольская Т. Л. — 118
Никонов А. — 109
Новиков И. — 113
Новикова Т. Н. — 116
Норов А. С. — 238, 244
Нотбек А. В. — 191, 194

Обер Д. Ф.-Э. — 272
Обломиевский Д. Д. — 88
Ободовская И. М. — 114, 293
Овчинников Р. В. — 19
Одинокое В. Г. — 110
Одоевский В. Ф. — 11, 115, 265
Оксман Ю. Г. — 71, 88, 110, 162
Олейник Э. П. — 116
Оленин А. Н. — 186, 245
Оливье А. К. — 238
Олин В. Н. — 31
Оразгалиева Г. Ш. — 110
Орлов А. А. — 60
Орлов Вл. — 129
Орлов М. Ф. — 93
Осадчий А. Я. — 116
Осипов И. С. — 303
Осипова П. А. — 124, 303

- Оспанов О. — 85
Осповат А. Л. — 11, 110
Осповат Л. С. — 66, 125, 208, 212
Островский Н. А. — 72
Отгон III — 218
Охотин Н. Г. — 11
- Павел I — 246
Павлищев Н. И. — 247
Павлицева О. С. — 235, 237, 249, 269, 302, 304
Павлов Н. Ф. — 266
Павлова Е. В. — 288, 289
Панов С. И. — 110
Панфилов А. К. — 89
Панченко А. М. — 110
Паперный Э. С.
Парни Э.-Д. — 81, 190
Паскевич И. Ф. — 66
Паста Д. — 269
Пастернак Б. Л. — 94
Пахомова Т. А. — 115
Пашнина Г. В. — 110
Пеллико С. — 179, 219
Пемброк, лорд — 73
Пемброк Е. С. — 73
Пемброк Herbert — 73
Пемброки — 73
Перовский — 123
Перовский А. А. (К. Григорий 6-в) — 28, 30
Перовский В. А. — 8, 10, 12, 19
Перцов В. О. — 110
Песков А. — 117
Петина Л. И. 118
Петр I — 12, 15, 45, 94, 102, 158, 162
Петр III — 13
Петров А. П. — 100
Петров О. — 295
Петрорани — 269
Петрунина Н. Н. — 111

Печерская Т. И. — 113
Пирон А. — 28, 33, 34
Пискарев Б. А. — 86, 111
Платек Я. М. — 111
Платон, митрополит — 276—278
Платонов А. П. — 111, 115
Плахова Е. — 111, 122
Плетнев П. А. — 20, 21, 39, 236, 237, 291—293
Плосконенко Е. А. — 113
Плюшар А. А. — 19
Погодин М. П. — 9, 16, 18, 263, 273
Поддубная Р. Н. — 111
Подопригора Г. — 111
Позняков И. — 303
Полевой К. А. — 111
Полевой Н. А. — 81, 111, 274
Полевые, братья — 278
Полетика И. П. — 246
Поливанов Л. И. — 96
Полонский А. Я. — 98
Полонский Я. П. — 158
Полоцкая Э. А. — 111
Полторацкая Ф. П. — 238
Полуднева М. М. — 111, 116
Полякова Г. В. — 111
Померанская Т. В. — 119
Пономарева Е. А. — 112
Поп А. — 196, 197
Попова Н. И. — 89
Порудоминский В. И. — 90
Постоутенко К. Ю. — 108, 112
Потемкин В. — 112
Прево — 108, 175
Приап — 33, 34
Прокопович Ф. — 221
Прокушев Ю. Л. — 113
Пролет Е. В. — 108
Пронин В. — 113
Протасов — 279

- Прохоров В. Ф. — 115
Прохорова И. Д. — 88
Прункул К. И. — 125
Прянишников Н. Е. — 17
Пугачев В. В. — 118
Пугачев Е. И. — 8, 12—14, 128, 129
Пумпянский Л. В. — 86
Пушкин А. А. — 96
Пушкин А. П. — 234
Пушкин А. Ю. — 235, 248
Пушкин В. В. — 263
Пушкин В. Л. — 32, 110, 160, 187
Пушкин В. Т. — 108
Пушкин Г. А. — 96
Пушкин Л. С. — 63, 67, 129, 140, 145, 157—163, 244, 247
Пушкин М. А. — 124
Пушкин С. А. — 124
Пушкин С. Л. — 98, 217, 235, 245—247, 249, 304
Пушкин П. Т. — 108
Пушкина Г. И. — 114
Пушкина-Ланская Н. Н. — 114, 121, 129, 247, 260, 265, 266, 272, 281,
291
Пушкина Н. О. — 235, 249, 269, 300, 302, 304
Пушкина О. В. — 235
Пушкина С. Ф. — 135
Пушкины — 93, 161, 246
Пушкины-Ганнибалы — 249
Пушин И. И. — 18, 224, 277, 280
Пушин М. И. — 63, 68
Пушина Е. С. — 302
Пярли Ю. К. — 118
- Радау М. — 220
Радзивилл — 262
Радищев А. Н. — 78, 89
Радша — 91
Раевская Ек. Н. — 151
Раевские — 1366 138, 141, 142, 152, 243
Раевский А. Н. — 111

Раевский В. Ф. — 95, 131
Раевский Н. Н., младший — 63, 68, 138, 151
Разумовский — 277
Раймова Г. Ю. — 96
Рак В. Д. — 133, 176
Раковская Н. М. — 115
Рассовская Л. П. — 85, 118
Редедя, кн. — 64
Решетников А. Г. — 239, 249
Ржевские — 91
Ржеутский С. Г. — 114
Риго — 170, 172
Ризнич А. — 76, 80
Римский-Корсаков Н. А. — 98, 120
Робинсон Д. В. — 94
Рогачевский А. Б. — 89, 118, 124
Рогова А. И. — 118
Роднянская И. — 121
Розанов В. В. — 102, 117, 119
Розанов И. Н. — 39, 119
Розанова М. К. — 119, 121
Рози И. — 203
Рознован-Росетти Г. — 89
Рознован-Росетти Н. Г. — 89
Романов Н. М. — 120
Романовы, династия — 119
Ромм М. Д. — 286
Россет см. Смирнова-Россет А. О.
Росси, граф — 260, 261, 272
Росси, семья — 262
Россина Н. В. — 119
Россини Дж. — 261, 262
Россош Г. Г. — 119
Рубини Дж. Б. — 269
Рудзевич — 169
Руднева Л. — 118, 120
Румянцев С. — 99, 120
Рустиге Г. — 218
Рыбин В. А. — 94

- Рыбинцев И. В. — 115
Рылеев К. Ф. — 101, 219—221
Рыльский М. — 116
- Саакянц А. А. — 129
Савельева В. В. — 120
Савин К. — 303
Савыгин А. М. — 122, 131
Сагындыков К. — 85
Салов — 252
Салупере М. Г. — 118
Самойлов В. А. — 101
Сандомирская В. Б. — 139, 145—147, 150—152
Сандунова Е. С. — 193
Сапрыгина Н. В. — 116
Сарнов Б. М. — 94
Светлейшая С. Н. — 116
Светоний Гай Транквилл — 220, 221
Свиньин П. П. — 90
Свиридов Г. В. — 123
Свифт Д. — 197
Святозарский А. — 86
Себастьян, св. — 137
Седых А. — 91
Селиванов А. В. — 290, 291
Семанова М. Л. — 120
Семенников В. П. — 78
Семичев Н. Н. — 68
Сербинович К. С. — 176
Сергеев Е. — 121
Сергеева Л. В. — 298
Серов А. Н. — 272, 274
Сетин Ф. И. — 120
Сидеравичус Р. К. — 120
Сидорова И. — 112
Сидяков Л. С. — 107, 121
Симеон Полоцкий — 60
Синайский В. И. — 121
Синявский А. Д. (Абрам Терц)— 90, 110, 119, 121

- Сироткин М. — 80
Скальковский К. — 207
Скарлыгин Н. — 301
Скатов Н. Н. — 104, 106, 121
Скачкова О. Н. — 108
Сквозников В. — 121
Скворцов И. В. — 235
Скобелев И. Н. — 12
Скотт В. — 108, 112
Скриб Э. — 272
Скубилин Г. А. — 121
Сливицкий А. М. — 96
Слинина Э. В. — 89, 121, 122
Случевский К. К. — 123, 125
Слюсарь А. А. — 115, 122
Смелкова Э. С. — 123
Смирнов А. А. — 89, 107, 113, 123
Смирнов-Сокольский Н. П. — 39
Смирнова Е. — 120
Смирнова-Россет А. О. — 95, 111, 122, 123
Снегирев И. М. — 276, 280
Соболев Л. И. — 123
Соболевский С. А. — 228
Соджийский Л. И. — 303
Соколов В. Б. — 123
Соколов Д. — 72—75, 77
Соколов М. Н. — 123
Соколов П. П. — 101
Соколов-Жамсон П. А. — 101
Соколов Ф. П. — 287
Соколова К. И. — 39
Сокурова О. Б. — 123
Солдатова Н. В. — 124
Соллертинский И. И. — 97
Соловей Н. Я. — 87
Соловьев В. С. — 102, 117, 123
Соловьева В. Я. — 124
Сомов О. М. — 115, 176
Соронкулов Г. У. — 124

Софоний, монах — 295
Сочкина В. В. — 124
Срезневский В. И. — 155
Станиславский К. С. — 120
Станкевич Н. В. — 10, 19
Старк В. П. — 234, 245, 248
Стасов В. В. — 272, 291
Стендаль (наст. имя Бейль А.) — 118
Степанов Г. В. — 105, 127
Степанов Л. А. — 108, 124
Столпянский П. Н. — 274
Стравинский И. Ф. — 273
Страхов Н. Н. — 96
Стрежнев И. В. — 122, 124
Строганов М. В. — 124, 199
Строганова Е. Н. — 124
Струве П. Б. — 117
Стурдза — 228
Субботин В. Е. — 125
Суворин А. С. — 233
Суворов А. В. — 114
Судавичене Л. В. — 125
Султанова Г. Д. — 114
Сумароков А. П. — 60, 185
Сумцов Н. Ф. — 75
Сурат И. З. — 125
Сурков Е. А. — 89
Сухих И. В. — 111
Сычугов С. В. — 13, 19

Таборисская Е. М. — 113, 118
Тамарченко Н. Д. — 125
Таракановский Г. Г. — 281
Тарковский А. — 112
Тартаковская Л. А. — 125
Тархов А. Е. — 26, 39, 48, 66
Татауров П. П. — 124
Тахо-Годи Е. А. — 125
Твардовский А. Т. — 125

- Телетова Н. К. — 125, 249
Терехова В. — 102
Терц А. — см. Синявский А. Д.
Тимофеев Л. М. — 89
Тимофеева Л. А. — 85
Тиханова Е. — 299
Тихомиров С. — 125
Тинторетто — 31
Титов В. П. — 120
Тихомиров С. В. — 125, 181
Тоддес Е. А. — 103
Толстой А. М. — 102
Толстой Л. Н. — 124—126
Толстой Н. — 294, 295
Толстой С. Л. — 126
Толстой Ф. И. (Американец) — 90, 126, 175
Томашевский Б. В. — 39, 72, 88, 107, 108, 112, 126, 128, 136, 151, 162,
181, 222, 224, 227
Томашевский Н. Б. — 126
Третьяков В. К. — 185
Третьякова Е. В. — 126
Трубецкой Б. А. — 115, 126
Трубицын Н. Н. — 194
Тукова Т. В. — 116
Туманишвили Д. — 66
Туманский В. И. — 171
Тургенев А. И. — 34, 39, 174, 187, 205, 207, 217
Тургенев И. С. — 72, 125, 162, 259
Тургеневы, братья — 207
Турков А. М. — 125
Туркуль И. Л. — 284
Тхостов И. — 132
Тынянов Ю. Н. — 39, 40, 65, 113, 126
Тюнькин К. И. — 96
Тюрин Е. Д. — 235, 248
Тюрина Г. С. — 108
Тютчев Ф. И. — 110, 125
Уваров С. С. — 186, 187
Уварова И. В. — 127

- Украинка Л. — 105, 116
Ульянцев Д. М. — 115
Угорова И. — 112, 122
Урнов Д. — 121
Успенский Г. И. — 96
Устимович П. — 196
Устинов — 244
Устиан И. — 127
Ушаков В. А. — 206, 207
Ушаков Н. — 115
Ушаков Н. И. — 68
- Фадеев А. М. — 254, 256
Фадеева Т. Н. — 115
Фазыл-хан — 65
Фангер Д. — 127
Февчук Л. П. — 18, 19, 108, 127, 291—293
Федоров В. И. — 127
Федоров И. — 299
Федоров П. И. — 18
Федоров С. — 127
Федорова М. — 127
Федотов Г. П. — 117, 127, 249
Фельдман О. — 97
Фельдман Ф. А. — 231
Феокрит — 188
Фердинанд I — 170
Фесенко Ю. П. — 7
Фет А. А. — 123, 125
Фиглярин — см. Булгарин Ф. В.
Физиков В. М. — 113
Фикельмон Д. Ф. — 274
Филимонов В. С. — 204, 205
Филин М. Д. — 85, 98, 109, 122, 128
Филиппов К. — 303
Филиппов Ч. — 76
Филиппс, сестры — см. Аберкорн А. А., Кроули М., Бернет Ф.
Финашина Г. Н. — 82
Фишер Г.-М. — 78

- Флоренский П. А. — 127
Флориан Ж.-П.-К. — 32, 34
Флоров А. — 264
Фогельсон И. А. — 127
Фодор — 269
Фок М. Я. фон — 176
Фомин С. В. — 128
Фомичев С. А. — 2, 67—69, 108, 120, 127—129, 151, 163, 175, 193, 194,
211, 212, 272
Фонвизин Д. И. — 113, 175
Фонвизина Н. Д. — 90
Фонтанье В. — 42
Фортуатов Н. М. — 89
Фотий, архимандрит — 171, 241
Фохт-Бабушкин Ю. — 91
Франк С. Л. — 117, 122, 128
Франц I — 219—221
Фрелих В. А. — 115
Френкель М. М. — 95
Фридкин В. М. — 128
Фридендер Г. М. — 103, 128
Фризман Л. Г. — 101
Фролов Л. Г. — 128
- Хабаров И. — 93, 104
Хаев Е. С. — 182
Хазан В. И. — 128
Хазин А. — 128
Хазин М. А. — 128
Хализев В. Е. — 130
Хан Е. И. — 129
Хандрос Б. Н. — 129, 157, 158, 162, 163
Харозов Т. А. — 71
Хитрово Е. М. — 78, 268, 269, 271, 274
Хитрово, семья — 109
Хмельницкий Н. И. — 184
Ходасевич В. Ф. — 86, 102, 117, 118, 129
Ходукина Т. И. — 129
Хомяков А. С. — 265

- Хойсингтон С. — 129
Хурганис А. — 120
Хуссаин С. Даоуд — 115
- Цветаева М. И. — 130
Цепенюк И. А. — 115
Цицианов Ф. И. — 168, 244
Цыплетев И. Е. — 13, 14, 19
Цыплятев — см. Цыплетев И. Е.
Цявловская Т. Г. — 136, 177, 208, 212, 274, 297
Цявловский М. А. — 78, 129, 135, 136, 151, 155—157, 162, 177, 223, 224, 248, 249
- Чаадаев П. Я. — 118, 228—232
Чавчавадзе И. — 106
Чайковская О. Г. — 129
Чайковский М. И. — 99
Чайковский П. И. — 88, 93, 99, 100, 106, 107, 111, 131
Червинская О. В. — 116
Черейский Л. А. — 19, 68, 260, 285
Черкашенинова В. В. — 101
Черненкова О. Б. — 130
Чернов А. В. — 89
Чернов А. Ю. — 130
Черный-Диденко Ю. — 130
Чернышев — 175
Чернышевский Н. Г. — 115
Чехов А. П. — 89, 111
Чехонадский Ю. — 112, 122
Чириков Г. С. — 223, 224, 228
Чириков С. Г. — 132
Чистова И. С. — 127, 229, 232
Чулицкий — 81
Чумаков Ю. Н. — 118
Чумакова Е. А. — 115
- Шадов И. Г. — 218
Шаликов П. И. — 205, 264, 268
Шангитбаев К. — 96
Шанский Н. М. — 130

- Шапир М. И. — 92
Шарафадина К. И. — 130
Шароев И. Г. — 131
Шатобриан Р. — 35, 169, 203
Шаховская Э. — 122, 131
Шаховской А. А. — 184, 186—188, 193
Шацков В. — 95
Шашкова С. И. — 116
Шевелев Э. — 129
Шевырев С. П. — 9, 105
Шедель Г. — 45, 46
Шемякин М. М. — 90
Шергин Б. В. — 131
Шереметев П. С. — 292
Шереметев С. Д. — 292
Шереметева Е. П. (урожд. Вяземская) — 292
Шестак Л. А. — 117
Шестов Л. А. — 117
Шиллер Ф. — 23
Шилов К. В. — 11
Ширинский-Шихматов С. А. — 185
Шишкина Р. П. — 115
Шишмарева Т. — 96
Шкловский В. Б. — 131
Шлецер А. Л. — 215
Шляпкин И. А. — 155, 156, 161
Шоберлехнер С. Ф. — 274
Шолгунова Д. Г. — 303
Шолохов М. А. — 112
Шольц Ф. Е. — 263
Шопен Ф. — 262, 273
Шостакович Д. Д. — 97
Шпаковская Э. — 131
Шпилева Г. А. — 96
Шпис Х. — 46
Штебер Ф. К. — 264, 273
Штейнпресс Б. С. — 274
Штерич С. И. — 245
Шульгин А. В. — 131

- Щеголев П. Е. — 72, 80, 97
Щерба Л. В. — 86
Щербаков В. Н. — 119
Щербакова И. — 131
Щербачев Ю. М. — 227
Щербачев Ю. Н. — 232
Щербинин М. А. — 222, 223, 225, 227, 232
- Эйдельман Н. Я. — 65, 66, 131
Эльзон М. Д. — 97, 122, 290
Эмирсуинова Н. К. — 115
Энгельгардт Б. М. — 86
Эпштейн С. Н. — 89
Эриванский, гр. — 44
Эристов Д. А. — 234
Эрманн К. — 203
Эфрон А. С. — 129
Эфрос А. М. — 66, 255
Ю. Н. — 122, 131
Юдина Е. В. — 115
Юзефович М. В. — 59, 67
Юзефович М. Ф. — 158, 160, 162, 163
Юрьев А. В. — 283, 284
Юрьев В. В. — 283
Юрьев В. В. — 283, 284
Юрьев В. Г. — 281—285
Юрьев К. В. — 283
Юрьев М. В. — 283
Юрьев Н. В. — 283
Юрьев Р. — 131
Юрьев Ф. В. — 283
Юрьева Е. А. — 281, 283, 284
Юрьева Е. В. — 283, 284
Юрьева Е. В. — 283
Юрьева М. В. — см. Яринская М. В.
Юрьева Н. В. — см. Ахматова Н. В.
Юхма М. Н. — 132
Юхотников Ф. В. — 132

Языков Н. М. — 160, 265
Языкова Е. М. — 110
Яковлев М. Л. — 234
Яковлева А. Р. — 245
Якушкин В. Е. — 151, 233
Яринская М. В. (урожд. Юрьева) — 283, 284
Яринский, подполковник — 283
Ярцев Ф. У. — 132
Яценко О. А. — 132

Becker F. — 273
Bertrand-Jennings Ch. — 203
Bezviconi G. — 257
Clauren H. — 273
Debraux E. — 222
Desmaison E. — 264, 273
Duras de C. de Durfort — 202, 203, 205
Irving W. — 72
Lachmann R. — 221
Lewin P. — 221
Lippert R. — 218
Little R. — 202
Louis XVIII — 202
Muhlfordt G. — 218
Prokopovic F. — 221
Raab H. — 218
Radau M. — 221
Riego — 170
Rustige H. — 218
Scheler L. — 202
Schlozer A. L. — 218
Shaw J. Th. — 162
Sontag H. — 260, 268, 273
Stober F. — 260, 272
Thiene Ul. — 272

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

- Александр Радищев — 180
Ангел — 106
Анджело — 89, 109
<Андрей Шенье> — 226
Анчар — 99, 107
«Аптеку позабудь ты для венков лавровых...» — 133, 140, 142
Арап Петра Великого — 88, 101, 200, 206
Арион — 80, 226, 228
Бахчисарайский фонтан — 88, 150, 181, 250
Бесы — 115
Бова — 192
Борис Годунов — 60, 88, 94, 97—99, 101, 105—108, 111, 112, 118, 120, 126,
225, 276, 296
Братья разбойники — 115, 250
«В забвеньи чистом насладись...» — 149
«В крови горит огонь желанья...» — 178
«В славной, в Муромской земле...» — 180, 182
«В стране, где Юлией венчанный...» — 188
«Везувий зев открыл...» — 181
«Ветроград моей сестры...» — 178
«...Вновь я посетил» — 128
«Во глубине Сибирских руд...» — 79, 120, 224, 226, 228
«Воды глубокие...» — 177, 181
Вольтер — 180
Гавриилиада — 26, 49, 72, 179, 226, 250
Герой — 121
«Горит восток зарею новой...» — 99

- Городок — 91, 188
Граф Нулин — 93, 94, 225
«Дар напрасный, дар случайный...» — 237
Делибаш — 64
Демон — 80, 240
Деревня — 130
Десятая заповедь — 228
«Для берегов отчизны дальной...» — 79, 80, 98
Домик в Коломне — 93, 108, 196
Дон — 49, 50
Дочери Карагеоргия — 134, 144
Друзьям — 59, 226
Дубровский — 92
Евгений Онегин — 20, 21, 23, 27, 32, 33, 36, 38—40, 42, 48, 50, 58, 67, 71,
87, 89, 92—94, 96, 98—100, 102—104, 106, 108—111, 113, 116, 119,
126, 127, 130, 140, 169, 180, 183, 184, 188—199, 208, 243, 251, 256,
271
Египетские ночи — 43, 114
«Жил на свете рыцарь бедный...» — 113, 125
«Забудь меня...» — 149
Заклинание — 80, 107
«Зачем безвременную скуку...» — 134, 135, 141—143, 145, 148, 149
«Здравствуй, Вульф, приятель мой...» — 161
Зимнее утро — 86, 130
Зимний вечер — 98
Из Ваггу Согнвалл — 113
«Издревле сладостный союз...» — 160
Истина — 106
История Петра I — 94, 124
История Пугачева — 7, 19, 128
К Делии — 156
К портрету Вяземского — 134, 135, 144
К портрету Каверина — 229, 230
<К портрету Молодцова> — 229, 230
<К портрету Чаадаева> — 228—230
Кавказ — 141—143, 145, 146, 149, 151
Кавказский пленник — 51—53, 64, 71, 74, 88, 115, 116, 132, 139, 144—146,
149, 150, 250
Каменноостровский цикл — 179

- Каменный гость — 87, 105, 116, 124
Капитанская дочка — 51, 52, 58, 64, 85, 96, 98, 100, 108, 109, 112, 116, 118, 123, 128, 181
Кирджали — 115
Князю А. М. Горчакову («Пускай, не знаясь с Аполлоном...») — 242
«Когда владыка ассирийский...» — 121
«Когда порой воспоминанье» — 92
«Крив был Гнедич поэт...» — 188
Маленькие трагедии — 89, 94, 96, 99, 105, 106, 110, 113, 116
Медный всадник — 86, 88, 109, 113, 129, 181
<Мирская власть> — 228
«Мне вас не жаль, года весны моей...» — 134, 138, 142—145, 147—149
Монастырь на Казбеке — 54, 57
Моцарт и Сальери — 87, 99, 114, 125
Моя родословная — 108
<На Воронцова>:
 «Не знаю где, но не у нас...» — 163, 173
 «Он вежлив был в иных прихожих...» — 163, 173
 «Певец Давид был ростом мал...» — 163, 175
 «Полумилорд, полукупец...» — 163, 173, 174
 «Сказали раз Царю, что наконец...» — 163, 170, 172, 176
На картинки к «Евгению Онегину» в «Невском альманахе» — 228
<На Каченовского> — 134, 146, 149, 150
<На князя А. Н. Голицына> — 228
<На Стурдзу> — 228
<Наброски к замыслу о Фаусте> — 208
«Накажи, святой угодник...» — 228
Нереида — 134
«Несмотря на великие преимущества...» — 43
«Нет ни в чем вам благодати...» — 243
«Нет, нет не должен я, не смею, не могу...» («К*») — 228
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» — 228
Няне — 121
О русской истории XVIII века — 296
«Она глядит на вас так нежно...» — 110
Осень — 130
Отрывки из писем, мысли и замечания — 173
Памятник — 89, 98, 128, 130

- <Папесса Иоанна> — 108
 Песнь о вещем Олеге — 215
 Песнь о полку Игореве — 180
 Песня о Георгии Черном — 107
 Пиковая дама — 88, 94, 96, 97, 99, 100, 104, 106, 111, 113, 118, 131
 Пир во время чумы — 43, 89, 99, 113, 118, 120, 212
 Письмо к Н. Н. Гончаровой от 26 нояб. 1830 г. — 128
 «По смерти Петра...» — 172
 Повести Белкина — 85, 102, 113, 130
 «Погасло дневное светило...» — 134, 139, 140, 142—145, 147—149,
 152
 Подражания древним — 152
 Подражания Корану — 75
 «Пока супруг тебя, красавицу младую...» — 181
 Полководец — 120, 179, 180
 Полтава — 111
 «Пора, мой друг, пора...» — 180
 Прозерпина — 79
 Пророк — 98, 106, 114, 240
 «Пускай увенчанный любовью красоты...» — 72, 73
 Путешествие в Арзрум — 41, 42, 44, 45, 50—54, 56, 57, 61, 64—66, 115,
 124
 «Редет облаков летучая гряда...» — 134
 <Рефутация господина Беранжера> — 222—227
 «Рифма — звучная подруга...» — 188
 Русалка — 88
 Руслан и Людмила — 27—34, 36, 37, 75, 89, 95, 116, 136, 137, 139, 150,
 178, 188—191, 193, 291
 «С Гомером долго ты беседовал один...» — 188
 «С тобой мне вновь считаться довелось...» — 244
 Сапожник — 87
 Скупой рыцарь — 127, 208, 209
 «Словарь о Святых, прославленных...» — 237
 Станционный смотритель — 89, 116
 Стихи, сочиненные во время путешествия (1829), цикл — 121
 Странник — 179, 180
 Сцена из Фауста — 85, 209, 211, 212
 Сцены из рыцарских времен — 208
 Тазит — 132

- Талисман — 73, 74
Телега жизни — 112, 166
Ты и я — 228
«Увы! зачем она блистает...» — 134, 138, 139, 142—146, 148—151
Уединенный домик на Васильевском — 120
«Участь моя решена. Я женюсь...» — 259, 264
Фонтану Бахчисарайского дворца — 107
Цыганы — 100, 107, 115, 116, 127, 226, 254
«Часто думал я...» — 89
Черная шаль — 134, 144
«Что с тобой, скажи мне братец...» — 155—158, 161
Эпиграммы:
 «В жизни мрачной и презренной...» — 134, 150
 «Как брань тебе не надоела...» — 134, 150
 «Когда б писать ты начал сдуру...» — 134, 150
Эпитафия младенцу <кн. Н. С. Волконскому> — 89
«Я вас любил...» — 130
«Я видел Азии бесплодные пределы...» — 133, 140—142
«Я помню чудное мгновенье...» — 90

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Окно. Рисунок А. С. Пушкина. 1821 год. Вид на северо-запад из окна спальни поэта в доме И. Н. Инзова.
2. Дом Иордана Дони́ча в Кишиневе. 1810-е годы (предположительно). Внизу справа — домик, где жили А. С. Пушкин и Н. С. Алексеев в 1822—1824 годах.
3. Развалины дома И. Н. Инзова. Декабрь 1854 года. На первом этаже правого крыла — три окна комнаты, где в 1820—1822 годах жил А. С. Пушкин и его слуга Никита.
4. Титульный лист альманаха «Vergissmeinnicht. Ein Taschenbuch für 1828». («Незабудка». Карманная книжка на 1828 год).
5. Генриетта Зонтаг. Гравюра Ф. Штёбера. Альманах «Vergissmeinnicht. Ein Taschenbuch für 1828» («Незабудка». Карманная книжка на 1828 год).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

«Воспоминания о Пушкине» В. И. Даля. Авторизованная писарская копия. <i>Вступительная заметка, публикация и комментарии Ю. П. Фесенко</i>	7
В. А. Кошелев. Поэзия Владимира Ленского и литературная полемика 1820 года	20
В. С. Листов. Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» --	41
Письма М. П. Алексеева В. А. Мануйлову. <i>Вступительная заметка С. А. Фомичева</i>	69

II. ОБЗОРЫ

Л. А. Тимофеева. <i>Ruschkiniana</i> 1990 года	85
В. Д. Рак. «Гурзуфские» листы рабочей тетради ПД 830	133

III. ЗАМЕТКИ

Из комментария к пушкинской лирике:

С. В. Березкина. О стихотворении Пушкина «Что с тобой, скажи мне, братец...»	155
С. А. Фомичев. Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова	163
А. В. Кулагин. Об источнике пушкинского стихотворения «Воды глубокие...»	177

<i>В. А. Кошелев.</i> Из комментария к «Евгению Онегину» -----	183
<i>Н. И. Михайлова</i> Пушкин и И. И. Дмитриев -----	195
<i>Р. Литтл.</i> Читал ли Пушкин «Урику»? -----	200
<i>Е. О. Ларионова.</i> К теме «"Урика" в России» -----	204
<i>О. В. Астафьева.</i> Пушкин и Клиндер -----	208
<i>Р. Ю. Данилевский.</i> Пушкинские темы в немецких балладах ----	213
<i>С. И. Николаев.</i> Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора -----	219
<i>И. В. Немировский.</i> О дубильности стихотворения «<Рефутация господина Беранжера>» -----	222
<i>И. С. Чистова.</i> О стихотворении «<К портрету Молодцова>» (К вопросу об авторстве) -----	229
<i>В. П. Старк.</i> Тезоименитство А. С. Пушкина -----	234
<i>В. Ф. Кушницренко.</i> Пушкин жил в доме Дони́ча. Но где? -----	250
<i>Т. В. Ковалева.</i> Генриетта Зонтаг в культурной жизни России 1820—1830-х годов и в творчестве А. С. Пушкина -----	259
<i>А. И. Давыдов.</i> Пушкин и архиепископ Евгений (Казанцев) -----	275
<i>Г. Г. Таракановский.</i> «Граф Юрьев» -----	281
<i>М. Д. Ромм.</i> «Рисовал с натуры И. Линева» -----	286
<i>М. Д. Эльзон.</i> К истории бытования портрета Жуковского с дарственной надписью Пушкину (Неизвестное письмо Л. Н. Майкова) -----	290
<i>М. Е. Васильев, Л. А. Васильева.</i> Специальный геометрический план Святогорского монастыря 1786 года -----	294
<i>Л. В. Сергеева.</i> Из истории Святогорского монастыря (По новым архивным материалам) -----	298
Именной указатель -----	305
Указатель произведений Пушкина -----	342
Список иллюстраций -----	347

Пушкин и его современники. Вып. 1 (40) — Спб.: «Академический проект», 1999 — 352 с.

ISBN 5-7331-0129-6

Новое серийное издание Пушкинской комиссии Российской Академии наук продолжает традиции двух повременных академических изданий — «Пушкин и его современники» (1903—1930) и «Временник Пушкинской комиссии» (1963—1996). Возобновленное серийное издание Пушкинской комиссии РАН поможет комиссии в выполнении основного своего назначения — координации научных сил для решения фундаментальных проблем науки о Пушкине. Главной из этих задач является подготовка нового академического Полного собрания сочинений, материалы для издания которого (текстологические и комментаторские) занимают преобладающее место в новом серийном издании.

В первом выпуске в разделе «Материалы и сообщения» опубликована рукопись «Воспоминаний о Пушкине» В. И. Даля, печатавшаяся ранее с неоправданными купюрами и редакторскими исправлениями. Публикуемая здесь же переписка выдающихся филологов М. П. Алексеева и В. А. Мануйлова является бесценным документом отечественного пушкиноведения.

В статьях ведущих российских пушкинистов рассматриваются актуальные проблемы пушкинского наследия: поэтика, атрибуции, литературное окружение и т. д. В целом ряде заметок и статей присутствует тема «Пушкин и православие».

Сборник вводит в научный оборот немало новых фактов, идей, наблюдений, ценных и любопытных как для профессиональных филологов, так и для широкого круга читателей.